

Нэнси Адлер

ТРУДНОЕ

ВОЗ ВРА ЩЕ НИЕ

СУДЬБЫ СОВЕТСКИХ
ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ
В 1950–1990-е ГОДЫ

МОСКВА

ОБЩЕСТВО «МЕМОРИАЛ» — ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗВЕНЬЯ»

2005

**ББК 63.3(2)6-4
А 31**

Nanci Adler. The GULAG survivor: Beyond the soviet system.
New Brunswick (U.S.A.) and London (U.K.): Transaction Publishers, 2002

**Перевод с английского С.Я. Крушельницкой
под общей редакцией А.В. Крушельницкого**

Издательская программа Общества «Мемориал»

Редакционная коллегия:

А.Ю. Даниэль, Л.С. Еремина, Е.Б. Жемкова,
Т.И. Касаткина, М.М. Кораллов, Н.Г. Охотин,
Я.З. Рачинский, А.Б. Рогинский (председатель)

Издание осуществлено при поддержке
Нидерландской организации научных исследований (NWO)
и Швейцарской программы по правам человека

В оформлении книги использован
рисунок Б.Ш. Мкртчяна «Возвращение» (1955) из коллекции Общества «Мемориал»

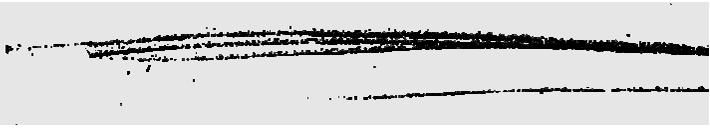
ISBN 5-7870-0083-8

© Transaction Publishers. 2002
© Nanci Adler. 2005
© С.Я. Крушельницкая, перевод. 2005
© А.А. Кулаков, оформление. 2005
© «Звенья». 2005

*Моим детям — Нюю и Зое
посвящаю*

Звон колокольный дальний —
В камеру вместе с рассветом...
Колокол слышу печальный:
«Где ты? — доносится. — Где ты?»
«Здесь я!..» — И слезы привета,
Слезы неволи скупые...
Не перед Богом это,
Перед тобою, Россия.

Семен Виленский
1948 год, Сухановская тюрьма

В последний раз его видели на Манхэттене в приюте для бездомных 7 января 2000 года, примерно через неделю после того, как жизнь еще раз столкнула этого несчастного с властями: нью-йоркский полицейский оштрафовал его за «загромождение парковой скамейки». Он действительно поставил портфель на скамейку в парке, где часто собирались бомжи. В портфеле лежали русско-английский словарь, философский трактат и несколько личных вещей — щетка для волос, еще какие-то мелочи...

Кто же он или, скорее, кем он был? Николай Толстых, отбывший шестилетнее заключение в советской исправительно-трудовой колонии по обвинению в антисоветской пропаганде. Бывший диссидент, освобожденный в 1987 году по указу Горбачева, потерявший связь с семьей. Он надеялся, что уж Америка-то даст ему настоящую свободу. Но и здесь не получилось... Николай Толстых пропал без вести*. Его трагическая судьба — сегодняшний пример того, что нередко происходило с отсидевшими в сталинских лагерях. А ведь в отличие от них он вернулся в 1987-м — в нарождающееся гражданское общество!

Я написала эту книгу, чтобы жизни тех, кто пережил ужасы советских лагерей, не воспринимались напрасной жертвой. Их судьбы заслуживают памяти.

* *Bernstein N. On Park Bench, Another Jolt in a Bumpy Life // New York Times. 2000. 26 March. P. 37, 41.*

Работая над книгой, я встретила со многими замечательными людьми. Они помогли мне получить доступ к архивным документам, поведали личные истории, щедро поделились своими знаниями. И хотя их имена упоминаются в книге, я хочу воспользоваться возможностью выразить признательность за содействие и помощь, без которых эта книга не состоялась бы, И.М.Фильштинскому, С.А.Ковалеву, З.Д.Марченко, И.А.Мазусу, П.С.Мясниковой, В.П.Наумову, Д.Б.Нохотович, Л.Э.Разгону, Т.Д.Руженцевой, А.Н.Сахарову, З.Л.Серебряковой, Р.Я.Смушкевич, Л.Б.Терновскому, З.А.Веселой. Я чрезвычайно благодарна В.Т.Логинову за ценные советы и теплое отношение. Особая благодарность С.С.Виленскому, отнесшемуся к моей работе как к своей. Критические замечания Б.Нардена и скрупулезность М.Янсена придали моим наблюдениям большую четкость. Низкий поклон И.Горовицу за его живое участие и вклад в эту работу. Неоценимы благожелательность и рекомендации С.Коэна, который предоставил в мое распоряжение богатейшее собрание документов о советских политзаключенных и проявлял неизменное участие в судьбе исследования, в том числе и в процессе перевода книги на русский язык. Искренняя благодарность А.Б.Рогинскому, Н.В.Петрову и Л.С.Ереминой за их вклад в осуществление русского издания этой книги. Хочу поблагодарить моего переводчика С.Я.Крушельницкую, а также А.В.Крушельницкого за его помощь в процессе исследования и при научном редактировании русского перевода этой книги. Я глубоко признательна всем моим друзьям из РГУ за их гостеприимство — они сделали все, чтобы я чувствовала себя дома вдали от моего родного дома. Отдельная благодарность Х.Блону из Института военной документации Нидерландов (NIOD) и Й.Хувинк тен Кате из Центра изучения Холокоста и геноцида (CHGS) за то, что помогли превратить мечту о русском издании этой книги в реальность. У меня была счастливая возможность работать с некоторыми документами их архива Общества «Мемориал» в спокойной и располагающей обстановке Международного института социальной истории (IISG) в Амстердаме. Моя глубокая признательность гуманитарному факультету Университета Амстердама за субсидирование поездок для данного исследования, а также Нидерландской организации научных исследований (NWO) за щедрую помощь в осуществлении русского перевода и издания книги.

И наконец, огромную поддержку оказала мне семья: мой муж Роб терпеливо сносил все трудности, связанные с работой над книгой, в частности мои длительные дальние поездки. С ним я могла поделиться мыслями и идеями. Мои замечательные близнецы Зоя и Ной родились сразу по завершении работы. Спасибо им за то, что были со мной.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!

П.Герман. «Авиамарш»

Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью...

Парафраз, распространенный
среди советской интеллигенции
в 1960–1980-е годы

Пятидесятая годовщина со дня смерти Сталина — 5 марта 2003 года — для многих стала днем раздумий о прошлом и тревог за будущее России. Бывшие заключенные сталинских лагерей еще помнят гулаговскую побудку под звуки сталинского государственного гимна СССР¹. Сегодня — в России путинской — гимн возвратили, лишь немного изменив слова. Академик А.Н.Яковлев — председатель Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий — с горечью говорит: «Мы не можем жить с этим гимном, если помним, какие ужасные преступления творились под эти звуки, как убивали миллионы»². Очевидно, что страна страдает некоей формой политической амнезии.

Советские идолы, советская символика, советский гимн — призрак прошлого России постоянно возвращается, чтобы влиять на ее настоящее. В декабре 1998 года ошеломляющее число депутатов Государственной Думы Российской Федерации поддержало предложение «голосовать» вопрос о возвращении на Лубянку памятника Феликсу Дзержинскому. Всего семью годами ранее бронзовое изваяние основателя советской тайной полиции с восторгом сбросили с пьедестала и вывезли к Московскому Дому художников к другим реликтам советской эпохи. И вот теперь Дума голосовала за резолюцию, в которой говорилось, что возвращение Дзержинского станет важным шагом в сохранении «культурно-исторического наследия России» и послужит символом борьбы с преступностью³.

С 1991-го другой памятник — жертвам тоталитаризма, поначалу соседствовавший с монументом Феликсу «Железному», пребывает в одиночестве. Этот не тронутый резцом скульптора валун, вывезенный членами Общества «Мемориал» из Соловецкого концлагеря, вызвал Россию на очную ставку с ее историей. Казалось, что низвержение статуи Дзержинского стало важным

шагом на пути к этому, но общественные настроения, которые лишь выразили депутаты Думы, свидетельствуют: Феликс Эдмундович, видимо, вовсе не «ушел навек», а только «вышел передохнуть». Конфронтация двух символов — яркий пример «двух России», о которых говорила Анна Ахматова, — той России, которую сажали, и той, что сажала.

Отец-основатель ВЧК пока не возвращен на Лубянку, но предложение об этом возникло вновь. Осенью 2002 года мэр Москвы Ю.М.Лужков отметил «добрые дела» Дзержинского в организации детских домов⁴ и высказал надежду на возвращение на прежнее почетное место «прекрасной архитектурной и скульптурной композиции, служившей доминантой площади»⁵. Правозащитники, прежде всего Общество «Мемориал», с негодованием заявили, что это вопиющее оскорбление памяти всех погибших от рук чекистов, предостерегли: намечаемый акт еще больше расколется российское общество⁶.

Лужков в данном случае, очевидно, надеялся получить одобрение президента Путина, в прошлом, как известно, офицера КГБ. Предложение поддержали коммунисты, националисты. Но только после того, как категорически против выступили все оппозиционные силы, о «несвоевременности» акции заявил один из руководителей Администрации президента.

Другой симптом утраты российским обществом политической памяти — результаты опроса общественного мнения в Санкт-Петербурге в феврале 2003 года. 45% из тысячи опрошенных положительно оценили роль Сталина в истории России, и лишь 38% высказались о нем отрицательно⁷. Когда позднее поставили вопрос, кто проголосовал бы за Сталина, если бы он сегодня баллотировался на пост президента Российской Федерации, положительный ответ дали 26% опрошенных, а из тех, кому за шестьдесят, — почти половина⁸.

Кого и как помнить и чтить? Этими вопросами легко смутить и напугать общество, которое все еще приходит в себя после семи десятиков лет государственного террора. Болезненные попытки России примириться со своим тягостным прошлым длятся уже полвека. Начиная с пятидесятых, угнездившиеся во властных и общественных структурах чиновники при обсуждении этих вопросов всеми силами старались откреститься от собственного прошлого. В то же время возвращавшиеся в общество бывшие узники ГУЛАГа самим фактом своего существования подталкивали к постижению правды о советской системе и порожденной ею моральной атмосфере, обо всем том, чего многие не желали замечать, о чем не хотели думать. Несомненно, обстоятельства возвращения жертв сталинского террора в общество затрагивают наиболее сложные проблемы советской истории: поиск Россией самооправдания и выбор дальнейшего пути. Разве можно говорить о доверии к системе, которая заставляла миллионы людей страдать и погибать в тюрьмах и лагерях, а затем объявляла их невинными жертвами, так и не назвав конкретных виновников совершенного произвола? Хотя, в определенном смысле, виновны были все, как высказался по аналогичному поводу Вацлав Гавел, —

соседи, коллеги по работе, друзья и родственники, вынужденные существовать и действовать согласно системе из страха или ради выгоды. Но прежде всего преступной была система в целом. Советская диктатура с ее всеохватным террором как основным инструментом самоутверждения существовала более семидесяти лет — достаточный срок для возникновения и развития патологии во всех слоях общества — сверху донизу. И по сей день Россия сопротивляется прямому — в упор — взгляду в истинное лицо собственного прошлого.

Предлагаемая Вашему вниманию книга расскажет о том, как отдельные люди и вся советская система выживали после ГУЛАГа. Опираясь на записи устных воспоминаний и обстоятельные интервью, мемуарные и документальные источники, документальную публицистику и автобиографическую прозу, мы пытаемся спустя десятилетия увидеть то, с чем столкнулись бывшие узники, возвращаясь в общество; как встречали их официальные лица и простые обыватели; что и как изменялось в жизни бывших узников и в отношении к ним на протяжении 1950–1960-х годов.

Мы начинаем с попытки увидеть в контексте эпохи проблемы человека, возвращавшегося из сталинского лагеря (глава I). Затем рассматриваем реакцию советского общества на первых возвращавшихся в конце 1940-х — начале 1950-х годов, когда стало складываться общественное отношение к бывшим политическим заключенным (глава II). В главе III исследованы действия прокуратуры середины 1950-х — как индикатор адаптации советской системы к признанию факта массовых политических репрессий и наличию проблемы их жертв. Различные аспекты адаптации уцелевших жертв репрессий к жизни на воле (лагерная субкультура, проблемы воссоединения семей, психологические последствия пребывания в лагерях) рассмотрены в главе IV. Глава V посвящена воздействию атмосферы, порожденной XX съездом КПСС, на жизнь бывших заключенных. В частности затронуты проблемы правового статуса жертв репрессий, их социального обеспечения и выплаты им компенсаций. В главе VI поставлена тема «веры в дело партии» и генетической связи возвратившихся из сталинских лагерей с участниками диссидентского движения в СССР 1960–1970-х годов. В заключительной, VII главе мы поднимаем вопрос о том, как в 1980-е годы новое обсуждение проблемы бывших узников сталинских лагерей влияло на процесс разрушения социалистической системы.

При подготовке русского издания автором были внесены дополнения и уточнения, в частности учтены некоторые новые публикации, увидевшие свет после выхода английского издания этой книги.

Отправляясь в странствование по судьбам людей, переживших проклятье ГУЛАГа, мы должны помнить: невзирая на то, что «белые пятна» новейшей российской истории во многом уже заполнены знаниями о зверствах советского режима, Коммунистическая партия, правившая в стране с 1917 по 1991 год, юридически так и не признана виновной, да и морально не осужде-

на безоговорочно и полностью. Как следствие ее символы не только не за-
прещены — они возрождаются на глазах. И хотя Дзержинский, надеемся, не
вернется, совершенно очевидно, что он сегодня вовсе не *persona non grata*.
И Ленин все еще покоится на Красной площади, и Коммунистическая партия
сегодня — в начале XXI века — все еще пользуется в России поддержкой
значительной части населения, как будто и не было почти века коммунисти-
ческого ужаса. Воистину, XX век в России сделал Кафку былью.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В одном из интервью автору (22.10.2003) С.С.Виленский отметил, что музыканты-
заключенные считались в лагерях не достойными исполнять «Гимн Партии», как
первоначально именовался гимн СССР.
2. Из выступления А.Н.Яковлева на телевидении 14 января 2003 г.
3. ...Пусть вернется Железный Феликс!.. // Московские новости. 1998. 6–13 декабря;
Демократы против возвращения памятника Дзержинскому // Сегодня. 1998. 7 де-
кабря.
4. Эти государственные учреждения, созданные впервые в 20-е годы, в течение деся-
тилетий оставались суррогатами семьи и дома, в том числе и для детей, ставших
сиротами в результате советского государственного террора.
5. Moscow Weighs Future of «Iron Feliks» Statue // Washington Times. 2002. 17 September;
см. также: Russian Nostalgia Feeds Struggle over Monument to KGB Founder: Pop Star
Wants to Return Statue to Place of Honor // Baltimore Sun. 2002. 30 November.
6. Еще раз о памятнике председателю ВЧК–ОГПУ Дзержинскому: Заявление Обще-
ства «Мемориал» // Русская мысль. 2002. 12–18 сентября.
7. Оценка роли Сталина в исторической перспективе / Всероссийский центр изуче-
ния общественного мнения, 22–27 февраля 2003 г.
8. Shaping Opinion in Russia // Washington Post. 2003. 16 August.

Нанси Адлер
ТРАМПС
Возвращение
ГЛАВА I

определение параметров

Начало второму этапу официальной десталинизации положил последний руководитель Советского Союза М.С.Горбачев на праздновании 70-летия Октябрьской революции в 1987 году. Он вновь открыл тему, бывшую запретной долгие годы, заявив при этом во всеулышание, что при Сталине репрессировали *тысячи* членов коммунистической партии и беспартийных советских граждан. Столь явное преуменьшение масштаба репрессий отражало специфику политической ситуации 1987-го, но никак не историческую реальность. Ведь еще за тридцать лет до этого Н.С.Хрущев в своем «секретном докладе» говорил о преступлении *массовых* — то есть намного превышающих «тысячи». Но конец правления Хрущева стал и концом немногих попыток сказать правду. Эра Хрущева сменилась почти четвертьвековой официальной амнезией.

Год спустя после публичного признания факта сталинских преступлений Горбачеву, похоже, пришлось осознать значение сказанного им для примирения советского народа с его прошлым, что было зафиксировано в протоколе одного из заседаний Политбюро ЦК КПСС, в повестке дня которого оказался «Мемориал». В 1987-м, только начиная работу, Общество «Мемориал» представляло собой крошечную организацию с инициативной группой из одиннадцати человек, проводившей кампанию сбора подписей за создание памятника жертвам сталинских репрессий. Но к моменту упомянутого заседания Политбюро мемориальское движение разрослось — в Москве был создан общественный Научно-информационный центр с приемной, архивом, музеем и библиотекой, содержащими разнообразные сведения о репрессиях и репрессированных; на периферии начали возникать местные — областные и городские — отделения Общества «Мемориал», связанные с московским центром. Помимо прочего, усилиями «Мемориала» сразу же было поставлено под сомнение утверждение о якобы всего лишь «тысячах» жертв сталинизма. По этому вопросу в обществе развернулась широкая дискуссия, подрывавшая саму сущность советской системы.

Опасаясь политического потенциала «Мемориала», Горбачев на заседании Политбюро предложил компромиссное решение: сохранить полный контроль за исследованием советского прошлого в руках компартии, не допуская развития в масштабах страны централи-

зованной сети Общества «Мемориал», и, ограничив его региональным уровнем, поставить это движение под надзор соответствующих партийных органов¹.

Что именно в планах и возможностях «Мемориала» могло вызывать опасения Горбачева? В конце концов другие государства обращались и поныне обращаются к спорным вопросам официального признания национальной ответственности и вины. Примеры тому — достойно отмеченные пятидесятые годовщины освобождения Освенцима и бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Однако Советский Союз времен Горбачева испытывал иные проблемы, связанные с открытым взглядом на собственную историю, отличные от тех, что имелись у Германии и Японии. Ни нацистской Германии, ни милитаристской императорской Японии никогда не приходилось противостоять собственной истории в попытках эволюционировать в сторону более открытого общества. Их политические системы потерпели военный крах, и борьбу с тягостным прошлым повели пришедшие им на смену системы демократические. Сталинский государственный терроризм, напротив, умирал медленно, надолго пережив самого диктатора. КПСС оставалась безжалостной, жестко структурированной силой, лишенной механизма обратной связи и в целом не способной откликаться на нужды народа. В отличие от послевоенной Германии и Японии в Советском Союзе многие из тех, кто совершал политические преступления, оставались у власти и не собирались ее никому уступать.

Процесс осознания сталинистского прошлого начался в Советском Союзе с кончиной в 1953 году И.В.Сталина и открытым ею ручейком освобождений заключенных. Этим в большинстве своем далеким от политики и совершенно невиновных людей осудили за якобы контрреволюционную деятельность и отправили в безлюдные районы Крайнего Севера и Дальнего Востока мучительно умирать от непосильного труда и голода, добывая никель и золото, валя лес или строя железные дороги в никуда². И вот теперь те, кто вопреки всему смог выжить, самим фактом своего существования явили политический вызов системе, пробуждая общественное сознание, с которым уже невозможно было не считаться. Они, хранящие память о миллионах несчастных, погибших в лагерях, стали живым обвинительным заключением преступной системе. Неожиданное возвращение невинных жертв режима понуждало общество и государство обратиться к собственному прошлому.

Первый период десталинизации, как известно, не отличался последовательностью и сошел на нет ко времени правления Брежнева. Когда этот процесс возобновился уже при Горбачеве, шок от оше-

ломляющего разоблачения подлинной советской истории повлек за собой политические потрясения. Д.Ремник в своей работе «Мавзолей Ленина» писал: «Через некоторое время люди, оказавшиеся под лавиной свидетельств прошлого, начали жаловаться на утомление и даже скуку. В действительности то была изматывающая боль возвращения памяти и осознания реальности»³. Философ Г.С.Померанц сравнивал это с состоянием взрослого человека, ранее совершенно лишенного знаний об окружающем мире и вдруг попытавшегося получить их все сразу всего за два-три года. Сложное положение, в котором оказалась страна, он характеризовал как «массовую дезориентацию». В действительности все было гораздо глубже, чем просто состояние политической растерянности. Это был шок познания и осознания. Более того, истина о прошлом уязвляла гордость нации, в настоящем к тому же клонившейся к экономическому упадку. Обществу и государству пришлось вдруг столкнуться с чувством вины, стыда и позора наряду с шоком от знакомства с ужасающей политической правдой.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Исследовательская литература непосредственно о реабилитации жертв советского террора до самого недавнего времени оставалась крайне скудной, прежде всего вследствие скудости доступной источниковой базы. Основу для осмысления проблемы, по сути, закладывали труды по смежным темам. Особое значение представляют широко используемые нами работы «Выживший» и «Вопрос вины» К.Ясперса. Упомянем также книгу Й.Бурумы «Возмездие за содеянное: немецкие и японские воспоминания о войне»⁴, где рассмотрен процесс примирения со своим тоталитарным прошлым двух стран — бывших агрессоров. При этом автор подчеркивает значение чувства стыда для Японии и раскаяния для Германии⁵. Эта работа представляется весьма полезной с точки зрения перспектив российского примирения-расставания с позорным прошлым.

Отметим, что в то время, как в посттоталитарных Германии (Холокост), Камбодже (Красные кхмеры), ряде стран Латинской Америки все преумножается научная литература именно о жертвах политических репрессий предыдущих режимов⁶, сведения о том, что перенесли жертвы советского тоталитаризма, остаются фрагментарными⁷. Именно в связи с этим информацию, на которую опирается данное исследование, пришлось черпать из самых разнородных источников,

в том числе разрозненных воспоминаний и свидетельств бывших заключенных, различных неофициальных сообщений, рассказов невозвращенцев, эмигрантов, из диссидентской (включая «самиздат») литературы и сравнительно немногочисленных документальных изданий.

Предлагаемый краткий историографический обзор не затрагивает массива трудов, посвященных главным образом истории террора и лагерной системы: наше внимание сконцентрировано не на организации советских репрессий, но на их последствиях⁸.

Прежде всего вспомним, что структура советской авторитарной системы развалилась относительно недавно. Уже поэтому систематически исследовать политическое значение последствий репрессий ранее было крайне трудно. Более того, сама возможность сколько-нибудь открыто обсуждать злоключения репрессированных представилась лишь после 1988 года. Но и тогда документы государственных и партийных архивов еще оставались практически недоступны для исследователей.

Тем не менее в нашем распоряжении все же имеется несколько работ западных, советских и современных российских авторов, затронувших вопросы возвращения репрессированных в общество. Первой среди них следует назвать «Пересмысливая советский опыт» С.Коэна, в частности главу «Проблема Сталина после Сталина» (1985). Рассматривая, как удовлетворялись нужды возвращавшихся из лагерей в жилье, работе, медобслуживании и т.п., С.Коэн оценивает политическое воздействие на общество и государство этой группы бывших узников. Его вывод о том, что «эти требования уцелевших жертв [сталинизма] оказывали тем более значительное политическое воздействие, чем явственнее реабилитация и реституция выступали в качестве официального признания колоссальных преступлений государства»⁹, — звучит пророчески, так как исследователь предрек то, что произошло в ходе горбачевской десталинизации¹⁰.

В книге «Вспоминая жертв Сталина: народная память и крах СССР» К.Е.Смит, в частности, сравнивает варианты перехода от тоталитаризма или авторитаризма к демократии, обращаясь ко временам Хрущева и Горбачева. Она прослеживает историю проведенных тогда кампаний десталинизации, попытки этих лидеров рассказать правду и найти оправдания. Автор указывает, что нарочито усложненные и закрытые от общества процедуры реабилитации «усиливали социальную разобщенность» и препятствовали возникновению чувства сострадания к бывшим узникам¹¹. Процесс реабилитации так или иначе обнажил двойственность позиции государства в вопросе оправдания тех, кого ранее заклеили как «врагов наро-

да». В 1956 году, отмечает К.Е.Смит, «быстрое освобождение [репрессированных] обычно не переходило в быструю реинтеграцию... в общество»¹². К сожалению, этот ключевой тезис не нашел в ее книге дальнейшего развития¹³.

А.Хощайлд в книге «Тревожный призрак: русские помнят Сталина» (1994) попытался вникнуть в воспоминания тех, кто пережил времена ГУЛАГа. В том числе он интервьюировал и приверженцев Сталина, однако, поскольку автор сосредоточился именно на современном восприятии сталинской эпохи бывшими заключенными, его обращения к их послелагерным судьбам единичны, а статусу «возвратившегося» специального внимания не уделено¹⁴.

Неопубликованная диссертация Дж.Шапиро «Политика реабилитации и политический конфликт в Советском Союзе в 1953–1964 гг.» — одна из самых ранних работ по теме (1967)¹⁵. Основное внимание здесь уделено реабилитации партийных и военных деятелей, пострадавших в «чистках» 1936–1938 годов. Для выработки представлений об участии рядовых граждан эта работа дает мало.

Уникальный труд о реабилитации бывших партийцев опубликовал А.Ван Гудевер под заголовком «Пределы десталинизации в Советском Союзе: политическая реабилитация после Сталина». Ценность этого скрупулезного исследования, посвященного процессу подготовки и осуществления реабилитации, отчасти снижена тем, что во время его создания автор не имел возможности использовать закрытые тогда архивные материалы. Кроме того, сами жертвы репрессий еще не могли открыто говорить о пережитом, и, таким образом, «устная история» не поверяла историю официальную. Сам Ван Гудевер признавал: «Социальный аспект реабилитации жертв Сталина представляет одну из наиболее насущных и в то же время наименее доступных тем в истории советского общества»¹⁶. Критикуя утверждения Р.А. и Ж.А. Медведевых о том, что нужды возвращавшихся из лагерей якобы полностью удовлетворялись, Ван Гудевер подчеркивал (в 1986 г.): «Материала для обоснования какого бы то ни было вывода о том, как происходила реинтеграция в общественную жизнь, недостаточно»¹⁷. Сегодня, к счастью, таких материалов уже немало.

Следует констатировать, что внимание советской (официальной) историографии десталинизации хрущевского периода большей частью сконцентрировано на переменах в политической и культурной жизни, на реабилитации видных партийно-государственных деятелей и искоренении «культы личности». Относительно отсидевших в лагерях все, как правило, ограничивалось перечнем административных мер. А вот *как* эти меры воздействовали на тех, к кому

они применялись — на жертв сталинщины, осталось невыясненным. Ответ до сих пор следует искать в мемуарах и художественной прозе: официальная научная литература скорее скрывала реальность.

Российские исследователи уделили судьбам бывших узников большее внимание. Ряд наблюдений содержался еще в книгах Р.А. и Ж.А.Медведевых (этих авторов, разумеется, трудно отнести к представителям советской историографии). Их работы сыграли весьма важную роль, однако в чем-то устарели, а в чем-то, как оказалось, неточны. Вероятно, Медведевы опирались на устные источники, хотя и не вполне ясно, какие именно. Современные специалисты в области устной истории Д.Хубова и И.Щербакова коснулись проблем возвращения узников в статьях, опубликованных в сборнике «Память и тоталитаризм» (1992). Щербакова при этом предприняла специальное гендерное исследование воспоминаний вернувшихся из ГУЛАГа¹⁸. Изучены к настоящему времени также проявления посттравматического стресса и реинтеграции в общество у одной из категорий жертв сталинизма (послесталинского) — диссидентов, которых содержали в спецпсихбольницах¹⁹.

Частично проанализированы и опубликованы в альманахе «Звезда» воспоминания и документы, касающиеся бывших жертв репрессий. Однако, хотя некоторые материалы и содержали сведения о возвращении узников в общество, этот сюжет так и не стал специальной темой какой-либо из статей сборника²⁰.

Лишь попутно, хотя и весьма содержательно, вопросы реабилитации затронуты в монографии Г.М.Ивановой — крупнейшего из современных российских исследователей истории ГУЛАГа. В одном из разделов своего труда, основанного преимущественно на архивных источниках, Иванова специально анализирует административные меры, положенные в основу реабилитационного процесса. Очень импонирует и гражданская позиция автора. Говоря о «казенной справедливости» государства по отношению к его жертвам, Г.М.Иванова недвусмысленно солидаризируется с цитируемой ею точной оценкой, которую дал этому процессу один из бывших заключенных. В письме к своему другу-солагернику он писал в 1956 году: «Оскорбленных чувств гражданина это фальшивое восстановление чести удовлетворить не может (ведь реабилитация нужна не тебе, а нашему непорочному правительству — непорочному синклиту архимерзавцев)»²¹.

Как видим, рассмотренная нами литература помогает сформировать лишь основу для понимания того тяжелого положения, в котором оказывались узники, освобожденные из лагерей.

Основным способом взглянуть на советскую действительность глазами бывшего заключенного является обращение к воспоминаниям и автобиографической прозе. А.И.Солженицын и В.Т.Шаламов дали всем неравнодушным возможность услышать мысли заключенного, побывать вместе с ним в лагере. Наше исследование опирается на многочисленные источники подобного рода — как опубликованные, так и (главным образом) неопубликованные. Воспоминаниям некоторых бывших заключенных о жизни после лагерей нам хотелось бы уделить особое внимание.

Пережитому после освобождения из лагеря посвятила большую часть второго тома своего «Крутого маршрута» Евгения Гинзбург. Она проводит читателя сквозь весь процесс освобождения, реабилитации, поиска жилья и работы. Ей удалось показать физические и психологические трудности перехода заключенного из лагеря в общество.

После долгих лет тяжелого труда ее определили нянечкой в «Дом малютки» — приют для младенцев в Эльгенском лагерном отделении Дальстроя²². А в 1947 году, отсидев десять лет за «участие в троцкистской террористической контрреволюционной группе», Гинзбург освободилась. С описанной ею казенной волокитой после освобождения пришлось столкнуться множеству бывших заключенных. Проникнитесь чувствами бывшего заключенного в эпизоде обмена временного удостоверения об освобождении на так называемую «форму А», которую затем предстояло еще обменять на временный паспорт, действительный только в течение года: «Окошечко, из которого выдавали документы, такое глубокое, что сидящего там человека видишь как будто через перевернутый бинокль». Когда служащий сказал что-то о ее руке, она подумала: «Неужели введен такой гуманный ритуал, чтобы поздравить освобождающихся пожатием руки?» Но чиновник встретил попытку протянуть ему руку словами: «Десять лет просидели, а порядку не научились!.. Куда тянете руку? Не видишь разве? Направо!» И махнул рукой в сторону приспособления для снятия отпечатков пальцев. Испытанную Евгенией Гинзбург мучительную безысходность пережили многие бывшие заключенные: «Свободной себя вообразила! Да просто временно расконвоированная! Навеки, навеки с ними, с тюремщиками! Даже сейчас, после таких десяти лет, им снова нужны отпечатки моих пальцев, чтобы травить и преследовать меня до самой смерти. Так и будешь крутиться в этом треклятом колесе, пока не разμεлет оно тебя до самых мелких косточек». Это чувство, знакомое большинству из тех, кто выходил из лагерей до 1953 года, испытали и освобождавшиеся позже — на протяжении всего советского периода.

Павел Негретов, отбывавший в 1945–1955 годы десять лет в шахтах Воркуты за принадлежность к «Национально-трудовому союзу нового поколения» в книге «Все дороги ведут на Воркуту» — сборнике воспоминаний о людях, встреченных им во время и после заключения, — рассказывает, в частности, как дочь репрессированных (впоследствии его жена) У.В.Эльберфельт в 1949 году поехала учиться в Ленинград. «Урсула постоянно ощущала на себе клеймо отверженной», — отмечает автор. Даже приударивший было за ней некий солдат моментально испарился, узнав, что ее родители репрессированы²³. Обращаясь ко многим конкретным проявлениям послелагерной жизни, Негретов заглядывает в самую глубину пропасти, которая в советской действительности разделяла слова и дела в отношении к бывшим узникам.

Здесь хочется сказать о двух важнейших массивах мемуарных источников, которые все еще мало используются исследователями. Значительный объем воспоминаний бывших узников собран и частью уже опубликован, а частью готовится к публикации Обществом «Возвращение» — организацией поддержки жертв тоталитаризма. В частности, сведения о жизни после освобождения из лагерей содержит изданный этим обществом сборник воспоминаний бывших заключенных-женщин «Доднесь тяготеет»²⁴. Второй массив собран в архиве Общества «Мемориал». Общество играет выдающуюся роль в исследовании истории советских репрессий, выявлении их сущности и масштабов. Помимо всего, «Мемориал» предоставляет самим жертвам репрессий возможность поведать о своей жизни и заявить свои требования. «Мемориал» создал и с 1987 года систематически пополняет свою базу данных. Благодаря этому Общество располагает множеством собранных в конце 80-х — начале 90-х годов неопубликованных, неотредактированных, зачастую рукописных воспоминаний, которые повествуют о терроре и его последствиях для рядовых людей. Объем этих документов разный — от двух страниц до двух тысяч, авторы их в большинстве своем совершенно не искушены в писательстве. Вместе с тем ценность собранных материалов как исторических источников неоспорима — это своего рода свидетельские показания. Несмотря на определенную хаотичность текстов, в них можно почерпнуть информацию и о возвращении из лагерей.

За время, истекшее с момента подготовки и выхода в свет первого англоязычного издания этой книги, общий массив публикаций по ее теме серьезно увеличился, прежде всего в результате издания в России целой серии сборников документов советских партийных и государственных деятелей и органов, которые действовали в рас-

сма­три­вае­мый на­ми пе­ри­од и, в том чис­ле, не­по­сред­ствен­но на­прав­ля­ли и осу­ществ­ля­ли про­цесс ре­аб­и­ли­та­ции жер­тв ста­лин­ских ре­прес­сий²⁵. Уви­де­ли свет и не­ко­то­рые но­вые ис­точ­ни­ки лич­но­го про­ис­хо­жде­ния, в том чис­ле яр­кие вос­по­ми­на­ния учас­тни­ков со­бы­тий²⁶, ин­те­рес­ней­шие фраг­мен­ты пе­ре­пис­ки не­ко­то­рых из них²⁷ и да­же ма­лая то­ли­ка тех пи­сем, ко­то­ры­ми ро­д­ствен­ни­ки ре­прес­сиро­ван­ных пы­та­лись до­бить­ся спра­вед­ли­во­сти в офи­ци­аль­ных ин­стан­циях²⁸.

По­я­ви­лись справоч­ни­ки, цен­ные для лю­бо­го ис­сле­до­ва­те­ля ста­лин­ской и пост­ста­лин­ской эпо­хи ис­то­рии СССР²⁹. Осо­бо от­ме­тим уни­каль­ный труд «Сис­те­ма ис­прав­и­тель­но-тру­до­вых ла­ге­рей в СССР», под­го­тов­лен­ный со­труд­ни­ка­ми На­уч­но-ис­сле­до­ва­тель­ско­го и про­све­ти­тель­ско­го цен­тра Об­щес­тва «Ме­мо­ри­ал» и Го­су­дар­ствен­но­го ар­хива Рос­сий­ской Фе­де­ра­ции³⁰. Здесь впер­вые де­таль­но рас­кры­то уст­рой­ство той са­мой со­вет­ской ла­гер­ной сис­те­мы, чьи уце­лев­шие уз­ни­ки, воз­вра­щав­шие­ся к сво­бо­де по­сле 1953 го­да, ста­ли глав­ны­ми ге­ро­я­ми на­шей кни­ги.

Тру­ды Ю.В.Акс­ю­ти­на, Р.Г.Пи­хо­и, А.В.Пы­жи­ко­ва, по­свя­щен­ные ис­то­рии об­щес­тен­но-по­ли­ти­че­ской жиз­ни в СССР, со­дер­жат по­ми­мо проче­го ряд важ­ных но­вых фак­тов и на­блю­де­ний, свя­зан­ных с об­щей судь­бой быв­ших уз­ни­ков ГУ­ЛА­Га во вре­ме­на «от­те­пели» и по­зднее³¹.

Су­щес­твен­ный вклад не­по­сред­ствен­но в ис­сле­до­ва­ние ис­то­рии со­вет­ских ре­прес­сий и ре­аб­и­ли­та­ции в­не­сли из­дан­ные за по­след­ние го­ды тру­ды В.Н.Ку­дряв­це­ва, А.И.Тру­со­ва, М.Юн­ге³².

При под­го­тов­ке рус­ско­го из­да­ния на­шей кни­ги мы с бла­го­дар­но­стью восполь­зо­ва­лись пе­ре­чис­лен­ны­ми тру­да­ми. Это по­зво­ли­ло уч­есть ряд об­об­ще­ний, уточ­нить не­ко­то­рые фак­ты, но не из­ме­ни­ло ни ар­гу­мен­ты, ни об­щую кон­цеп­цию на­ше­го ис­сле­до­ва­ния. Пре­жней оста­ет­ся и его цель: на ос­но­ве име­ю­щих­ся ис­точ­ни­ков и ли­те­ра­ту­ры вос­соз­дать по воз­мож­но­сти на­и­бо­лее пол­ную и до­сто­вер­ную кар­ти­ну про­ис­хо­див­ше­го с жер­тва­ми со­вет­ско­го тер­ро­ра, ко­то­рые воз­вра­ща­лись в об­щес­тво из ста­лин­ских ла­ге­рей.

ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Воз­вра­ще­ние в об­щес­тво, ка­залось бы, на­всег­да от­тор­гну­тых от не­го членов — лю­дей, ко­то­рые, су­мев вы­жить в ла­ге­рях, ста­ли пол­но­моч­ны­ми пред­ста­ви­те­ля­ми мно­же­ства по­гиб­ших, бы­ло му­чи­тель­ным для них са­мих и бо­лез­нен­ным для го­су­дар­ства. Об­щес­тво, в ко­то­рое

они возвращались, оказалось не готово принять их — ни физически, ни эмоционально. Приспосабливаться приходилось не только им самим, их семьям, их соседям, но и соотечественникам, и политической системе в целом. Соответственно и последствия имели личный, общественный и политический характер.

В центре внимания нашего исследования — попытки жертв сталинского террора возвратиться в советское общество, реадaptироваться к нему, а также ответная реакция общества и государства, их попытки приспособиться к возвратившимся. Данный раздел нашей работы постановочный — здесь только ставятся вопросы. Ответы будут предложены ниже.

Мы предполагаем рассматривать вернувшихся из ГУЛАГа и их семьи с точки зрения большей или меньшей приспособляемости к обществу и государству. А репрессии — как государственный инструмент управления. Все существующие системы — личность, семья, государство — либо погибают, либо выживают, приспособляясь. Процесс взаимного приспособления противоположных групп требует уступок хотя бы с одной из сторон, а чаще — с обеих. Советская система государственного террора заставляла своих подданных приспособляться к ней. Выживший и возвращающийся на свободу заключенный во многом являлся совершенно иной личностью по сравнению с тем, каким он уходил в лагерь. Семьи также перерождались под воздействием пережитого — на них давила необходимость переменить свое отношение к заключенному, чтобы защититься от разрушения и, возможно, даже тюрьмы.

Советские вожди приспособили террор и репрессии для удержания власти; жертвы репрессий — заключенные — приспособились к ГУЛАГу; семьи заключенных — те, кого еще не посадили — приспособлялись к их отсутствию. Чтобы выжить, приспособляясь, надо было измениться, подстроиться под патологическую систему. Как заметил Т. Дес Прес, начало пребывания в концлагере тоталитарного режима — нацистского, советского или любого другого — для всех заключенных оказывалось схожим: «Каждому вновь прибывшему предстояло пройти курс унижения и глубочайшей деградации личности... Было два пути, и в течение трех месяцев становилось ясно, какой из них будет выбран: человек либо впадал в необратимое умственное истощение (если вообще не погибал), либо — начинал приспособляться к концлагерю»³³. Заключенные оказывались перед необходимостью научиться жить в этой новой для них ситуации, какой бы ненормальной она ни была.

Неослабный контроль за гражданами, который стремилась осуществлять советская система, в конце концов не столько укреплял,

сколько ослаблял ее. Изначально лишая себя таким образом необходимых каналов обратной связи со своими подданными, система оказывалась неспособной вовремя осознать и вносить те необходимые изменения, которых требовали меняющиеся условия. В результате казалось бы монолитная система со временем становилась все более хрупкой и постепенно стала распадаться.

Массовый террор и принудительный труд являлись важными средствами упрочения и сохранения советской власти. Уже с середины 1918 года большевики приступили ко все более массовому заключению своих политических противников в концентрационные лагеря³⁴, а в 1921-м на севере России действовали первые ячейки страшного Соловецкого лагеря особого назначения. Этот якобы «исправительно-трудовой» лагерь, раскинувшийся на Соловецких островах Белого моря, положил начало разрастанию системы специализированных лагерей смерти³⁵. (Поэтому именно Соловецкий камень Общество «Мемориал» избрало в качестве общего памятника жертвам тоталитаризма.) Массовый террор, равно как и бюрократизация, бездушная централизация управления всей жизнью людей, бессердечие правителя и безоговорочная исполнительность его жестоких подручных, стали важнейшими характеристиками эпохи Сталина³⁶.

Прежде чем говорить о десталинизации, отметим, что «сталинизм» как явление трактуется по-разному. Некоторые видят в нем результат порочности личности самого Сталина, другие понимают его как социально-политический феномен. Начало сталинских репрессий связывают либо с периодом коллективизации конца 20-х — начала 30-х годов, либо с убийством С.М.Кирова в декабре 1934 года. Есть и такие исследователи, что принимают за точку отсчета «красный террор» ленинского периода. В «Мемориале» придерживаются определения, которое дал сталинизму А.Д.Сахаров, — «противоправные и террористические методы управления» — и полагают, что оно применимо ко всему периоду советской власти. Не углубляясь в обсуждение «роли личности в истории», можно охарактеризовать сталинизм как систему, не только частично пережившую, но и в какой-то степени предопределившую своего создателя³⁷. Исходя из целей нашего исследования, мы сосредоточимся в основном на проявлениях сталинизма в 1934—1953 годах и том, как этот период сказался на последующем развитии советского общества³⁸. Последствия сталинизма могут быть лучше всего поняты как система взаимозависимых и взаимообусловленных — системообразующих — элементов, которые настолько неразрывны, что изменить лишь одну какую-либо часть системы крайне трудно.

В сталинском государстве, вопреки тому, что оно искренне претендовало на статус «сверхдемократии»³⁹, в действительности отсутствовал механизм обеспечения реальной обратной связи с гражданами, то есть ответственность власти за учет и выполнение требований избирателей. Напротив, государство насильственно приспособляло своих граждан-подданных к собственным потребностям. Основным инструментом этого принуждения и служили репрессии. Если исходить из понимания государственного террора как орудия приспособления и понуждения, главного инструмента сохранения государственности, будет понятно, почему советские руководители в подавляющем большинстве сопротивлялись любым попыткам смягчения режима. Именно из-за укорененности насилия в самой природе советской системы, ее «приспособленности» к репрессиям, любое реформирование становилось опасным начинанием и если и происходило, то крайне замедленно и трудно. Ведь неизбежное и необходимое при этом разоблачение кровавой истории государственной системы, реабилитация ее жертв, официальное признание преступлений, совершенных ею, — все это грозило дестабилизацией общества и потерей власти его руководителями.

Столь же адаптированные к насилию тоталитарные системы нацистской Германии и милитаристской Японии были уничтожены в результате Второй мировой войны, благодаря чему эти страны, в отличие от Советского Союза, оказались избавлены от необходимости медленного внутреннего перерождения режима и общества. (Уместно вспомнить в связи с этим различие между осуждением извне, исходящим от внешнего мира, и изнутри — из глубины души: «von aussen aus der Welt oder von innen aus der eigenen Seele»⁴⁰.)

Действительные преобразования требуют осознания и признания прошлых ошибок, искреннего стремления их исправить и не допускать повторения. Так, в Германии процесс денацификации был осуществлен благодаря разоблачению масштабов преступлений нацизма, осуждению конкретных виновников злодеяний и созданию нового законодательства, предоставлению компенсаций и возврату собственности жертвам преступного режима. Хотя эти меры имели прежде всего юридический и политический характер, они затрагивали также моральные и метафизические аспекты проблемы. Это важно, поскольку политические системы могут создавать обстановку террора, но осуществляют террор конкретные люди в отношении конкретных людей.

Здесь мы подходим к вопросу о персональной ответственности за действия, а равно бездействие в эпоху репрессий. В 1947 году

Карл Ясперс в работе «Вопрос вины» рассмотрел процесс искупления прошлого (*Vergangenheitsbewältigung*) в Германии. Он предложил различать четыре типа вины: криминальная — явное нарушение закона; политическая — каждый в ответе за то, как им правят; моральная — индивидуум ответствен за все свои действия, включая политические и военные (в связи с этим печально известная формула «я только выполнял приказ» не может служить оправданием, ибо преступление остается преступлением, даже если ты совершаешь его не по своей воле); и наконец, метафизическая — порождаемая взаимосвязанностью всех людей и заставляющая *каждого* разделять ответственность за творимую несправедливость (не только за то, что он *сделал*, но и за то, что *не сделал* все от него зависящее, чтобы предотвратить или остановить преступление)⁴¹.

Подчеркивая таким образом персональный характер вины, К.Ясперс полагал абсурдным обвинять в преступлениях (нацизма) целый народ (немецкий): не может быть коллективной вины нации или этнической группы, хотя каждый их представитель может нести свою долю политической ответственности⁴². Когда виновным объявляется весь народ, это смягчает конкретную вину конкретного индивида, в частности его вину за нежелание замечать зло, творимое другими. В связи с этим К.Ясперс поднял вопрос о членстве в НСДАП. Как и в отношении всего прочего, здесь также усматривается аналогия с советской действительностью. В данном случае — с мотивацией вступления в ВКП(б)—КПСС. Ясперс настаивал, что в каждом конкретном случае необходимо учитывать конкретные побудительные мотивы тех, кто вступал в гитлеровскую партию, поскольку с 1936—1937 годов это далеко не всегда являлось идейно-политическим шагом, но все чаще обуславливалось вполне прагматическими соображениями, например желанием сохранить или приобрести профессию⁴³.

Отметим также еще одно важное для нас положение, выдвинутое К.Ясперсом: он справедливо утверждал, что «политической свободы нет без очищения души», то есть без покаяния, осознания каждым меры собственной вины, ответственности, сопричастности⁴⁴.

В Советском Союзе положение вернувшихся из ГУЛАГа осложнялось тем, что необходимое осознание вины («очищение души») в 1950-е годы было достигнуто обществом лишь в небольшой части да и в 80—90-е государство и общество продвинулись немногим далее. М.С.Горбачев в конце 80-х достаточно последовательно настаивал на необходимости этого осознания вины, но советская система (а он на-

меревался ее сохранить) изо всех сил сопротивлялась, поскольку углубление обвинений в адрес сталинизма все сильнее дискредитировало и подрывало ее основы.

ХРОНОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ РЕПРЕССИЙ И ОСВОБОЖДЕНИЙ

Попытаемся обобщить основные сведения о том, как и когда накатывались все новые и новые волны политических репрессий и насколько перемежались они «отливами» частичных освобождений. Это необходимо, чтобы предметнее представить различие опыта неволи и освобождения, приобретенного жертвами этих «волн».

Строго говоря, концлагеря и тюрьмы, используемые в качестве инструмента массового террора, практически изначально являлись неотъемлемой частью советского государственного строя⁴⁵. При этом есть основания относить время рождения системы крупномасштабного использования принудительного труда заключенных в СССР к середине — второй половине 20-х годов⁴⁶.

Лагеря двадцатых годов, прежде всего Соловецкий, заполнялись белогвардейцами, крестьянами-повстанцами, анархистами, социалистами, священнослужителями и другими идейными противниками большевиков. Мало кому из них довелось когда-либо вновь обрести свободу⁴⁷.

В 1929 году, когда в СССР начиналась насильственная коллективизация и всюду шел процесс истребления старой интеллигенции, в Политбюро возникла идея использовать все увеличивающуюся массу заключенных для разработки природных богатств отдаленных районов страны, малопригодных для жизни⁴⁸. Принципиальной новизной идея не отличалась, лишь воспроизводя давнюю практику царизма отправлять государственных преступников на каторжные работы. Новым стал невиданный ранее размах начинания.

Первоначально идею «трудоиспользования» всех неугодных режиму оформили постановлением СНК СССР от 11 июля 1929 года «Об использовании труда уголовно-заключенных». Но в действительности речь шла именно о *политических* заключенных, которых уже традиционно содержали в так называемых лагерях особого назначения, находящихся в ведении советской тайной полиции (тогда — ОГПУ, то есть Объединенное главное политическое управление). На протяжении первого года действия постановления в системе ОГПУ дополнительно к Соловецкому лагерю особого назначения разверну-

ли аналогичные Северный (в районе Печоры), Дальневосточный (на территории нынешних Хабаровского и Приморского краев и Амурской области), Казахстанский и Среднеазиатский лагеря. Численность заключенных выросла за это время с 22,8 тысячи до 150 тысяч⁴⁹.

Эту массу заключенных, непрерывно разрастающуюся по мере расширения репрессий, составляли осужденные к лишению свободы на сроки от трех лет и больше. (Приговоренных к меньшим срокам за мелкие уголовные преступления содержали в местах заключения, подведомственных наркоматам юстиции союзных республик.) В их числе в начале 30-х годов дополнительно к прежнему «лагерному контингенту», оказались так называемые *вредители* из числа инженеров и техников, обвиненных в срыве темпов (нереальных) индустриализации, учителя, выразившие несогласие с новациями (нелепыми) в школьном образовании, научные работники, «вычищенные» из Академии наук и университетов как «чуждые элементы», участники национально-освободительных восстаний против большевиков в Якутии, Бурятии, на Северном Кавказе и в Закавказье, а также партийцы-оппозиционеры («троцкисты»)⁵⁰.

Изоляция их в отдаленных лагерях преследовала двоякую цель — политическую и практическую. С одной стороны, при минимальных затратах началось освоение ранее недоступных природных ресурсов. С другой — появилась возможность буквально *не жалеть* «рабочую силу», то есть «эзков», как вскоре стали именовать всех заключенных в соответствии с новоизобретенной чекистами для краткого обозначения этого все чаще упоминаемого понятия аббревиатурой «з/к». Ведь их высокая смертность в результате ужасающих условий существования и непосильного труда не только избавляла режим от политических оппонентов, но и служила «профилактикой» любых проявлений несогласия, недовольства или даже выражения вслух политических сомнений остальными гражданами СССР.

Для руководства все более обширной лагерной системой в центральном аппарате ОГПУ уже в апреле 1930 года сформировали специальное Управление (с октября — Главное управление) лагерей — УЛАГ (ГУЛАГ)⁵¹. Его деятельность регулировалась принятым Совнаркомом СССР 7 апреля 1930 года «Положением об исправительно-трудовых лагерях». Так обрело организационную форму и правовое обоснование использование лагерной системы в качестве инструмента жесткого политического давления на общество⁵².

Эксплуатация узников в лагерях была безжалостной: уже к середине 1931 года не менее 26 тысяч из них (11% тогдашней общей численности) пришлось «активировать», то есть досрочно освободить по инвалидности, а еще почти 8 тысяч человек за один только 1931 год

в лагерях погибли. Но потери быстро восполнялись. К началу 1934 года во власти ГУЛАГа находилось уже свыше 510 тысяч человек⁵³. А вскоре после образования к середине того же года общесоюзного НКВД, основу которого составило прежнее ОГПУ вместе с ГУЛАГом, в ведение последнего перешли и все места заключения, ранее принадлежавшие наркоматам юстиции союзных республик⁵⁴.

Завершение таким образом централизации управления всем «тюремно-лагерным хозяйством» страны позволило сталинскому руководству перейти к новому этапу репрессий. Поводом, как известно, стало убийство С.М.Кирова 1 декабря 1934 года. В «кировском потоке» конца 1934-го — начала 1935 года из одного лишь Ленинграда, не считая прочих местностей СССР, в лагеря и ссылку хлынули десятки тысяч человек. Среди них, кроме дворян и прочих так называемых бывших, множество партийных и комсомольских деятелей, руководителей организаций и предприятий — тех, кого уличили или заподозрили в оппозиционных настроениях. Первоначально приговоренные к пяти годам лишения свободы, они уже через два—три года были (как «троцкисты») осуждены на гораздо более длительные сроки или вовсе уничтожены в ходе массовых расстрелов 1937—1938 годов. Никто из уцелевших не имел ни малейшей возможности выйти на свободу вплоть до 1954 года⁵⁵.

К началу 1935 года число заключенных в СССР уже превысило 1 миллион. Из них 725,5 тысячи «трудоиспользовались» в лагерях⁵⁶. А в 1936—1938 годах развернулся «Большой террор». Наряду с верхушкой партийного и административного аппарата ему подверглись все слои общества — были отправлены в лагеря или расстреляны рядовые беспартийные рабочие, крестьяне, служащие. Апогеем «Большого террора» стала «ежовщина» 1937—1938 годов. «Ни один палач в истории не сделал столько для своего господина, сколько сделал для Сталина Ежов», — отмечал хорошо осведомленный современник, поясняя: «Список ежовских жертв включает почти всех из 80 членов советского Высшего военного совета, большинство членов... Центрального комитета [ВКП(б)] и его Контрольной комиссии, большинство членов ЦИК, Совета Народных Комиссаров, Совета труда и обороны, лидеров Коммунистического Интернационала, всех начальников и заместителей начальников [управлений] НКВД, массу послов и высших дипломатов, руководителей всех союзных и автономных республик Советского Союза, 35 000 человек из офицерского корпуса, почти весь состав редакций «Правды» и «Известий», множество писателей, артистов, музыкантов, режиссеров, большинство руководителей комсомола»⁵⁷.

Часть жертв «ежовщины» — тех, кого не расстреляли и кто сумел дожить в лагерях и тюрьмах до 1939 года (когда Сталин «убрал» отработавшего свое Ежова, обвинив его в «нарушениях социалистической законности»), освободили как «необоснованно репрессированных». По различным оценкам, выйти на свободу позволили в общей сложности от 110 до 300 тысяч заключенных⁵⁸. Однако свобода для большинства из них оказалась весьма условной и крайне непродолжительной. Репрессии продолжались. Лагеря и тюрьмы пополнялись и при преемнике Ежова — новом наркome внутренних дел Л.П.Берии. В обстановке возобновившейся в 1939 году советской территориальной экспансии круг политически неблагонадежных — «социально-вредных элементов» и действительных противников советской власти — непрерывно расширялся. Кроме того, единожды оказавшемуся под ударом «чекистских органов», как правило, уже не удавалось избавиться от клейма «враг народа», так как действовал принцип: «органы не ошибаются».

В первой главе «Особенной части» советского Уголовного кодекса контрреволюционным признавалось «всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти... Советов и избранных ими... правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции»⁵⁹.

С 1927 года эти деяния карались главным образом согласно 58-й статье принятого тогда Уголовного кодекса РСФСР (и соответствующих статей УК союзных республик СССР). Статья предусматривала множество «составов преступления»: «вооруженное восстание»; «сношение в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями»; «склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп... к неприязненным действиям против СССР»; «шпионаж, то есть... соби́рание с целью передачи сведений... иностранным государствам... или частным лицам за вознаграждение или безвозмездно»; подрыв экономики государства «путем противодействия... нормальной деятельности... государственных учреждений и предприятий»; «совершение террористических актов... против представителей советской власти»; «разрушение или повреждение... государственного или общественного имущества»; «контрреволюционный саботаж, то есть сознательное неисполнение определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение...»; «пропаганда и агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или совершению... [вышеперечисленных] контрреволюцион-

ных преступлений»; «недонесение о... готовящемся контрреволюционном преступлении»; действия, совершенные в прошлом — на службе царскому режиму или «контрреволюционным правительствам в период гражданской войны» и, наконец, вообще «всякого рода... деятельность, направленная к подготовке, а равно участие в организации, образованной для подготовки» какого-либо из перечисленных преступлений⁶⁰.

Кроме статьи 58-й УК содержал еще и статью 59, тоже отчасти нацеленную против «контрреволюционных преступлений». В ней речь шла о «преступлениях против порядка управления», которыми считалось «всякое действие», приводящее «к нарушению правильной деятельности органов управления...»⁶¹. Обе статьи УК предусматривали самые жестокие меры наказания, лишь в двух случаях фарисейски заявлялось о том, что преступления («антисоветская агитация» и «недонесение») «влекут за собой лишение свободы на срок не ниже 6 месяцев лишения свободы». В действительности и за это отправляли в лагерь не менее чем на три года. А в основном приговоры по 58-й и 59-й статьям оказывались гораздо более длительными, если речь вообще не шла о смертной казни, возможность которой предусматривалась почти во всех «пунктах». Заведомо широко и неопределенно сформулированные и отвергающие основные принципы права, эти нормы советского УК подводили «правовую основу» под ничем не ограниченные репрессии по политическим мотивам, что еще более усугублялось произволом, царящим в практике советской политической юстиции⁶².

Безразмерность перечня составов «контрреволюционных» преступлений и использование органов юстиции и прокуратуры в качестве безотказных инструментов государственного террора служили главной задаче: всемерно упростить проведение и обеспечить максимальную эффективность массовых репрессий как универсального средства сохранения и укрепления власти советской партийно-государственной верхушки. В связи с этим в зависимости от «политической целесообразности», то есть по произволу высших руководителей советского государства, объекты репрессий непрерывно менялись, что поддерживало в постоянном страхе и напряжении все слои и группы советского общества⁶³.

Соответственно менялась на различных этапах советской истории и официальная статистика, отражающая динамику «политических преступлений». Однако до начала 50-х годов неизменно господствовала тенденция к их численному росту, а в целом они отмечались вплоть до 1989 года, то есть практически до конца существования советского государства. Авторы исследования механизма политической

юстиции СССР отмечают, что если в конце 20-х — начале 30-х в статистике «контрреволюционных» преступлений «преобладали вредительство, саботаж», то во второй половине 30-х — на завершающем этапе подавления противников сталинской диктатуры — «на первый план выходят составы террористического акта, участия в контрреволюционной организации» (за них подвергали самым жестоким карам, то есть попросту истребляли противников Сталина), а в годы Второй мировой войны «большинство контрреволюционных преступлений образуют: измена Родине, шпионаж...»⁶⁴.

При этом «антисоветская агитация и пропаганда» (ст. 58¹⁰ УК 1926—1927 годов и аналогичная ст. 70 УК 1960—1962 годов) всегда составляла до половины всех преступлений, учитываемых официально как политические⁶⁵. Это объясняется, несомненно, особой неопределенностью состава данного «преступления», что превращало 58-ю статью в наиболее удобное обоснование массовых «изъятий», в том числе специально направленных против антитоталитарного общественного мнения, потенциально более опасного для советского режима, чем любые террористические акты, даже реальные, не говоря уж о вымышленных.

В сущности, любое действие или бездействие могло повлечь арест, особенно когда проявлялась независимость мышления, поступков, суждений. Разумеется, в группе риска оказывались прежде всего носители тех социальных традиций, знаний и опыта, которые способствовали такой независимости. Поэтому с самых первых лет существования советская власть целенаправленно уничтожала всех, кого сама же и объявила «социально чуждыми элементами», причисляя к таковым всех выходцев из социальных слоев, относимых в старой России к так называемым образованным классам, а особенно тех, кто в прошлом оказался хотя бы косвенно причастен к сопротивлению революции (даже к участию в преследовании социалистов, которых тоже зачислили во «враждебные элементы»). Особую «бдительность» проявляли также по отношению ко всем, кто побывал за границей (пусть и в плену), кто имел там родственников или поддерживал контакты с иностранцами. Даже ветеринар, который лечил собак германского консула, или молочница, снабжавшая семью консула молоком, или ее родственники (!) могли оказаться под ударом карательных органов⁶⁶.

Политические репрессии проводились также по национальному признаку (хотя официально такой подход всегда отрицался). В 1936—1938 годах мишенью стали советские граждане иностранного происхождения, например латыши и поляки, а в 1939—1940-х — «социально чуждые» из числа граждан сопредельных стран, по-

глошаемых Советским Союзом: восточных областей Польши и Румынии, Прибалтийских республик. В эти годы в обиходе карательных органов государства, кичившегося своим «интернационализмом», даже появился термин «лица враждебных национальностей»⁶⁷. В 1941–1945 годах в числе таковых оказались российские немцы, финны, ингерманландцы, а также калмыки, чеченцы, ингуши, крымские татары...⁶⁸

Как и во всех прочих случаях, условия лишения свободы, численность выживших, опыт освобождения у каждого из этих «потоков» репрессированных во многом различались. Например, многие жертвы «национальных операций» НКВД 1937–1938 годов (те, что избежали расстрела) оказались в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа и разделили общую судьбу основного контингента заключенных по политическим мотивам⁶⁹. Основную массу репрессированных по национальному признаку депортировали в отдаленные районы СССР, обратив в спецпереселенцев. При этом часть из них в годы войны мобилизовали в так называемые рабочие колонны, смертность в которых была не ниже, чем в лагерях⁷⁰.

Надо сказать, что накануне войны из лагерей и тюрем освободили некоторых офицеров и генералов из тех, кто попал в заключение еще в 1937–1938 годах. Причиной стала острейшая нехватка командного состава, очень болезненная в условиях резкого увеличения численности Вооруженных Сил. По различным оценкам, к началу 1941 года в армию возвратили от 12 до 13 тысяч человек из ранее «вычищенных»⁷¹. В сентябре 1941 года последовала еще одна серия освобождений. Некоторых при этом не только возвращали в строй, но и, подобно А.В.Горбатову, Л.Г.Петровскому, К.К.Рокоссовскому, И.В.Тюленеву, наделяли прежними высокими званиями и должностями, то есть полностью реабилитировали⁷². Вместе с тем в первые дни войны в следственной тюрьме по ложным обвинениям в заговоре оказалась группа высших руководителей Наркомата обороны СССР и военной промышленности. Большинство были замучены на допросах или расстреляны, как, например, Герои Советского Союза генералы П.В.Рычагов, Я.В.Смушкевич, Г.М.Штерн. Лишь немногих оставили в живых и, несмотря на то, что под пытками они «во всем сознались», освободили и реабилитировали. Всю войну они затем прошли на самых высоких должностях. Например, генерал армии (а с 1944 года — маршал) К.А.Мерецков командовал фронтами, а Б.Л.Ванников возглавлял Наркомат вооружений СССР⁷³.

К началу войны, по официальным данным, в лагерях и колониях насчитывалось свыше 2 300 000 заключенных, 27% из них составляли осужденные по политическим обвинениям. За первые три военных

года эта доля возросла до 43%, а в лагерях оказались еще 1 800 000 новых заключенных. В то же время специальными указами Президиума Верховного Совета и решениями ГКО СССР досрочно освободили для отправки на фронт 577 тысяч заключенных, «осужденных за незначительные преступления»⁷⁴. Тем, кого осудили по 58-й статье, такого доверия обычно не оказывали, несмотря на их просьбы позволить воевать за Родину⁷⁵. Зачастую такие просьбы лагерное начальство расценивало как попытку дезертирства с «трудового фронта» или даже «побега к врагу». Большую часть политэзков, уже отбывших свои сроки, задерживали в лагерях до окончания войны, а тех немногих, кого все же освобождали, немедленно отправляли в строительные батальоны для работы на передовой. Один из них впоследствии так вспоминал о своем «освобождении»: «Я сидел в вагоне, все еще одетый в лагерное тряпье. Человек со скамьи напротив спросил, откуда я и куда. [Я ответил:] „Выбрался из одной могилы, чтобы найти другую“»⁷⁶.

После войны новую категорию заключенных составили советские граждане, возвращавшиеся из немецких лагерей для военнопленных и восточных рабочих. Зачастую прямо из проверочно-фильтрационных лагерей НКВД за «сотрудничество с врагом» их отправляли на 10–15 лет в «исправительно-трудовые» лагеря⁷⁷.

Жертвами политических репрессий в первые послевоенные годы стали также участники вооруженного антисоветского сопротивления в западных областях Украины и Белоруссии, в Прибалтике⁷⁸. Репрессии вновь затронули и офицерский корпус, «боевых офицеров вроде Солженицына, кто демонстрировал излишнюю дерзость или любознательность»⁷⁹. Некоторые из этих офицеров, а также и участников повстанческих движений впоследствии возглавили восстания заключенных в лагерях Воркуты, Норильска, Кенгира⁸⁰. В 1946–1947 годы в числе «политических» оказались и многие бывшие эмигранты «первой волны» (по советской терминологии — «белоэмигранты»), которые, поддавшись патриотическому порыву, вернулись после Второй мировой войны в СССР из Китая и стран Европы⁸¹.

Изредка проводимые во второй половине 40-х годов из-за перегруженности лагерей массовые освобождения заключенных не касались осужденных по 58-й статье⁸². Напротив, в 1948 году тех из них, кто уже полностью отбыл свой срок и/или находился в ссылке, подвергли повторному наказанию, отправив в бессрочную ссылку в самые гиблые местности Советского Союза (см. главу III).

В начале 50-х годов нарастала новая волна репрессий. На это указывала череда громких политических «групповых» дел: «ленинградское» (1950), Еврейского антифашистского комитета (1952),

«врачей» (1953). Первое из них, порожденное обострением борьбы за власть в ближайшем окружении Сталина, ударило по значительной группе руководящих работников партийно-государственного аппарата. Основных фигурантов расстреляли, а еще сотни (если верить справке ИМЛ и КПК при ЦК КПСС от 1990 г.) осудили к длительным лагерным срокам. После смерти Сталина они смогли освободиться в числе первых политзаключенных, и уже весной 1954 года их реабилитировали⁸³. Два остальных «дела» готовили очередную «национальную операцию», на сей раз — еврейскую, и привели к арестам виднейших представителей еврейской интеллигенции по всей стране. Более двадцати из них расстреляли, нескольких замучили во время следствия, основную часть приговорили к 25 годам лагерей, а членов семей отправили в ссылку. Не успели осудить лишь тех, кто проходил по «делу врачей» (см. главу III).

Смерть Сталина в марте 1953 года открыла «первый акт десталинизации»⁸⁴. Но объявленная вскоре массовая амнистия почти не затронула политзаключенных (см. главу III). Более того, за тот же 1953 год лагерь пополнились еще 600 тысячами новых заключенных, в том числе и политических⁸⁵. Начало массовому освобождению (но не реабилитации!) сталинских узников положили соответствующие решения Президиума ЦК КПСС и изданные во исполнение их совместные приказы Генпрокурора, МВД, МЮ и КГБ СССР в апреле—мае 1954 года⁸⁶. На протяжении 1954—1955 годов из лагерей и ссылки были освобождены десятки тысяч заключенных, отбывавших сроки по политическим обвинениям, а также часть «выселенцев» — жертв коллективизации (см. ниже, а также в главе III). По утверждению Р.А. и Ж.А. Медведевых, Хрущев лично инициировал освобождение «двенадцати тысяч избранных» — в большинстве своем видных номенклатурных работников. Эти же авторы отмечали, что лишь 5% из тех, кого бросили в лагерь в 30-е, дожили до 1956 года⁸⁷. Решения, принятые в феврале 1956 года XX съездом КПСС после «секретного доклада» Хрущева, привели к освобождению в 1956—1957 годах подавляющего большинства оставшихся в живых политзаключенных⁸⁸ и ссыльных (см. главу V). В оценках численности этой массы людей историки расходятся, явно используя при этом разные источники и методики подсчетов. Например, А. Ван Гудевер, сравнивая численность зарегистрированных избирателей, пришел к выводу, что восстановить свои гражданские права смогли до двух миллионов человек⁸⁹.

В главе V этим оценкам уделено больше внимания, а пока заметим лишь, что разночтения, возможно, обусловлены смешением понятий «освобождение» (из заключения) и «реабилитация». Кро-

ме того, существовало огромное численное различие между политзаключенными, возвращавшимися непосредственно из лагерей, и их родственниками, которые возвращались из ссылки. Им тоже предстояла мучительная реадаптация. Но в данном случае важно не столько общее число возвратившихся политзаключенных и ссыльных, сколько их опыт возвращения. Ведь в этой книге мы обращаемся к усилиям репрессированных рядовых советских граждан вновь обрести свои, отнятые государством, права, а также к тому противодействию, которое они встретили со стороны государства и общества.

МАСШТАБЫ

Анализ последствий политических репрессий в СССР невозможен без общего представления о масштабах этих репрессий, тем более что известные суждения на сей счет крайне противоречивы, часто необъективны и всегда спорны. Особенно ожесточенные споры ведутся многие годы именно о численности жертв государственного террора сталинских времен, причем, как ни парадоксально, открытие в 90-х годах доступа к советским архивным документам только осложнило ситуацию. Не углубляясь в детали и историю дискуссий, попытаемся рассмотреть некоторые оценки, предлагаемые современной литературой⁹⁰. Прежде всего отметим, что до сего дня полярность количественных характеристик советских репрессий зачастую определяется не только и не столько различием используемой источниковой базы или исследовательских методик, сколько политической ориентацией, а то и личными пристрастиями отдельных авторов. Особенно это заметно в России, где некоторые оценки вообще далеки от научного анализа, но при этом, несомненно, воздействуют на общественное мнение и научную общественность.

Так, руководитель Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий академик А.Н.Яковлев, — бывший член Политбюро ЦК КПСС, а теперь последовательный антикоммунист, — неоднократно заявлял, основываясь на «многолетнем опыте работы»(!), что численность одних только погибших в результате советского государственного террора превышает двадцать (до тридцати) миллионов человек, а еще десятки миллионов прошли лагеря, ссылку или депортацию⁹¹. Мнение, безусловно, исходит от авторитетного лица, но, надо признать, по части доказательной базы весьма уязвимо.

Еще один пример, но «с противоположным знаком». Некий профессор В.М.Жухрай в своей книжке, изданной двадцатитысячным тиражом в 1996 году, утверждает, что никаких необоснованных массовых политических репрессий в СССР вовсе не было, сведения о них — «шизофренический бред». По его, Жухрая, данным (каким?), например, за 1937–1938 годы за контрреволюционные преступления осудили якобы «всего 3572 человек»⁹². Утверждение это, конечно, крайне некорректно, но по существу не более бездоказательно, чем оценки академика Яковлева.

Широкое распространение в современной российской литературе получили сегодня сведения «сводной» (за 1921–1940 годы, то есть заведомо неполной) таблицы, составленной В.П.Поповым по документам МВД СССР конца 1953 года⁹³. Если доверять этим сведениям, можно, в частности, подсчитать, что только за шесть лет с 1935 по 1940 год в СССР по политическим мотивам были осуждены 2 022 364 человека: 688 240 (34%) были приговорены к расстрелу (причем за 1937–1938 годы — 681 692); 1 160 477 (свыше 57%) — к лагерям; 81 453 (4%) — к ссылке и высылке; 92 194 (4,5%) — к «прочим мерам наказания».

Эту таблицу принял за основу собственных расчетов, расширив их рамки до 1918–1958 годов, российский криминолог В.В.Лунеев. Но, по его данным, за весь этот период в Советской России и СССР за «контрреволюционные преступления» 3 047 060 человек осудили к лишению свободы, а 839 772 человек — к расстрелу⁹⁴. Эти цифры вызывают серьезные сомнения.

Правоведы В.Н.Кудрявцев и А.И.Трусов, внося оценочные коррективы в прежние подсчеты, предложили новые цифры. По их мнению, за период 1918–1958 годов численность осужденных по политическим мотивам в СССР составила 6 100 000 человек, а к 1991 году возросла еще на 5 тысяч. Из них до 1 165 000 были расстреляны. А всего — с учетом высланных за годы коллективизации и в ходе массовых депортаций — общее число лиц, подвергнутых политическим репрессиям, приближается к 13 миллионам человек. «Не все это количество репрессированных можно считать невинно пострадавшими, — оговариваются Кудрявцев и Трусов. — Среди них было и немало людей, действительно виновных в совершенных преступлениях... и потому не подлежащих реабилитации». Тем не менее они признают, что «даже неполные данные... показывают ни с чем не сравнимые масштабы массовых репрессий»⁹⁵.

Не стихают споры и между западными историками. Некоторые разделяют выводы Дж. Арч Гетти и Г.Т.Риттерспорна, утверждающих, что в 1930–1953 годы в СССР по политическим обвинениям были

расстреляны 786 098 человек, а осуждены к различным срокам заключения 2,3 миллиона⁹⁶. Другие, возражая этим «ревизионистским»⁹⁷ оценкам, отстаивают прямо противоположное. Так, Э.Бэкон, основываясь на официальной статистике ГУЛАГа о прибывших и убывших, подсчитал, что только за период с 1934 по 1947 год в лагерях содержалось до 12 миллионов заключенных⁹⁸. Еще дальше пошел в своих подсчетах А.Ноув, заявивший о «дополнительно 10–11 миллионах погибших» лишь на протяжении 30-х годов⁹⁹.

С открытием доступа к документам советских архивов «ревизионистские» оценки несколько возросли, а некоторые традиционно преувеличенные — снизились¹⁰⁰. Между тем предвзятость сохраняется. Р.Торстон в книге «Жизнь и террор в сталинской России, 1934–1941» заявил, что зарегистрированные в СССР в 1937–1938 годах казни будто бы не представляли собой массового террора и не оказали глубокого и длительного воздействия на повседневную жизнь страны и ее граждан¹⁰¹. Остроумно оппонировав Торстону, приравнявшему атмосферу сталинского СССР к обстановке маккартизма в США (когда казнили уличенных в атомном шпионаже супругов Розенберга), Р.Конквест саркастически заметил, что для полноты аналогии следовало бы и в США «расстрелять полмиллиона, включая большинство членов правительства и три четверти Конгресса, сотни писателей, тысячи офицеров, чтобы так же слегка обеспокоить граждан»¹⁰².

Однако, как бы то ни было, ни статистическая интерпретация новых источников, ни сами по себе архивные источники о численности казненных и лишенных свободы — даже если бы они были исчерпывающими и безукоризненно достоверными (что далеко не так!) — еще не позволяют оценить реальные масштабы проблемы во всей полноте. Стивен Коэн в связи с этим призывает обратить внимание на множество потомков жертв сталинских репрессий, так как в качестве членов семей репрессированных они тоже пострадали от советского государственного террора. Всех их также следует учитывать в числе миллионов жертв репрессий¹⁰³.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что автор разделяет ту точку зрения, что репрессии являлись *всеобъемлющими*, а террор — *массовым*. Однако скрупулезный подсчет числа жертв, безусловно важный для обвинения советской государственной системы, не входит в наши задачи. В центре нашего внимания — люди, перенесшие репрессии, исследование воздействия, которое приобретенный ими травматический опыт оказывал на них самих, на советское общество, на советскую политическую систему.

То, что Стивен Коэн назвал «сильно историзированной политикой» 1953–1964 годов¹⁰⁴, предопределялось открытым осуждением Хрущевым злоупотреблений властью в сталинскую эпоху. При этом, однако, осуждалась не советская система, а «личные пороки» Сталина. Предпринимавшиеся попытки подправить и стабилизировать систему не касались ее собственных коренных пороков, многое по-прежнему происходило по произволу руководства. При Хрущеве наблюдались периоды откровенного отката к сталинизму, например кампания по «борьбе с туеядством», затронувшая в том числе писателей, поэтов, не состоявших в официальном Союзе советских писателей, или «дело Пастернака», которого вынудили отказаться от Нобелевской премии. Хрущев оставался человеком своего времени, и его двойственная роль одновременно и освободителя, и притеснителя отражала то, что немцы называют «zeitgeist», то есть давление прошлого и страх перед неизвестным будущим. Таким был социальный и исторический контекст, в котором формировалась судьба Бывшего Политзаклученного.

Доклад Хрущева на XX съезде КПСС обрисовал государственную систему, характерными чертами которой были беззаконие, массовые убийства, некомпетентность руководства, систематическая фальсификация истории¹⁰⁵. Откровения XX съезда стали прорывом к десталинизации. Однако открытые в 90-х годах документы показывают, что к «либерализму» Хрущев пришел довольно поздно: он сам руководил террором и в Москве в 1936 году, будучи первым секретарем Московского горкома партии, и на Украине в 1938-м — в качестве первого секретаря ЦК Компартии Украины¹⁰⁶. Таким образом, руки Хрущева были обогреты кровью. Факты, ставшие доступными совсем недавно, подвергают еще большему сомнению и репутацию Хрущева, и последовательность его попыток десталинизации. Хорошо известно, что в середине — второй половине 50-х годов освободили многих, ранее осужденных по политической 58-й статье УК РСФСР. Но одновременно в те же годы по политическим мотивам в лагеря отправили множество людей, осужденных как по 58-й, так и по 59-й статье. Иначе говоря, одних политзэков освобождали, других сажали¹⁰⁷.

Первый период десталинизации (1953–1957) носил по сути косметический характер. Пока высшие советские руководители (включая Хрущева, а затем — и во главе с ним) на словах порицали сталинские репрессии, практические действия их демонстрировали,

что система управления страной вовсе не избавилась от репрессивной политики. Этот дуализм, если не лицемерие, процветал на всех уровнях государства и общества и, в частности, порождал двойственное отношение к бывшим политзаключенным, препятствуя их реабилитации.

Поиск правды советским обществом того времени аллегорически изобразил Павел Негретов в рассказе о бывшем солагернике: «XX съезд партии дал Саше свободу, и он стал, как и Дуся [его жена], сталинистом, не верил в новый курс партии, не верил в то, что он продлится». (Видимо, под «сталинизмом» в данном случае подразумевается оппозиция к преемникам Сталина или их стилю руководства.) Негретов не ставит в вину Саше и Дусе их «сталинизм» — «они просто пытались обрести в нем опору своему жалкому существованию»¹⁰⁸. Многие, как в монологе Гамлета, предпочитали неизвестности привычные беды. Так что советская система в те годы колебалась между десталинизацией, стагнацией и реставрацией сталинизма.

Р.А.Медведев сообщает о нескольких конкретных случаях личного благосклонного вмешательства Хрущева в судьбу некоторых бывших политзэков, но также и о том, что позднее тот отклонял подобные просьбы о помощи¹⁰⁹. Архивные документы подтверждают эту смену политических акцентов. Когда в 1974 году на одном из заседаний Политбюро обсуждалось дело Солженицына, Брежнев цинично заметил: «Солженицын был арестован, отбыл свой срок за *злостное нарушение советских законов* (курсив мой. — *Н.А.*) и был реабилитирован. Но как он был реабилитирован? Он был реабилитирован двумя людьми — Шатуновской и Снеговым»¹¹⁰. Эти двое, о которых так пренебрежительно отозвался Брежнев, тоже подолгу пробыли в лагерях, а затем сыграли важную роль в процессе десталинизации. Первая из них, работая в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС, внесла большой личный вклад в изучение сталинских «чисток» 30-х годов, второй участвовал в работе комиссий, уполномоченных освобождать заключенных, в 1956 году¹¹¹. На упомянутом заседании Политбюро все присутствовавшие — Андропов, Гришин, Громыко, Кириленко, Косыгин, Подгорный — были, несомненно, солидарны с Брежневым. Тем самым выявилась их реальная политическая оценка процесса реабилитации. (Заметим, что спустя десять лет на другом заседании Политбюро, на котором «никто не нашел ни одного доброго слова в адрес Хрущева», вновь возник вопрос о реабилитации Солженицына. Чебриков, в ту пору глава КГБ, заявил, что реабилитацию части людей, «наказанных правомерно», провели незаконно. В качестве примера он упомянул «дело Солженицына». Примечательно, что

на том заседании присутствовал и Горбачев, позже избранный Генеральным секретарем ЦК КПСС¹¹².)

Стивен Коэн охарактеризовал освобожденных политических узников как «важный исторический и общественный индикатор предела политической десталинизации»¹¹³. Действительно, их судьба наглядно показала, насколько советское государство увязло в сталинизме.

В какой мере оно вообще было способно к десталинизации? Каков был допустимый для него предел политических изменений? Брежнев явно чувствовал, что таковой при Хрущеве превысили, и во второй половине 60–70-х годах развернулась реставрация сталинизма, пожалуй, едва не дошедшая до массового террора. И все же заключенным и потенциальным заключенным той эпохи повезло несколько более, чем их собратьям эпохи сталинской. Возможно, отчасти потому, что необходимость международной «разрядки» заставляла прислушиваться к мнению Запада. Тем не менее, советская политическая система, как известно, и тогда не проявляла терпимости к своим диссидентам (группе, частично сходной, но не идентичной осужденным по 58-й статье сталинских времен). Их бросали в «исправительно-трудовые колонии», в тюрьмы и спецпсихбольницы (как Григоренко), морили до смерти (как Марченко), изгоняли из страны (как Буковского).

Если рассматривать историю как диалектический процесс, представляется естественным, что 1980-е годы вызвали к жизни новые силы для преодоления сталинизма. Это были общественные организации, подобные Обществу «Мемориал». Благодаря их деятельности, правдивым рассказам о тех, кому удалось выжить в лагерях, о страданиях их близких, в обществе возникла широкая сочувственная реакция, создавшая усилиям Горбачева по десталинизации гораздо более прочную социально-психологическую основу, чем та, которой располагал Хрущев. Когда Горбачев, заведомо преуменьшая, говорил о якобы всего лишь «тысячах» жертв Сталина, что многих возмутило, «Мемориал» уже фактически начал действовать. Возможно, Горбачев надеялся, что «цифры скажут сами за себя» и руководству не придется нести ответственность за шокирующие разоблачения¹¹⁴. Мы помним, как Горбачев не хотел допустить бесконтрольного (со стороны КПСС) пересмотра советской истории, поскольку еще функционировала сама советская система. Вместе с тем поднятая им политическая волна, хотя поначалу и довольно слабая, все же прокладывала путь к отходу от репрессий. Нарастание горбачевской десталинизации и кампании реабилитации совпало с крахом советской системы, а возможно, и подтолкнуло его.

Освобождение из заключения не означало автоматической реабилитации, каковая при Хрущеве трактовалась как «пересмотр приговора, неправомерно вынесенного лицу невиновному, вследствие установления его невиновности». Некоторых реабилитировали частично, то есть снимали часть обвинений, оставляя в силе приговор по остальным обвинениям, других освобождали, когда заканчивались определенные им приговорами сроки заключения; затем многих из них лишь «восстановили в правах» — политических и гражданских.

А. Ван Гудевер рассмотрел различные стороны процесса реабилитации: личная — пересмотр дела и признание невиновным; социальная — компенсация за причиненные страдания и невыплаченную зарплату, возвращение конфискованного имущества, восстановление в прежней должности, пенсионное и социальное обеспечение; партийная — восстановление в партии; посмертная реабилитация; полная политическая реабилитация¹¹⁵. Последней удостоили отдельных видных партийцев. Дж.Шапиро назвала это «возвращением имени и деяний [жертвы репрессий] в советскую историографию. Репрессированный считался полностью реабилитированным, когда его биографию публиковали в советской печати, а труды — переиздавали»¹¹⁶.

Что касается юридического содержания реабилитации, Л.Лабедз трактует его как отмену судебного приговора, что необязательно влекло за собой реабилитацию политическую¹¹⁷. Дж.Шапиро утверждала, что оправдание (юридическая реабилитация) всегда сопровождалось восстановлением в партии или армии — по принадлежности. Кроме того, полагала она, реабилитация юридическая являлась обязательным условием освобождения из тюрьмы или лагеря¹¹⁸. Это — заблуждения. Заключенных иной раз освобождали по амнистии или по отбытии ими срока, но судимость с них не снималась. Процесс реабилитации — юридической и партийной — в этих случаях был особенно долгов и изнурителен. Как мы увидим, множество жертв репрессий были реабилитированы лишь спустя сорок и более лет после выхода из заключения, причем некоторым при освобождении сохраняли в силе приговор о «поражении в правах»: в этих случаях выход из лагеря сопровождался высылкой в отдаленные местности страны — на «постоянное проживание» или «бессрочное поселение». Оставшиеся нереабилитированными получали паспорта с так называемыми «минусами» — специальными отметками об огра-

ничении свободы передвижения и запрете проживания в стокилометровой зоне вокруг Москвы, Ленинграда и прочих крупных городов. Это усугублялось обязанностью бывших заключенных регулярно отмечаться в местных органах внутренних дел. Как рассказывала одна из бывших заключенных, З.Д.Марченко, «это, разумеется, не исключало секретного надзора, системы доносов, которая опутала всю страну.. Я думаю, система надзора в каком-то виде сохраняется и сегодня (в 1995 году. — *Н.А.*)». К этому она добавила, что «в трудовой книжке, без которой невозможно было устроиться на работу, тоже была отметка о пребывании в лагерях, что не давало мне возможности работать даже стенографисткой»¹¹⁹. Другой бывший заключенный, Е.А.Грамп, объяснял: «Высылка означает, что тебе определяют район и транспортируют туда. У тебя нет прав выезжать за пределы этого района. Есть комендант, у которого ты должен дважды в месяц отмечаться. И это все твои права... Никого не интересует, как ты зарабатываешь на жизнь, что ешь... Это не лагерь, где тебя хотя бы кормили»¹²⁰.

Некоторых заключенных и освобождали, и восстанавливали в правах, тем самым вроде бы реабилитируя. Но справку, удостоверяющую реабилитацию, не выдавали (см. главу III). Иных освобождали и реабилитировали сразу же — в 50–60-е годы, но были и такие, кого освободили в 50-е годы, а реабилитировали только в 90-е. Наконец, очень многих так и не реабилитировали. Процесс реабилитации продолжается до сих пор (см. главу VII).

Обстоятельства возвращения человека в общество менялись в зависимости от времени освобождения из заключения. Даже непосредственно накануне XX съезда КПСС сохранялись определенные политические опасности. Анна Ахматова в 1956 году восклицала: «Как же они (начальники. — *Н.А.*) трясутся за свои имена, положение, квартиры, дачи. Расчет был на то, что никто не вернется»¹²¹. Но, как известно, несколько миллионов все-таки вернулись. Тем, кто выжил в ГУЛАГе и вернулся сразу после 1953 года, во многом пришлось столкнуться с теми же проблемами, что и их предшественникам в 30–40-е годы. Доказательством служат опубликованные мемуары и устные свидетельства.

Некоторые заключенные не только возвращались, но добивались восстановления в КПСС. Мотивы — вопрос не простой. Иногда это делалось (или предлагалось) из прагматических соображений. Когда Е.С.Гинзбург получала справку о реабилитации, ей дали телефон Комиссии партийного контроля в убеждении, что она непременно попытается восстановиться в партии. На ее недоуменный вопрос офицер ответил: «А как будете анкеты заполнять при оформлении на

работу? ...Вопрос в анкете будет: состояли ли в партии, когда и каким образом выбыли? И вы должны будете написать ту формулировку, которая у вас в деле: исключена за контрреволюционную троцкистскую деятельность. Так что звоните по этому номеру!»¹²²

Иногда мотивация была идеологической. Б.Л.Брайнин вкалывал на Колыме по двенадцать часов в день, в 1942 году был освобожден из лагеря и отправлен в штрафбат на передовую. После войны жил «на поселении», а в 1950-м его вновь арестовали, допрашивали более трех месяцев, но освободили — «за отсутствием состава преступления». Несмотря на все свои злоключения, в 1956 году он добился восстановления в КПСС¹²³. Его судьба не редкость. Многие заключенные считали себя «строителями коммунизма», неизменно веря в «дело Партии». Так, например, Л.Г.Гаврилов в воспоминаниях прямо заявляет, что на протяжении всех лет в неволе «находил утешение в своей вере в правоту партии». А он провел в лагерях на Дальнем Севере, а затем в ссылке в Норильске двадцать лет — с 1937 по 1956 год — и все это время мечтал о восстановлении в партии. Он даже стихотворение написал, как в Москве на Старой площади, где находился ЦК КПСС, ему пожмут руку, возвращая партбилет: «Может, много лет пройдет, Но день этот настанет»¹²⁴.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Хотя размах государственных репрессий в разных странах, переживших тоталитарный режим, различен, их жертвы сталкивались со сходными проблемами — личными и общественными. Часто сравнивают заключенных немецких и советских. Различия же бывший советский политзаключенный И.М.Фильштинский — филолог и философ — усматривает в том, что «немецкие заключенные вернулись в мир, который вопиял, здесь же [в СССР] была тишина»¹²⁵. Сравнение яркое, хотя описание мира, в который вернулись узники нацизма, не вполне точно: тот мир, по сути, еще пребывал в состоянии войны. Более того, и стенания и тишина равно обуславливались болезненной реакцией травмированного общества. Подчеркнем, однако, что сравнение советского тоталитаризма с нацистским в наши задачи не входит¹²⁶. Кроме того, представляется неправомерным проверять степень порочности одного общества другим. Отметим лишь, что психологические симптомы и реадaptационные проблемы сходны у всех жертв крупномасштабных репрессий.

Природу и масштабы проблем, с которыми столкнулись жертвы советского террора, анализировать трудно, так как в советское время — вплоть до 1991 года — открытой информации об этом было чрезвычайно мало. В течение 40-х, 50-х, 60-х годов в общество из неволи возвратились несколько миллионов человек. Согласно официальным данным, только во время первой волны реабилитации — 1954–1962 годы — ежегодно реабилитировали около 30 тысяч человек, в общей сложности — 258 322¹²⁷. В 1956 году Н.С.Хрущев утверждал, что реабилитировано с 1954 года 7679 человек¹²⁸, а Д.Юрасов в 1990 году говорил о 612 000 реабилитированных в 1953–1957 годы¹²⁹. По данным В.Роговина, в 1954–1957 годы реабилитировали (в том числе посмертно) 737 182 человека¹³⁰. Несмотря на расхождения в оценках, в любом случае речь идет о небольшом проценте огромной массы людей, прошедших лагеря, ссылку, высылку, спецпоселения. Уже в начале 1960-х годов реабилитационный процесс сошел на нет: в 1962 году было рассмотрено всего 117 реабилитационных дел, в 1963 году — 55, в 1964 году — 27¹³¹. Неизвестно точно, скольких реабилитировали затем до 1987 года, но ясно, что общее их число невелико¹³². Лишь при Горбачеве процесс реабилитации активизировался, и всего за два года — с 1987-го по 1989-й — реабилитировали до 840 тысяч человек¹³³. В 1991–1994 годы уже в Российской Федерации реабилитировали 207 400 человек, не считая тех, кого реабилитировали в прочих бывших республиках СССР¹³⁴.

Очевидная ограниченность количественных характеристик реабилитации определенно указывает на ограниченный характер десталинизации в целом. Вместе с тем официальные данные не отражают число бывших политзаключенных, которые самостоятельно отстаивали собственную невиновность. Вышедшие на свободу жертвы террора после смерти Сталина получили хоть какую-то возможность открыто оценить свой личный опыт и социальный статус — поначалу в частных беседах, а затем в «самиздате».

Официальное замалчивание практически всей информации о реалиях процесса возвращения в общество бывших узников ГУЛАГа продолжалось до второй половины — конца 1980-х годов. Это крайне затрудняет исследователю выяснение коллективной судьбы тех, кто вышел на свободу. Трудно установить, как они вновь обретали свои права, достоверно оценить опыт их социализации. Мы обычно сталкиваемся с заметным несовпадением официальных (традиционных) взглядов на хрущевскую десталинизацию и индивидуального опыта.

Уже одного этого достаточно, чтобы скептически отнестись к официальной версии.

Историк В.Т.Логинов, в прошлом сотрудник рабочей группы реабилитационной комиссии хрущевских времен, говорит, что тех, кто возвращался тогда из лагерей, советское общество принимало (или воспринимало) чуть ли не как героев¹³⁵. Ему вторит В.П.Наумов, тоже историк, и тоже сотрудник реабилитационной комиссии, но уже горбачевских и ельцинских времен. Он уверяет, что большинство бывших политзаключенных по освобождению обращались за реабилитацией, благополучно получали ее и устраивались на работу. (О том, что у большинства не возникало особых проблем с трудоустройством, упоминает и Р.А.Медведев, уточняя, однако, что 80% до этого просто не дожили¹³⁶.) По словам Наумова, несмотря на «определенные трудности личного характера», например навязчивый страх повторного ареста, распад семейных связей (пустяки, не правда ли?), освобожденные политзаключенные большей частью продолжали считать себя «строителями коммунизма» и добивались восстановления в партии. Кроме того, он обращает внимание на однородность состава бывших сталинских политзэков, в числе которых были и представители высших эшелонов власти. (Действительно, к таковым, насколько известно, послесталинское руководство и в 50-е, и позднее, как правило, проявляло благосклонность.) Коротко говоря, выводы В.П.Наумова и В.Т.Логинова совпадают: по их убеждению, большинство возвращавшихся из ГУЛАГа не становились изгоями в советском обществе и не несли на себе до конца своих дней клеймо бывших политзаключенных¹³⁷.

Мнение, безусловно, авторитетное, хотя бы потому, что в обоих случаях высказано непосредственными участниками реабилитационного процесса. Вместе с тем очевидно, что и В.Т.Логинов, и В.П.Наумов имеют в виду прежде всего именно *реабилитированных членов партии*. Каковые, понятно, в общей массе возвращавшихся политзэков большинства отнюдь не составляли. К тому же сам факт, что реабилитация узников сталинских лагерей не завершена и по сей день — через полвека (!) после их выхода на свободу (см. подробнее главу VII), — заставляет усомниться, что у этих «строителей коммунизма» все складывалось так благополучно¹³⁸. Но главное, версию о том, будто узников ГУЛАГа встречали в советском обществе чуть ли не как героев, опровергают рассказы самих жертв репрессий. Когда сегодня спрашиваешь у них, было ли после освобождения ощущение так и не исправленной несправедливости, нередко получаешь ответ: «было всегда» или даже: «я чувствовала себя среди людей белой вороной»¹³⁹. А восьмидесятивосьмилетняя З.Д.Марченко, которая отбыла

двенадцать лет в лагерях (из них девять в Дальстрое), да еще восемь лет в «бессрочной ссылке», сказала: «Я всегда жила с ощущением собственной „второсортности“. Я всегда была готова к любым неприятностям. Я понимала, что моя жизнь и судьба зависят не от моих личных качеств, но от тех сил, которые управляют страной, а я просто должна стараться выжить»¹⁴⁰.

Столь явное несоответствие между тем, как процесс возвращения сталинских узников виделся «сверху» и «снизу», означает либо искажение фактов одной из сторон (а может быть, и обеими), либо, что более вероятно, — огромные различия между отдельными категориями возвращавшихся. Иначе просто необъяснима широта спектра вариантов адаптации возвращавшихся: от полной социальной и политической реинтеграции до абсолютного отторжения человека обществом и государством. Последнее можно охарактеризовать как полную несовместимость возвращавшегося и советской системы.

ПОЛОЖЕНИЕ БЫВШЕГО ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО

В любом обществе статус бывшего заключенного оказывает влияние и на его личную жизнь, и на его социальное положение.

Даже в открытых и сравнительно более толерантных демократических обществах возвращение людей из заключения связано с проблемами. Изолируя человека от внешнего мира, тюрьма вместе с тем провоцирует тесные контакты с содержащимися там уголовниками, создавая условия для консолидации с ними, ставя на всех узниках общее позорное клеймо. Чтобы приспособиться к условиям заключения, человеку приходится принять тюремную субкультуру. Неоднократно высказывалось мнение, что тюрьма служит как бы курсами повышения криминальной квалификации¹⁴¹. Пенитенциарная система США, например, пытается противостоять криминализирующему влиянию тюрьмы и облегчить бывшему заключенному возвращение в общество, использует специальные реабилитационные программы и условно-досрочное освобождение под надзор особого офицера. Но и при всем этом процесс возвращения в общество остается тяжелым¹⁴².

Проблемы ресоциализации еще более усложняются, когда содержание человека в заключении обусловлено не каким-либо действительно совершенным им преступлением, но лишь стечением политических обстоятельств. Если его невиновность признана обществом, в которое он затем возвращается (так было с большинством жертв нацистского террора), то перед ним встает гораздо меньше проблем,

чем в том случае, когда общество даже и не собирается рассматривать его как невиновного¹⁴³.

В СССР статус бывшего политзаключенного ГУЛАГа имел и свои специфические особенности. Жертв советского государственного террора официально считали заговорщиками, создававшими угрозу обществу и государству, в них видели предателей, отщепенцев. Пострадавшей стороной, таким образом, объявлялось само государство, которое на этом основании присваивало себе право уничтожать и подвергать непрерывной травле всех, кого объявляло «врагами народа». Это творилось десятилетиями — при Сталине и отчасти после него (по крайней мере до XX съезда КПСС). Общество было приучено считать жертв политических репрессий и их близких изгоями. Соответственно ощущали себя и они сами.

Положение отверженных знакомо и бывшим заключенным на Западе. В книге «Клеймо. Как управлять надломленной личностью» Э.Гоффман отмечает, что «клеймо» имеет тенденцию распространяться и на близких заключенного, а это ведет к разрыву родственных и дружеских отношений¹⁴⁴. Такие последствия тем вероятнее, чем более уверены близкие в реальной виновности отбывшего заключение или страшатся негативных последствий со стороны властей лично для себя. В советском варианте часто по социальному статусу заключенных по политическим обвинениям наносился дополнительный удар: многих из них покидали супруги. В таких случаях возвращение, разумеется, осложнялось еще больше.

Можно обозначить несколько основных типов ситуаций, в которых происходил процесс возвращения в общество бывших жертв массовых политических репрессий: возвращение в уже измененную общественно-политическую систему (например, уцелевших в Холокосте); возвращение в прежнюю систему (из советских лагерей при Сталине); возвращение в реформируемую систему (в СССР накануне или сразу после 1956 года). Узникам ГУЛАГа приходилось сталкиваться со множеством специально для них установленных ограничений — свободы передвижения, выбора места жительства, места работы и т.п., а кроме того — с предубежденностью большинства окружающих. Поэтому зачастую они всю страну считали «большой зоной» (в отличие от зоны «малой» — лагеря).

В центре нашего дальнейшего повествования именно *последствия* советского государственного террора. Мы пытаемся выяснить, какое место лагерь занимал в последующей жизни бывших политзаключенных, как лагерное клеймо воздействовало на них самих и на тех, кто их окружал. Таким образом, наше внимание сосредоточено на психологическом и социально-политическом аспектах воздейст-

вия репрессии на личность. Значительный интерес представляет, на наш взгляд, вопрос о том, изменялись ли под воздействием заключения политические взгляды людей, заставлял ли их лагерь усомниться в преимуществах советской власти. Наряду со спонтанной реакцией, обусловленной смертельной угрозой, исходящей от государства, у некоторых политзаключенных отношение к политическому режиму изменялось вполне осознанно. Кроме того, физические и психические страдания, которым подвергались жертвы репрессий, влекли за собой психологические и эмоциональные расстройства. В виде посттравматического стресса они нередко проявлялись и после освобождения. В этих случаях политическая ориентация бывшего заключенного во многом определялась тем, почувствовал ли он, что несправедливость, которой подвергался, осталась позади. Поэтому, на наш взгляд, важно выяснить, в какой мере несправедливость по отношению к жертвам сталинского террора продолжалась после их освобождения из тюрем, лагерей и ссылки. О том, что несправедливость по отношению к ним сохранялась, свидетельствуют упоминаемые бывшими узниками факты: отказы в приеме на работу по специальности, в достойном жилье, другие проявления социального ostracизма.

Проблемы ресоциализации, которые вставали перед теми, кто возвращался в 1950-е годы из заключения, касались и профессиональных перспектив, и личных связей — вплоть до невозможности воссоединения семей (или создания новых).

Чтобы понять истинное положение, в котором оказывались бывшие политзаключенные, требуется рассмотреть отношение к ним не только государства и общества в целом, но и их непосредственного окружения — на работе и в семье. Это позволит с большей отчетливостью увидеть, что *в действительности* означало для советской системы возвращение огромной массы репрессированных, которые не только нуждались в работе, жилье, пенсиях и т.д., но искали (часто безрезультатно) нормального человеческого отношения к себе, сострадания, понимания, наконец.

В связи с этим следует учитывать немаловажное обстоятельство: да, действительно, советская система не была приспособлена к решению практических и психологических проблем возвращавшихся в общество бывших узников, но и сами они плохо отвечали требованиям и нормам этой системы. Бывший политзаключенный, как правило, нес в себе многие и явные приметы вынужденного приспособления к лагерной жизни, менявшие его отнюдь не в лучшую сторону. Почерпнутые из лагерной субкультуры особенности лексики и поведения, новые привычки и пристрастия, новое «понимание вещей» не вписывались в нормы общества и политической системы. Таким образом,

даже если бы освободившегося встречали с распростертыми объятиями, и тогда перед ним стояла бы проблема «обратного вживания» в общество, приспособления к «нормальной» жизни. Но о сколько-нибудь радостной встрече выходцев из ГУЛАГа говорить не приходится, даже сторонники официальной советской версии «благополучного возвращения репрессированных» воздерживаются от подобных утверждений. И это понятно: советская система загода и прочно приспособилась к жизни *без* этих отверженных, уже в момент репрессии она включала механизм самозащиты, максимально дистанцируясь от собственных жертв.

УСТНАЯ ИСТОРИЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАМЯТЬ

Задача точного отображения процесса возвращения заключенных из ГУЛАГа и последующей их ресоциализации осложнена многими обстоятельствами. Прежде всего, сведения об этом очень скудны и рассеяны по чрезвычайно многочисленным и крайне разнообразным источникам. Как правило, в своих воспоминаниях узники ГУЛАГа отводят по несколько сотен страниц рассказу о пребывании в лагере и в лучшем случае две-три — возвращению оттуда, реабилитации, иногда — восстановлению в КПСС. Неудивительно, что они наиболее подробно повествуют о самых драматических годах своей жизни. Это сравнимо с лечением посттравматического стресса методом «обратных вспышек», когда облегчение пациенту приносят краткие моменты мысленного погружения в прошлое. Сознание бывших узников тянет назад — в лагерь — трагедия пережитого. Кроме того, воспоминания о перенесенных страданиях подчас приносят известное удовлетворение: по контрасту с ними все беды и горести, связанные с повседневной жизнью, представляются несущественными. В действительности, конечно, все это — отчетливые свидетельства дисфункциональности всей социально-политической системы.

Все бывшие политзаключенные, опрошенные при подготовке нашей книги, отмечали, что пережитое в лагере ощутимо повлияло на их последующую жизнь. Но вместо рассказа об этой «последующей (после лагеря) жизни» стремились вновь свести разговор к лагерю. Только целенаправленное интервьюирование с применением методик, выработанных «устной историей», позволяло получить необходимые нам сведения. Поэтому, на наш взгляд, «устная история» — важный инструмент исследования последствий заключения и луч-

ший из имеющихся в нашем распоряжении способов реконструкции коллективной истории значительной группы людей, объединенных общим опытом пережитых репрессий. Используя методiku «устной истории», мы можем установить, каким образом политзаключенные, даже будучи выпущены из лагерей, продолжали оставаться жертвами советской системы, то есть мы получаем возможность добиться главного: используя индивидуальные воспоминания, увидеть не отдельных людей, но — *через них* — социально-политическую систему.

Впрочем, и «устная история» имеет свои ограничения, особенно там, где десятилетиями ограничивалась свобода слова. Так, например, Галина Скопюк, прошедшая ГУЛАГ и оставшаяся в Норильске после освобождения в 1954 году, вообще опасалась говорить о своих лагерных годах. Даже в 1995-м она все еще не решалась раскрывать подробности пережитого ею сталинского террора, настолько глубоко вьелся в ее сознание страх того, что советская система может пережить формальный конец советской власти. О десятилетиях своей и своих товарищей по несчастью жизни после лагеря она вспоминала так: «Мы всегда молчали, боясь что-нибудь где-нибудь сказать такое, за что нас опять пошлют туда, где мы уже бывали. Вот говорю я с вами, да, может, скажу что-то не то, так меня опять посадят. Так что боюсь всю свою жизнь»¹⁴⁵.

В то же время известная датская писательница И. Динесен, напротив, заявляет: «Все беды можно пережить, если написать или рассказать о них»¹⁴⁶. За ней тайная полиция явно не следила. В реальности нередко возникает непреходящий конфликт между потребностью выговориться, чтобы облегчить свою память, и страхом, что, заговорив, станешь уязвим (для врагов, да и собственных ранящих воспоминаний)¹⁴⁷.

Утверждают, что есть два типа людей, прошедших лагерь: те, кто не может рассказывать, и те, кто не может не рассказывать¹⁴⁸. На начальном этапе существования Общества «Мемориал» в его приемной толпилось множество людей, занимавших очередь для того, чтобы поделиться своими воспоминаниями, которые давили на них с такой силой, что иногда заставляли обращаться с накипевшим на сердце даже к иностранным наблюдателям, не понимавшим русского языка. Этот феномен можно назвать психологической функцией «устной истории»¹⁴⁹. В стремлении дать таким образом свидетельские показания есть и альтруистические мотивы. Т. Дес Прес называет это «чувством ответственности за возможность дать ответ» и цитирует слова, нацарапанные на стене в одном из советских лагерей: «Будь проклят тот, кто, освободившись, станет молчать»¹⁵⁰. Бывшие политзаключенные находят по меньшей мере две причины рассказывать о прошлом:

чувство вины перед теми, кто не дожил, и стремление предостеречь от повторения подобных злодеяний. Когда в 1996 году угроза прихода к власти в России президента-коммуниста казалась весьма реальной, многие бывшие узники ГУЛАГа заявили о своей готовности рассказывать о пережитых репрессиях именно для того, чтобы предотвратить возврат коммунистов. Так «устная история» оказалась готова выполнять политическую функцию¹⁵¹.

Особая проблема устных свидетельств — их точность. Что именно достойно воспоминаний, всегда определяется под воздействием представлений сегодняшнего дня. Таким образом, пережитое уже после событий влияет на воспоминания о самих этих событиях. Точно так же на личные воспоминания может воздействовать принадлежность к определенной группе, поскольку общая память спланирует группу, «дает ей ощущение общего прошлого и ожидаемого будущего»¹⁵². Но какие воспоминания могли сохранить бывшие узники ГУЛАГа, чьи трагические переживания долгие годы находились в конфликте с официальной версией истории? Для возвратившихся из ГУЛАГа было небезопасно добиваться признания собственного понимания и истолкования событий, основанного на их личном опыте. С конца 1950-х до второй половины 1980-х годов попытки открыто вспоминать сталинские репрессии никак не помогали восстановлению справедливости в настоящем. Официальная история диктовалась «сверху» и навязывалась через школу, прессу, радио и телевидение¹⁵³, так что ориентиры реальности в индивидуальной памяти некоторых узников ГУЛАГа часто уходили в туман полного отсутствия достоверной коллективной памяти о годах репрессий. Поэтому неудивительно, что толщу того моря личных воспоминаний, что разлилось в Советском Союзе в конце 80-х, зачастую замутняли посторонние включения. А после 1988-го память жертв сталинских репрессий стала настолько коллективной, что исследователю необходимо весьма критически (в смысле скрупулезной критики исторического источника) относиться к индивидуальным воспоминаниям. Например, изложенное в 1998 году в интервью одной из бывших солагерниц Евгении Гинзбург, П.С.Мясниковой, настолько совпало с «Крутым маршрутом», что, на наш взгляд, несомненно позднейшие заимствования и — пусть неосознанная — подмена собственных воспоминаний прочитанным¹⁵⁴.

Кроме воздействия цензуры и самоцензуры, погрешностей личной памяти и слабости памяти коллективной имеется еще одна сложность: трудно помочь человеку сконцентрироваться на том вопросе, который интересует интервьюера. Л.Хаймсон, возглавлявший в 1960—1965 годы программу интервью по истории меньшевизма, от-

мечал, что основная трудность заключалась в том, чтобы «убрать отступления от линии повествования (обычно это были биографические детали, касавшиеся второстепенных фигур)»¹⁵⁵. Он также обратил внимание на проблемы, возникавшие у опрашиваемых в связи с реконструкцией событий многолетней давности. Случай с П.С.Мясниковой подтверждает, что особенности памяти, свойственные преклонному возрасту, могут повлиять на точность воспоминаний. Более того, в воспоминаниях факты прошлого иной раз предстают скорее такими, как их желают представить сегодня. Как уже справедливо сказано — память иногда граничит с мифом¹⁵⁶: изображая себя в героической роли, делаешь невыносимое чуточку выносимее. А вот вывод Л.Хаймсона, что спустя десятилетия вспоминаются «легко и ярко моменты побед, но не поражений, надежд, но не отчаяния»¹⁵⁷, совершенно не пригодился нам. Опыт интервью с бывшими узниками сталинских лагерей показывает, что те предпочитали вспоминать именно свои мучения.

РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эта книга не претендует на воссоздание полной картины процесса возвращения в общество тех, кто прошел ГУЛАГ, а также на исчерпывающую оценку их воздействия на советскую социально-политическую систему. В пределах поставленных задач наши возможности были ограничены прежде всего наличием информации. Судьбы тех, кто, выжив в лагере, затем эмигрировал и таким образом избежал общей судьбы бывших советских политзэков, нами почти не затрагиваются. Уже крайне мало осталось на свете и тех, кто после лагеря вынужден был вынести в полном объеме все тяготы вживания в советскую систему, к тому же далеко не все они еще способны дать интервью. Поэтому выбор интервьюируемых осуществлялся исходя из возможностей. Устными воспоминаниями поделились в основном интеллигентные горожане, жители столицы. Больше того, люди, у которых взяты интервью при подготовке нашей книги, вообще вряд ли могут рассматриваться в качестве «типичных представителей» бывших советских политзаключенных. Многие из них авторы мемуаров, почти все пришли в общественные организации («Мемориал» и «Возвращение») — либо нуждаясь в помощи, либо стремясь к общению с подобными себе. Возможно, другие, не столь активные сегодня бывшие узники ГУЛАГа, которые никогда не регистрировались в соответствующих общественных организациях и вообще не проявляли

себя как жертвы репрессий, совершенно органично влились в советское общество, но в то же время не исключено, что они вовсе не сумели реадaptироваться — даже настолько, чтобы найти в себе силы и решимость открыто встать в ряды таких же, как они, бывших политзаключенных.

О судьбах тех, кто никогда не заявлял о собственном опыте возвращения из ГУЛАГа, мы можем судить лишь на основании архивных документов или со слов очевидцев и современников. Первые свидетельства — зачастую тенденциозны, вторые — субъективны. И все же, и все же... Даже *часть* трагической истории, о которой свидетельствуют жертвы советской системы — те сравнительно немногие из них, кто смог записать и сохранить свои воспоминания или поведал о пережитом устно, — обязывает нас попытаться увидеть за этой частью *целое*.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Протокол заседания Политбюро ЦК КПСС 24 ноября 1988 г. // РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 23. Л. 1–5.
2. Например, на развернутых в 1947 и 1950 гг. последних крупнейших стройках сталинской эпохи: стратегической железной дороги Салехард–Игарка в приполярной тундре к секретному военному порту в Обской губе; секретного тоннеля под морским дном Татарского пролива для соединения Сахалина с материком. Основанные на рабском ручном труде десятков тысяч заключенных и требовавшие миллиардных бюджетов, эти замыслы были заведомо невыполнимы. Стройки свернули и лагеря свернули сразу после смерти Сталина.
3. *Remnick D.* Lenin's Tomb: The Last Days of the Soviet Empire. N.Y., 1993. P. 7.
4. *Buruma I.* The Wages of Guilt: Memories of War in Germany and Japan. N.Y., 1994. P. 21, 63, 104, 116, 128.
5. См. также «Введение» к кн.: *Lowenhardt J.* The Reincarnation of Russia: Struggling with the Legacy of Communism, 1990–1994. Essex, 1995.
6. См., напр.: *Bettelheim B.* Individual and Mass Behavior in Extreme Situations // Journal of Abnormal and Social Psychology. Vol. 38. 1943. № 4. P. 417–452; *Eitinger L., Strom A.* Mortality and Morbidity after Excessive Stress. Oslo, 1975; *Juelich D.* (Hrsg.). Geschichte als Trauma. Frankfurt-M., 1991; *Bernstein Carlson E., Rossel-Hogan R.* Trauma Experiences, Post-traumatic Stress, Dissociation, and Depression in Cambodian Refugees // American Journal of Psychiatry. Vol. 148. 1991. № 11; *Kinzie J.D., Sack W.H. et al.* The Psychiatric Effects of Massive Trauma on Cambodians: I. The Children // American Journal of the American Academy of Child Psychiatry. Vol. 25. 1986. № 3. P. 370–376; *Speed N., Engdahl B. et al.* Post-traumatic Stress Disorder as a Consequence of the POW

- Experience // Journal of Nervous and Mental Disease. Vol. 177. 1989. № 3. P. 147–153; *Aguilar P., Barahona de Brito A., Gonzales Enriques C. (eds.)*. The Politics of Memory: Three Decades of Transitional Truth and Justice (in print).
7. Подробнее об этом см.: *Adler N., Gluzman S.* Soviet Special Psychiatric Hospitals: Where the System was Criminal and the Inmates were Sane // The British Journal of Psychiatry. Vol. 163. 1993. P. 713–720; *Адлер Н., Глузман С.* Пытка психиатрией: Механизм и последствия // Вестник Института психиатрии и медицинской психологии им. В.М.Бехтерева. 1992. № 3. С. 138–152; *Kotkin S.* Terror, Rehabilitation and Historical Memory: An Interview with Dmitry Jurasov // The Russian Review. Vol. 51. 1992. P. 238–262; Punished Peoples of the Soviet Union: The Continuing Legacy of Stalin's Deportations // Helsinki Watch Report. N.Y. Sept. 1991; См. также: Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Томск, 1996.
 8. О причинах террора см., напр.: *Конквест Р.* Большой террор / Пер. с англ. Л.Владимирова. Т. 1–2. Рига, 1991; *Medvedev R.* Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism. N.Y., 1989; *Stettner R.* Archipel GULAG: Stalin's Zwangslager — Terrorinstrument und Wirtschaftsgigant. Entstehung: Organisation und Funktion des Sowjetischen Lagersystem, 1928–1956. Paderborn, 1996.
 9. *Cohen S.F.* Rethinking the Soviet Experience. P. 97; *Cohen S.F.* The Victims Return: Gulag Survivors and the Soviet Union after Stalin. Выражаю особую благодарность профессору С.Коэну за предоставление возможности воспользоваться этой неопубликованной работой 1983 г. Насколько мне известно, это первый анализ социальных масштабов возвращения репрессированных.
 10. *Adler N.* Victims of Soviet Terror: The Story of the Memorial Movement. Westport, CT, 1993. Здесь исследуется история создания и становления Общества «Мемориал». Устные свидетельства (интервью с руководителями «Мемориала» и бывшими жертвами репрессий) собраны после 1988 г. — в период «второй десталинизации». Книга затрагивает и проблемы послелагерной жизни бывших репрессированных, обращаясь к влиянию на «гласность» разоблачений сталинского прошлого, а также к психологическому воздействию десятилетий умолчания, однако конкретно процесс ресоциализации не исследует.
 11. *Smith K.E.* Remembering Stalin's Victims: Popular Memory and the End of the USSR. Ithaca, N.Y., 1996. P. 171.
 12. *Ibidem.* P. 32.
 13. Подробнее об этом см. в рецензии на этот труд: *Adler N.* The Russian Review. Vol. 57. 1988. № 1. P. 157–158.
 14. *Hochschild A.* The Unquiet Ghost: Russians Remember Stalin. N.Y., 1994.
 15. *Shapiro J.P.* Rehabilitation Policy and Political Conflict in the Soviet Union 1953–1964: Ph.D. diss. Columbia University, 1967.
 16. *Van Goudoever A.P.* The Limits of Destalinization in the Soviet Union: Political Rehabilitations in the Soviet Union since Stalin. N.Y., 1986. P. 47.

17. *Ibidem*. P. 48.
18. *Щербакова И.* ГУЛАГ в памяти // Passerini L. (ed.). *Memory and Totalitarianism*. Oxford, 1992. P. 103–115.
19. *Adler N., Gluzman S.* *Soviet Special Psychiatric Hospitals*.
20. Звенья: Исторический альманах. Т. 1. М., 1991; Т. 2. М., 1993.
21. *Иванова Г.М.* ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997. С. 81.
22. *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. М., 1991. С. 487.
23. *Негретов П.И.* Все дороги ведут на Воркуту. Вермонт, 1985. С. 128.
24. Доднесь тяготееет. Вып. 1. М., 1989. (В 1999 г. издательство Университета Индианы опубликовало перевод этой книги под заглавием «Till My Tale is Told: Women's Memoirs of the Gulag».)
25. Молотов, Маленков, Каганович, 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. Н.Ковалева и др.; Под ред. А.Н.Яковлева. М., 1998; Лаврентий Берия, 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. В.Наумов, Ю.Сигачев; Под ред. А.Яковлева. М., 1999; 58-10: Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде, март 1953–1991: Аннот. каталог / Сост. О.В.Эдельман; Под ред. В.А.Козлова, О.В.Мироненко. М., 1999; ГУЛАГ: Главное управление лагерей, 1917–1960 / Сост. А.И.Кокурин, Н.В.Петров; Под ред. А.Н.Яковлева. М., 2000. (Далее ГУЛАГ... [Сб. док.]). Реабилитация: Как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы / Сост. А.Н.Артизов и др.; Под ред. А.Н.Яковлева. Т. 1–2. М., 2000; Т. 3. М., 2004; Президиум ЦК КПСС, 1954–1964: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы, Постановления / Сост. В.Ю.Афиани и др.; Под ред. А.А.Фурсенко. М., 2004; См. также раздел «Документы» в кн.: Лубянка: Органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1991: Справочник / Сост. А.И.Кокурин, Н.В.Петров; Под ред. А.Н.Яковлева. М., 2003. С. 643–711; История сталинского ГУЛАГа, конец 1920-х — первая половина 1950-х гг.: Собрание документов в 7 т. М., 2004. Т. 1: Массовые репрессии в СССР / Отв. ред. Н.Верг, С.В.Мироненко; Отв. сост. И.А.Зюзина; Т. 2: Карательная система: структура и кадры / Отв. ред. и сост. Н.В.Петров; Отв. сост. Н.И.Владимирцев; Т. 3: Экономика ГУЛАГа / Отв. ред. и сост. О.В.Хлевнюк; Т. 4: Население ГУЛАГа: численность и условия содержания / Отв. ред. А.Б.Безбородов, В.М.Хрусталеv; Сост. И.В.Безбородова (отв. сост.), В.М.Хрусталеv; Т. 5: Спецпереселенцы в СССР / Отв. ред. и сост. Т.В.Царевская-Дякина; Т. 6: Восстания, забастовки и бунты заключенных / Отв. ред. и сост. В.А.Козлов; Сост. О.В.Лавинская.
26. См., напр.: *Микоян А.И.* Так было. Размышления о минувшем / Сост., предисл., примеч. С.А.Микояна. М., 1999; *Коган М.И.* Исповедь строптивного адвоката. М., 2002; *Рапопорт Я.Л.* На рубеже двух эпох: «Дело врачей» 1953 года. СПб., 2003; *Шаламов В.Т.* Воспоминания. М., 2003.
27. См., напр.: *Домбровский Ю.О.* Роман (Факультет ненужных вещей). Письма. Эссе. Екатеринбург, 2000. С. 570–603; [Шаламов В.Т.] Варлам Шаламов. Новая книга:

- Воспоминания, записные книжки, переписка, следственные дела / Сост. И.П.Сиротинина. М., 2003. С. 269–944.
28. «Дорогой наш товарищ Сталин!»... и другие товарищи: Обращения родственников репрессированных командиров Красной Армии к руководителям страны / Сост. Н.С.Черушев. М., 2001.
 29. Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители, 1923–1991 гг.: Историко-биограф. справочник / Сост. В.И.Ивкин. М., 1999; Совет Народных Комиссаров СССР. Совет Министров СССР. Кабинет Министров СССР, 1923–1991: Энциклопедич. справочник / Сост. С.Д.Гарнюк. М., 1999; Вокруг Сталина: Историко-биограф. справочник / Сост. В.А.Торчинов, А.М.Леонтьук. СПб., 2000; Лубянка: Органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1991: Справочник / Сост. А.И.Кокурин, Н.В.Петров; Под ред. А.Н.Яковлева. М., 2003.
 30. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / Сост. М.Б.Смирнов; Под ред. Н.Г.Охотина и А.Б.Рогинского. М., 1998.
 31. *Аксютин Ю.В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004; *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти, 1945–1991. М., 1998. С. 97 и далее; *Пыжиков А.В.* Политические преобразования в СССР, 50–60-е годы. М., 1999.
 32. *Кудряцев В.Н., Трусов А.И.* Политическая юстиция в СССР. М., 2000; *Юнге М.* Страх перед прошлым: Реабилитация Н.И.Бухарина от Хрущева до Горбачева / Пер. с нем. под ред. Г.А.Бордюгова. М., 2003.
 33. *Des Pres T.* The Survivor. An Anatomy of Life in the Death Camps. N.Y., 1976. P. 79.
 34. *Джекобсон М., Смирнов М.Б.* Система мест заключения в РСФСР и СССР, 1917–1930 // Система исправительно-трудовых лагерей. С. 11–24; См. также: *Стецовский Ю.И.* История советских репрессий. Т. 1. М., 1997. С. 10–40.
 35. *Джекобсон М., Смирнов М.Б.* Система мест заключения в РСФСР и СССР.
 36. *Bacon E.* The Gulag at War: Stalin's Forced Labor System in the Light of the Archives. Lnd., 1994. P. 44.
 37. *Coquin F.-X.* Comments on the Current «Ferment» and Revision of History in the Soviet Union: Stakes, Limits, Outlook // Takayuki Ito (ed.) Facing Up to the Past: Soviet Historiography under Perestroika. Sapporo, 1989. P. 23.
 38. Точкой отсчета избран именно 1934 г., поскольку основная часть нашей работы отражает судьбы жертв «Большого террора».
 39. См., напр.: *Пясковский А.* Советское государство — самое демократическое в мире. М., 1947. Ровно «с точностью до наоборот» следует воспринимать и бесчисленные официальные документы 30–80-х годов, восславляющие конституционный строй СССР. В частности, такой пассаж из резолюции пленума ЦК ВКП(б) от 5 марта 1937 г.: принятие сталинской (1936 г.) Конституции означает якобы «усиление контроля масс в отношении советских органов и усиление ответственности совет-

ских органов в отношении масс» (Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, 1898–1986. Т. 6: 1933–1937. 9-е изд. М., 1985. С. 379).

40. *Jaspers K.* Die Schuldfrage. Zurich, 1947. P. 17.
41. Ibid. P. 10–11.
42. Ibid. P. 18, 20, 39.
43. Ibid. P. 48.
44. Ibid. P. 94–95.
45. Как отмечает в своем исследовании Г.М.Иванова (ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. С. 19, 20, 29), «большевистская власть приступила к планомерному уничтожению своих действительных и потенциальных противников», используя, в частности, и концлагеря, уже в 1918 г. См. также: *Стецовский Ю.И.* История советских репрессий. Т. 1. С. 10–40.
46. *Bacon E.* The Gulag at War. P. 45. Взвешенные выводы автора базируются на архивных материалах.
47. См. об этом, напр.: *Лихачев Д.С.* Воспоминания. 2-е изд. СПб., 1997. С. 192–385; *Jansen M.A.* A Show Trial Under Lenin: The Trial of the Socialist Revolutionaries, Moscow 1922. The Hague, 1982. P. 175 (Издательством «Возвращение» опубликован перевод этой книги: *Янсен М.* Суд без суда: Показательный процесс социалистов-революционеров / Пер. с англ. Е.А.Ильзен-Грин, Г.Л.Грин, Ф.Е.Апанасенко. М., 1993). *Павлов Д.Б.* Большевистская диктатура против социалистов и анархистов, 1917 — середина 1950-х гг. М., 1999. С. 59–82; *Степанов (Русак) В.* Свидетельство обвинения. Т. 1. М., 1993. С. 73–108; *Бродский Ю.А.* Соловки: Двадцать лет Особого Назначения. М., 2002.
48. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б): Повестки дня заседаний, 1919–1952: Каталог. Т. 1. М., 2000. С. 693, 702.
49. *Смирнов М.Б., Сигачев С.П., Шкапов Д.В.* Система мест заключения в СССР, 1929–1960 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 27.
50. *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу. 2-е изд. Ч. 1. М., 1991. С. 200–209.
51. Лубянка... Справочник. С. 47.
52. *Иванова Г.М.* ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. С. 31.
53. *Смирнов М.Б., Сигачев С.П., Шкапов Д.В.* Система мест заключения в СССР, 1929–1960 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 28–29, 34–35.
54. Лубянка... Справочник. С. 59–60.
55. *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу. Ч. 1. С. 78–151, 154–155, 203, 212; Ч. 2. С. 412. Пример длительности и особой жестокости условий их заключения — судьба В.Т.Шаламова, обвиненного именно в «троцкизме».

56. См.: *Смирнов М.Б., Сигачев С.П., Шкапов Д.В.* Система мест заключения в СССР, 1929—1960 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 38.
57. *Кривицкий В.Г.* «Я был агентом Сталина»: Записки советского разведчика. М., 1991. С. 200.
58. См., напр., *Роговин В.З.* Партия расстрелянных. М., 1997. С. 457.
59. Уголовный кодекс РСФСР. Особенная часть [1927].
60. Там же. Достаточно подробный критический анализ ст. 58 УК РСФСР 1926—1927 гг. см.: *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу. Ч. 2. С. 489—498.
61. Формула «особо опасные преступления против порядка управления», подводящая правовую основу под дальнейшее расширение репрессий, была введена в советское уголовное законодательство в 1927 г. «Положением о преступлениях государственных» и получила развернутое оформление в Уголовных кодексах союзных республик. Так, в УК РСФСР, принятый годом ранее, включили обновленную главу 1 («Преступления государственных»), подразделенную на: «Контрреволюционные преступления» (ст. 58¹—58¹⁴) и «Особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления» (ст. 59¹—59¹³). (См.: Постановление ЦИК СССР от 25.02.27 // СЗ СССР. 1927. № 12. Ст. 67; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 6.06.27 // СУ РСФСР. 1927. № 49. Ст. 330).

Примечательно, что в новейшем российском правоведческом труде о государственных преступлениях автор (доктор юридических наук, профессор, генерал-лейтенант, бывший начальник Академии МБ РФ, Договорно-правового управления ФСБ РФ) отмечает: «Круг составов... преступлений, предусмотренных УК 1926 г., оказался в историческом аспекте достаточно стабильным... закон действовал с изменениями и дополнениями вплоть до 1959 г. ... К концу 50-х гг. в связи со сменой социально-политического курса в стране, *изменениями в стратегии и тактике деятельности спецслужб иностранных государств против СССР* (курсив мой. — Н.А.), а также изменениями в криминогенной обстановке внутри страны назрела потребность в очередной кодификации уголовного законодательства о государственных преступлениях. 25 декабря 1958 г. был принят Закон Союза ССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления», в соответствии с которым раздел «Контрреволюционные преступления» УК 1926 г. трансформировался в «Особо опасные государственные преступления», а раздел «Особые для Союза ССР опасные преступления против порядка управления» — в «Иные государственные преступления». Статьи общесоюзного закона без всяких изменений были включены в УК РСФСР 1960 г.» (Дьяков С.В. Государственные преступления против основ конституционного строя и безопасности государства и государственная преступность. М., 1999. С. 2—3). Иначе говоря, соответствующие репрессивные законодательные нормы сохраняли силу до конца 50-х годов, а затем в слегка скорректированной редакции действовали в СССР и в шестидесятых, и в семидесятых, и в восьмидесятых. Попутно выясняется, как видим, что в числе влиятельных по сей день сотрудников российских органов госбезопасности находятся те, кто достаточно откровенно продолжает придерживаться сталинского постулата, будто преступность инспирирована «спецслужбами иностранных государств». Тем самым истолковывая — по образцу 30-х годов — сталинские репрессии как ответ

на «происки иностранных шпионов и диверсантов». Уже одно это достаточно ясно показывает реальности «правового поля» и моральную атмосферу, в которых приходилось и приходится выживать и бороться за свои права бывшим сталинским политэзкам.

62. Подробно об этом см.: *Кудрявцев В.Н., Трусов А.И.* Политическая юстиция в СССР. С. 155–176, 233–312.
63. По выражению А.И.Ваксберга, глубоко изучившего механизм репрессий 30-х годов, «нужны были заговоры, диверсии, покушения, происки кишашщих повсюду врагов. Иначе страх начинал гаснуть. Иначе отлаженный аппарат подавления мог заржаветь». (*Ваксберг А.* Тайна октября 1941 // Литературная газета. 1998. 20 апреля).
64. *Кудрявцев В.Н., Трусов А.И.* Политическая юстиция в СССР. С. 154, 155.
65. См.: *Лунеев В.В.* Преступления XX века. М., 1997. С. 185.
66. *Конквест Р.* Большой террор. Т. 1. С. 321, 352. См. также: *Ватлин А.Ю.* Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области, 1937–1938 гг. М., 2004. С. 130–174.
67. См.: *Ватлин А.Ю.* Террор районного масштаба. С. 196.
68. Подробно об этом см., напр.: *Яковлев А.Н.* «По мощам и елей». М., 1995. С. 113–132; *Полян П.* Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 84–131.
69. «Национальные операции» 1937–1938 гг. были направлены против некоторых этнических групп населения СССР, огульно обвиненных в пособничестве иностранным разведкам. До 250 тысяч жертв этих «операций» погибли в заключении. См.: *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против польских граждан. М., 1997. С. 22–43; *Охотин Н., Рогинский А.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 // Наказанный народ: Репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 35–74.
70. Подробнее об этом см., напр.: *Яковлев А.Н.* «По мощам и елей». С. 118; *Гурьянов А.Э.* Обзор советских репрессивных кампаний против поляков и польских граждан // Польская ссылка в России XIX–XX веков: Региональные центры. Казань, 1998. С. 230–235; *Лебедева Н.С.* Расстрелы и депортации польского населения в СССР в 1939–1941 // Там же. С. 241–245; *Стродс Х.П.* Депортация населения прибалтийских стран // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 130–136; *Чебыкина Т.* Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь, 1941–1945 гг. // Репрессии против российских немцев. С. 123–124; *Маламуд Г.* Мобилизованные советские немцы на Урале в 1942–1948 гг. // Там же. С. 128–129.
71. См., напр.: *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА, 1937–1938. М., 1998. С. 327; *Печенкин А.* От ГУЛАГа до Рейхстага: страницы из жизни боевого генерала — узника сталинских лагерей // Родина. 2001. № 3. С. 76.
72. *Торчинов В.А., Леонтьев А.М.* Вокруг Сталина: Историко-биографический справочник. СПб., 2000. С. 327, 404.

73. Там же. С. 326–327, 415–417.
74. ГУЛАГ в годы войны: Доклад начальника ГУЛАГа НКВД СССР В.Г.Наседкина. Август 1944 г. / Публ. А.И.Кокурина // Исторический архив. 1994. № 3. С. 64.
75. *Иванова Г.М.* ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. С. 111. См. также: *Земсков В.Н.* ГУЛАГ: Историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 23–24.
76. *Анфилов Г.И.* Материалы к биографии: Выдержки из писем, дневников и др. документы // Архив Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал».
77. *Наумов В.П.* Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР: Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 101; *Наумов В.П.* О массовых репрессиях в отношении военнопленных и депортированных граждан. (Неопубл. рукопись, декабрь 1996); *Craveri M.* The strikes of Norilsk and Vorkuta camps and their role in the breakdown of the Stalinist forced labour system. (Неопубл. рукопись. С. 16); *Goeken U.* Von Kooperation zu Konfrontation: zur Repatriierung sowjetischer Kriegsgefangener und Zwangsarbeiter nach dem Zweiten Weltkrieg // Arbeitskreis Militargeschichte e.V. newsletter 7. Sept. 1998. P. 16–20.
78. См., напр.: Архив новейшей истории России. Т. 1. «Особая папка» И.В.Сталина: Из материалов Секретариата НКВД–МВД СССР 1944–1953 гг.: Каталог документов / Сост. М.Е.Колесова и др.; Под ред. В.А.Козлова и С.В.Мироненко. М., 1994. С. 144–148, 151, 170, 186, 196–203, 252. (Далее Особая папка Сталина).
79. Из ответов Р.А.Медведева на вопросник С.Козна в письме от 10 сентября 1980 г.
80. *Макарова А.* Норильское восстание, май–август 1953 // Воля. Журнал узников тоталитарных систем. 1993. № 1. С. 70, 82; *Кравери М.* Кризис ГУЛАГа: Кенгирское восстание 1954 года в документах МВД // Cahiers du Monde russe. Vol. 36. 1995. № 3. P. 319–344; История сталинского ГУЛАГа. Т. 6: Восстания, бунты и забастовки заключенных; *Graziosi A.* The Great Strikes of 1953 in Soviet Labor Camps in the Accounts of their Participants: A Review // Cahiers du Monde russe et sovetique. Vol. 33. 1992. № 10–11. P. 421–422.
81. См.: Особая папка Сталина. С. 184.
82. Например, в конце 1946 г. «условно-досрочно» «освободили» 175 тыс. заключенных, направив их на особо опасные и тяжелые работы по восстановлению разрушенных объектов угольной и нефтеперерабатывающей промышленности; летом 1947 г. выпустили из заключения беременных женщин и матерей с малолетними детьми. (См.: Особая папка Сталина. С. 196, 227).
83. Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов / Сост. И.В.Курилов, Н.Н.Михайлов, В.П.Наумов; Под. ред. А.Н.Яковлева. М., 1991. С. 311–312, 320.
84. *Cohen S.F.* Rethinking the Soviet Experience. P. 103; *Cohen S.F.* The Victims Return. P. 7.

85. *Graziosi A.* The Great Strikes. P. 430. Уточним, что только в РСФСР в 1953 г. к различным мерам наказания, главным образом к лишению свободы, были осуждены 516 690 человек (ГАРФ. Ф. 461. Оп. 8С. Д. 3951. Л. 1). Р.А. и Ж.А.Медведевы сообщали о четырех тысячах заключенных, освобожденных в том же году, но неясно, какой контингент они имели в виду и на чем основывались (*Medvedev R.A., Medvedev Z.A.* Khrushchev: The Years in Power. N.Y., 1977. P. 19).
86. Реабилитация: как это было. Т. 1, С. 112–115; ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3284. Л. 40–41. (Постановление Президиума ЦК КПСС «Об освобождении из ссылки на поселение ранее осужденных за антисоветскую деятельность» от 19.04.1954; Приказ министра внутренних дел СССР и Генерального прокурора СССР №00350/76сс от 24.04.1954; Приказ Генерального прокурора СССР, министра юстиции СССР, министра внутренних дел СССР и председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР № 96сс/0016/00397/00252 от 19.05.1954.)
87. *Medvedev R.A., Medvedev Z.A.* Khrushchev. P. 20.
88. Согласно подсчетам В.Н.Земскова, на 1 января 1956 г. в лагерях и колониях оставались 113 735 человек, обвиненных в «контрреволюционной деятельности» (*Земсков В.Н.* ГУЛАГ. С. 14). Однако к ним следовало бы добавить множество иных жертв террора — большинство заключенных и ссыльных имели жен (мужей), детей, братьев, сестер и других родственников. В контексте нашего исследования все они также рассматриваются как «возвращающиеся».
89. *Van Goudoever A.P.* The Limits of Destalinization in the Soviet Union. P. 46.
90. Краткий, но достаточно емкий обзор соответствующей основной советской и российской литературы по состоянию на первую половину 90-х годов см.: *Стецовский Ю.И.* История советских репрессий. Т. 1. С. 102–104, 110.
91. А.Н.Яковлев, в частности, пишет: «Мой собственный многолетний опыт работы по реабилитации жертв политического террора позволяет утверждать, что число убитых по политическим мотивам и умерших в тюрьмах и лагерях за все годы советской власти в целом по СССР достигает 20–25 миллиона человек. К жертвам режима... относятся и умершие от голода: более 5,5 миллионов — в Гражданскую войну и более 5 миллионов человек — в 30-е годы... Только по Российской Федерации с 1923 по 1953 год... общая численность осужденных составляла более 41 миллиона человек» (*Яковлев А.Н.* Крестосев. М., 2000. С. 265).
92. *Жухрай В.М.* Сталин: правда и ложь. М., 1996. С. 59.
93. *Попов В.П.* О численности жертв политических репрессий // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 28–29. Несмотря на погрешности исходных источников, отмеченные самим составителем таблицы, ее материал сегодня включен во многие учебные издания, напр.: История России: XX век: Материалы и документы для школьников и поступающих в вузы / Под ред. М.Е.Главацкого. М., 1999. С. 277–279.
94. *Лунеев В.В.* Преступность XX века. С. 180.

95. *Кудрявцев В., Трусов А.* Политическая юстиция в СССР. С. 312–318.
96. *Getty J.A., Rittersporn G.T., Zemskov V.N.* Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // *American Historical Review*. Vol. 98. 1993. № 4. P. 1023–1024. По данным Общества «Мемориал», основанным на документах из архива КГБ, в 1921–1953 гг. казнено не менее миллиона заключенных. (Официальная справка «Мемориала» к Дню политзаключенного 30 октября 1997 года.)
97. Применение в данном контексте термина «ревизионист» дебатировалось. С. Коэн замечает, что в прошлом так называли историков, по-новому воспринимавших и истолковывавших ранее известные данные, а ныне этот термин применяют к «определенной школе, которая восприняла фальсификацию, отклонила достоверные свидетельства и превратно интерпретировала новые материалы» (Цит. по: *Conquest R.* Small Terror, few dead // *Times Literary Supplement*. 1996. 31 May. P. 3).
98. *Bacon E.* The Gulag at War. P. 18, 27.
99. *Nove A. (ed.)* The Stalin Phenomenon. Lnd., 1993. P. 29–33.
100. См.: *Davies R.W.* Soviet History in the Eltsin Era. Lnd., 1997; *Davies R.W.* Forced Labour Under Stalin: The Archive Revelations // *New Left Review*. № 214. 1995. P. 62–80. См. также: *Rosenfeld S.* Stalinism in Post-Communist Perspective: New Evidence on Killings, Forced Labour and Economic Growth in the 1930s // *Europe-Asia Studies*. Vol. 48. 1996. № 6. P. 959–987; *Getty J.A., Manning R.T. (eds.)* Stalinist Terror: New Perspectives. Cambridge, 1993; *Wheatcroft S.* The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930–1945 // *Europe-Asia Studies*. Vol. 48. 1996. № 8. P. 1319–1353.
101. *Thurston R.W.* Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941. New Haven, CT, 1996. P. 63, 90.
102. *Times Literary Supplement*. 1996. 31 May. P. 3. См. также: *Conquest R.* Victims of Stalinism: A Comment // *Europe-Asia Studies*. Vol. 49. 1997. № 7. P. 1317–1319.
103. *Cohen S.F.* Rethinking the Soviet Experience. Chapter IV.
104. *Cohen S.F.* The Victims Return. P. 2.
105. См.: *Геллер М.Я., Некрич А.М.* Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 г. до наших дней: В 3 кн. / Кн. 2: Мировая империя. М., 1995. С. 99; *Cohen S.F.* Rethinking the Soviet Experience. P. 97.
106. Хрущев лично вносил предложения об аресте руководящих работников МГК ВКП(б) и Мосгорисполкома; в 1936–1937 гг., когда он возглавлял МГК, Управление НКВД по г. Москве и Московской области репрессировало 55 741 человека. В 1938–1940 гг., когда он возглавлял КП(б)У, на Украине были репрессированы 106 119 человек в 1938 г., 120 000 человек в 1939 г., до 50 000 человек в 1940 г. При этом Хрущев, в частности, лично санкционировал репрессии сотен людей, обвиненных в подготовке террористических актов, якобы направленных против него

- (См.: «Массовые репрессии оправданы быть не могут...» // Источник. 1995. № 1. С. 126–127. [Публикация фрагментов итоговой записки, подготовленной и направленной 18.02.1963 в Президиум ЦК КПСС Комиссией Президиума ЦК по проверке данных о массовых репрессиях «периода культа личности Сталина»]).
107. См.: Статистика Прокуратуры РСФСР свидетельствует, что только в этой республике на основании 59-й статьи за 1953–1957 гг. осудили к лишению свободы, не считая прочих мер наказания, 33 680 человек. Документы, подготовленные в аппарате Прокуратуры РСФСР 17 октября 1958 г.: «Сведения об общем количестве осужденных за 1936–1957 гг.», «Сведения о количестве осужденных за особо опасные преступления против порядка управления по ст. 59 УК РСФСР» (ГАРФ. Ф. 461. Оп. 8С. Д. 3951. Л. 1, 2).
 108. *Негретов П.И.* Все дороги ведут на Воркуту. С. 114, 115.
 109. *Medvedev R. Khrushchev.* Oxford, 1982. P. 98.
 110. Кремлевский самосуд: Секретные документы Политбюро о писателе А.Солженицыне / Сост. А.В.Коротков, С.А.Мельчин, А.С.Степанов. М., 1994. С. 361.
 111. *Cohen S.F.* The Victims Return. P. 24.
 112. *Davies R.W.* Soviet History in the Eltsin Era. P. 213. На этом заседании Горбачев выступил в поддержку восстановления в партии Маленкова и Кагановича.
 113. *Cohen S.F.* The Victims Return. P. 1–2.
 114. *Adler N.* Victims of Soviet Terror. P. 45. Лишь после своей отставки М.С.Горбачев рассказал (убедившись в безопасности этого?), что члены семьи его супруги — Раисы Максимовны, а также и его собственной семьи пострадали от репрессий, будучи арестованы и сосланы в Сибирь как «кулаки». Так что он ясно сознавал, что аналогичная участь постигла много большее число людей, чем «тысячи».
 115. *Van Goudeover A.P.* The Limits of Destalinization in the Soviet Union. P. 8.
 116. *Shapiro J.P.* Soviet Historiography and the Moscow Trials: After Thirty Years // *Russian Review*. Vol. 27. 1968. №1. P. 69.
 117. *Labeledz L.* Resurrection — and Perdition // *Problems of Communism*. Vol.XII. 1963. № 2. P. 52.
 118. *Shapiro J.P.* Rehabilitation Policy. P. 310.
 119. Ответы З.Д.Марченко 6 апреля 1995 г. на вопросник, разработанный при подготовке данного исследования.
 120. Запись интервью, взятого сотрудниками Общества «Мемориал» у Е.А.Граппа.
 121. Цит. по: *Cohen S.F.* Rethinking the Soviet Experience. P. 99.
 122. *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут. С. 683.
 123. *Брайнин Б.Л.* Воспоминания «вредло» [«временно исполняющего должность лошади»] // Архив Общества «Мемориал».

124. *Гаврилов Л.Г.* Золотой мост // Архив Общества «Мемориал».
125. Запись интервью автора с И.М.Фильштинским 20 апреля 1995 г.
126. Подробнее об этом см.: *Kershaw I., Lewin M. (eds.) Stalinism and Nazism: Dictatorship in Comparison.* Cambr., 1997. Из числа современных мемориалов жертвам государственных репрессий особенно ярко напоминают о бесчеловечном режиме («красных кхмеров») выбеленные солнцем черепа в Камбоджийском музее (International Herald Tribune. 1996. 8–9 June).
127. См.: *Баландина Л.В.* В очереди за оправданием [Интервью с начальником Управления по реабилитации российских и иностранных граждан Главной военной прокуратуры РФ] // Московские новости. 1996. № 12. С. 14.
128. *Wheatcroft S.G.* Glasnost and Rehabilitations. P. 201.
129. См.: *Kotkin S.* Terror, Rehabilitation and Historical Memory. P. 252.
130. *Роговин В.З.* Партия расстрелянных. С. 487.
131. *Наумов В.* Знамя или мишень? // Московские новости. 1996. 20 октября.
132. См.: *Wheatcroft S.G.* Glasnost and Rehabilitations. P. 208; *Роговин В.З.* Партия расстрелянных. С. 487.
133. *Роговин В.З.* Партия расстрелянных. С. 487.
134. *Весновская Г.* Работа по реабилитации // Воля. Журнал узников тоталитарных систем. 1994. № 2/3. С. 208; Запись интервью автора с В.П.Наумовым 21 апреля 1995 г. См. также: «Массовые репрессии оправданы быть не могут...» // Источник. 1995. № 1. С. 129–130.
135. Запись интервью автора с В.Т.Логиновым 3 марта 1994 г.
136. Ответы Р.А.Медведева на вопросник С.Коэна.
137. Запись интервью автора с В.П.Наумовым 21 апреля 1995 г. См. также: Об исполнении органами внутренних дел законодательства о реабилитации и об Архивном Фонде РФ // Отечественные архивы. 1995. №6. С. 27; Мемориал-Аспект. 1995. 15 августа.
138. Статистические сведения о реабилитации 90-х годов см.: *Аниканова Т.И.* О реабилитации жертв политических репрессий // Отечественные архивы. 1999. № 1. С. 110–114; *Весновская Г.Ф.* Статистика о реабилитации // ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. М., 2001. С. 408–418; Покаяние и искупление: Постановление Правительства Российской Федерации // Российская газета. 1994. 20 мая. О значении и правовых последствиях статуса «пострадавший [от репрессий]» см.: Российская газета. 1995. 31 мая; Реабилитированные и пострадавшие: права и льготы // Там же. 1996. 20 июня; Кто реабилитирован // Тихоокеанская звезда. [Хабаровск]. 1996. 6 марта; Пострадавшим от репрессий // Владивосток. 1996. 12 апреля; Федеральный Закон РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации „О реабилитации жертв политических репрессий“» // Российская газета. 1995. 11 ноября.

Уже за первые два года после падения советской власти в одной только РФ (без учета других бывших республик СССР) приняли более двух миллионов и успели рассмотреть свыше одного миллиона заявлений о реабилитации. В 1995 г. было рассмотрено 1,8 миллиона таких заявлений. Кроме того, 296 тысяч человек к 1995 г. получили удостоверения «пострадавших от репрессий». Как правило, это были дети репрессированных. В 1995 г. согласно решению Конституционного суда РФ их правовой статус изменили, приравняв к непосредственно к *репрессированным*, то есть «подвергнувшимся политическим репрессиям и подлежащим реабилитации». Это даже вызвало тогда возражения части бывших лагерников, которые сочли, что их собственные страдания как бы девальвируются таким решением властей. Как бы то ни было, официально признано, что в отношении многих сотен тысяч действительных жертв сталинских репрессий реабилитация до середины 90-х годов *даже не начиналась*.

139. Запись интервью автора с Л.Э.Разгоном 16 апреля 1995 г.; Ответы Е.Репы весной 1995 г. на вопросник, разработанный при подготовке данного исследования.
140. Запись интервью автора с З.Д.Марченко 6 и 13 апреля 1995 г.
141. *Menninger K.* The Crime of Punishment. N.Y., 1968.
142. См.: *Adler F., Mueller G.O.W., Laufer W.S.* Criminology. 2nd ed. N.Y., 1995. P. 386, 402, 494. В последние годы эта практика меняется, сокращаясь из-за перегруженности пенитенциарной системы текущими делами и концентрации внимания на собственно карательной составляющей ее деятельности.
143. Признание обществом невиновности еще не означало радушной встречи возвращающегося. Об аналогичной проблеме реассимиляции голландских граждан, переживших Холокост, см., напр.: *Kristel C.* «De Moeizame Terugkeer»: De repatriering van de Nederlandse overlevenden uit de Duitse concentratiekampen // *Jaarboek van het Rijksinstituut voor Oorlogsdocumentatie* (Amsterdam: Oorlogsdokumentatie 1940–1945. 1989). P. 77–100; *Hondius D.* A Cold Reception: Holocaust Survivors in the Netherlands and their Return // *Patterns of Prejudice*. Vol. 28. 1994. P. 47–65.
144. *Goffman E.* Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identify. Englewood Cliffs, NJ, 1963. P. 43.
145. Интервью от 3 июля 1995 г. Воспроизведено в документальном фильме ТВ Нидерландов «Gijzelaren van de Goelag». RTL5.
146. *Dinesen I.* From Africa // *One-Line Quotations for Speakers, Writers and Raconteurs*. N.Y., 1981. Vol. 2. P. 715.
147. Подробнее об этом см.: *Des Pres T.* The Survivor. P. 36; *Томпсон П.* Устная история: Голос прошлого / Пер. с англ. М.Л.Коробочкина и др. М., 2003. С. 151. См. также: Хрестоматия по устной истории / Сост. М.В.Лоскутов. СПб., 2003.
148. *Kurlanski M.A.* Chosen Few: The Resurrection of European Jewry. Reading, MA, 1995. P. 123.
149. См. об этом: *Adler N.* Victims of Soviet Terror. P. 109.

150. *Des Pres T.* The Survivor. P. 38, 46.
151. В своей статье (*Intellectuals on Auschwitz: Memory, History and Truth // History & Memory Vol. 5. № 1. 1993. P. 102*) О. Бартов настаивает на необоснованности разделения, с одной стороны, эмоциональной потребности дать свидетельские показания, а с другой — «зова совести». По его мнению, невозможно разделить тех, «кто пишет, чтобы освободиться от тяжести [воспоминаний], которая в противном случае сделает их жизнь невозможной, и тех, кто осознает свой долг поведать людям обо всем, исполнив тем самым социальную и моральную функцию, вовсе не обязательно политизированно». Однако он в данном случае не принимает во внимание, что политизация зависит от политического климата, в котором ведется повествование.
152. *Fentress J., Wickham C.* Social Memory: New Perspectives on the Past. Oxford, 1992. P. 25.
153. *Ibidem.* P. 134.
154. См.: Крутой маршрут судьбы // Труд. 1998. 15 января. В возрасте 88 лет Мясникова уже девятый сезон играла небольшую роль в спектакле «Крутой маршрут» театра «Современник».
155. *Haimson L.H. (ed.)* The Making of Three Russian Revolutionaries. Cambr., 1987. P. 8.
156. *Yow V.R.* Recording Oral History. Th. Oaks, CA, 1994. P. 181.
157. *The Making of Three Russian Revolutionaries.* P. 17.

Нанси Адлер
ТРАДИЦИЯ
ВОЗВРАЩЕНИЕ
ГЛАВА II

накануне
СВОБОДЫ
1947...
...1953

ВОЗВРАЩЕНИЕ РЕПРЕССИРОВАННОГО

Заголовок этого раздела связан с одним из основных положений Фрейда о причине и лечении умственных расстройств. Мы употребляем этот термин для характеристики того, как обращается с утраченными составляющими дисфункциональная социальная система.

Вкратце умозаключение Фрейда состоит в том, что у людей постоянно возникают запретные мысли, чувства или импульсы, но вместо поиска социально приемлемых путей их выражения и удовлетворения их подавляют («репрессируют»), как бы принудительно «забывают», отправляя в дальний закуток мозга — «сектор амнезии». Там они сохраняются, понуждая исполнить их. Следствием становится потребность в значительном психическом напряжении для удержания их от вторжения в сознание. До тех пор пока «репрессированное» удерживается от возвращения, разум человека находится в нормальном состоянии, но когда подавленные импульсы прорываются через механизмы защиты «эго», возникает риск психического расстройства¹.

Попытаемся применить этот подход для рассмотрения процессов в социально-политической сфере. В данном случае «возвращение репрессированных» относится к жертвам советской системы, которые были государством репрессированы, то есть изолированы в ГУЛАГе, а затем отпущены на свободу. Концепция Фрейда нужна для понимания причины и следствия этого политического процесса, поскольку возвращающиеся из лагерей были не просто людьми — они были живым воплощением памяти, которую более невозможно стало отрицать. В 1971 году Эрнест Рапппорт, говоря о Холокосте, утверждал: «К пережившим концлагеря относились как к незванным нарушителям дремлющего общественного сознания, а их постоянные душевные страдания после освобождения воспринимались как нежелание приспособливаться». Более того, он отмечал, что бывшие узники сопротивлялись предпочитаемому обществом «забвению»².

Попытаемся не просто перечитать некие личные воспоминания, но исследовать напряженную борьбу между государственной систе-

мой, стремящейся репрессировать своих граждан, и гражданами, стремящимися отстоять себя. Общество «Мемориал» и подобные ему организации заставили признать существование и самих репрессированных, и их репрессированной истории. В горбачевский период десталинизации это, по сути, впервые достаточно масштабно обнажило истину: репрессии были способом существования советской системы. Соответственно содержание вопроса о бывшем узнике необходимо исследовать в рамках представлений об этой дисфункциональной социальной системе с ее непреходящим конфликтом между репрессированными и репрессирующими.

Наше исследование начинается с репрессий второй половины 30-х годов, поскольку именно этот период породил впоследствии первую значительную волну бывших узников, возвращавшихся в советское общество. В большинстве своем это были люди, получившие десятилетние сроки в 1937–1938 годах. Их опыт — важный показатель того, какие чувства испытывали их сограждане по отношению к бывшим политзаключенным.

Из застенков узников освобождали, но, как свидетельствуют они сами, их новое положение вряд ли можно было назвать свободой. А.И.Солженицын точно сказал об освобождениях дохрущевского периода — тех «проклятых „освобождениях“ под безрадостным небом Архипелага [ГУЛАГ]», от которых «только еще хмурей» становилось небо над отпущенными «на волю»: «Освобождение — такой же арест, такой же казнящий переход из состояния в состояние, такой же разламывающий всю грудь твою, весь строй твоей жизни, твоих понятий — и ничего не обещающий взамен»³. Слова Солженицына, как свидетельствуют в своих воспоминаниях освобожденные позднее, можно отнести и ко временам Хрущева.

Ссылка, в которую по установленному порядку направляли бывших узников немедленно по «освобождению», оказывалась для них той же тюрьмой, разве что без решеток. При этом, как саркастически напоминает Солженицын, ссылка числилась «в перечне орудий угнетения, которые должна была навсегда разместить светлая революция»⁴. Он отмечал, что ссыльные предпочитали не распространяться о своем прошлом, как это часто бывало в тюремных камерах, старались не фотографировать, боясь новых обвинений в антисоветской деятельности и фабрикации на этих «материалах» новых «групповых дел». Тем не менее впоследствии их рассказы о жизни на поселении были собраны и появились в «самиздате», а с конца 1980-х годов стали доступны и массовому читателю. Это воистину кладь материалов, воссоздающих реальную картину отношения советского общества к бывшим узникам ГУЛАГа.

В нашем исследовании использованы достаточно многочисленные воспоминания о ссылке. Они отражают бытовые условия, семейную жизнь, условия работы, общение ссылных и их взаимоотношения с официальными органами, страх повторного ареста, а также самоощущение бывших заключенных. Связанные со всем этим проблемы, как мы увидим далее, оставались актуальными до конца 80-х годов.

Возвращение в советское общество формально начиналось с момента освобождения, но прием, который ожидал возвращающихся, с течением исторического времени менялся. Не рассматривая подробно процесс освобождения конца 1930-х и периода Второй мировой войны, отметим, что установленная тогда процедура сохранялась и впоследствии. Так, Р.А.Медведев зафиксировал, что высших военачальников ранга К.К.Рокоссовского и К.А.Мерецкова, а равно выдающихся гражданских специалистов вроде А.Н.Туполева и С.П.Королева, освобождая из заключения, одновременно полностью реабилитировали и назначали на руководящие должности. Но, согласно Рою Медведеву, это сопровождалось предупреждением: «Дайте подписку, что никогда и никому не расскажете о том, что видели или узнали. Иначе окажетесь в лагере. Вы видели ужасные вещи. Вы ведь не хотите, чтобы это случилось с вами вновь? Тогда молчите. Даже жене в постели не рассказывайте ничего о лагере. Ничего не рассказывайте о пытках! Ничего не рассказывайте о допросах! И будет все, что угодно: работа, армия, фронт, государственная деятельность в качестве наркомов. Вам будут доверять»⁵.

«Сделка с дьяволом» — молчание в обмен на реабилитацию — заключалась и тогда, и позднее, уже при Хрущеве. Освобождение с одновременной реабилитацией, таким образом, было возможным, но широко не практиковалось. В тех немногих случаях, когда таковое все же применялось, приговор пересматривался и отменялся, судебное-следственное дело закрывалось, права восстанавливались. Но когда освобождения стали массовыми, процедура усложнилась. Большинство заключенных освобождались, отбыв свои сроки (если таковые не продлевал суд), других амнистировали, но судимость не снимали. Процесс реабилитации становился все более многоступенчатым и бюрократичным, что показывает, насколько советская система сжилась с репрессиями.

Многие из тех, кто возвратился из ГУЛАГа в числе первых, через годы рассказывали, как пытались добиться реабилитации. Эти свидетельства перекликаются с эпизодом из романа Ф.Кафки «Процесс». Там Джозеф К. в приемной Юриста знакомится с другим «обвиняемым», который давно и безуспешно пытается выпутаться из сетей

«следствия». Тот сообщает, что для работы со своим делом дополнительно нанял пятерых адвокатов, ибо «следователи» отказываются признать отсутствие вины, пока не опровергнуты все новые и новые их обвинения. Так и бывший заключенный И.С.Шур, упоминая о принципах сталинского «правосудия», использовал слова популярного советского анекдота: «Докажи, что ты не верблюд»⁶. Добавим только, что о пяти адвокатах бывшие лагерники и помышлять не могли.

Советская действительность часто перекликалась с метафорами Кафки. *Modus operandi* граждан СССР характеризовался противоречивостью: с одной стороны, ты вернее всего не достигнешь своей цели (справедливости, работы, жилья и т.д.), с другой — от тебя ожидают, что ты будешь вести себя так, будто веришь, что сможешь всего этого достичь. Это противоречие возникало, поскольку использовались разные уровни коммуникации — дело и слово, — и к тому же поддерживалось тем, что косвенно препятствовало признанию своего наличия.

В послехрущевские времена единственную возможность рассказать о лагере и участии возвратившихся из него представляла художественная литература. Только она давала надежду поведать о реальной истории, спрятав критику советского строя в подтексте. Примером может служить роман Андрея Битова «Пушкинский дом», написанный в 1970-е годы и повествующий о поколении интеллигентов, к которому принадлежит и сам автор, о тех, кто родился в 1937-м и чья сознательная жизнь началась именно в хрущевский период, — о «детях оттепели». А вместе — об их отцах и дедах, очень многие из которых тогда или возвращались (если еще повезло) из ГУЛАГа, или пытались искать себе оправдания перед лицом тех, кто возвращался, и тех, кто не вернется уже никогда.

«Роман-музей», как его чуть иронично называет автор, — тонкое, построенное на полутонах повествование, замечательно воссоздающее саму атмосферу жизни в СССР 50–60-х годов. Портрет эпохи настолько удался, что сам А.Г.Битов через годы с удивлением говорит в комментариях к нынешнему переизданию романа о выяснившемся впоследствии — а изначально, значит, предугаданном (!) — глубинном сходстве некоторых вымышленных персонажей с реальными людьми, которых ему довелось узнать позже. Получились, таким образом, своего рода «прообразы наоборот». В их числе и одна из наиболее значимых для нас фигур — дед главного героя Модест Одоевцев («Дед»). Битов признается, что в судьбе и облике этого блестящего ученого, «творца новой отрасли в науке и родоначальника целой научной школы», превратившегося в изломанного десятилетиями лаге-

рей старика, слились реальные черты «людей-судеб» — М.М.Бахтина, Ю.О.Домбровского, О.В.Волкова.

Не менее важен для нас и другой персонаж романа — близкий и давний друг семьи главного героя «дядя Диккенс». В молодости «красавец, эlegant, благородный сердцеед», этот «бывший царский, а затем красный офицер» воевал «на всех войнах», в промежутках между ними неизменно сидел в лагерях, то есть, как и многие «военспецы», начал свои странствия по ГУЛАГу еще в 1920-е.

И «Дед», и «дядя Диккенс», возвратившиеся в романе из лагерей почти одновременно — в середине или конце 1950-х, — демонстрируют подтвержденные позднее взглядами и оценками реальных лиц глубоко различные и вместе с тем в чем-то сходные «модели» возвращения в общество бывших изгоев-политзэков.

«У дяди Диккенса и Деда Одоевцева, людей, обобщенных историей, — пишет Битов, — были два противоположных, но разведенных из одного корня, как ветви, способа прожить эту историческую судьбу... Роднит их ствол. И тот, и другой пытались „сохранить достоинство“... Но слово „пытаться“ и слово „сохранить“ уже исключают понятие „достоинство“»⁷.

Вот «дядя Диккенс», отсидевший свой последний срок уж действительно ни за что: его, перебивавшегося после войны на какой-то хозяйственной должности в одном из академических НИИ, взяли в ходе кампании против генетиков («менделистов-морганистов»). Он сумел освободиться одним из первых, добился вселения в свою прежнюю квартирку в Ленинграде и даже выплаты скудной пенсии, став, по собственному выражению, «рантье реабилитанса». Он изо всех сил старается поддержать остатки бывшего внешнего лоска, зло острит, подчеркивает свою англоязычность, парадоксальность и независимость суждений, приверженность прошлому — «поре золотой». Юный Левушка Одоевцев — главный герой романа — поначалу просто очарован им и даже втайне надеется, что именно он и есть его настоящий отец. Но внезапно открывает истину: оказывается, под маской «офицера и джентльмена» «дядя Диккенс» прячет и от окружающих, и от самого себя смертельную опустошенность, тоску, безнадежность, безмерный постоянный страх. Лагерь унизил и сломал его.

Не менее трагичен «Дед». Свое восприятие возвращения на волю он выплескивает в монологе при встрече с внуком. В отличие от «дяди Диккенса» он отнюдь не смирился. В нем клокочет ненависть к «этой власти»: «В отношении меня все справедливо у этой власти. Я не принадлежу к этим ничтожным, без гордости людям, которых сначала незаслуженно посадили, а теперь заслуженно выпустили...

Чего я не заслужил, так это вот этого оскорбления реабилитацией. Меня уже не страшно: я — шлак... Я им не опасен — я им не нужен. Вот тебе квартира, вот тебе пенсия. Причем — как подарок, чтобы еще раз унижить, напомнить, что я им ничего не смог сделать... Я полагал себя слишком гордым, чтобы быть сломленным... Я сломался лишь сейчас, после „освобождения“. Я никогда не болел — первое, что со мной здесь случилось, это удар. Я стал рассыпаться...» Сравнивая реабилитацию с операцией по восстановлению невинности после изнасилования, он справедливо считает, что власть в очередной раз лишает его так мучительно, но, казалось, вновь обретенной самоидентичности. «Это жестокость — делать такое с человеком дважды! В результате — к семидесяти-то годам! — все их потратив на то, чтобы жизнь, какая ни была, была бы моей жизнью, я могу сказать, что не справился с жизнью... Когда меня взяли... я поставил крест на своем прошлом, на своей работе и призвании... Я стал другим человеком... На ... мне такая справедливость, чтобы я насильно становился снова тем человеком, каким был тридцать лет назад? Тогда мне было сорок, теперь семьдесят — это ли не разница! Да и будь мне тогда семьдесят, а теперь сорок — я бы не был способен в третий раз сделать эту жизнь своею. Как смели те же люди, отвершив несправедливость, — они же и восстанавливать ее! В лучшем случае это цинизм: выходит, они всегда знали, что делают... Они отменили тридцать лет моей жизни, вернув в прежнюю точку... Не мытьем — так катаньем: не вышло отменить в тебе твою жизнь, посадив, отменим — отпустив»⁸. Дед не в силах вынести этого нового оскорбления. Лагерь не сломил его, сломила и унизила его реабилитация.

И «дядя Диккенс», и «Дед» оказываются равно неспособны вынести двойное унижение: сначала лагерем, затем — реабилитацией. Форма реабилитации, избранная властью, выжигает в них последние остатки самоуважения, чувства собственного достоинства. Для возвращения в общество нет уже ни сил, ни желания. Вскоре оба умирают. Один — повязывая галстук в своей холодной комнатенке, другой — уехав к месту прежней ссылки.

Роман затрагивает многое из интересующего нас, но в данном случае важно, что Битов передает шок бывшего заключенного от столкновения с волей, показывает мучительность возвращения в общество. Писатель определенно выступил против официального подхода к реабилитации, показав, что государству следовало бы не «прощать» бывших политзаключенных, а попытаться просить прощения у них.

Кафкианский сюжет возвращения из заключения являет собой судьба Моисея Ароновича Панича, военного инженера, арестованно-

го в 1938 году и постановлением Особого совещания при НКВД СССР (то есть без суда) отправленного за «антисоветскую агитацию» на три года в Ивдельлаг в Приполярный Урал. «Освобожденный» в феврале 1941 года, он не имел права проживать в столичных городах, республиканских и прочих административных центрах, лишился дома, не мог увидеться с братьями и сестрами из опасения навредить им. Панич решил ехать в Москву и добиваться снятия клейма политического преступника.

В Главной военной прокуратуре, куда он наконец смог попасть на прием, ему посоветовали обо всем забыть: «Никто вас не заставляет говорить, где вы побывали... у вас есть диплом, паспорт, в военном билете без указания причин записано, что вы демобилизованы. Так что идите, живите и работайте»⁹. Друзья в Москве хорошо приняли его, собирались даже хлопотать за него в ГВП, но Панич вынужден был уехать из столицы, опасаясь ареста за нарушение паспортного режима. Попытки найти работу по специальности инженера-электрика проваливались, как только в отделах кадров узнавали его историю. В конце концов в Мариуполе он отправился в местный отдел НКВД и потребовал либо дать ему работу, либо снова посадить. Его определили на местный завод, но через несколько месяцев город был занят немцами и Паничу пришлось бежать, бросив и работу, и сам город, где он начал было обживаться¹⁰. Он смог устроиться на Кузнецкий металлургический комбинат, где проработал до 1962 года. Но несмотря на казалось бы обретенную стабильность, он сокрушался в своих записках: «Я... не мог заставить себя забыть обо всем. Я только приспособлялся к жизни. Я не мог смириться с тем, что должен стыдиться своего прошлого»¹¹. Система соглашалась принять его лишь при условии, что он «репрессирует» свою память, — слишком уж этот репрессированный напоминал системе о ее собственной репрессированной истории и репрессивной сути. На его счастье, сравнительно высокий профессиональный статус военного инженера способствовал тому, что государство помогло этой вынужденной амнезии. Примечательно, что Панич относится к числу довольно многих, парадоксально сохранявших истовую веру в партию и желание обратиться к ней, чтобы обнажить правду и исправить несправедливость.

Подавить собственную память, чтобы вписаться в настоящее, пытались многие бывшие лагерники. Однако нельзя просто захотеть, чтобы прошлого не стало, поскольку оно всегда присутствует в настоящем. Тщетные усилия извратить память оказались непродуктивными и на личном, и на общественном уровне.

Уместно задуматься и над феноменом бывших заключенных, которые устраивали себе «добровольную ссылку», оставаясь работать в ГУЛАГе и таким образом сохраняя связь со своими недавними тюремщиками даже после освобождения. Так, М.Л.Анцис, которую в 1940 году освободили из Акмолинского ИТЛ, возвратилась туда с рекомендацией от своей бывшей лагерной начальницы, чтобы возглавить производство, развернутое НКВД на местной фабрике¹².

Этот пример показывает, насколько в советском варианте «лагерь» и «воля» пересекались и сливались. И это неудивительно: лагерная действительность только отражала всю советскую действительность, во многом представляющую собой лагерную зону, только более обширную. Именно поэтому некоторые заключенные пользовались специфическими привилегиями — например, те, кого считали лояльными режиму, получали работу полегче. Как следствие, лагерный опыт предопределял адаптацию к обществу после освобождения. Стивен Коткин задается вопросом: «Сколь долго еще массовый ГУЛАГ, со всеми его ужасами и парадоксами, будет рассматриваться как нечто отдельное от советского общества и вместе с тем — определяющее устройство и жизнь СССР?»¹³ Следуя привычной терминологии, мы тоже различаем понятия «зона» (лагерь) и «воля» (внешний мир), однако осознаем, что в советской практике различие между ними было условным. В любом случае мы должны рассматривать ГУЛАГ как неотъемлемый инструмент приспособления советского общества к репрессиям.

Вот еще один пример того, как лагерь «не отпускал» от себя бывшую заключенную. Марию Максимовну Гальпер исключили из партии в 1936 году и позднее отправили в Карлаг как «члена семьи изменника Родине» (ее мужа П.А.Липшица расстреляли по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра»). Там она отбывала срок до 1947-го. Но сначала Гальпер оказалась в Бутырке, где в камере, рассчитанной на сорок человек, содержались сто женщин. Среди сокамерниц были жены главного редактора «Вечерней Москвы», маршала Тухачевского... А в лагере Гальпер познакомилась с заключенными балеринами, певицами, учительницами, женами офицеров и высокопоставленных чиновников — все они были заняты физическим трудом в жутких условиях. Несмотря на разлуку с родными, тяжелую работу и полуголодное существование, они сохраняли веру в партию, в страну и распевали любимую ими песню «Москва майская» — «Москва моя, страна моя, ты — самая любимая!». Они

как бы заявляли: «Несмотря на наше горе, мы должны верить в нашу замечательную страну». В лагере Гальпер приобрела «хорошую профессию» — токаря. Еще целый год после окончания срока она оставалась на этой работе — вольнонаемной.

Покинув лагерь, Гальпер уехала в Рязань, но не смогла найти там работу и присоединилась к бывшим солагерницам в городке за 101-м километром от Москвы. Профессиональная переводчица, она даже не пыталась найти занятия по специальности, так как бывших заключенных не допускали к работе «в идеологической сфере». Надеясь найти место, ходила по фабрикам: «Токари требовались везде, но мне отказывали, увидев мою справку из лагеря»¹⁴. Наконец устроилась на завод, директор которого сочувствовал бывшим заключенным. Подобные проблемы возникали везде, куда бы она ни переезжала. Только через тридцать лет после ареста, уже в 1966 году, Гальпер смогла получить работу без каких-либо ограничительных условий.

Как видно из этих примеров, справедливо утверждение Дж.Киипа, что по выходе из лагеря «ни один заключенный не смог вновь почувствовать вкуса свободы»¹⁵.

Согласно секретному Указу Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года, *всех*, кто побывал в «особых» лагерях, по освобождении начали отправлять «в ссылку на поселение под надзор органов МГБ»¹⁶.

Сохранившиеся в архиве Общества «Мемориал» безыскусные воспоминания о ссылке достаточно полно показывают, как положение бывшего заключенного сказывалось на жизни первых освобожденных. Несмотря на известное сходство, каждую из этих историй отличают конкретные особенности опыта ссыльного, predeterminedенные прежней профессией, мерой патриотизма, верностью партии и т.п.

Типичный пример так называемого освобождения с немедленной отправкой на поселение можно найти в рассказе Григория Григорьевича Будагова. Этого инженера-путейца арестовали еще в 1930-м. Долгие мытарства в тюрьмах, лагерях и ссылке казалось бы закончились для него в 1948 году с окончанием его срока. Он переждал еще три дня и отправился в Новосибирск. Там его задержали и отправили в тюрьму. Будагов объявил голодовку протеста против незаконного, как полагал, задержания. Но ему объяснили, что его «не задержали, а отыскиали»: всех отбывших сроки и ссылку по 58-й статье высылают в места еще более отдаленные на «вечное поселение». Вместе с десятками подобных ему «освобожденных», вспоминал Г.Г.Будагов, его под конвоем двух офицеров привезли в глухую деревню Чумаково Новосибирской области. Там ему «вспомнилась

„Хижина Дяди Тома“. Похоже было на аукцион рабов. Приехали все местные начальники: директор пищевой фабрики, председатели колхозов и т.п. Меня выбрал зав. райкомхоза, который сразу меня увез, а по дороге рассказывал, что у него нет инженера-технолога и, если разрешит председатель РИК, я буду выполнять эту работу. После посещения председателя РИК зав. райкомхоза передал мне его ответ: „Дать самую тяжелую физическую работу“... Я неделю таскал бревна»¹⁷.

Этого председателя позже обвинили в хищениях и уволили. Его преемник разрешил бывшему ээку работать инженером-технологом. Но оставалась проблема жилья: местное население ссыльных к себе не пускало, считая врагами народа, причем каждые десять дней Будагову приходилось отмечаться в райотделе МВД, где ему неизменно напоминали, что любая попытка покинуть отведенную для поселения территорию рассматривается как побег и карается десятью годами заключения. Выводы, к которым он пришел, не редкость для бывших заключенных: «Вскоре я почувствовал, что в Томском лагере было лучше, чем в ссылке. Здесь на каждом шагу местные жители давали понять, что я был „врагом народа“. Если в лагере я пользовался некоторым уважением, будучи инженером, здесь ни моя квалификация, ни звание не находили применения... В этом кругу бюрократов и малограмотного населения я был изгоем»¹⁸.

Другой ссыльный, Александр Дмитриевич Егоров, с болью вспоминал: «Ссылка была непонятной, явно необоснованной и чудовищно незаконной»¹⁹. Его — бывшего фронтового врача еще времен Первой мировой — арестовали в Уфе в 1940 году и приговорили по 58-й статье к 6 годам лишения свободы и 3 — поражения в правах. В 1946-м он освободился, но в 1950-м (в возрасте шестидесяти двух лет) был арестован вновь и приговорен к бессрочной ссылке в Красноярский край. Этапировали в печально знаменитых «столыпинских» вагонах, в тесноте, антисанитарии, без воды. Сосед по вагону украл у Егорова хлеб, деньги конфисковали при обыске перед отправкой, так что он ехал без денег и без еды, в результате чего на два месяца попал в больницу. Затем недолго работал там врачом — «даже с зарплатой». О поисках работы по специальности Егоров рассказывает так: «Были развешаны объявления о наборе в местную больницу, но я получил отказ потому, что „нет вакансий“. Нас (ссыльных. — *Н.А.*) боялись брать на работу; по отношению к нам была дискриминация. Хотя прокурор и следователь в Уфе уверяли меня, что есть приказ о беспрепятственном приеме [ссыльных] на работу; это был обман: тот же прокурор не разрешил мне получить из дома

мой врачебный диплом, прекрасно зная, что без него врачом устроиться невозможно»²⁰.

Обман и волокита доводились в чиновничьих кабинетах до совершенства. В попытках найти работу по специальности Егоров столкнулся с яркими проявлениями отношения к ссыльным: его избегали, он был отверженным. Когда, сумев все же раздобыть копию своего диплома, он обратился в краевой отдел здравоохранения, ему вновь ответили, что вакантных мест нет. «Если бы я показал этот ответ в Москве, там были бы удивлены, поражены и потрясены, что Красноярский край так переполнен специалистами-ларингологами, хотя известно, что даже в самом Красноярске их недостаточно»²¹. (Нельзя не отметить, сколь своеобразно выглядит это упоминание о «рассудительной Москве жертвой системы, управлявшейся как раз из Москвы».)

Но, сколь бы плачевно ни было положение доктора, власть сумела усугубить его. Когда в следующем, 1951 году Егоров попросил перевода поближе к европейской части СССР, его перевели... в Казахстан. К тому же перемена места не означала перемены отношения. Если в булочной не хватало хлеба, поступало указание: «Не отпускайте ссыльным и русским!»²² В конце концов Егоров нашел-таки работу по специальности. Но когда срок ссылки в 1954 году закончился, он столкнулся с новой проблемой: теперь власть пожелала оставить его в Казахстане именно как врача и стала чинить всяческие препятствия отъезду. Впоследствии, размышляя о своей жизни ссыльного, Егоров напишет, что испытывал не унижение, а скорее безысходность, одиночество и заброшенность.

Поскольку полного осуждения Сталина и сталинизма не состоялось (на что власти так и не осмелились, хотя и подходили к этому на XX и XXII съездах КПСС), отношение общества к бывшим заключенным определялось «презумпцией виновности». Вследствие этого возвращение политзэков в общество, считающее себя законопослушным, становилось задачей трудноразрешимой.

Так, например, Нине Георгиевне Бардиной после освобождения пришлось бороться и с положением бывшей лагерницы, и с лагерными воспоминаниями. В 1975 году она заявляла, что, хотя с момента ее ареста прошло тридцать лет, включая 7 лет лагерей и 7 — ссылки, она «ни разу, ни при каких обстоятельствах не разрешила ни одному эпизоду из той жизни возвратиться в ее сознание»²³. (Правда, этому утверждению противоречат богатство и обширность ее воспоминаний.) Бардина пишет, что период, последовавший за освобождением, стал самым болезненным в ее жизни: «Похоже, что переход от неволи к воле, к вольной жизни гораздо труднее, чем от

воли к тюрьме»²⁴. В своем повествовании она отмечает, что, хотя невиновный человек, оказавшись в тюрьме, чрезвычайно травмирован, это не отчуждает его от окружающих, поскольку все вокруг (из числа заключенных по политическим обвинениям) имеют такую же горькую судьбу. Заключенный лишен семьи, но и его сокамерники лишены своих семей; лишен прав, но и все вокруг так же лишены и т.п. Нет надежд, которые могут оказаться разбиты: жизнь ожидается суровая. Однако переход от заключения к свободе, положение бывшего зэка, ограниченного в правах и с грузом обвинений, большей частью так и не снятых, по-своему еще тяжелее. Освобожденный заключенный, по словам Бардиной, «постоянно сталкивается со своей неполноценностью. Вместо паспорта у него простой клочок бумаги... у всех остальных паспорт, а у тебя бумажка! Когда люди видят эту бумажку, выражение их лиц меняется, в их глазах появляется страх»²⁵. Бардина передает чувство безысходности, которое охватывало бывших зэков, прозябавших в указанных им местах, растерявших дружеские, приятельские и профессиональные связи, да к тому же вынужденных что-то выдумывать в ответ на вопрос, где они побывали. Эта невозможность выразить себя еще более углубляла у ссыльного чувство отчужденности от общества: раскрыв свое прошлое, он отпугнет от себя окружающих как от «врага народа», а попытавшись утаить — потеряет себя.

Бардину — студентку химического факультета МГУ — арестовали прямо в кабинете декана в 1942 году. Семь лет спустя — после ее освобождения — тот же самый декан сказал ей, что не восстановит ее в университете даже в качестве вольнослушательницы, поскольку она не имеет права проживания в Москве, куда приехала лишь навестить мать. Дочь с матерью уехали в Калугу, где им пришлось переходить из дома в дом, потому что хозяева отказывали им в жилье, как только узнавали от местной милиции об их положении. С работой обстояло не лучше. В итоге Бардина, как и Панич, пошла к начальнику местного отдела внутренних дел, объяснила, что не может найти места в этой «свободной» жизни, и попросилась обратно в лагерь. Из-за жестких ограничений в выборе места работы и места жительства лагерь зачастую представлялся бывшим заключенным меньшим из зол.

Как мы уже видели, известное сочувствие к этим страдальцам (официально — преступникам) изредка проявляли даже в МВД. Так произошло и в случае с Бардиной. В 1950 году ее определили на работу по специальности на секретный военный завод. Доброжелатель из горотдела МВД был уверен, что его протеже станет трудиться добросовестно, поскольку найти что-то другое она не могла.

В любом обществе лишение свободы одного из членов семьи подвергает стрессу всю семью. В Советском Союзе государственная политика подняла уровень этого стресса до степени смертельной угрозы. На всех родственниках проставлялось клеймо «связь с врагом народа», и они так же рисковали потерять свободу. Попытаемся взглянуть на то, как арест воздействовал на семью. Это важно для нас потому, что именно воссоединение с семьей приобретало решающее значение для тех, кто возвращался из лагерей и ссылки.

В начале 1950-х годов в Гарвардском университете был осуществлен масштабный проект по изучению советской общественной системы²⁶. В частности, были проинтервьюированы три тысячи беженцев и перемещенных лиц, покинувших СССР во время и после Второй мировой войны. Эта группа людей не пережила процесс реасимиляции и не состояла из прямых жертв террора. Их позиция, по крайней мере выраженная в интервью, носила решительно антисоветский характер, что не свойственно людям, о которых речь идет у нас. И хотя характеристики этой группы лиц и тех, кто прошел через лагеря и ссылку, имеют серьезные отличия, все же опрошенные, как и бывшие заключенные, жили в Советском Союзе и испытали на себе многие «прелести» системы, а потому мы считаем возможным использовать этот массив интервью в качестве источника для нашего исследования.

Устные интервью обнаружили разнообразие реакций семей на арест одного из их членов: от сохранения семейного единства до расторжения брака и публичного осуждения арестованного. Согласно выводам этого давнего исследования, именно сплочение семьи (а не ее распад) было наиболее распространенной реакцией на арест одного из ее членов. При этом не надо забывать, что родственники, оставшиеся на свободе, лишались возможности продолжать нормальную жизнь, оказывались отвергнутыми обществом, испытывали экономические ограничения и — в ответ — возмущение режимом.

Множество мемуаров, написанных или ставших известными в последующие десятилетия, опровергают выводы исследователей о массовом сплочении семей перед лицом репрессий. Напротив, воспоминания жертв репрессий свидетельствуют, что система последовательно и эффективно препятствовала сохранению семейных уз заключенных. (Оговоримся, что жен и детей многих «врагов народа» зачастую оставляли на свободе, лишь чтобы позднее объявить участниками преступных заговоров и сделать обвиняемыми.) Если жена

публично осуждала своего арестованного мужа и отрекалась от него, она имела шанс избежать заключения, при этом обвинения в чей-либо адрес отнюдь не защищали никого от ареста. Г.И.Анфилов в воспоминаниях цитирует письмо, полученное его сокамерником: «Дорогой муж! Ты пишешь, что обо мне скучаешь. Не скучай и не пиши. Уже больше года я живу с другим, и месяц назад у нас родилась дочь. Я начала жить только после того, как тебя посадили... Я узнала, какие права имеют женщины в СССР, а ты скрывал от меня это и никогда не читал мне „Вечернюю Москву“: ты поступал, как классовый враг»²⁷.

Другой мемуарист, М.Д.Байтальский, вспоминает о своеобразном «финансовом стимулировании» расторжения брака с эсками. Обычный развод стоил 500 рублей, а с заключенным — всего 3 рубля: как две порции мороженого²⁸.

Опыт большинства бывших заключенных убеждает, что даже изначально прочные личные взаимоотношения зачастую рушились под давлением страха, позора, долгой разлуки. Особенно когда не было уверенности в возможности воссоединения. К разрыву семейных уз (уже по воле самих заключенных, а не оставшихся на воле их родственников) подталкивало, очевидно, и то, о чем писал В.Т.Шаламов: «Я не хотел бы сейчас возвращаться в свою семью. Там никогда меня не поймут, не смогут понять... То, что им кажется важным, — я знаю, что это пустяк. То, что важно мне — то небольшое, что у меня осталось, — ни понять, ни почувствовать им не дано. Я принесу им новый страх... То, что я видел, — человеку не надо видеть и даже не надо знать»²⁹.

1948 ГОД И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Для советской карательно-репрессивной политики характерно чередование жестоких «заморозков» и относительных «потеплений»: периоды репрессий сменялись периодами некоторого смягчения режима. Так, новый цикл репрессий начался в конце 1940-х. Евгения Гинзбург упоминает о «карточном домике», в котором жили тогда бывшие политзаключенные, о страшном предчувствии приближения 1949 года — «родного брата 1937-го». Саму Гинзбург, которая, как мы помним, на поселении работала в Доме малютки, вновь арестовали по подозрению в «продолжении террористической деятельности». Возмущенная абсурдностью сфабрикованных обвинений, она восклицает: «Я что, в Доме малютки занималась террористической дея-

тельностью?»³⁰ По размаху террора 1949-й не достиг 1937-го, но ссыльные опасались худшего. Во всяком случае многим из них ссылку заменили на «бессрочное» поселение.

В подавляющем большинстве ссыльных отправляли на новые места поселения. Согласно упомянутому Указу Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года и изданному в его развитие Постановлению Совета Министров СССР, уже освобожденные «особо опасные государственные преступники» подлежали теперь направлению под надзор органов госбезопасности в самые гиблые местности СССР: на Колыму, в северные районы Красноярского края и Казахстана, в Новосибирскую область. К категории «особо опасных» Указ относил: «отбывавших наказание в особых лагерях и тюрьмах шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп, лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и враждебной деятельности»³¹. В их числе оказались и все освобожденные со времени окончания Великой Отечественной войны. Арестованные, согласно этому Указу, подвергались ссылке на основании того же приговора, по которому они уже отбыли свои сроки, то есть таким образом их наказывали вторично за одно и то же мнимое преступление. При этом приказ МГБ от 26 октября 1948 года предписывал уполномоченным МГБ арестовывать и допрашивать «особо подозрительных» из названной категории «преступников»³².

Архивные документы, открытые лишь в 1992 году в связи с рассмотрением «дела КПСС», дают возможность оценить размах этой волны репрессий³³. С 1948 по 1953 год только распоряжением «отдела А» МГБ, ведавшего учетами, то есть даже без постановления ОСО, в бессрочную ссылку были отправлены 37 951 человек. Кроме того, в 1949–1953 годах в отдаленные местности направили еще 20 267 человек уже согласно постановлениям ОСО³⁴.

Зоя Дмитриевна Марченко *

Зою Дмитриевну Марченко арестовывали трижды: в 1931-м, 1937-м и 1949-м году. Ее брата-троцкиста арестовали в 1929 году и приговорили к 10 годам Соловецких лагерей за мнимую попытку по-

* В специальные подразделы глав здесь и далее выделены материалы, основанные на особенно подробных интервью и/или ответах на вопросник, разработанный при подготовке данного исследования.

кушения на Сталина. В тот единственный раз, когда она виделась с братом после его ареста, Марченко спросила, за что его посадили. Он ответил: «За чистоту ленинской линии». Его расстреляли в 1937-м. Саму З.Д.Марченко первый раз арестовали за хранение «антисоветской литературы» — ее собственных записок о прощании с братом и его рассказа о пытках на допросе³⁵. Поначалу ее поместили в Бутырку, где она выполняла обязанности стенографистки, затем отправили на Дальний Восток в Северо-Восточные исправительно-трудовые лагеря, где она продолжала работать стенографисткой до окончания своего трехлетнего срока. Марченко утверждает, что предчувствовала, что будет арестована вновь, так как, суеверная, как многие русские, обернулась и взглянула на зону, когда покидала ее³⁶. Такое объяснение не кажется удивительным на фоне заведомо сфабрикованных обвинений, которыми советские органы госбезопасности привычно обосновывали аресты.

В промежутке между двумя арестами Марченко вышла замуж. В 1936 году мужа — главного инженера строительной организации — арестовали, и впоследствии он умер в заключении. Вскоре вторично арестовали и ее — фактически за отказ подписать лжесвидетельство против мужа, а официально — за «контрреволюционную троцкистскую деятельность». Первый год она провела в тюрьме, затем, согласно приговору, 8 лет на Колыме, где уже после завершения срока ее продержали еще год. Размышляя впоследствии о том, что позволило ей пережить печально известный маршрут из Владивостока на Дальний Север и последующие годы в одном из самых жестоких лагерей, она говорила: «Наш организм сильнее, чем мы думаем»³⁷. В восемьдесят девять лет она считала, что живет «ради памяти, сохранения и передачи того, что пришлось пережить»³⁸.

Зою Дмитриевну освободили в 1946 году с «минусом» в паспорте: ей запрещалось проживание во всех крупных городах. Правда, хотя бы вернуться на родную Украину ей разрешили. Два года она оставалась работать там, где отбывала последний год заключения, только жила вне зоны в общежитии. В 1948 году уехала к родителям в украинскую глубинку. Но уже на следующий год ее вновь арестовали, заявив, что «рано выпустили»³⁹. Допрашивали во внутренней тюрьме Сумского областного управления МГБ. После этого приговор к бессрочной ссылке в Приполярье в Красноярский край показался облегчением. Иначе, как утверждала Марченко, она покончила бы с собой.

В Красноярском крае Марченко работала экономистом на знаменитой «501-й стройке» — колоссально затратном, основанном на подневольном труде строительстве железнодорожной магистрали Са-

лехард—Игарка. В 1954 году она переехала в Красноярск, вышла замуж за этнического немца, тоже с «минусом» в паспорте. Куда бы они ни поехали, им, как ссыльным, полагалось регулярно отмечаться в «органах». Однажды объявили, что ссылка закончена, но жить в крупных городах им по-прежнему запрещено.

Бывших заключенных вообще постоянно преследовала угроза возобновления репрессий. В глазах властей однажды арестованный автоматически превращался в постоянно подозреваемого. Эти подозрения укоренились и в обществе. Марченко вспоминала, что после ее ареста многие знакомые искренне верили, что она преступница, и сторонились ее после освобождения.

Другие, понимая всю несправедливость ее положения, уже после освобождения пытались помочь ей, но на собственный страх и риск. Некоторые старые друзья, поддерживая с ней отношения, при этом старательно избегали любых упоминаний о прошлом. Марченко остро переживала свою отверженность, стыдилась упоминать о пережитом, боясь отпугнуть людей⁴⁰. Типичным отношением к тем, кто возвращался из лагерей и ссылки, была смесь страха и порицания. Марченко была так благодарна сибирским геологам, которые «осмелились взять ее на работу» после освобождения, что сохраняла связь с ними до 90-х годов. Ее реабилитировали в 1956-м, и многие знакомые (не из числа бывших заключенных), «чьи глаза вдруг раскрылись», начали искать ее дружбы. Но круг друзей остался ограничен бывшими зэками. Образовалась группа солагерников-колымчан, они переписывались, регулярно встречались в Москве — иначе говоря, создали свою собственную организацию поддержки. XX съезд несколько сгладил развившееся у них самоощущение «людей второго сорта», но не избавил от него. Более того, страх новых репрессий пронизывал их всю жизнь. Даже в 1978 году при обмене паспортов, как вспоминает Марченко, она и ее друзья не спали ночами, в страхе спрашивая себя: «Какие „буквы“ или „номера“ навесят нам сейчас?»⁴¹

Как мы видели, пребывание в заключении стало определяющим в судьбе З.Д.Марченко. Она не отделяла себя от всех бывших заключенных, которых сначала ошельмовали, назвав политическими преступниками, затем заставили провести годы в тюрьмах и лагерях, а затем оправдали. Это стало центральной темой ее жизни. Как и многие другие, Марченко жалела о загубленной судьбе, но наряду с этим испытывала определенную ответственность (а возможно, и чувство вины) перед теми, кто не дожил до освобождения. Поэтому она взялась распространять (уже во времена Горбачева) «Реквием» Анны Ахматовой — оду заключенным ГУЛАГа — и писать мемуары⁴². В конце

80–90-х годах Марченко стала активным членом обществ «Возвращение» и «Мемориал».

Как уже говорилось, для одних ссылка становилась этапом освобождения, для других — продолжением заключения. Но были и те, для кого ссылка была первым опытом лишения свободы. Эта категория включала членов семей осужденных «врагов народа». Высланные в качестве так называемых социально опасных элементов, они, строго говоря, не относятся к числу тех возвращавшихся в общество узников, которые в данном исследовании являются главным объектом нашего внимания. Однако, чтобы представить проблему ссылных полнее, мы вкратце рассмотрим один пример.

Заяра Артемовна Веселая

Одной из причин несоответствий и противоречий в советской репрессивно-карательной системе было то, что, используя для преследования людей законы, сама система управлялась не столько законами, сколько людьми, которые использовали свою власть по собственному произволу. Одним из примеров подобного рода может служить обращение с детьми репрессированных. Известная сталинская формула «сын за отца не отвечает» применялась лишь тогда, когда это было удобно. В 1949 году Заяру и Гаяру Веселых, подростков дочерей уже давно расстрелянного писателя Артема Веселого⁴³, арестовали. Они были убеждены, что их отец не враг народа, знали и любили его книги. Хотя девочкам было известно об аресте (но не о расстреле) отца, Заяра утверждает, что, несмотря на уверенность следователя в их глубоко затаенных антисоветских настроениях, они не чувствовали враждебности к советскому строю и даже к органам НКВД–МВД. «Я любила советский строй даже в ссылке, я горько плакала в марте 1953-го. Мое отношение изменилось только после XX съезда партии»⁴⁴, — вспоминала она позже. А тогда Заяра полагала, что отца арестовали по ошибке вместе с большим числом настоящих шпионов и диверсантов⁴⁵.

Соседи по камере в следственной тюрьме на Лубянке предположили, что сестер выпустят и предложат на выбор несколько городов в Сибири, где они проживут некоторое время. Но обернулось иначе. Заяру приговорили к 5 годам ссылки под Новосибирском — подростку это казалось вечностью. Самым же большим ударом стало то, что сестру тоже сослали на 5 лет, но — в Караганду. Как уже упоминалось, одной из целей лишения свободы было разрушение или ослабление

родственных связей. При этом, добиваясь большей уступчивости и податливости, людей так или иначе вынуждали обращаться к государству за поддержкой.

Освобожденная по амнистии, Заяра вернулась в Москву в 1953 году и поняла, что как бывшая ссыльная не может найти работу. После неоднократных отказов она обратилась к главному редактору издательства, который знал ее отца. Совесть не позволила ему отказать, и Заяру приняли на работу, предупредив, что сослуживцы не должны узнать об отбытой ею ссылке, иначе у редактора будут неприятности. Поначалу сохранить секрет было нетрудно, поскольку никто ни о чем и не спрашивал. Но при попытке вступить в профсоюз пришлось опять столкнуться с правовой сомнительностью своего прошлого. На профсобрании, где присутствовал и устроивший ее начальник, попросили рассказать биографию. Она отказалась, вызвав скандал. А объяснялось все и желанием оградить начальника, и стремлением защититься от неизбежного остракизма. З.А.Веселая вспоминает, что подобный же случай, когда ей «хотелось провалиться сквозь землю», произошел в 1949 году в Новосибирске, где ее провели под конвоем через весь город вместе с немецкими военнопленными. «Люди стояли на тротуарах, — вспоминает она, — я не знаю, с каким выражением на лицах они смотрели на нас: я никого не видела, я стиснула зубы и, не отрывая глаз, смотрела на спину перед собой»⁴⁶.

* * *

Однако не все смотрели на возвращавшихся из ГУЛАГа со страхом и подозрением — иногда им даже помогали избежать неминуемого повторного ареста. Так, З.Е.Габреляна, после освобождения работавшего на фабрике вольнонаемным, в 1949 году директор предупредил: «Из органов звонили, интересовались тобой, на заводе ты или уехал. Я за тебя боюсь, ходят слухи, что опять начали забирать людей»⁴⁷. Габрелян сразу уехал в другой город (Караганду) к другу-солдагернику и, как выяснилось, очень своевременно: за ним действительно вскоре пришли, чтобы арестовать. З.Е.Габрелян смог проработать на карагандинском заводе год. Затем опять поползли слухи об арестах. Но и на этот раз Габреляна предупредили: секретарь парткома сообщил ему, что им опять интересуются «органы». Так он и переезжал, стремясь избежать ареста, до 1953 года. Многие его друзья оказались в таком же положении. Одного из них «догнали» и отправили в Акмолинск уже в 1956 году⁴⁸.

Как видим, к счастью для некоторых бывших заключенных, отдельные советские чиновники подчас ставили личные интересы,

а может, и человеческие чувства выше требований очередных полицейских кампаний. Сохранились рассказы ссыльных, которым в обмен на услуги удавалось даже на время выезжать за пределы определенной им территории проживания. Так, один из бывших заключенных — А.Г.Гросман — остался главным механиком на том же заводе в Магадане, где работал, будучи заключенным. Он не имел права покидать Магадан, но директор завода, знакомый с летчиками, предложил слетать в Хабаровск, если будет отремонтирован автомобиль его друга. Гросман выполнил работу и вскоре уже летел в самолете. И вдруг — неожиданная посадка, чтобы принять дополнительных пассажиров. Он оказался перед угрозой нового срока заключения за «нарушение паспортного режима». Пока проверяли документы остальных пассажиров, Гросман курил с экипажем, переживая, что сейчас будет раскрыт. Но его, видимо, приняли за члена экипажа, и все обошлось. Позже у Гросмана потребовали денег, чтобы экипаж смог в Хабаровске «закусить». Хотя он уже оплатил полет своей работой, отказать он не мог, понимая, насколько иллюзорна его «свобода»⁴⁹. Бывшие зэки вообще легко становились объектом эксплуатации из-за уязвимости своего положения.

В конце 40-х—начале 50-х годов проблема трудоустройства возникла у бывших политзаключенных либо сразу по освобождении, либо вскоре, и они всегда боялись работу потерять. Во многом отношение к ним диктовалось некими неписаными правилами. Один из мемуаристов прямо отмечает, что, по его мнению, для эксплуатации бывших заключенных «использовали как писанные, так и неписанные законы»⁵⁰. Другой пишет о лицемерии системы: «По закону ссыльный (если это не оговаривалось специально в приговоре) не лишался избирательных прав; более того, ссыльный мог быть даже избран в какой-либо Совет депутатов трудящихся. Читатель понимает, конечно, что ни один ссыльный никогда не был депутатом»⁵¹.

Достижение не только высокого, но и просто достойного положения в обществе для большинства из тех, кого реабилитировали даже во времена Хрущева и позднее, оставалось проблематичным. Подлинная правда о том, как советская система справлялась (а точнее — и не думала справляться) с реинтеграцией в общество и реабилитацией «политических преступников», не отражалась в официальных речах или указах, скрывалась от рядовых граждан. Но она не была секретом для самих бывших заключенных, чьи усилия вернуться к обычной жизни не приводили к реальным результатам. Эти проблемы, сохранявшиеся и при Хрущеве, рассматриваются нами подробно в следующих главах.

В конце 40-х—начале 50-х годов бывший политзэк мог без особых затруднений устроиться лишь разнорабочим, шофером, механиком, электриком, бухгалтером, реже — врачом, причем при трудоустройстве подчас учитывались конкретные статьи и пункты статей приговора⁵². Но сохранить работу, а тем более подняться по служебной лестнице оказывалось делом практически безнадежным. Как поясняет один из бывших узников, работавший бухгалтером, «в эти годы (начало 1950-х. — *Н.А.*) постоянно возникал вопрос, как может бывший „враг народа“ работать главным бухгалтером»⁵³. Его уволили, а когда приняли в другом месте для такой же работы, то уже без должности и зарплаты главного бухгалтера. А вот бывшие учителя и журналисты — «бойцы идеологического фронта», связанные с распространением знаний и информации, — выйдя из заключения, как правило, вообще не могли устроиться на работу по специальности. Иногда им пытались помочь влиятельные друзья. Так, В.В.Домбровский вспоминает, как его, сына «врага народа», поддержал старый друг, известный композитор Дмитрий Шостакович, попытавшийся помочь с работой и восстановлением в университете. Тогда органы госбезопасности вознамерились «влезть» в их отношения. Матери Домбровского (соответственно — жене «врага народа») предложили стать «информатором»: доносить на Шостаковича, его друзей и знакомых. Та категорически отказалась и в итоге вновь попала за решетку за «антисоветскую агитацию» — так интерпретировали ее убежденность в невиновности мужа. В.В.Домбровский писал о совокупном результате воздействия репрессий: «Клеймо, которое на меня поставили, невозможно ни смыть, ни спрятать, а все, чего я смог достичь, стоило мне невероятных усилий»⁵⁴.

Практически невозможно найти свидетельства современников о каком-либо конкретном случае, когда бы возвращение репрессированного не вызывало со стороны официальных лиц и общества негативной реакции — страха, гнева, стыда, ненависти или хотя бы явного беспокойства. Однако вряд ли корректным будет вывод, что только этим исчерпывалось самоощущение «первой волны» (до смерти Сталина) возвращавшихся из ГУЛАГа. Надо учитывать важное обстоятельство: не все заключенные чувствовали себя жертвами системы. Хотя им, конечно, не могло понравиться то, как с ними обошлись, они были склонны полагать, что, как бы то ни было, в основе всего происходящего в СССР лежит идея высшего блага. Даже в лагере они рассматривали себя как участников строительства социализма. Это отношение хорошо выражено в пословице, популярной в стране в 30–50-е годы: «Лес рубят — щепки летят». Ее часто

упоминают в мемуарах именно те, кто тогда сохранил веру в систему. Некоторые заключенные выходили из лагерей с похвальными грамотами за «успехи в труде» и «рационализаторские предложения»⁵⁵. Можно предположить, что процесс их реадaptации в общество проходил менее мучительно, чем у большинства — тех, кому лагерь сломал жизнь.

Надо признать в связи с этим, что не все бывшие заключенные впоследствии испытывали ограничения. Известны даже случаи награждений за трудовые отличия, несмотря на не снятую судимость. Так, в воспоминаниях, собранных Обществом «Мемориал», упоминается некая приговоренная в 1938 году Особым совещанием к 8 годам лагерей и условно-досрочно освобожденная в 1942 году женщина-«ЧСИР», работавшая в Карагандинском совхозе. В 1951-м ее наградили Сталинской премией за выведение новой породы домашнего скота, а приговор отменили лишь на следующий год, официально реабилитировав вообще только в 1956-м⁵⁶. В этом случае преднамеренных преследований бывшего заключенного явно не наблюдалось. Впрочем, все это вполне может объясняться и демагогически-пропагандистскими мотивами действий властей, и простым недосмотром (что менее вероятно).

Еще одну категорию выживших в заключении составили те, кто стали одновременно и жертвами, и подневольными участниками террора, сотрудничая с «органами» в лагере, в основном в роли осведомителей. Это иногда обеспечивало более легкую работу или какие-нибудь иные послабления, а иногда оставалось единственной возможностью избежать шантажа со стороны лагерного «кума» — оперуполномоченного⁵⁷. Насколько многочисленна была эта категория заключенных, мы, боюсь, уже не узнаем никогда. Как утверждал Р.А.Медведев, миллионы лагерных личных дел сожгли еще во времена Хрущева⁵⁸.

Итак, мы попытались рассмотреть, как политическая обстановка в стране в сталинский период отразилась на отношении к первым возвращавшимся из ГУЛАГа. Упомянем еще, что к концу этого периода начали набирать силу новые факторы. Симптомом подготовки очередной волны репрессий стало «разоблачение» так называемого дела врачей в январе 1953 года⁵⁹. С другой стороны, уже в 1952 году отмечались случаи массового неповиновения и волнений в лагерях Казахстана и Воркуты. Они еще не достигали размаха норильского и воркутинского восстаний лета 1953-го или кенгирского — 1954-го, но движение уже начиналось.

Смерть Сталина 5 марта 1953 года открыла возможность десталинизации. Она и началась, хотя далеко не сразу, вовсе не гладко и не однозначно. Наследие Сталина, как мы знаем теперь, оказалось слишком живучим. Оно еще и сегодня определяет, к сожалению, слишком многое в уже постсоветской России. Дж.Киип совершенно справедливо отметил, что «проблема Сталина и сталинского наследия служит индикатором, позволяющим определить истинное отношение к реформам»⁶⁰.

Реассимиляции бывших политических заключенных тоже стала таким индикатором. Она точно определила пределы готовности советской системы признать собственные грехи и встать на путь права и справедливости.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Freud S. Collected Papers. Vol.IV: Repression. Lnd., 1924.*
2. *Rapport E.A. Survivor Guilt // Midstream. Vol. XVII. 1971. № 7. P. 41.*
3. *Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт художественного исследования. Ч. 5–7 // Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. М., 2000. С. 457.*
4. Там же. С. 350.
5. Перевод записи одного из интервью С.Коэна с Р.А.Медведевым (80-е годы). А.В.Горбатов — один из военачальников, выпущенных в 1941 г. из лагеря в связи с началом войны, в воспоминаниях прямо говорит о том, что перед освобождением у него потребовали письменное обязательство о неразглашении увиденного в заключении. См.: *Горбатов А. Годы и войны. М., 1970. С. 154.*
6. *Шур И.С. Под колесом истории: Хроника незабываемых дней. Ч. 1 // Архив Общества «Мемориал». Этот анекдот, родившийся чуть ли не в 20-е годы, звучит примерно так: польские пограничники задерживают группу советских кроликов, стремящихся перейти границу, так как в СССР начались поголовные аресты верблюдов; на вопрос польского офицера «А при чем тут кролики?» старший кролик резонно отвечает: «А попробуй им докажи, что ты не верблюд!»*
7. *Битов А. Пушкинский дом // Сочинения: В 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2004. С. 166.*
8. Там же. С. 147–148.
9. Архив Общества «Мемориал». Эти воспоминания переданы также в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ныне Российский государственный архив социально-политической истории — РГАСПИ). Ф. 560. Оп. 1. Д. 30.
10. Архив Общества «Мемориал».
11. Там же.

12. *Анцис М.Л.* Воспоминания // Архив Общества «Мемориал».
13. Slavic Review. Vol. 55. 1996. № 1. P. 170.
14. Архив Общества «Мемориал».
15. *Keep J.* Last of the Empires: A History of the Soviet Union 1945–1992. Oxford, 1996. P. 12.
16. См.: В бессрочную ссылку // Источник. 1994. № 2. С. 92–93 [Публикация записки зав. Административным отделом ЦК КПСС от 19 марта 1955 г. о практике применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР»]. В развитие этого Указа вскоре были определены конкретные районы ссылки в Восточной Сибири, Казахстане и проч. См.: ЦА ФСБ РФ (Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации — бывший Центральный архив КГБ СССР). Коллекция рассекреченных приказов. Приказ МГБ СССР от 23 марта 1948 г. «Об организации работы по ссылке, высылке и ссылке на поселение».
17. *Будагов Г.Г.* Записки // Архив Общества «Мемориал».
18. Там же.
19. *Егоров А.Д.* Из недавнего прошлого // Архив Общества «Мемориал».
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. *Бардина Н.Г.* О времени и о себе // Архив Общества «Мемориал».
24. Там же.
25. Там же.
26. Подробно об этом см.: *Bauer R.A.* Arrest in the Soviet Union // Research Memorandum № 30 / Human Resources Research Institute Project «An Analysis of the Soviet Social System». Maxwell Air Force Base, Alabama, Jan. 1954. P. 9.
27. *Анфилов Г.И.* Материалы // Архив Общества «Мемориал».
28. *Байтальский М.Д.* Тетрадь для внуков // Там же.
29. *Шаламов В.Т.* Надгробное слово // Избранное. СПб., 2003. С. 337–338. Эти слова одного из персонажей рассказа, датированного 1960 г., — несомненно, непосредственное отражение собственного тяжелого опыта писателя, освобожденного в 1953 г. после 16 лет лагерей и вскоре пережившего разрыв с семьей. (См.: *Шаламов В.Т.* Воспоминания. С. 248–250, 255, 259, 260).
30. *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут. С. 540.
31. Цит. по: *Иванова Г.М.* ГУЛАГ в экономической и политической жизни страны // СССР и холодная война. М., 1995. С. 223.

32. ЦА ФСБ РФ. Коллекция рассекреченных приказов. Приказ МГБ от 26 октября 1948 г.
33. См.: Архивы Кремля и Старой площади: Документы по «делу КПСС»: Аннотированный справочник документов, представленных в Конституционный суд Российской Федерации по «делу КПСС» / Сост. И.И.Кудрявцев; Под ред. В.П.Козлова. Новосибирск, 1995. С. 5–9; С. 27, № 151. См. также примеч. 76 к гл. VII.
34. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 26. Л. 2–3.
35. Ответы З.Д.Марченко на вопросник, разработанный при подготовке данного исследования.
36. Запись интервью автора с З.Д.Марченко 6 апреля 1995 г.
37. Там же.
38. Там же.
39. Ответы З.Д.Марченко на вопросник, разработанный при подготовке данного исследования.
40. Запись интервью автора с З.Д.Марченко 12 апреля 1995 г.
41. «Буквы», т.е. аббревиатуры «СОЭ» (социально-опасный элемент), «КРД» (контрреволюционная деятельность), «КРТД» (контрреволюционная троцкистская деятельность), «ЧСИР» (член семьи изменника Родине), «АСА» (антисоветская агитация) и др., «литерные клички» использовались в 1920–1950-х гг. для сокращенного обозначения составов антигосударственных преступлений, предусмотренных УК РСФСР. Практика широкого использования так называемых «литер» (или «букв») связана с тем, что именно аббревиатурами органы ГБ СССР помечали дела различных категорий лиц, находившихся в оперативной разработке или уже отбывавших наказание. При вынесении приговоров по таким делам внесудебными органами, прежде всего коллегией ОГПУ (до середины 1934 г.), Особым совещанием (ОСО) при НКВД–МГБ СССР (в 1934–1953 гг.), эти аббревиатуры также заменяли ссылки на соответствующие пункты статей УК. Таким образом, в тюрьмы, ИТЛ и ссылку лица, осужденные ОСО, тройками НКВД, направлялись уже под определенными «литерными» обозначениями (См.: *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу. 2-е изд. Ч. 1. М., 1991. С. 43, 191, 255; *Конквест Р.* Большой террор. Т. 2. С. 12–13, 50–51). После освобождения из заключения «литерникам» выдавались паспорта с номерами, соответствующими зашифрованным цифровым обозначениям, каждое из которых определяло те или иные ограничения в выборе мест проживания, а также в свободе передвижения. Официально именуемые «паспортными ограничениями», они сохранялись до конца 60-х годов. См.: Лубянка: Органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ, 1917–1991: Справочник / Сост. А.И.Кокурин, Н.В.Петров; Под ред. А.Н.Яковлева. М., 2003. С. 703; «Изменения паспортной системы носят принципиальный характер»: (Как создавалась и развивалась паспортная система в стране) // Источник. 1997. № 6. С. 116. В целом о сущности советской паспортной системы и ее трансформациях в 30–90-е годы см.: *Стецовский Ю.И.* История советских репрессий. Т. 3. М., 1997. С. 223–230.
42. См.: Доднесь тяготееет. Вып. 1. М., 1989. С. 309–325.

43. По сообщению З.А.Веселой, справка о посмертной реабилитации ее отца А.Веселого, выданная в 1956 г., датировала его смерть 2 декабря 1939 г. Но в 1988 г. Военная коллегия Верховного суда СССР уточнила, что он был расстрелян 8 апреля 1938 г. (*Веселая З. 7–35. М., 1990. С. 13*).
44. Ответы З.А.Веселой в декабре 1995 г. на вопросник, разработанный при подготовке данного исследования.
45. *Веселая З. 7–35. С. 26*.
46. Там же. С. 58.
47. Запись интервью сотрудников «Мемориала» с З.Е.Габреляном в 1990 г.
48. Там же.
49. *Гросман А.Г.* Пусть не повторится никогда: Повесть о пережитом // Архив Общества «Мемориал».
50. *Домбровский В.В.* Совсем обычная жизнь: Автобиографическая повесть // Архив Общества «Мемориал».
51. *Полонский В.В.* Дорога в пять лет в Казахстан и обратно: Записки ссыльного // Источник. 1996. № 1. С. 75.
52. *Витковский.* Полжизни // Двадцатый век. 1976. № 1. С. 197.
53. Архив Общества «Мемориал».
54. *Домбровский В.В.* Совсем обычная жизнь.
55. Архив Общества «Мемориал».
56. Там же. В.Т.Шаламов вспоминал, как по приезде в Москву в 1953 г. после освобождения сразу же столкнулся с одной из подобных энтузиасток: «Ночевать мы приехали к какой-то реабилитированной партийке с дореволюционным стажем, которая уже возвратилась и ей дали квартиру на Песчаной... За столом было много народу, и хозяйка провозгласила тост за мое здоровье, сказав, что рада моему возвращению в Москву, что она надеется, что я докажу государству свою революционную преданность, что она вспоминает, как она, когда была лагерницей, не щадя себя работала в портняжной мастерской...» (*Шаламов В.Т.* Воспоминания. С. 250).
57. См. об этом: *Коган М.И.* Исповедь строптивного адвоката. М., 2002. С. 183–190.
58. Письмо Р.А.Медведева С.Коэну от 25 сентября 1983 г.
59. Подробно об этом см.: *Костырченко Г.В.* Идеологические чистки второй половины 40-х годов: псевдопатриоты против псевдокосмополитов // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2: Апогей и крах сталинизма. М., 1997. С. 90–149; *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2003. С. 629–694.
60. *Keep J.* Last of the Empires. P. 60.

Нанси Адлер
ТРАДИЦИЯ
ВОЗВРАЩЕНИЕ
ГЛАВА III

НЕИСКОРЕНИМЫЕ
ПРИВЫЧКИ
СОВЕТСКОЙ
ВЛАСТИ
1953...
...1957

Многие политические системы сохраняют стабильность, гибко балансируя между противоборствующими силами. Но в СССР ожесточенная борьба за власть, разгоревшаяся после смерти Сталина, раскачивала всю политическую систему с широкой амплитудой: от попыток реформ до возврата к репрессиям. Эти колебания политики начального периода послесталинской эпохи были следствием того, что система, которая до тех пор обеспечивала признание своей легитимности исключительно насилием, теперь пыталась самосохраниться, не прибегая к массовому террору.

В те годы началось реформирование лагерной системы. Но, поскольку все карательные органы СССР, как и в целом новая политика, оставались в руках прежних бюрократов, реформы шли замедленно, были незначительны и неустойчивы. Хотя положение возвратившихся из лагерей после кончины главного тюремщика отличалось от положения их предшественников, сохранялись многие официальные препоны и — теперь уже неофициально — отрицательное отношение к реабилитации.

«ВОЛЬНЫ КАЗНИТЬ, ВОЛЬНЫ И МИЛОВАТЬ»

Как это ни парадоксально, первым десталинизатором выступил многолетний глава сталинской тайной полиции Л.П.Берия. Возможно, именно из-за устоявшейся репутации ему, — даже более, чем прочим подручным Сталина, — было необходимо предстать в неожиданном новом облике, чтобы в меняющейся политической обстановке сохранить и укрепить власть. Несмотря на широко известное его персональное — и воистину выдающееся — участие в терроре, Берия намеревался выказать себя благодетелем, который действовал лишь по принуждению Сталина. Как отметил О.В.Хлевнюк, исследовавший реформаторские начинания Берии, тот «возможно раньше других [наследников Сталина] понял не только... опасность, но и силу десталинизации как оружия в борьбе за власть в период междуцарствия»¹. В действительности каждый из последующих советских руководителей, начиная с Н.С.Хрущева, поворачиваясь вслед за сменой

направления политического ветра, неизменно демонстрировал, что отмежевался от недавнего прошлого и дистанцировался от идеологии и/или деяний предшественника.

По инициативе Берии Совет Министров СССР принял 18 марта 1953 года совершенно секретное постановление, дополненное затем еще одним совершенно секретным постановлением от 28 марта 1953 года². Согласно этим документам, все ранее отпочковавшиеся от ГУЛАГа 15 «отраслевых» лагерных управлений МВД СССР ликвидировались, их производственные объекты передавались общегосударственным хозяйственным министерствам, а управление лагерями вновь концентрировалось в ГУЛАГе. Так в обстановке строжайшей тайны началось сворачивание лагерной системы. Ближайшим следствием этого стала передача 2 апреля 1953 года основной части лагерей и самого ГУЛАГа в ведение Министерства юстиции СССР³. Разумеется, это делалось не для того, чтобы привнести в лагерную систему законность, но, вероятно, было прежде всего попыткой освободить оперативников тайной полиции от излишней административной нагрузки. Иначе говоря, целью была не законность, а эффективность. Во всяком случае, «политические» оставались в лагерях, а их основная часть, сконцентрированная в так называемых особых лагерях, по-прежнему пребывала под юрисдикцией МВД.

Меньше месяца спустя после смерти диктатора — 27 марта 1953 года — по инициативе Берии Указом Президиума Верховного Совета СССР была объявлена обширная амнистия⁴. Как и многие советские политические акции, она выглядела значительно больше, чем была в действительности. Амнистия недвусмысленно обошла тех, кого лишили свободы за «контрреволюционную деятельность». Освобождению подлежали осужденные на срок до пяти лет: в большинстве своем мелкие уголовники, а также «бытовики», которые за совершенные ими правонарушения (вроде опозданий на работу) при ином политическом режиме даже не подлежали бы уголовному преследованию. Осужденные по политическим обвинениям автоматически под амнистию не попадали: их сроки, как правило, составляли много более пяти лет — вплоть до 25. По мартовской амнистии за три–четыре месяца на свободу вышли 1 201 738 человек, что составило 53,8% всех заключенных⁵. Освобождаемым должны были предоставляться билеты до места жительства, деньги на питание в дороге, а при необходимости — одежда и обувь⁶. Вскоре — в июле 1953 года — ввели в действие инструктивные документы, которые обязали профсоюзные организации содействовать трудоустройству амнистированных⁷.

В апреле 1953 года, — опять же по инициативе Берии, — оправдали (некоторых посмертно) и освободили арестованных по «делу

врачей», ряд видных военных, а также руководителей военно-промышленного комплекса, обвиненных во вредительстве⁸. Тогда же в окружении Берии развернулась подготовка предложений об изменениях в карательной политике. Уже 12 мая С.Н.Круглов — первый заместитель и ближайший соратник министра внутренних дел Берии — подписал адресованную на имя своего начальника докладную записку с предложением об отмене нормативных актов, касавшихся организации ссылки. Ставился вопрос — причем предполагалось далее передать его на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР — о законности ссылки, применяемой к членам семей лиц, осужденных к лишению свободы. В записке указывалось: «Советское уголовное право ставит на первое место личную вину» (в отличие от вины ассоциативной, то есть «вины» родственников обвиняемого). Более того, предлагалось отказаться от «бессрочной» длительности ссылки, четко устанавливая сроки в судебных приговорах и ограничив максимальный пятью годами. Предлагалось также отменить действие совершенно секретного Постановления Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 года и изданного в его развитие совместного секретного приказа МВД, МГБ и Прокурора СССР от 16 марта 1948 года, а также директиву МГБ СССР и Прокуратуры СССР от 26 октября 1948 года в части, касающейся направления в ссылку тех, кто уже отбыл свой срок наказания: ведь получалось, что их дважды карали за одно преступление. Высказывалось и соображение о целесообразности амнистирования всех ссылных со сроками до пяти лет⁹.

20 мая Президиум ЦК КПСС почти без поправок утвердил, а 21 мая Совмин СССР оформил своим (опять-таки совершенно секретным!) постановлением предложение Берии упразднить паспортные ограничения и режимные местности, что множились в СССР с 1933 года¹⁰. В записке Берии на имя Г.М.Маленкова, которая и послужила основой постановления, и позже в преамбуле этого постановления отмечалось, что в СССР паспортные ограничения распространялись уже на 340 городов (для сравнения: по данным на 1955 год, в СССР насчитывался 1531 город¹¹), а также на «пограничную зону» шириной до 200 км вдоль всей границы страны. При этом ряд областей и краев полностью были объявлены «режимными местностями». Особенно важной была следующая констатация: на всей этой гигантской территории «запрещено проживать гражданам, имеющим судимость и отбывающим наказание». «При существующем положении, — писал Берия, — граждане, отбывшие наказание в местах заключения или ссылки, продолжают испытывать лишения и обречены на мятарства. При выдаче или обмене таким гражданам паспортов

в них делается запись о паспортном ограничении, и они лишаются права вернуться в город, где у них есть семья и жилье, не могут устроиться на жительство в большинстве промышленных и культурных центров, так как жить им там не разрешают и на работу не берут»¹². В постановлении Совмина предельно обтекаемо формулировалось, что все это «создает трудности» и для семей бывших заключенных, «которые... также... оказываются в затруднительном положении»¹³. (Берия писал проще: «бедствуют и испытывают материальные лишения»). Разумеется, вовсе не эти «трудности», «затруднения», «материальные лишения» (а в действительности — безысходность и трагичность существования людей, лишенных элементарных человеческих прав) беспокоили главного инициатора постановления и тех, кто его тогда поддержал в руководстве ЦК КПСС. Главное, что в результате «режимных ограничений» во все возрастающем «затруднении» оказалась экономика государства. Ведь миллионы квалифицированных работников (а Берия уточнял, что только за 1943–1953 годы «по судимости получили паспортные ограничения 3 900 000 граждан») оказались лишены возможности устроиться на работу соответственно своей профессии и квалификации. Поэтому вывод постановления, что ограничения, действующие на «режимных территориях», якобы только «тормозят их экономическое развитие», представляется чрезмерно мягким.

Но как бы то ни было, постановление констатировало, что «существующие в стране паспортные ограничения в настоящее время не вызываются необходимостью», и предписывало «принять предложения Министерства внутренних дел СССР (тов. Берия Л.П.) об упразднении паспортных ограничений в городах и местностях Союза ССР, а также режимной зоны вдоль границы СССР»¹⁴.

Если бы это постановление удалось выполнить, результаты могли оказаться действительно революционными для всей советской системы. Но через четыре месяца после ареста Берии оно было отменено¹⁵. Легче прошло другое предложение Берии. 15 июня 1953 года он направил в Президиум ЦК КПСС записку о «целесообразности ограничить права» Особого совещания при МВД СССР — основного орудия внесудебных репрессий¹⁶. В данном случае «товарищи» из Президиума не просто согласились с «реформатором», но и решили пойти дальше, вовсе упразднив этот чрезмерно острый и мало контролируемый «межведомственно-надведомственный» инструмент ведомственного подчинения¹⁷.

В общем, Берия все более настойчиво выдвигал себя на роль главного инициатора преобразований в стране. Но перед лицом столь опасного претендента на место сталинского преемника его соперни-

ки сумели объединиться. 26 июня 1953 года Берия арестовали¹⁸. Июльский Пленум ЦК снял его со всех постов, исключил из партии и передал дело на рассмотрение Верховного суда, обвинив в «попытках поставить Министерство внутренних дел СССР над Правительством и Коммунистической партией Советского Союза» и заранее заклеив как врага народа¹⁹.

Невозможно считать Берия эдаким «козлом отпущения», поскольку он действительно заслуживал кары. Но сама форма его ликвидации несла оттенок ритуальной политической жертвы — тем самым старые-«новые» лидеры «изгоняли» худшие проявления сталинской эры. Р.Г.Пихоя, рассмотрев перипетии устранения Берии, метко заключил, что для тогдашнего высшего партгосруководства СССР он послужил «своего рода сливной ямой истории партии, источником всего того, что не отвечало канонизированным представлениям о роли партии»²⁰. Заключенные в лагерях восприняли ликвидацию Берии именно как начало долгожданных перемен. «После ликвидации этого пса Берии, — вспоминал один из них, — жизнь в лагере улучшилась. Они [охрана] прекратили запирали бараки... сняли решетки с окон... открыли коммерческую столовую и начали начислять нам зарплату»²¹. Рабочий день сократили до восьми часов, с арестантских роб сняли номера. Конечно, эти перемены обуславливались и давлением «снизу» — восстаниями, забастовками, бунтами заключенных. Известно, например, что к концу июля 1953 года бастовали тринадцать отделений Воркутинского лагеря — от трех до четырех тысяч заключенных в каждом. Забастовщики вовлекли в свои ряды даже местных рабочих (из числа бывших заключенных, «выведенных на поселение»)²².

По иронии истории с Берией поступили в точном соответствии с его собственной практикой, абсурдно обвинив не в реально совершенных преступлениях, а в шпионаже в пользу Великобритании и даже всего «мирового империализма». И казнили его вместе с ближайшими сотрудниками 23 декабря 1953 года фактически бессудно: по сталинскому антиконституционному закону от 1 декабря 1934-го — тому самому, что служил основным юридическим основанием для «ускоренного судопроизводства» периода массовых репрессий второй половины 30–40-х годов.

Рассмотрение личности Берии не входит в наши задачи. Мы также не намерены представить здесь этого сталинского подручного гуманистом. Вместе с тем, нельзя не отметить, что с открытием архивов в России в начале 1990-х всплыли некоторые любопытные факты о нем и как о палаче, и как о реформаторе²³. Проблески реформистских настроений даже в таком заведомом стороннике «жесткой ли-

нии» указывают на то, что неотложность и неизбежность десталинизации начали осознавать в высшем эшелоне партийно-государственного руководства еще при жизни Сталина. Это объясняет ту поспешность, с какой руководители СССР — сталинские подручные — стремились дистанцироваться от Сталина после его смерти.

Хотя Берию убрали с политической сцены, некоторые его начинания продолжали осуществлять. Как уже упоминалось, 1 сентября 1953 года Указом Президиума Верховного Совета СССР упразднили Особое совещание²⁴. Этот внесудебный орган, действовавший при НКВД–МВД СССР с 5 ноября 1934 года, за 21 год вынес, по неполным данным, 442 531 приговор — включая 10 101 к расстрелу, причем главным образом по обвинениям в «контрреволюционной деятельности»²⁵. Вскоре совместным секретным приказом МВД и Прокурора СССР от 17 октября 1953 года был обозначен конкретный порядок пересмотра ранее вынесенных приговоров по политическим обвинениям: руководителям местных органов внутренних дел и прокуратуры было предписано передавать в МВД и Прокуратуру СССР свои заключения по жалобам и заявлениям осужденных внесудебными органами. При этом устанавливался сокращенный предельный срок подготовки таких заключений — 20 дней с момента поступления жалобы (обычный срок ответа в официальной переписке — до 1 месяца)²⁶.

ПРИКАЗАНО ЛИКОВАТЬ!

О том, как начатые перемены, и прежде всего волна освобождений, поднятая Указом об амнистии, воспринимались в народе (или, скорее, как их полагалось воспринимать), дают представление письма, адресованные в редакцию «Правды» и пересланные оттуда в Президиум Верховного Совета СССР (подборка хранится сейчас среди документов Приемной Президиума). Вот пишет учитель из Кишинева: «Ни я, ни кто другой из моей семьи никогда не были преступниками. Но я слушал по радио известие о новом Указе [об амнистии] с большим удовлетворением и радостью... Этот Указ — исторический документ, который мобилизует и вдохновляет весь наш народ на новые достижения в труде для полного и окончательного торжества коммунизма, во имя чего незабвенный товарищ Сталин жил и работал всю свою жизнь, до последнего удара сердца... Слава товарищам Маленкову, Ворошилову, Хрущеву!»²⁷ Полную поддержку «поступку великой державы» выразила и группа сибирских ссыльных: «Все мы

дети нашей Советской Родины-матери. Возможно, мы оступились, совершили ошибки, и мать наказала нас. Но разве можем мы ненавидеть ее за это? Она наказывает, но она и прощает, она вновь обнимает своих детей! Пусть же задумаются лидеры США — возможно ли в их стране, чтобы бывшие заключенные покидали тюрьму, испытывая даже еще большую любовь к своей стране и преданность своему правительству?!»²⁸

Все прочие письма заключенных из этой подборки так же щедро насыщены советскими лозунгами и изъявлениями благодарности Великой Родине, Президиуму Верховного Совета и т.п. И это понятно: основную часть амнистированных в 1953 году составляли, как уже говорилось, правонарушители, осужденные за действительно совершенные проступки и преступления. Эти люди мало интересовались политикой, а после досрочного освобождения испытывали естественное чувство благодарности к властям. Но изъявления преданности партии содержатся и в письмах осужденных по политическим обвинениям — как бывших, так и оставшихся в лагерях. Это тоже понятно: возможно ли было ожидать, что «Правда» опубликует письмо, идущее вразрез с официальной «линией партии»? Разумеется, письма, направляемые в редакцию в расчете на опубликование, полны восхвалений руководителей партии и правительства, но не содержат ни капли сочувствия к тем, кто возвращался из лагерей. Вообще авторы писем предусмотрительно ограничивались настоящим и будущим, не касаясь прошлого. В результате руководителям страны расточались славословия за попытки прекратить то, что некогда ими же и было развязано и уже загубило миллионы жизней. Более того, хотя советские вожди теперь трубили о переменах, в лагерях по-прежнему томились безвинно осужденные «политические», все еще ожидая решения своей судьбы. Одна из них вспоминает, как их построили, чтобы объявить Указ об амнистии, и на ее вопрос «А как же с нами, с «пятьдесят восьмой»?» начальник лагеря ответил: «Врагам народа нет прощения!»²⁹

Чтобы достоверно оценить подлинную реакцию советского общества на развернувшийся в 1950-е процесс освобождения заключенных, необходимо учитывать, что в Советском Союзе (это становится ясно из анализа письменных и устных источников) отношение к бывшим политзаключенным всегда зависело от политической конъюнктуры и в лучшем случае оставалось двойственным. Сказывались усилия советского государства по формированию общественного сознания путем целенаправленных искажений и создания запретных зон исторической памяти — так называемых белых пятен.

На волне горбачевского этапа десталинизации в 1987 году был снят и сразу стал популярен художественный фильм «Холодное лето 1953 года» (режиссер А.Прошкин). Он достаточно полно отразил тогдашние — образца 1987—1988 годов — представления о восприятии сталинских политзэков современниками. Фильм повествует о том, как двое политических ссыльных героически спасли от банды амнистированных уголовников-рецидивистов отдаленную северную деревушку. Мастерски воспроизводящий бытовые черты эпохи, фильм, по свидетельствам современников показанных событий, а также судя по документальным источникам, серьезно грешит против исторической правды. Вопреки романтическим убеждениям его создателей и большинства зрителей нет никаких оснований полагать, что летом 1953-го, да и когда бы то ни было вообще, освобождаемые политзаключенные имели хоть малый шанс быть встреченными обществом как герои.

В 1953—1954 годах этому дополнительно препятствовали весьма существенные обстоятельства. Прежде всего отметим, что жестко «селекционированный» Сталиным государственный аппарат, четко выполнявший указания вождя, повел себя иначе в новых условиях. Возвращенные на репрессиях бюрократы сталинского призыва оказали скрытое, но дружное и упорное сопротивление скромным новациям, которые исходили от преемников Сталина — членов так называемого коллективного руководства: Берии, Маленкова, Хрущева и других. А как известно, наиболее действенный метод чиновничьего саботажа заключается в искажении руководящих указаний и доведении их до абсурда в процессе исполнения. Особенно это проявилось именно в системах судопроизводства, прокуратуры и исполнения наказаний, которые требовали неотложного реформирования.

В связи с этим отметим еще и следующее. В сентябре 1953 года Прокуратура СССР подготовила доклад «О недостатках воспитательной и исправительной работы в ИТЛ». В докладе отмечалось, что исправительно-трудовая система никакого исправления преступников не обеспечивает. Подчеркивалось, что уголовники-рецидивисты в лагерях создают собственные организации, которые обеспечивают им поддержку, связь с другими уголовниками — как остающимися на свободе, так и находящимися в заключении в других лагерях и тюрьмах. Эти же группировки играли роль своего рода центров «вербовки» и «обучения» новых рецидивистов. Выходя на свободу, уголовники оставались членами своих группировок, подчиняясь их внутренним законам. Доклад Прокуратуры фактически констатировал провал попытки вернуть к нормальной жизни и труду большинство освобожденных по амнистии 1953 года уголовных

преступников. Фиксировалось, что с момента объявления амнистии не проходило ни дня без одного, а то и нескольких убийств, совершенных амнистированными³⁰.

Такую вот группу заключенных избрала власть для первой волны освобождений, и таков оказался первый массивированный контакт общества с освобожденными из лагерей. Травма была нанесена обеим сторонам. В одной из деревень «пришлось применить все имевшееся оружие, чтобы отпугнуть бандитов и не допустить „Варфоломеевской ночи“»³¹. Нетрудно догадаться, что подобные факты порождали страх и недоверие к любым выходцам «с зоны». (Вот что определяло, в частности, реальности «холодного лета» 1953 года.)

Выраженная в докладе Прокуратуры забота о защите населения от угрозы со стороны уголовных элементов никогда не простиралась, впрочем, до защиты осужденных по 58-й статье УК от уголовников, находившихся в одних с ними лагерях. «Политические» неизменно служили объектом эксплуатации и издевательств для воров и убийц. Более того, последних, в отличие от «врагов народа», официально рассматривали как «социально близких» советской власти, так что они имели несравненно больше шансов выжить в лагере, нежели «социально чуждая» власти «пятьдесят восьмая»³².

Выводы авторов доклада Прокуратуры СССР отражали осознание необходимости предоставить «бывшим заключенным» (напомним, что это относилось тогда вовсе не к «политическим», которые в большинстве своем еще оставались в лагерях) реальную возможность «возвратиться к нормальной жизни». Примечательно, что рекомендовалось «граждан СССР, отбывших сроки заключения в лагерях любого типа» (а значит, даже и в «особых!»), «не подвергать ограничениям при оформлении паспортов или приеме на работу, предоставляя им возможность покинуть месторасположение лагерей и выезжать к месту проживания»³³. Вместе с тем добавлялось, что в отношении этих лиц требуется «проявлять бдительность» (проще говоря — следить за ними).

В документах «особой папки» Хрущева³⁴, рассекреченных в середине 90-х годов, содержатся сведения о проблемах, которые возникли на начальном этапе десталинизации. Согласно Постановлению Совета Министров СССР от 21 января 1954 года, в конце января началось возвращение Министерством юстиции будто бы уже достаточно реорганизованному Министерству внутренних дел СССР якобы также реформированного ГУЛАГа и всей подведомственной ему системы³⁵. К этому моменту в числе подразделений системы ГУЛАГа с учетом возвращаемых из Тюремного управления МВД десяти «особых» (кааторжных) лагерей насчитывались 61 лагерь и 11 отдельных лаготделе-

ний, до восьмисот колоний, а также сеть пересыльных тюрем. Общая численность заключенных составляла 1 321 859 человек, в том числе 208 537 в «особлагах»; численность штатных сотрудников системы ГУЛАГа — 266 438 человек, из них 35 508 — офицеры и генералы³⁶. Как видим, система ГУЛАГа к 1954 году по своим масштабам была вполне сопоставима с вооруженными силами крупного государства. Разумеется, для сколько-нибудь заметных реальных преобразований этой махины потребовались бы поистине колоссальные усилия и значительное время. Но, видимо, как это часто случается, было приказано считать, что «реформирование» уже завершено³⁷.

Таким оригинальным способом — «шаг вперед, шаг назад» — были сделаны первые навыки реформирования, и настало время непосредственно заняться той опасной, но насущной политической проблемой, которая персонифицировалась в ссыльных, во все еще томящихся в лагерях «доходягах», а также вдовах и сиротах, обездоленных в результате массовых казней отцов семейств.

БОЛЬШИЕ МАНЕВРЫ

Еще в конце 1953 — начале 1954 года при подготовке к пересмотру приговоров, вынесенных по политическим мотивам, по указанию Н.С.Хрущева провели численную оценку итогов политических репрессий в СССР. Результаты подсчетов, подозрительно быстро завершенных совместными стараниями трех карательно-репрессивных ведомств, их руководители доложили уже 1 февраля 1954 года. В докладе (официально подобные документы именовались «записками в ЦК КПСС»), подписанном Прокурором СССР Р.А.Руденко, министром внутренних дел С.Н.Кругловым и министром юстиции К.П.Горшениным, сообщалось, что с 1921 по 1954 год Коллегия ОГПУ, ОСО и «тройки» НКВД, Военная коллегия Верховного суда, суды и военные трибуналы репрессировали за «контрреволюционные преступления» 3 777 380 человек: 642 980 — казнили, 2 369 220 — отправили в тюрьмы и лагеря на сроки до 25 лет, 765 180 — выслали и сослали³⁸.

Сегодня вполне очевидно, что эти цифры далеко не полностью отражали действительные масштабы репрессий. Выше — в первой главе — мы уже рассмотрели более достоверные данные, которыми располагает на сей счет современная историография. Однако нам важно отметить, что в основу расчетов при выработке политических решений середины 1950-х годов легли именно эти цифры, вместе с гораздо более правдоподобными, содержащимися в той же записке

сведениями, согласно которым в лагерях и тюрьмах все еще оставались 467 946 политзаключенных, а 62 462 человека, уже вышедших из заключения, находились в бессрочной ссылке³⁹.

Надо сказать, что в целом эта докладная записка Прокурора СССР и двух союзных министров несет отчетливый отпечаток неопределенности, в которой тогда оказались все высокопоставленные советские бюрократы, вынужденные ощупью пробираться в тумане начального поступательно-попятного периода преобразований⁴⁰. Причем положение именно этих троих функционеров оказалось особенно двусмысленным. С одной стороны, и ведомства, которые они возглавляли, и сами они полностью разделяли ответственность за массовый террор предыдущих лет⁴¹. С другой — высшее руководство партии и государства (причем явно не вполне еще определившись с собственными дальнейшими планами!) теперь делало их «крайними», именно от них требуя ликвидировать политические последствия этого массового террора. Тут было над чем задуматься.

Видимо, пытаясь уловить недостаточно внятные «руководящие везания» и не попасть впросак при любом варианте развития событий, авторы докладной записки отредактировали ее по рецептам бюрократической казуистики. Начав с приведенных выше сведений о числе осужденных по политическим мотивам, они и здесь, и далее в неявной форме постарались избежать выражения собственной позиции по вопросу о виновности или невиновности хотя бы части политзаключенных. Намеренно не смягчая принятую терминологию какими-либо более нейтральными определениями, они настойчиво подчеркивали, что ведут речь именно о «лицах, осужденных за контрреволюционные преступления». (Дескать, если кто-то в ЦК КПСС и считает иначе, то — при всем уважении — для юристов приговоренные остаются государственными преступниками, пока не будет юридически доказано обратное.)

Согласно нормам тогдашней политической риторики, в тексте записки два раза упоминаются «грубые нарушения социалистической законности» («извращения советских законов»). Но — только «допущенные... органами быв. МГБ СССР»⁴², то есть ведомством, уже формально не существующим и, главное, не имевшим прямого отношения ни к одному из авторов докладной записки. А вот об ОСО, членами которого все они были по должности, хотя и в разное время, сказано не в пример мягче: «В практике работы Особого совещания имели место случаи (курсив мой. — *Н.А.*) недостаточно обоснованного осуждения граждан СССР»⁴³.

Особо подчеркивалось, что таким «случаям» «способствовал» установленный для ОСО порядок рассмотрения дел в отсутствие обви-

няемых и свидетелей. Примечательно, что авторам записки — а двое из них были профессиональными юристами — показалось вполне естественным ограничиться по такому поводу лаконичным заключением: это, мол, «иногда влекло грубейшие извращения советских законов». По отношению к Особому совещанию при НКВД–МВД, в течение долгих лет бывшему главным орудием ускоренной и массивной внесудебной расправы, учреждению, самое существование которого нагло попирало понятие законности, это было более чем преуменьшением. Зато уменьшалась и доля личной ответственности троицы составителей докладной записки.

Оставшаяся — большая — часть документа представляла собой обоснование предложений о создании специального громоздкого бюрократического аппарата для пересмотра архивно-следственных дел и «выявления случаев необоснованного осуждения граждан». Прилагались план необходимых организационных мероприятий, а также проект постановления ЦК КПСС «О пересмотре дел лиц, осужденных за контрреволюционные преступления и ныне содержащихся в лагерях и тюрьмах МВД СССР, а также находящихся в ссылке по отбытии наказания».

Предложения сводились к формированию обширной сети межведомственных комиссий. Их предполагалось учредить в республиках, краях и областях СССР, на чьих территориях располагались ИТЛ и тюрьмы (то есть практически повсеместно) под председательством, соответственно, республиканских, краевых и областных прокуроров и с участием местных руководителей органов внутренних дел и юстиции, а также начальников и прокуроров лагерей. Иначе говоря, восстановление справедливости теперь предлагалось доверить именно тем, кто был персонально повинен в ее повседневном искоренении.

Центральную — руководящую и координирующую — комиссию намечалось утвердить в составе Прокурора СССР Руденко в качестве председателя, а также четырнадцати членов, включая министров юстиции и внутренних дел СССР и их ближайших подчиненных — начальников ряда подразделений Прокуратуры СССР и обоих министерств.

Задачей местных комиссий должна была стать «тщательная проверка обоснованности обвинения и правильности квалификации состава преступления» каждого из осужденных по политическим обвинениям и ссыльных⁴⁴, то есть 530 408 человек, которых авторы докладной записки сами же и насчитали среди еще живых эков в лагерях и на поселении.

Намечалась, как видим, работа многосложная и кропотливая, а значит, заведомо затяжная (авторы записки запрашивали на все восемь месяцев, но явно лукавили). Можно было рассчитывать, что тем временем руководство страны успеет разобраться и со своей внутренней иерархией, и с приоритетами политики, облегчив тем самым авторам успешное решение «сверхзадачи» записки — сохранение ими собственных постов.

Предусматривалась и дополнительная страховка. «Центральной комиссии», которую спроектировали и так отважно вызвались возглавить Руденко, Горшенин и Круглов, предстояло стать лишь промежуточной инстанцией, избавленной от ответственности за окончательные решения. Ее компетенция ограничивалась подготовкой предварительных «заключений по делам лиц, необоснованно осужденных», и передачей таковых «на рассмотрение Верховного суда СССР», на который вместе с ответственностью за сроки вынесения и оформления решений об отмене приговоров и ссылки перекладывалась и львиная доля ответственности политической.

Ясно, что в стремлении прежде всего выиграть время, обеспечить себе свободу бюрократических маневров и по возможности разделить ответственность авторы записки гораздо меньше заботились о законности и справедливости, не говоря уже об отсутствии сострадания к полумиллиону эзков, которым предстояло помучиться подольше ради удобства начальства.

ГОД 1954-й: ПЕРВЫЙ — БЕЗ ХОЗЯИНА

Первые месяцы 1954 года продемонстрировали успех выжидательной (если не сказать саботажнической) тактики «заинтересованных» ведомств. К 1 апреля общая численность политзаключенных сократилась всего на 19 602, то есть: в лагерях оставались 448 344 человека из тех 467 946, о которых докладывали Хрущеву 1 февраля⁴⁵. Несомненно, какую-то часть выпустили просто по истечении сроков лишения свободы, а также «активировав» по болезни. Нетрудно подсчитать, что процесс пересмотра приговоров обеспечивал менее десяти тысяч освобождений в месяц.

Однако, судя по всему, бюрократы недооценили темпы перемен в высшем руководстве страны. Уже 24 апреля, несомненно, после окрика с «самого верха», Руденко и Круглову пришлось прекратить дальнейшее затягивание и подписать совместный приказ об освобождении всех осужденных по политическим обвинениям, оказавшихся

в ссылке по приказу МВД—МГБ и Прокуратуры СССР от 16 марта 1948 года⁴⁶. Вскоре освободили еще некоторые категории, распространив на них действие Указа об амнистии 1953 года⁴⁷.

А 19 мая 1954 года был наконец определен достаточно действенный порядок пересмотра приговоров осужденным по политическим статьям. Оформивший его совместный приказ Прокуратуры, Минюста, МВД и КГБ, на первый взгляд, предусматривал примерно то же, что и февральский доклад Хрущеву, — сеть межведомственных комиссий, пересмотр архивно-следственных дел и т.д., но были в нем и существенно ускорявшие дело принципиальные изменения. В основном это касалось компетенции и порядка работы комиссий, формируемых на местах. Им, в отличие от намечавшегося ранее, предстояло стать отнюдь не низшими ступенями бюрократической лестницы, пригодными лишь для абсурдного «составления предварительных соображений для последующего вынесения заключений с целью передачи на рассмотрение...». Теперь каждая из них наделялась правом решать вопросы о переквалификации составов преступлений, применении амнистии, сокращении сроков наказания — вплоть до отмены приговоров и полной реабилитации. Решения комиссий относительно пересмотра приговоров внесудебных органов имели силу окончательных, по остальным необоснованным приговорам — подлежали утверждению судами. При организации работы комиссиям предписывалось не ограничиваться механическим валовым просмотром архивно-следственных дел, но оперативно реагировать на жалобы и заявления заключенных, зарегистрированные прокуратурой и КГБ. Администрацию лагерей приказ обязывал незамедлительно пересылать такого рода заявления соответствующим комиссиям⁴⁸.

Летом 1954 года встал вопрос и об участии народов, высланных в 1937—1945 годы в отдаленные районы азиатской части СССР. 5 июля Президиум ЦК КПСС принял постановление «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев». Прежде всего им возвращалась свобода передвижения по стране (но не выбора места жительства за пределами областей расселения), сокращалась до одного раза в год периодичность явки на регистрацию, отменялись штрафы и аресты за нарушение режима в местах поселения, снимались со спецучета их дети, достигшие шестнадцати лет⁴⁹.

Таким образом, преобразования набирали силу, но организационных возможностей для быстрой реализации принимаемых решений было создано недостаточно⁵⁰. В результате медленная работа комиссий по пересмотру приговоров, раздражавшая лагерное начальство, оказывалась очень болезненной для заключенных.

Приближение свободы не несло успокоения. Применение оружия против «пытавшихся совершить побег» эзков, осужденных по 58-й статье, по-прежнему оставалось обычным делом и считалось оправданным⁵¹. А.И.Солженицын полагает даже, что растерявшаяся в новой обстановке и не уверенная в своем будущем лагерная администрация иногда преднамеренно провоцировала заключенных, стремясь рапортами о «принятии мер» «срочно и ввявь доказать... преданность и нужность» всего своего охранного сообщества, чтобы не было «сокращения ни штатов, ни зарплат»⁵².

В мае—июне 1954 года заключенные — главным образом именно «политические» — на сорок суток захватили территорию одного из лагерных отделений «особого» Степного лагеря в районе поселка Кенгир Карагандинской области. Власти жестоко подавили мятеж, применив танки. По утверждению А.И.Солженицына, убитых и раненых насчитывалось от шестисот до семисот⁵³. Согласно официальному докладу о результатах операции, число погибших составило тридцать пять человек⁵⁴.

Солженицын, говоря об одном из главных руководителей кенгирских эзков — бывшем офицере-фронтовике Капитоне Кузнецове, упоминает, что тот обращался с заявлением о пересмотре своего судебного-следственного дела, но только «в самые дни мятежа ему пришлось из Москвы *освобождение* (кажется, с реабилитацией)»⁵⁵. Иначе говоря, это был один из множества безвинно осужденных, в ком чиновничьи проволочки 1953—1954 годов породили подталкивавшие к бунту чувства «незащищенности, обреченности, безвыходности: вот и год уже... прошел после смерти Сталина, а псы его не изменились. И не изменилось вообще ничто»⁵⁶.

В бессильной попытке хоть как-то снизить нарастающее в зонах напряжение, «культурно-воспитательные части» лагерей распространяли газеты с насквозь фальшивыми пропагандистскими статьями о «героических трудовых буднях» участников организованного в лагерях (вдвойне абсурдного там) «социалистического соревнования», а также об «учебной» и «культурной» работе среди заключенных⁵⁷. Такого рода «новости» щедро сдабривались «развлекательными» заметками о быте эзков 30-х годов, например о визитах в лагеря дружелюбных медведей⁵⁸.

Тем временем советская система оставалась последовательной в своей непоследовательности. Если в одних лагерях процесс пересмотра приговоров и освобождения заключенных продвигался крайне медленно, то в других освобождали, подчас не дожидаясь каких-либо формальных юридических оснований⁵⁹.

В июне 1954 года последовало новое распоряжение: теперь работу по освобождению осужденных по приговорам ОСО и прочих внесудебных органов предписывалось завершить в двухмесячный срок⁶⁰. К этому моменту, согласно данным МВД, доложенным Н.С.Хрущеву, в лагерях оставались 425 809 человек, заключенных по политическим мотивам⁶¹.

В августе 1954 года Постановление ЦК КПСС сняло ограничения еще с нескольких категорий «выселенцев» и «спецпереселенцев»: «раскулаченных» и высланных в отдаленные регионы страны крестьян, а также этнических немцев, мобилизованных в «рабочие колонны» в период Великой Отечественной войны⁶². К сожалению, их родные места оказались уже давно заняты теми, кого поселили здесь после депортации исконных хозяев. Последствия возвращения «спецпереселенцев» в родные пенаты, уже освоенные другими людьми, как оказалось, не были заранее просчитаны властями. Неизбежно возникла жестокая конфронтация. Семен Липкин передает ее накал в рассказе «Декада». Действие разворачивается в одной из областей вынужденного совместного проживания бывших «спецпереселенцев»-чеченцев и русских, которыми власть заселила чеченские селения после депортации 1944 года. На танцах чеченец убивает русского. Работавшая вместе с убитым женщина, обсуждая это, восклицает: «Зачем чеченцев вернули? Они отнимают дома, в которых мы живем. Говорят — это они их построили! Но мы-то не виноваты, что нам эти дома дали! А теперь чеченцы отбирают дома, выкидывают наши пожитки!»⁶³ Ее сослуживцы соглашаются, что с «этими бандитами» надо расправляться «по-сталински».

Такое действительно происходило в 1957 году в Чечне, Ингушетии, ряде районов Дагестана, откуда был угнан в 1944-м и куда возвращался теперь репрессированный чеченский народ⁶⁴. (Напомним в связи с этим, что именно в семьях «спецпереселенцев» родились и воспитывались будущие руководители чеченских сепаратистов 1990-х, в том числе Д.Дудаев и А.Масхадов.)

Судьбы этих жертв сталинского произвола, разумеется, дополнительно осложнялись национальной дискриминацией, но, тем не менее, рассказ С.Липкина иллюстрирует проблемы, общие для всех возвращавшихся из сталинских лагерей и ссылки в 50–60-х годах. Многие к тому же предопределялось не национальными предрассудками и не политикой властей, но обычным конфликтом двух групп, равно претендующих на скудные ресурсы. Те, кто заселил опустевшие дома и квартиры, занял освободившиеся в результате репрессий и депортаций рабочие места, неизбежно пытались сопротивляться возвращению законных (как теперь оказалось!) хозяев, не желая возвра-

щать то, что считали своим по праву. Перефразируя определение Дж.Кийпа⁶⁵, можно констатировать: из мира, которого не должно было быть, призраки возвращались в мир, которого уже не было.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕАБИЛИТАЦИИ И ОТКАТ К РЕПРЕССИЯМ

Н.С.Хрушев вспоминал, что опасался превращения «оттепели» в наводнение, которое смочет режим⁶⁶. В 1954 году преобразования, касавшиеся заключенных, затронули Прокуратуру, Минюст, МВД, непосредственно ГУЛАГ. Вместе с тем эти преобразования никоим образом не ставили целью обеспечение демократических прав, свободы личности. Все сводилось к так называемому восстановлению «социалистической законности» (оксюморон вроде «сухой воды» или «диктатуры без насилия»)⁶⁷. В действительности «социалистическая законность» ни в коей мере и никогда не являлась ни социалистической, ни (по западным меркам) законностью. Равно как и синонимичная ей «революционная законность» прошлых лет «социалистическая законность» сводилась, в сущности, к тому, что все исходящее в данный момент от высшего партгосруководства а priori и в приказном порядке считается законным и социалистическим. В связи с этим — фундаментальным — обстоятельством наметившееся движение к переменам, во-первых, не влекло за собой никаких действительно принципиальных изменений сущности системы, а во-вторых, осуществлялось настолько непоследовательно и урывками, что неизменно балансировало на грани полного прекращения и даже отката назад.

Перемен, казалось бы, затеяно было много, но все они мало меняли реальную ситуацию. Например, в отчете о работе Прокуратуры РСФСР за 1954 год сообщается, что, несмотря на резко возросший (в связи с пересмотром приговоров заключенным по политическим обвинениям) общий объем работы, штатную численность сотрудников трижды (за год!) сокращали. Это обуславливалось общими кадровыми реорганизациями госаппарата СССР — очередными из множества безнадежных попыток сократить численность советской бюрократии, а также передачей части «штатных единиц» на укомплектование облпрокуратур шести новых областей, образованных тогда в связи с изменением территориально-административного деления СССР⁶⁸. Хотя общий итог сокращений не выглядит особенно внушительным (численность всего аппарата в целом сократилась на 6,8%, а «оперсо-става» — на 5,7%⁶⁹), следует учитывать дезорганизующее воздействие,

которое неизбежно оказывала череда сокращений, увольнений и служебных переводов.

Вообще предпринимавшиеся тогда организационные меры выглядят непоследовательными, если не двусмысленными. Так, в феврале 1954 года все прокуроры исправительно-трудовых лагерей на территории РСФСР (365 штатных должностей) были переведены из ведения МВД СССР непосредственно под начало республиканской прокуратуры⁷⁰. (Надо полагать, что аналогичным образом прокуроры ИТЛ, располагавшихся на территориях прочих союзных республик, также были переподчинены соответствующим республиканским прокуратурам.) Эта реорганизация мотивировалась необходимостью усилить надзор за обеспечением законности в местах лишения свободы, поскольку «выяснилось» (!), что настоящего перевоспитания заключенных в лагерях не ведется, их лишь используют в качестве рабочей силы. Более того, констатировалось, что политорганы ИТЛ не ведут должной политической работы, попустительствуя серьезным нарушениям «социалистической законности в деле обеспечения режима и содержания заключенных»⁷¹. В марте ЦК КПСС предписал «усилить меры обеспечения социалистической законности... и прокурорский надзор в местах лишения свободы»⁷². Это распоряжение ЦК явно означало попытку верховной власти переложить ответственность за собственные прегрешения на исполнителей. Но реальные организационные меры «восхищают»: для «устранения недостатков» создавались специальные комиссии, но — в составе... лагерной администрации и местных (то есть все тех же лагерных) прокуроров. А поскольку все это, разумеется, потребовало контроля и координации, штатную численность аппарата Прокуратуры РСФСР вновь увеличили (чтобы справиться с «возросшим объемом работы»), но — всего на 61 «единицу»⁷³.

Подстегивая процесс освобождения невинных, Хрущев от имени ЦК КПСС обязал спецкомиссии на местах при пересмотре архивно-следственных дел основываться не на формальностях вроде «состава удостоверения» (то есть отсутствия или наличия должных печатей и подписей), а на реальных фактах: наличии или отсутствии события преступления и обоснованности наказания. Требование объяснялось чрезвычайной скудостью первых результатов пересмотра приговоров политзаключенным. В одном из лагерей, например, обнаружили всего 12 случаев необоснованного лишения свободы. Заключенных пришлось освободить решением лагерного прокурора⁷⁴.

Складывается впечатление, что прокуратура стремилась по возможности ограничить свое участие в работе. Кроме того, общая реорганизация госаппарата СССР и, в частности, сокращение штатной

численности сотрудников прокуратуры прямо снижали продуктивность и качество работы прокуроров. В общей атмосфере кадровых сокращений чиновники, несомненно, более беспокоились за насиженные места, нежели за практические результаты своей деятельности. Однако крайне скромное число пересмотренных приговоров свидетельствовало не только и не столько о перегрузке прокуратуры или о понятных «отвлекающих факторах», сколько о наличии гораздо более серьезных, хотя и скрытых препятствий. Суть скорее заключалась в устоявшемся отношении лагерного начальства — к каковому принадлежали и прокуроры — к заключенным. Передача прокуроров лагерей в ведение Прокуратуры СССР изменяла лишь их статус, но никак не мировоззрение и политические взгляды. Нет каких-либо свидетельств сколько-нибудь основательной чистки системы прокуратуры тех лет. Следовательно, в центре и на местах оставались те же сотрудники, что еще вчера считали себя вправе третировать, оскорблять и игнорировать без вины лишенных свободы⁷⁵. Теперь именно эти прокурорские кадры определяли сроки освобождения заключенных, решали вопросы применения амнистии, реабилитации. А ведь привычное им отношение к энкам как к бесправной, обреченной массе не могло одномоментно, одним лишь росчерком начальственного пера, смениться состраданием и гуманностью. Чтобы обращаться с заключенными так, как теперь вдруг приказали, прокурорам потребовалось бы забыть многое из того, чему их учили до сих пор. И еще больше: перечеркнуть часть собственных жизней.

В РСФСР на 1 января 1955 года 72,8% прокуроров и следователей прокуратуры имели по десять и более лет практического прокурорского стажа⁷⁶. Таким образом, в большинстве своем они были непосредственными участниками репрессий послевоенных лет. Теперь же им приходилось решать очень болезненную задачу: не продлевать сроки заключения, но освобождать тех, кого они сами и сажали.

Помимо сверхперегруженности (докучными делами политзаключенных), сверхзабоченности (сохранением служебных постов), сверхагрессивности (по отношению к «недобитым врагам народа»), работников советской юстиции того времени отличала еще и сверхнеобразованность. П.Соломон, рассматривая образовательный уровень советских юристов 1940–1950-х годов, обоснованно подвергает сомнению их квалификацию, поскольку чаще всего они получали образование заочно. Он полагает, что «этот тип образования... не внушал... приверженности к законности и ценности права, которая могла бы помочь им противостоять политическому и бюрократическому давлению». Более того, по его мнению, «это образование помогало появлению... послушного и конформистски настроенного корпуса

чиновников»⁷⁷. Разделяя эту оценку, все же уточним, что причиной действительно бедственной аберрации правосознания советских юристов являлась отнюдь не форма их обучения. Судя по всему, нисколько не «внушал приверженности к праву» и «нормальный» тип советского высшего юридического образования. Ведь фактически именно отрицание ценности права — хотя бы и при формальном провозглашении принципа обязательности для всех в СССР советских законов — лежало в основе теории и практики юстиции, порожденной советским государством⁷⁸. Так что наличие или отсутствие высшего юридического образования, очная или заочная его форма отражали отнюдь не большую или меньшую приверженность праву, но, главным образом, умение с большей или меньшей четкостью и оперативностью придерживаться предписанных формальных процедур. В конце концов о том, кто, чему и как учил на советских юридических факультетах в 1930–1950-е годы, известно достаточно⁷⁹. Поэтому можно утверждать, что вовсе не соображения высшего порядка, а утилитарное желание повысить исполнительность и слаженность действий прокурорских работников заставили высшее советское руководство обратить внимание на их образовательный уровень.

И вот в мае 1955 года — через два года после начала процесса десталинизации, который, казалось бы, требовал прежде всего действительно радикальных перемен всей системы советской прокуратуры, — наконец-то определили (Указом Президиума Верховного Совета СССР) непременным условием замещения прокурорских должностей наличие высшего юридического образования⁸⁰.

Сохранились документы, заставляющие обратить особое внимание на образовательный уровень прокурорских работников 1954–1955 годов как один из важных факторов, повседневно влиявших на процесс освобождения и реабилитации репрессированных. Ибо, разумеется, именно получившие высшее юридическое образование в наибольшей мере обладали качествами, необходимыми для гибкого и аккуратного выполнения директив высшего руководства. А руководство тогда, судя по всему, действительно проявляло заинтересованность в скорейшей разгрузке государства от политических и экономических проблем, порожденных переизбытком политических псевдопреступников в лагерях и ссылке.

Так вот, оказывается, в РСФСР, самой крупной и, несомненно, самой благополучной в данном отношении из пятнадцати союзных республик СССР, в 1954–1955 годы лишь 42,5% «оперативного состава» прокуратуры имели высшее юридическое образование, в большинстве полученное заочно, 45,2% — «среднее специальное» юриди-

ческое образование, которое давало еще более примитивные знания и представления о правосудии. Остальные 12,3% прокуроров и следователей являлись так называемыми «практиками», то есть вовсе не имели сколько-нибудь систематизированных правоведческих знаний⁸¹. Они не только не понимали многого из того, что теперь от них ожидалось, но, даже и понимая, не могли принять — настолько это противоречило всему их предыдущему опыту. И вот этим-то людям вверялось решение судебных заключенных, от них зависел успех всей программы реабилитации.

Понятно желание руководства страны «освежить» кадры прокуратуры, влив в эту среду некоторое число более грамотных и не столь закоснелых работников. Вместе с тем даже не намечалось освободиться от юристов, явно не готовых к осуществлению программы реабилитации. Это тоже понятно: нецелесообразно сверх меры дезорганизовывать аппарат, на который возлагаются серьезные задачи. Ведь массовая переаттестация с последующим увольнением старых прокуроров не только повлекла бы неизбежные политические осложнения, но и грозила практическим развалом всей системы прокуратуры. Ведь других юристов взять все равно было неоткуда. Так что поневоле приходилось поступать соответственно известной рекомендации Сталина. Тот в аналогичной ситуации в ответ на сетования партийного функционера, ведавшего деятельностью Союза советских писателей, сказал: «Других писателей у меня для вас нет. Придется работать с этими»⁸².

Кроме того, известные факты позволяют сделать вывод, что прокуроров, взращенных на репрессиях, вовсе не собирались лишать привычной им работы: репрессивно-карательный механизм, хоть и сбавил обороты, продолжал действовать. На всем протяжении 1954–1955 годов — так называемого периода раннего реабилитанса — до XX съезда КПСС «политическое» население лагерей только частью сокращалось, но при этом одновременно продолжало пополняться, в том числе и осужденными по печально знаменитой, самой массовой статье 58¹⁰ («антисоветская агитация»). Соответствующую статистику приговоров по политическим обвинениям в 50-е годы мы уже рассмотрели выше — в первой главе. Добавим, что основания для привлечения к ответственности по этой статье УК, как и прежде, оставались чаще всего откровенно абсурдными, что хорошо иллюстрирует неизменную «твердокаменность» прокуратуры и суда. Например, мелкого уголовника Б.Догадина двадцати одного года от роду в сентябре 1954 года приговорили к 5 годам ИТЛ за то, что в зале суда, при оглашении вынесенного ему приговора за очередную мелкую кражу, он возмутился чрезмерностью, как он посчитал, наказания и

завопил: «Это не Маленкова законы, а Трумэна!» (то есть не советские, а американские: согласно тогдашней пропаганде — запредельно несправедливые). И, войдя в раж, понес уже полную околесицу, что-де вот Трумэн (президент США!) придет, так всех судей перевешает... Отсидел он за это по статье 58¹⁰ два года и получил реабилитацию «в порядке прокурорского надзора» (где же этот «надзор» раньше был?) лишь в 1956-м⁸³.

При пересмотре архивно-следственных дел заключенных по политическим обвинениям, если приговор оставлялся в силе, прокуратуре надлежало обеспечить надзор за соблюдением норм содержания заключенного под стражей, в частности при «трудоиспользовании». Ведь предполагалось, что труд в ИТЛ должен служить целям перевоспитания и обучения заключенных «производственным специальностям, необходимым для приобщения к честной трудовой жизни после освобождения». Кроме того, определенные категории заключенных, занятых на особо вредных производствах, подлежали регулярным медицинским обследованиям. Но, конечно же, на деле все обстояло вовсе не так, как полагалось. Например, в читинском лагере обнаружилось, что по части медицинского обслуживания заключенных не делалось и половины от предписанного⁸⁴. Прокурорский надзор теперь распространялся и на бытовые условия в лагерях. Заключенные теперь должны были «иметь возможность требовать необходимые постельные принадлежности (простыни и проч.), нормальное питание и условия для отдыха после работы»⁸⁵. При этом, ввиду многочисленных фактов агрессивного поведения уголовников, особо опасных рецидивистов надлежало содержать отдельно.

Однако, несмотря на все декларативные указания ЦК КПСС, прокурорский надзор оставался недостаточным и во многом формальным. Лагерная администрация по-прежнему пользовалась довольно большой самостоятельностью и продолжала действовать привычными репрессивными методами.

В одном из случаев лишь 15% жалоб (974) переслали в более высокие инстанции, где хотя бы имелся шанс на их менее предвзятое рассмотрение⁸⁶. Заключенные жаловались на отсутствие необходимого медицинского обслуживания, задержку зарплаты и т.п. Как правило, их заявления пересылались в ГУЛАГ МВД СССР, то есть не выходили за пределы ведомства, которое ничего не предпринимало даже для проверки их достоверности.

Одни и те же проблемы, связанные с невниманием к жалобам заключенных, всплывали на достаточно отдаленных друг от друга территориях лагерной системы, например в Архангельской области и в Мордовской АССР. Согласно одному из докладов Прокуратуры

РСФСР, «в [лагерях] Архангельской области практиковалось то же, что и в центральном аппарате [МВД], а именно: большинство жалоб не проверялось, а пересылалось руководству лагерей, на которое и жаловались. В Мордовской АССР за истекший год в этой же категории оказались 24% всех жалоб»⁸⁷. Иначе говоря, жалобы заключенных попадали прямиком к тем, против кого они и были обращены!

Таким образом, в высшем эшелоне власти официально разворачивали преобразования, а на уровнях ниже неофициально им препятствовали⁸⁸. Бюрократы среднего звена, выросшие на репрессиях (во множестве случаев буквально — совершив карьерные взлеты исключительно благодаря репрессиям), не желали меняться и успешно мешали любому реформаторскому начинанию. Включился «механизм торможения», как эвфемистически именовали чиновничий саботаж во времена «перестройки»: началось пассивное, но действительное сопротивление, аналогичное тому, с которым пришлось столкнуться реформаторам в СССР в конце 1980-х.

Но помехи преобразованиям создавались не просто пассивным сопротивлением бюрократов. Помехой была сама система. Именно она предопределила создание процедурного лабиринта, который сбивал с толку заключенных, пытавшихся добиться того, что, казалось бы, им полагалось. Кафка бы не удивился. В своем «Процессе» он использует вымышленную юридическую систему как метафору, позволяющую показать тупой, бездушный социальный механизм, предназначенный методично выполнять все процедуры вместо того, чтобы делать то, что действительно необходимо. Процесс как самоцель. Можно сказать, Кафка провидел советский механизм, подчиняющийся исключительно собственным законам, не имеющий достаточных — если вообще имеющий — возможностей для самокоррекции и при этом недоступный для коррекции извне.

Как следствие, положение заключенных сместилось от абсолютной несправедливости периода репрессий к относительной несправедливости периода неэффективных преобразований. Отсрочка справедливости стала отрицанием справедливости. Условия в лагерях сколь-нибудь значительно не улучшались. И во второй половине 1954 года в лагерях творилось все то же, хотя официально это рассматривалось теперь как «нарушения закона». Очень часто убийц и других особо опасных преступников содержали совместно с теми, кто совершил менее серьезные преступления (или, если иметь в виду подавляющее большинство осужденных по политическим мотивам, — вовсе невиновными)⁸⁹. С помощью этих уловок лагерное начальство осуществляло постоянное дополнительное давление на заключенных, их запугивание. Кроме того, жилые помещения оставались

грязными, холодными, заключенные спали в рабочей одежде, медицинская помощь даже официально признавалась совершенно не достаточной⁹⁰. Практически не улучшились и условия труда. Например, женщин по-прежнему направляли на тяжелую физическую работу, что официально уже запрещалось⁹¹.

В докладе Прокуратуры РСФСР по итогам 1954 года признано, что, несмотря на попытки изменений, многое в местах лишения свободы осталось неизменным. Отмечены «грубые нарушения установленных законом» условий содержания заключенных. Часть тех, кому уже полагалось выйти на свободу, оставались в заключении, других лишали насущно необходимого для жизни, жалобы недопустимо медленно передавались по инстанциям, жилые бараки на поверку оказывались непригодными для жилья. Доклад завершался обтекаемой констатацией: областные, краевые и республиканские (автономных республик в составе РСФСР) органы прокуратуры не выполняют своих обязанностей по надзору за прокурорами лагерей⁹². Учитывая, что, как уже говорилось, прокуроры лагерей с февраля 1954 года непосредственно подчинялись республиканским прокурорам и через них — Прокуратуре СССР, этот пассаж составителей доклада можно расценивать как невольное признание собственной несостоятельности. Ведь из документа следует, что целый год вся вертикаль прокуратуры сверху донизу не желает или не может выполнять свои функции надзора за обеспечением законности в системе исправительно-трудовых лагерей МВД СССР. Тем самым подтверждается, что с самого начала организация реабилитационного процесса оказалась провальной: ведомственное сопротивление бюрократии — от высших эшелонов до низов — сопрягалось с общей инерцией бюрократического монстра, по определению не желавшего никаких новаций.

БДИТЕЛЬНОСТЬ

Противоречивость и непоследовательность процесса реабилитации усугублялись еще и противоречивостью указаний, получаемых прокуратурой. С одной стороны, ее работникам надлежало пересматривать приговоры для восстановления законности. С другой — руководствоваться общей установкой: «вместе с реабилитацией необоснованно обвиненных в контрреволюционных преступлениях недопустимо ослабление борьбы с действительными врагами Советского государства»⁹³. По-прежнему доминировала психология

«осажденной крепости», основанная на представлениях, что угрозу государству несут именно заключенные, а не те, кто их посадил⁹⁴. В атмосфере того времени предписания «сохранять бдительность» по отношению к «врагам» неизбежно расценивались на местах (в том числе, конечно, и лагерным начальством) как основание для дальнейших репрессий. В конце концов, вся система советских правоохранительных органов, заполненная, согласно точному наблюдению П.Соломона, «армией... конформистски настроенных чиновников», оставалась, как и прежде, совершенно неподконтрольной обществу и нацеленной исключительно на служение «интересам и политике партии и государства», но никак не «таким ценностям, как справедливость и объективность»⁹⁵.

Архивные документы свидетельствуют об ограниченности перемен, на которые в 1954–1955 годы согласилась пойти прокуратура, продолжая «всецело служить интересам и политике» советской системы. Датированная декабрем 1955 года докладная записка томского облпрокурора в Прокуратуру РСФСР раскрывает реальное, далеко не благополучное состояние процесса пересмотра архивно-следственных дел заключенных по политическим мотивам. Поводом для докладной стала поступившая в Управление КГБ по Томской области жалоба одного из заключенных, чье дело все еще оставалось не пересмотрено в нарушение установленных сроков. Объяснения облпрокурора очень показательны, так как отражают явную — возможно, преднамеренную — неэффективность всей организации работы по реабилитации. Первопричиной затягивания работы облпрокурор называет недостаток кадров: всего шестеро его подчиненных «срочно» занимались тридцатью пятью архивно-следственными делами, по каждому из которых проходили несколько сотен осужденных. Причем в процессе пересмотра каждого дела требовался поиск дополнительных документов для подтверждения (опровержения) свидетельских показаний, а если подлинники документов оказывались на хранении в каком-либо ином месте, например в Москве, затевалась длительная переписка, чтобы получить копии⁹⁶.

Читинская облпрокуратура за июнь 1954 года — ноябрь 1955 года пересмотрела приговоры за «контрреволюционные преступления», вынесенные по 980 судебным делам в общей сложности 1646 осужденным. Свыше трети — 365 приговоров (37%) — были оставлены в силе, 615 (63%) признаны необоснованными. В результате освободили только 296 человек. Освободили также семерых ссыльных, 362 заключенным сократили сроки лишения свободы, приговоры 137 человек переквалифицировали, чтобы распространить на них действие Указа об амнистии. Все это заставило облпрокурора завер-

шить свой отчет признанием «грубых нарушений советских законов, допущенных органами государственной безопасности в ходе следствия по этим делам»⁹⁷.

Материалы отчета свидетельствуют о стремлении сотрудников прокуратуры дистанцироваться от прошлых преступлений органов безопасности и оправдать собственное преступное бездействие. Ведь обязанность надзирать за законностью действий органов госбезопасности и внутренних дел с прокуратуры никто никогда не снимал. Так же, как никогда не выводились из-под юрисдикции данной — читинской — облпрокуратуры эти конкретные, изначально фальсифицированные, но «пересмотренные» только теперь дела. То есть отсутствие некоторых профессиональных, да и просто человеческих качеств здесь налицо. Зато «бдительности» хоть отбавляй. Ведь даже признавая, что выявили массовое применение противозаконных методов ведения следствия, грубую фабрикацию обвинительных заключений, необоснованность приговоров⁹⁸, читинские прокуроры 37% приговоров все же оставили в силе. Ясно, что в большинстве случаев основанием для этого послужили какие-то формальности. По-чиновничьи равнодушные и к законности, и к справедливости, прокурорские работники пользовались любым предлогом (вот уж действительно: кто хочет что-либо сделать, тот находит возможность, а кто не хочет — предлог), чтобы отказать в справедливости. С вполне очевидной целью подтвердить тем самым свою «бдительность» — главнейшее качество образцового советского бюрократа. Недаром в СССР столь распространена была прибаутка: «Лучше перебдеть, чем недобдеть».

В проявлении «бдительности» читинцы были вовсе не одиноки. В Сталинградской области за 1955 год в органы прокуратуры поступило 2181 заявление от заключенных о пересмотре вынесенных им ранее приговоров. Всего в 360 случаях приговоры смягчили, 121 осужденного амнистировали, 16 освободили из ссылки. Но решения по 1602 делам отложили⁹⁹. Таким образом, почти три четверти заключенных по политическим обвинениям прокуратура сочла осужденными вполне обоснованно, невзирая даже на объявленную уже кампанию «исправления последствий массовых репрессий». Этот факт говорит о том, что в прокуратуре мало что изменилось.

В Астраханской области, по данным на январь 1955 года, приговоры 198 из 407 человек, осужденных за «контрреволюционные преступления», оставили на повторный пересмотр¹⁰⁰. Тогда же в Балашовском районе Саратовской области 51 заключенному из 79, обратившихся с апелляциями, отказали в пересмотре их приговоров¹⁰¹. В Ленинградской области в начале 1955 года 1622 дела из 2869, подле-

жавших пересмотру, задержали для дополнительной проверки¹⁰². В Ростовской — комиссия прокуратуры по пересмотру архивно-следственных дел с июня 1954-го по январь 1955-го собиралась восемнадцать раз. В результате из 1709 человек, осужденных за «контрреволюционные преступления», освободили из заключения и полностью реабилитировали лишь 56, или 3,2%¹⁰³. И так везде... Повсеместно. Сталин умер, но сталинизм жил в чиновниках, которым вверялась десталинизация.

Свойственный советской юридической системе «обвинительный уклон» оставался преобладающим в судебно-следственной практике, и каждый факт оправдания рассматривался как «пятно, порочащее советскую юстицию», ибо вскрывшаяся необоснованность приговора действительно дискредитировала прокуратуру, прямо ответственную за соблюдение законности.

В этом контексте становится понятна развернутая в 1949 году активная кампания против вынесения оправдательных приговоров. Но, как видим, и после 1953 года чиновники все еще испытывали давление, заставлявшее их избегать оправдательных решений¹⁰⁴.

Кроме этих общих соображений находились и более простые — подлинно советские — предлоги затянуть работу по освобождению и реабилитации. Пересмотр многих дел откладывался из-за того, что комиссиям своевременно не представлялись требуемые сведения из мест заключения. Так, в прокуратуре Ивановской области, объясняя низкие темпы работы, ссылались на то, что пересмотр приговоров невозможно вести лишь на основании заявлений заключенных, а затребованные сведения на них задерживают в лагерях¹⁰⁵. В Костромской области по той же причине не приступали к рассмотрению 250–300 дел¹⁰⁶. Куйбышевский облпрокурор в письме в Прокуратуру РСФСР в январе 1955 года меланхолично отметил: «Трудно сказать наверняка, лагерная ли администрация тормозит процесс [пересмотра приговоров], задерживая представления о заключенных, которые должна учитывать комиссия»¹⁰⁷. Прокурор Якутской АССР, где пересмотрели 30 из намеченных на первое время 223 приговоров, писал: «Требования майской 1954 г. директивы [о пересмотре приговоров политическим] в части предоставления сведений о заключенных выполняются местами лишения свободы неудовлетворительно»¹⁰⁸.

Налицо вопиющее несоответствие реальной практики официально декларируемой политике. На словах соглашаясь с необходимостью перемен, поступали чиновники совершенно противоположным образом, отказываясь опровергать ранее сфабрикованные приговоры и предоставлять необходимые для этого документы.

И, похоже, такое двурушничество было не только повсеместным, но и систематическим, проявлявшимся на всех уровнях государства и общества. Объявленная реформа спотыкалась на каждом шагу, поскольку многие из тех, кому вменялось в обязанность ее проведение, идеологически отвергали ее.

Вместе с тем имеются свидетельства, что система все-таки пыталась откорректировать самое себя. В архивных документах за этот период встречаются факты опротестования отдельных необоснованно выносимых приговоров. Так, одного из жителей Ленинграда арестовали с санкции заместителя прокурора города 30 октября 1954 года по подозрению в анонимной отправке в 1952–1953 годах антисоветских писем в ЦК ВКП(б) и Госкомитет по радиовещанию. Ни на следствии, ни в суде обвиняемый вины не признал. Суд вынес приговор на основании статьи 58¹⁰, опираясь исключительно на результаты графологической экспертизы, без каких-либо дополнительных улик. По протесту, внесенному Прокуратурой РСФСР, Верховный суд республики постановил приговор отменить, возвратив дело на следствие. При этом 16 марта 1955 года Прокурор РСФСР в письме на имя прокурора Ленинграда разъяснил, что в деле отсутствуют основания не только для приговора по ст. 58¹⁰, но и вообще для ареста подозреваемого¹⁰⁹.

В другом случае освободили человека, приговоренного в мае 1953-го к 10-летнему заключению за «антисоветскую агитацию» среди своих знакомых в 1949–1953 годах. Приговор пересмотрели, поскольку Прокуратура РСФСР установила, что проводившие следствие органы МГБ СССР превысили свои полномочия. Правда, освобождение этого невинного состоялось лишь в июне 1955-го — спустя два года после ареста¹¹⁰.

Особо отметим, что во многих делах, приговоры по которым за этот период опротестовала Прокуратура РСФСР, выявилось применение (как и прежде) «противозаконных методов ведения следствия» — то есть, по сути, выбивание на допросах признательных показаний¹¹¹.

Тогда же — в 1954–1955 годах — наблюдалось и совершенно противоположное: стремление властей преднамеренно препятствовать возвращению в общество некоторых осужденных. Таких заключенных, выпустив из лагеря, немедленно подвергали новому заточению — в «специальных психиатрических больницах» МВД, фактически психиатрических тюрьмах с неограниченными сроками содержания.

Г.И.Бутова арестовали в 1952 году и приговорили к 10 годам ИТЛ по статье 58¹⁰, обвинив в том, что он будто бы утверждал, что в

неизбежной войне с капиталистическими странами СССР потерпит поражение. Через три года, в октябре 1955-го, по представлению Прокуратуры РСФСР Верховный суд РСФСР отменил приговор, но не освободил Бугова, а направил в Институт судебной психиатрии им. Сербского для судебно-психиатрической экспертизы¹¹².

Более известный случай, рассмотренный П. Реддэуэем и С. Блохом, показывает, что подобная практика явно инициировалась сверху. В 1953 году старый член партии С. П. Писарев направил Сталину письмо, в котором обвинил МГБ СССР в фабрикации «дела врачей». Его арестовали и, первоначально освидетельствовав в Институте им. Сербского, отправили в Ленинградскую спецпсихбольницу. В 1956 году ему удалось добиться создания специальной комиссии ЦК КПСС для проверки работы Института им. Сербского, а также Ленинградской и Казанской спецпсихбольниц. П. Реддэуэй и С. Блох обоснованно полагают, что Хрущеву, пытавшемуся подновить фасад советского режима, импонировали преимущества репрессий «по психиатрическим показаниям», позволявшие тихо упрятывать диссидентов без суда, не выдумывая пристойных предлогов¹¹³.

Применение психиатрии с целью подавления политических оппонентов практиковалось большевиками и при Ленине¹¹⁴, и при Сталине. Некоторым из заключенных конца 1930-х эта практика даже помогла. В больницах режим обычно был легче лагерного, а тем, кого направляли туда только для освидетельствования, психиатры иногда устанавливали дополнительные послабления: противопоказанность ночных допросов, длительной изоляции и прочее¹¹⁵. С годами советская психиатрия все более приспособлялась к политическим потребностям, превратившись в итоге в 1970–1980-е годы в изощренный и часто используемый инструмент репрессий «политически неблагонадежных». Но рассмотрение этого явления выходит за рамки нашего исследования. Достаточно отметить, что система, пропагандируя очищение от наследия сталинского ГУЛАГа, одновременно развивала использование психиатрии в карательных целях.

Трудно понять, что более тормозило преобразования: недостаток политической воли высшего руководства, скрытая пассивность в среднем звене бюрократического аппарата или почти неприкрытое неприятие новаций в его низших звеньях. Достоверно известно, что все вышестоящие бюрократы систематически критиковали (хотя бы на бумаге) всех нижестоящих за недостаток усердия. Если даже кто-то из руководителей делал это искренне, его можно по меньшей мере упрекнуть в неполном соответствии занимаемой должности, по-

скольку критика не прекращалась, а значит — не прекращалось и все то, что ее вызывало.

Проверка, проведенная Прокуратурой РСФСР в 1955 году, показала, что работа по пересмотру областными, краевыми, городскими и районными прокуратурами приговоров осужденным по политическим обвинениям ведется неудовлетворительно. В качестве причин неэффективности отмечались безынициативность и прямое бездействие «отдельных» ответственных работников «на местах»¹¹⁶.

Так, выяснилось, что заместители облпрокуроров (на которых и возлагалась непосредственная организация пересмотра архивно-следственных дел) устраняются от личного участия в заседаниях. В Челябинской области заместитель облпрокурора не участвовал в пересмотре ни одного из дел; в Чкаловской — его коллега даже не поинтересовался, чьи конкретно дела рассматриваются¹¹⁷. В итоговом отчете инспекторов отмечалось: «Свидетельством формального отношения ряда прокуроров к своим служебным обязанностям являются имеющиеся на многих протоколах [комиссий по пересмотру дел] пометы о том, что прокуроры лишь „ознакомились“ с ними»¹¹⁸.

Изданный по результатам проверки в октябре 1955 года приказ Прокурора РСФСР требовал от подведомственных местных органов прокуратуры серьезно улучшить работу по пересмотру дел о «контрреволюционных преступлениях». Этот приказ наглядно отразил проблему поистине кафкианской запутанности процедур и общего бюрократического подхода к пересмотру приговоров. В приказе констатировалось чрезмерное внимание членов комиссий к мало-значительным деталям и мелочному соблюдению формальностей и подчеркивалось, что результатом этого становится срыв установленных сроков работы¹¹⁹. Несомненно, республиканского прокурора, который инициировал и подписал приказ, более всего беспокоило именно соблюдение установленных сроков, то есть, по сути, та же формальная сторона дела. Ясно, что такой, как оказывается, общий и для Прокурора РСФСР, и для его подчиненных (и для начальников, надо думать) формальный подход просто не мог не сказаться негативно на существо дела — восстановлении справедливости.

Сохранившиеся документальные источники показывают: формальные требования формально соблюдать формальные процедуры вели к закономерному результату — по крайней мере и в 1956 году в приказах, отчетах и переписке Прокуратуры РСФСР обнаруживаются все те же свидетельства волокиты и формализма по отношению к осужденным за «контрреволюционные преступления»¹²⁰.

Отчаявшись дождаться правосудия на местах, некоторые заключенные и ссыльные пытались искать его в Москве, обращаясь с жалобами и заявлениями в различные инстанции и часто апеллируя к председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е.Ворошилову. Хранящийся ныне в ГАРФе фонд Приемной Президиума просто переполнен подобными свидетельствами человеческих трагедий¹²¹. Выясняется, что авторов многих обращений подталкивали к этому сами же местные чиновники, то ли желая снять ответственность с себя лично, то ли трезво оценивая предстоящую конкретному бедолаге бюрократическую волокиту, окончания которой тот может и не дожидаться.

Одно из подобных обращений на имя Ворошилова доносит до нас историю человека, затянутого карательно-репрессивной машиной в абсурдный и мучительный лабиринт. Бывший ээк, один из множества тех, кто, отбыв свой срок, из осторожности или вынужденно остался работать при том же лагере «вольнонаемным», сумел невесть как уцелеть в годы войны (освобожден в 1941 г.) и вопреки всему избежать повторного срока. То есть был одним из тех «полусвободных с подозрительными документами»¹²², которыми заполняли в те годы самые «отдаленные местности Советского Союза», позволяя не жить, но лишь существовать. И вот оказывается, что по чьей-то ошибке ему выписали паспорт без надлежащих ограничительных пометок. В 1954 году, через тринадцать лет после формального освобождения, его вызывают в местный отдел внутренних дел и осведомляются, как это случилось, что у него паспорт без «минусов»? Удостоверяются в отсутствии с его стороны «злого умысла». Более того, говорят: «Если бы ты был приговорен к 5 годам, то подлежал бы амнистии и получил „чистый“ паспорт. Но поскольку срок у тебя 6 лет, сделать ничего нельзя. Обращайся в Президиум Верховного Совета — только там могут решить твой вопрос»¹²³.

«Вопрос», действительно, решили: еще помытарили, но в конце концов приговор все же отменили «в порядке помилования» (!) и выдали «чистый» паспорт уже на законных основаниях. Разрешили — жить. Бездушная машина, которая и породила эту подлую волокиту, сохранилась. Нетрудно догадаться, что всего двумя-тремя годами раньше та же машина в таком же случае просто равнодушно сжевала бы несчастного. Ведь ясно, что неизменным остался сам принцип ее действия: «Органы не ошибаются!» А если ошибаются, то не за свой же счет.

Пожалуй, самое страшное, что многие жертвы вполне смирились и с этой политикой, и с навязанным ею существованием. Вот еще одна история жизни, реконструированная по письмам Ворошилову. Некто В.П.Барханов оказался в ссылке в Норильске в возрасте пятидесяти шести лет после 17 лет ИТЛ. В ноябре 1954 года в письме старому другу он делился радостью: освободили досрочно (!) за хорошую работу. «Это было, как заново родиться, для меня все было новым, даже автобусы. Я все еще хожу в лагерной одежде, надо что-нибудь приобрести... Но я счастлив, что руководители Партии и Правительства ведут страну по ленинскому пути и что моя жизнь прошла не напрасно»¹²⁴. (Особенно замечательно, что этот бывший заключенный, то ли вопреки, то ли благодаря 17 годам лагерей, подчеркивает верность «Партии и Правительству».)

Барханов просил своего друга, видимо достаточно влиятельного, походатайствовать за него и передать в МВД его прошение — позволить выехать из Норильска к жене, которую не видел со дня своего ареста в 1937 году. Детали письма позволяют догадаться, что в прошлом Барханов был не крупным, но начальником, горожанином, инженером по образованию, что жена его проживает за пресловутым «101-м километром» от Ленинграда, где вокруг деревни, на 50 км нет ни одного промышленного предприятия (то есть он не доставит беспокойства своим трудоустройством). И вот этот-то немолодой человек, которого, по сути, лишили и прошлого, и будущего, унижали и топтали на протяжении почти всех зрелых лет его жизни, которому бесповоротно разрушили карьеру, чью жену подвергли моральным и физическим истязаниям, возможно, загубили детей, — теперь робко объяснял: жена не может приехать к нему в Норильск «по состоянию здоровья и из-за тяжелых климатических условий». То есть, надо понимать, коли бы не эта досадная болезнь жены, жил бы он на Крайнем Севере, глядел бы на милые сердцу бараки и тихо радовался. Спасибо партии родной...

Друг переслал письмо в Москву. Одновременно, видимо по его совету, обратилась с письмом на имя Ворошилова и жена. Но прошло еще девять месяцев, прежде чем Барханова освободили из ссылки. Дозволили уехать в глухомань доживать. И это после вмешательства канцелярии «самого» председателя Президиума Верховного Совета СССР.

С января по июль 1955 года в аппарате Президиума Верховного Совета рассмотрели (после тщательного предварительно отсева) 165 заявлений бывших заключенных, в большинстве из которых содержались просьбы о снятии судимости, без чего невозможно было выехать из мест ссылки и устроиться на работу. Из Приемной председа-

теля Президиума сведения о каждом заявителе направлялись в соответствующую республиканскую прокуратуру с предписанием «рассмотреть и дать заключение». Через некоторое время таковое пересылалось в Приемную. Оттуда все бумаги передавались в один из отделов аппарата Президиума для подготовки проекта решения. Затем проект рассматривался на заседании Секретариата Президиума, а позже решение оформлялось протоколом очередного заседания Президиума. После этого заявитель считался *помилованным*. Разумеется, на всю эту волокиту уходили месяцы. И все же такой путь оказывался, видимо, много короче, чем тот, что пришлось бы преодолеть в иных случаях.

По поводу осужденных по 58-й статье заключения прокуратуры обычно содержали следующую формулировку: «...приговор обоснован. [Вариант: преступное деяние квалифицировано правильно]. Однако, учитывая, что он/она происходит из рабочей [крестьянской бедняцкой/средняцкой] семьи, ранее не судим/не судима и положительно характеризуется по месту работы, Прокуратура... не возражает против отмены ранее вынесенного... приговора»¹²⁵.

Как видим, обоснованность применения статьи 58, а также и виновность жертвы такой формулировкой не оспаривались. Тем самым прокуратура в своих «заключениях» уклонялась от выяснения существа дела и восстановления справедливости, ограничиваясь позицией «прощающего доброжелателя». В результате многие из тех, кто в середине 1950-х попытался путем обращения в Верховный Совет сократить муки прохождения через бесконечный бюрократический лабиринт реабилитации, получили лишь фальшивое «помилование». А полной реабилитации так и не могли добиться до конца 1980-х¹²⁶.

Но тогда — в 1954–1955 годы — горемыки «с пятьдесят восьмой» были не в том положении, чтобы чего-то требовать. Приходилось довольствоваться тем, что давали, независимо от меры справедливости или несправедливости этого деяния. Вот слова из письма одного из бывших заключенных, арестованного еще студентом за «антисоветскую агитацию» (то есть попросту за неосторожное слово) и освобожденного в 1951 году после нескольких лет лагерей: «Тень моего недостойного прошлого преследует меня повсюду. Я не могу вступить в профсоюз, не могу голосовать, не могу завершить высшее образование и даже получить те права, что имеют все остальные рабочие»¹²⁷. Прокуратура, однако, по его делу «заключила», что причин для опротестования приговора нет, лицемерно пояснив, впрочем, что не возражает против «восстановления в гражданских правах».

Только в исключительно редких случаях прокурорские заключения по апелляциям, направляемым через Президиум Верховного Совета, прямо признавали необоснованность приговора, необходимость его отмены и прекращения дела «за отсутствием состава преступления». Как правило, это касалось тех, в решении чьих судебных лично участвовали высшие должностные лица. Так, лично Прокурор СССР Руденко подписал официальное письмо на имя Ворошилова, в котором сообщал, что проверкой, проведенной по заявлению некоего ссыльного (явно не рядового «доходяги»), установлена необоснованность обоих приговоров, вынесенных ему в 1939 и 1949 годах. По этому представлению очень оперативно оформили решение и о прекращении ссылки, и о снятии судимости¹²⁸. Однако, повторим, подобные случаи единичны. В массе своей сохранившиеся документы фиксируют поток лицемерных «помилований».

Механизм прокуратуры неукложе балансировал, понуждаемый исправлять тяжкие грехи советской системы, одновременно отрицая порочность этой системы в целом. Ведь признание изначальной невинности всех заявителей, что годами томилась в лагерях, неизбежно поставило бы вопрос о виновности именно государственной системы, допустившей массовые наказания без преступлений.

Здесь же следует искать объяснения и еще одной бюрократической уловки, которая также оборачивалась на деле мытарствами для всех, кого тогда освобождали из заключения и ссылки. Дело в том, что первоначально бывшим узникам не выдавали на руки никаких документальных подтверждений их невинности. Многочисленные официальные органы интенсивно вели между собой официальную переписку относительно реабилитации жертв репрессий. При этом единственной действительно заинтересованной стороной оставалась неофициальная, да к тому же бесправная еще более обычного — сами жертвы. И официальные органы государства преднамеренно и привычно игнорировали эту разобщенную «неофициальную сторону» в ее попытках добиться официальных свидетельств реабилитации.

Когда суды, прокуратура, подразделения МВД и КГБ обменивались сообщениями о приостановлении или прекращении того или иного судебно-следственного дела, подразумевалось, что соответствующий осужденный подлежит освобождению. И все! Никакими *справками* (кроме стандартных — об освобождении) это не сопровождалось. Между тем такие «священные документы»¹²⁹ имели огромное, если не определяющее значение для полноценного возвращения в «нормальную» советскую жизнь. Бывшие заключенные осаждали районные и городские отделы внутренних дел просьбами выдать им необходимые документальные подтверждения невинно-

ности. Из МВД просьбы пересылали в облпрокуратуры, которые затем обращались в Прокуратуру СССР¹³⁰. В результате ждать получения таких справок приходилось многие месяцы. И вот долгожданная справка наконец-то оказывалась в руках бывшего заключенного. И он мог отныне предъявлять ее в отделы кадров для трудоустройства, в отделы внутренних дел для прописки по месту жительства и во все прочие бесчисленные «отделы» бюрократической государственной машины... Но тут выяснялось, что слово «реабилитация» справка не содержит. Правда, это не лишало ее юридической силы, но факт остается фактом: государство так и не смогло выдать из себя признания *невиновности* своей жертвы, несмотря на то (или именно потому?), что это было бы по сути признанием виновности государства.

Утвержденный тогда формуляр «справки о реабилитации», сохранившийся неизменным до 1990-х, выглядел следующим образом: «Дело по обвинению [ФИО] пересмотрено [наименование учреждения, пересмотревшего приговор и дата]. Приговор [кем вынесен] отменен, и дело за отсутствием состава преступления прекращено». [Подпись руководителя учреждения, выдавшего справку]». Более — ничего.

В числе прочих подобной справки дождался в свое время и тогда тридцатичетырехлетний М.И.Коган — бывший студент-юрист, а позже один из известных и уважаемых московских адвокатов. Несколько лет назад он опубликовал воспоминания, в которых среди прочего подробно и красочно поведал о перипетиях своей реабилитации.

Отбыв пять лет лагерей по решению ОСО по обвинению в антисоветской агитации и участии в антисоветской группе, он с 1949 по 1956 год оставался на поселении в Казахстане. С 1953-го многократно обращаясь в Верховный суд и Прокуратуру СССР с заявлениями об отмене приговора, вынесенного по бредовым обвинениям, но неизменно получал отказы («двадцать или тридцать отказов»). Лишь в мае 1956 года получил справку из Военной коллегии Верховного суда об отмене приговора и смог возвратиться домой в Москву. Комментирует он это так: «Справка подписана самим председателем Военной коллегии... Слово «реабилитация» стыдливо опущено. Не указаны в ней и статьи УК, по которым я был ранее репрессирован. Я не стал бы придирается к этим мелочам, если бы они в будущем не повлекли за собой мытарства, связанные с необходимостью доказывать мою реабилитацию по политическим статьям многочисленным чиновникам, специально размноженным во всяких отделах при разных ведомствах для этой цели»¹³¹.

Сколько же репрессированных действительно освободили к решающему году XX съезда партии? Согласно документам «особой папки» Хрущева, на основании Указа от 19 мая 1954 года освободили 24 036 человек¹³². К ним добавилась часть ранее обвиненных в сотрудничестве с оккупантами во время войны, которых амнистировали в сентябре 1955-го¹³³, а также «спецпереселенцы». По некоторым оценкам, общая численность «политических», освобожденных к концу 1955 года, — 195 353 человека¹³⁴. Но на наш взгляд, о точности цифр говорить в данном случае не приходится, — слишком запутана классификация освобождений того периода. Более того, следует учитывать, что, как уже отмечалось, «политические» тогда двигались в обоих направлениях: не только из лагерей, но и в лагеря. За 1955 год тюрьмы и лагеря ГУЛАГа пополнились как минимум (данные только по РСФСР) 6911 осужденными к лишению свободы за «особо опасные преступления против порядка управления», то есть по различным пунктам 59-й статьи УК¹³⁵.

Несмотря на исподволь начинавшуюся «оттепель», советская система в целом сохранила репрессивность. Это проявлялось и в законодательстве. По справедливому заключению В.Н.Земскова, действовал принцип преемственности. Репрессивная практика прошлых лет не только не подвергалась сомнению, но и прямо расценивалась как политически целесообразная и законная, поскольку соответствовала старой, но по-прежнему действовавшей законодательной базе¹³⁶.

Десталинизации страны упорно противостояли консервативно-реакционные силы. Большинство чиновников на всех уровнях партгосаппарата воспринимали начинающиеся преобразования в лучшем случае двойственно. В то время как высшее руководство объявляло реформу, прокуратура (да и вся так называемая правоохранительная система) изошренно саботировала процесс реабилитации. Повсеместно охотно использовались старые нормы, а новые произвольно толковались, по сути, во вред освобождаемым политзаключенным. Реабилитация трактовалась исключительно как акт великодушного прощения со стороны государства.

Многочисленные свидетельства тех, кому пришлось тогда добиваться реабилитации, отражают восприятие этого периода жертвами системы, утверждающими, что репрессивная политика продолжалась, хотя и в слегка завуалированной форме. Именно эта политика порождала разнообразные и повсеместные ограничения и препятствия, которые не позволяли бывшим заключенным воссоединиться с семьями, получить достойную работу и жилье, избавиться от гнетущего ощущения второсортности и отверженности.

Причины крайней ограниченности и непоследовательности преобразований заключались в сохранявшейся зависимости советской системы от эпохи репрессий. Ведь репрессировались не только люди, но и идеи, смертельно опасные для этой системы. Репрессии, таким образом, оставались необходимым инструментом сохранения самой системы. А открытое признание их противоправности оказалось бы равнозначным прямому ее подрыву. Но уцелевшие и освобожденные узники стали живым напоминанием именно о преступности системы. Найти для них — еще недавних «врагов народа» — подходящую психологическую и социальную нишу оказалось чрезвычайно трудно. В результате поиски способов обращения с ними, а значит, и примирения с тем, что они олицетворяли, власть продолжала вплоть до времен Горбачева и кончины самого Советского Союза. Основы советской методики решения этой проблемы заложил Хрущев: замалчивать все, что возможно, признавая лишь то, что необходимо.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Хлевнюк О.В.* Берия: пределы исторической «реабилитации» // Исторические исследования в России: Тенденции последних лет. М., 1996. С. 150.
2. См.: *Кокурин А.И., Пожаров А.И.* «Новый курс» Л.П.Берии // Исторический архив. 1996. № 4. С. 132–133; см. также: Osteuropa. 1998. № 11/12. P. 367–368.
3. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 58.
4. См.: *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу: В 2 ч. Ч. 1. М., 1991. С. 15–16.
5. Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4581. Л. 122; Ф. 9401. Оп. 2. Д. 450. Л. 464, 471. Отметим, что в литературе приводились данные, приближающиеся к 40%, а согласно докладу Берии Президиуму ЦК КПСС, общее число заключенных на 23 марта 1953 г. составляло 2 526 402 человека. См.: *Keep J.* Last of the Empires. P. 78; ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 416. Л. 31.
6. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 1329. Л. 17–26; *Кокурин А.И., Пожаров А.И.* «Новый курс» Л.П.Берии. С. 147.
7. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 85. Д. 41. Л. 1–5, 20. Кроме того, в апреле 1954 г. планировалось досрочно освободить до 8000 заключенных — специалистов в области сельского хозяйства для укомплектования машинно-тракторных станций Министерства сельского хозяйства СССР (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 450. Л. 233–239).
8. См.: Записки Л.П.Берии в ЦК КПСС от 1 и 17 апреля 1953 г. о реабилитации лиц, привлеченных по делу о «врачах-вредителях» и по делу о «вредительстве» при

- разработке и производстве зенитных пушек // Лаврентий Берия, 1953: Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. В.Наумов, Ю.Сигачев. Под ред. А.Яковлева. М., 1999. С. 21–23, 41–42; См. также: *Репорт Я.Л.* На рубеже двух эпох: Дело врачей 1953 г.: Воспоминания. СПб., 2003. С. 173–194.
9. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 26. Л. 3. Текст второго из упоминаемых в записке документов опубликован: ГУЛАГ... [Сб. док.]. С. 138–141.
 10. Лаврентий Берия, 1953. С. 43–46; Реабилитация: как это было. Т. 1. С. 45–48.
 11. Энциклопедический словарь / Под ред. Б.А.Введенского. Т. 3. М., 1955. С. 274.
 12. Лаврентий Берия, 1953. Стенограмма... С. 43.
 13. Реабилитация: как это было. Т. 1. С. 46.
 14. Там же.
 15. См.: Там же. С. 385 (прим. 35). Только много позднее, уже в начале 1970-х, и лишь отдельные из намеченных еще в мае 1953 г. мер действительно осуществили. А большая их часть — и о погранзоне, и об особом режиме ряда областей и городов, и, главное, о «паспортной прописке» — так и оставалась не реализованной до самой кончины СССР. См. также: *Губарев В.С.* Арзамас-16. М., 1992; *Лесной: история закрытого города.* Екатеринбург, 1997; *Закрытые атомные города России: особенности развития и управления.* Екатеринбург, 2002.
 16. См.: *Кокурин А.И., Пожаров А.И.* «Новый курс» Л.П.Берии. С. 160–161.
 17. Реабилитация: как это было. Т. 1. С. 69–70.
 18. Подробнее об этом см.: *Кокурин А.И., Пожаров А.И.* «Новый курс» Л.П.Берии. С. 134–135; Берия: конец карьеры. М., 1991. С. 262–295.
 19. См.: Лаврентий Берия, 1953. Стенограмма... С. 376; *Известия ЦК КПСС.* 1991. № 2. С. 171–177; *Service R.J.* The Road to the Twentieth Party Congress: An Analysis of the Events Surrounding the Central Committee Plenum of July 1953 // *Soviet Studies.* Vol. XXXIII. 1981. № 2. P. 232–245.
 20. *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти, 1945–1991. С. 120.
 21. *Евсеев И.М.* Вид на жительство: Воспоминания // Архив Общества «Мемориал».
 22. См.: *История сталинского ГУЛАГа. Т. 6. Восстания, бунты и забастовки заключенных.* М., 2004. С. 434–573; *Graziosi A.* The Great Stikes of 1953 in Soviet Labor Camps in the Accounts of their Participants. P. 435–436.
 23. См.: *Кокурин А.И., Пожаров А.И.* «Новый курс» Л.П.Берии. С. 135; ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 1299. Л. 246; *Земсков В.Н.* ГУЛАГ. № 7. С. 14.
 24. См.: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 71.

25. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 33. Л. 1–3. (Записка министра внутренних дел СССР С.Н.Круглова и Прокурора СССР Р.А.Руденко секретарю ЦК КПСС Н.С.Хрущеву о деятельности Особого совещания при НКВД СССР и пересмотре следственных дел на лиц, осужденных или направленных в ссылку по отбытии наказания в соответствии с директивой МГБ СССР и Прокуратуры СССР от 26.10.48. в период с 01.06.45 по 01.09.53.) Подлинник записки хранится в Архиве Президента РФ, документ опубликован в 2000 г.: Реабилитация: как это было. Т. 1. С. 72–74.
26. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации... С. 73–74.
27. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 107. Д. 235. Л. 6.
28. Там же. Л. 7–8.
29. Расшифровка диктофонной записи воспоминаний М.А.Гольдман, сделанной сотрудниками Общества «Мемориал» 20 октября 1989 г.
30. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4581. Л. 120–121.
31. Там же. Л. 121.
32. Правда, в отдельных случаях уголовники проявляли лояльность по отношению к некоторым «политическим». Так, С.С.Виленский вспоминает, что ему воры «в знак дружбы» подарили перед освобождением нож. Запись интервью автора с С.С.Виленским 2 декабря 1995 г.
33. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4581. Л. 128.
34. «Особая папка» Н.С.Хрущева: Из материалов Секретариата МВД СССР 1953–1956 гг.: Каталог документов / Сост. Е.Д.Гринько, Л.С.Кудрявцева, О.В.Эдельман; Под ред. В.А.Козлова и С.В.Мироненко. М., 1995.
35. Совместный приказ МЮ и МВД СССР от 28 января 1954 г. «О передаче из МЮ СССР в МВД СССР ИТЛ и ИТК» перечисляет в составе тогдашней системы ГУЛАГа, помимо его центрального аппарата, «управления и отделы исправительно-трудовых лагерей и колоний в республиках, краях и областях, окружные отделы снабжения, исправительно-трудовые лагеря, исправительно-трудовые колонии, детские приемники-распределители и инспекции исправительно-трудовых работ со всеми входящими в их состав службами и подразделениями, промышленными предприятиями, строительными организациями и подсобными хозяйствами, а также учебные заведения, готовящие кадры для системы Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний» (ГУЛАГ.. [Сб. док.]. С. 372).
36. Подсчитано по сведениям актов приема-передачи ГУЛАГа из МЮ в МВД СССР от 15.02.54 и «особых» лагерей из Тюремного управления в ГУЛАГ от 25.02.54: ГУЛАГ.. [Сб. док.]. С. 375–377, 387; см. также: ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 450. Л. 463.
37. Никак не комментируя шараханья из стороны в сторону с «приемо-передачами» громоздкой системы ГУЛАГа, авторы современного российского очерка

истории пенитенциарных учреждений СССР признают, что «меры по оздоровлению обстановки в исправительно-трудовых лагерях, а также восстановлению законности при исполнении... наказаний» начали осуществляться лишь в 1954 г. (Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России. История и современность. М., 1998. С. 57).

38. ГУЛАГ.. [Сб. док.]. С. 147.
39. Там же.
40. Рассказывая о состоянии карательно-репрессивной системы, потрясенной падением Берии, А.И.Солженицын отмечает «неуверенность, даже растерянность», суетливость из-за того, что «нелегко было в новой обстановке понять, что правильно». (См.: Архипелаг ГУЛАГ // Собр. соч. Т. 6. С. 290–292.)
41. Основные сведения о служебном пути К.П.Горшенина, С.Н.Круглова, Р.А.Руденко см.: Государственная власть СССР: Высшие органы власти и управления и их руководители, 1923–1991 гг.: Историко-биограф. справочник / Сост. В.И.Ивкин. М., 1999. С. 272, 369–370, 499.
42. ГУЛАГ.. [Сб. док.]. С. 148.
43. Там же.
44. Там же. С. 149.
45. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 450. Л. 463.
46. Там же. Л. 33.
47. Там же. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3284. Л. 23–24.
48. Там же. Л. 40–40об., 41–41об.
49. См.: Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998. С. 284. Авторы этой монографии оценивают названное постановление как «этап в реабилитации спецпоселенцев и других различных категорий репрессированных лиц».
50. *Keep J.* Last of the Empires. P. 78.
51. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 463. Л. 30.
52. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ // Собр. соч. Т. 6. С. 294. Краткий, но емкий очерк истории сопротивления в ГУЛАГе в 1952–1956 гг. см.: *Штамм А.* Кенгир как конец сталинского ГУЛАГа // Посев. 2004. № 6. С. 2, 35–38.
53. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ // Собр. соч. Т. 6. С. 340.
54. ГУЛАГ.. [Сб. док.]. С. 641. Актом комиссии МВД и Прокуратуры СССР о проведении войсковой операции по подавлению массового неповиновения заключенных Степного лагеря от 27 июня 1954 г. было зафиксировано, что «в результате применения оружия, а также самоубийства и убийства заключенных

заклученными, после окончания операции было поднято — 37 трупов, раненых — 61 чел. заключенных, получили легкие телесные повреждения и ушибы без госпитализации — 54 заключенных». (История сталинского ГУЛАГа. Т. 6. С. 627).

55. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ // Собр. соч. Т. 6. С. 322. После мятежа Кузнецова приговорили к расстрелу, однако потом меру наказания изменили на 25 лет лишения свободы. В 1960 г. его освободили и реабилитировали. Р.Дэвис (*Davies R.W. Soviet History in the Eltsin Era.* Lnd, 1997. P. 181) обоснованно связывает это с сотрудничеством Кузнецова со следствием. Он добровольно написал пространное признание — доклад о ходе мятежа, в котором перечислил многих активных участников. Текст этого документа ныне опубликован: ГУЛАГ... [Сб. док.]. С. 642–656.
56. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ // Собр. соч. Т. 6. С. 296.
57. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 463. Л. 125; Д. 451. Л. 337.
58. «Газеты ГУЛАГа» — коллекция микрофильмов в Архиве Международного института социальной истории (Амстердам); оригиналы газет хранятся в Центральной научной библиотеке государственных архивов Российской Федерации.
59. См.: *Keep J.* Last of the Empires. P. 78.
60. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 3284. Л. 55–55об.
61. По подсчетам В.Н.Земскова (ГУЛАГ. С. 14), в 1954–1955 гг. освободили 88 278 заключенных по политическим обвинениям. Следует, однако, отметить, что точность подсчета неизбежно снижается отсутствием сведений о численности освобожденных на основании переквалификации приговоров по другим статьям, что позволяло распространять на заключенных амнистию 1953 г. Кроме того, после марта 1954 г. переквалификация не всегда была необходима. Одна из реабилитационных справок, выданных Главной военной прокуратурой в июле 1954 г., гласит: «В ответ на вашу жалобу от 20 мая 1954 г., адресованную К.Е.Ворошилову, сообщаем, что как заключенный, приговоренный в 1940 г. к 5 годам исправительно-трудовых лагерей, вы подпадаете под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР об амнистии от 27 марта 1953 г. Названным Указом ваш приговор отменен, и вы подлежите освобождению из ссылки». Что же касается переквалификации приговоров, примером может служить судьба П.В.Аксенова — мужа Евгении Гинзбург. Арестованный в 1937-м и приговоренный по ст. 58⁷ и 58¹¹ к 15 годам ИТЛ с конфискацией имущества, он был амнистирован, освобожден и реабилитирован в 1954 г. на основании постановления Президиума Верховного Суда СССР от 24 сентября 1954 г. Согласно этому постановлению, деяния, ранее подпадавшие под ст. УК 58⁷, 58¹¹, подлежали переквалификации по ст. 109 («злоупотребление служебным положением»), которая предполагала лишение свободы на срок до 5 лет без конфискации имущества, а значит — и амнистию. Постановление предусматривало также политическую реабилитацию. (См.: Дело № : Политические жертвы тоталитаризма в России: Два следственных дела Евгении Гинзбург. Казань, 1994. С. 207, 216).

62. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 451. Л. 127.
63. *Липкин С.* Декада. N.Y., 1983. С. 164.
64. См., напр.: Реабилитация: как это было. Т. 1. С. 220–221. (Докладная записка министра внутренних дел СССР Н.П.Дудорова в ЦК КПСС и Совет Министров СССР от 15 февраля 1957 г. о конфликтах между чеченцами, возвращающимися из ссылки, и живущими на этой территории аварцами и даргинцами.)
65. См.: *Keep J.* Last of the Empires. P. 79.
66. *Хрущев Н.С.* Воспоминания. N.Y., 1979. С. 274–276. Приношу благодарность П.Реддеуэю за указание на этот фрагмент.
67. *Keep J.* Last of the Empires. P. 76.
68. ГАРФ. Ф. 461. Оп. 8С. Д. 3223. Л. 12–20.
69. Там же. Л. 13. (Подсчитано мною. — *Н.А.*).
70. Там же. Л. 12.
71. Там же. Д. 3250а. Л. 292.
72. Там же. Л. 293.
73. Там же. Д. 3223. Л. 12.
74. Там же. Д. 3250а. Л. 296.
75. Еще в 1935 г. нарком внутренних дел СССР Ягода четко определил отношение к заключенным и будущим освобожденным, сказав, что человек, запятнавший себя преступлением, останется запятнанным на всю жизнь. (См.: *Shearer D.R.* Crime and Social Disorder in Stalin's Russia // Cahiers du Monde russe. Vol. 39. 1998. № 1–2. P. 12). Эта установка продолжала действовать на всех уровнях и при Хрущеве, и после него.
76. ГАРФ. Ф. 461. Оп. 8С. Д. 3223. Л. 17.
77. *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине / Пер. с англ. Л.Максименкова; Под ред. О.В.Хлевнюка. М., 1999. С. 326–327; см. также с. 335, 337–339.
78. Подробно об этом см., напр.: *Кудрявцев В., Трусов А.* Политическая юстиция в СССР. С. 41–81.
79. См., напр.: *Стецовский Ю.И.* История советских репрессий. Т. 2. С. 412–416; *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. С. 333–334.
80. Советская прокуратура: Сб. док. М., 1981. С. 147.
81. ГАРФ. Ф. 461. Оп. 8С. Д. 3223. Л. 18. Речь идет именно об «оперативном составе», т.е. прокурорах и следователях (11 841 человек); общая численность аппарата Прокуратуры РСФСР на 1 января 1955 г. — 22 001 человек. (См. там же).
82. *Борев Ю.Б.* Сталиниада: Мемуары по чужим воспоминаниям. М., 1991. С. 302.

83. 58–10. Надзорные производства Прокуратуры СССР... С. 232.
84. ГАРФ. Д. 3250а. Л. 299.
85. Там же. Л. 304.
86. Там же. Л. 340.
87. Там же.
88. О том, как тогда же проходило обсуждение намеченных изменений в советском уголовном законодательстве, см.: *Gorlizki Y. After Stalin: The Criminal Law Reforms: De-Stalinisation and the Politics of Russian Criminal Justice 1953–1964*. Ph.D. diss. Univ. of Oxford, 1992. Chapter II.
89. ГАРФ. Ф. 461. Оп. 8С. Д. 3250а. Л. 353.
90. Там же.
91. Там же. Л. 354.
92. Там же. Д. 3217. Л. 93–94.
93. Там же. Д. 3669. Л. 61.
94. Симптом сохранявшейся репрессивности — запрет на реабилитацию видных оппонентов Сталина, таких как Н.И. Бухарин, которых продолжали считать «врагами народа». О «дозировании» реабилитации в 1950-х годах см.: *Van Goudeover A.P. The Limits of Destalinization in the Soviet Union: Political Rehabilitation in the Soviet Union since Stalin*. N.Y., 1986; Юнге М. Страх перед прошлым. С. 72–82.
95. *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. С. 452.
96. ГАРФ. Ф. 461. Оп. 8С. Д. 3631. Л. 65–66.
97. Там же. Л. 82.
98. Там же. Подобные «открытия» совершались неоднократно, особенно после снятия с поста Ежова, что вовсе не препятствовало возобновлению «разоблаченной» было практики сразу же по завершении кампании «разоблачений».
99. ГАРФ. Ф. 461. Оп. 8С. Д. 3631. Л. 89.
100. Там же. Д. 3251. Л. 10.
101. Там же. Л. 13.
102. Там же. Л. 67–68.
103. Там же. Л. 95–101.
104. Подробно о механизме давления на советских судей и прокуроров см.: *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. С. 354–385.
105. ГАРФ. Ф. 461. Оп. 8С. Д. 3251. Л. 33.

106. Там же. Л. 56.
107. Там же. Л. 61.
108. Там же. Л. 147–149.
109. Там же. Д. 3669. Л. 3–4.
110. Там же. Л. 146–147.
111. Там же. Л. 156, 167, 171–172.
112. Там же. Л. 149.
113. *Bloch S., Reddaway P. Soviet Psychiatric Abuse: The Shadow over World Psychiatry.* Lnd., 1984. P. 18–19. См. также: *Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. Новейший период.* Вильнюс; Москва, 1992. С. 230–231. *Bloch S., Reddaway P. Russia's Political Hospitals: The Abuse of Psychiatry in the Soviet Union.* Lnd., 1977. P. 51–65.
114. Примечательно, что уже в начале февраля 1921 г. М.А.Спиридонова — тогда авторитетная и опасно популярная для большевиков лидер оппозиционной партии левых эсеров — подверглась изоляции в специальной психиатрической лечебнице (будущем Институте им. Сербского) на основании заключения... секретно-политического отдела ВЧК. См.: *Левые эсеры и ВЧК: Сб. док. / Сост. В.К.Виноградов и др.; Под ред. А.Л.Литвина.* Казань, 1996. С. 354.
115. Воспоминания С.С.Виленского о собственном опыте — в интервью автору 5 декабря 1995 г.
116. ГАРФ. Ф. 461. Оп. 8С. Д. 3669. Л. 60.
117. Там же. Л. 61.
118. Там же. Л. 68.
119. Там же. Л. 95.
120. См., напр.: Там же. Л. 108–109.
121. Было бы ошибкой преувеличивать роль, которую сыграли в процессе реабилитации Верховный Совет СССР, его Президиум и тем более сам председатель Президиума (в 1953–1960 гг.) К.Е.Ворошилов. Подпись Ворошилова по должности скрепляет многие документы первого этапа освобождения и реабилитации жертв сталинских репрессий, в том числе и Указ об амнистии 1953 г., из-за чего амнистию в народе даже называли сначала «ворошиловской». Но это отнюдь не означало какой-либо личной активности престарелого маршала и самостоятельности «вверенного ему» учреждения. Предметно знакомый с истинным положением вещей, бывший сотрудник аппарата Президиума Ю.А.Королев, чья карьера начиналась именно при Ворошилове, в воспоминаниях отмечает исключительно бутафорский характер внешней значительности Верховного Совета и Президиума. В действительности среди прочих шестеренок партийно-государственного механизма они являлись декоративными органа-

ми, предназначенными лишь «олицетворять... несуществующую государственную законодательную власть». В целом их роль «в политической и государственной структуре страны была ничтожной». Все серьезные вопросы предreshались вершущей аппарату ЦК КПСС. Что же касается лично Ворошилова, он, по свидетельству того же мемуариста, играл роль «свадебного генерала»: «не вникал, а порой и не читал ни крупные законы, ни текущие бумаги», в связи с чем даже внутренние дела аппарата Президиума (наверное, и рассмотрение апелляций репрессированных), «если говорить честно, вершились без особого участия» этого «легендарного, но ничего не решающего маршала». К тому же Ворошилова «тревожила его причастность к делам недавней эпохи». Поэтому «внешне он вроде поддерживал перемены, но вряд ли они могли радовать его в душе». (*Королев Ю.А.* Кремлевский советник. М., 1995. С. 15, 18, 49, 63–64, 74, 76; см. также: С. 45, 57, 80).

122. Определение, данное А.Лебеденко в его «Буднях без выходных». (Двадцатый век. 1976. № 2. С. 254–256).
123. ГАРФ. Ф. 385. Оп. 23. Д. 1474. Л. 52–53.
124. Там же. Ф. 7523. Оп. 107. Д. 123. Л. 14–15.
125. Там же. Ф. 385. Оп. 23. Д. 1468. Л. 12–14, 39, 47, 96, 118, 121, 142, 175.
126. См.: Долг платежом красен, а не кровью // Зауралье. 1996. 1 января.
127. ГАРФ. Ф. 385. Оп. 23. Д. 1469. Л. 36.
128. Там же. Л. 122.
129. Выражение А.Б.Рогинского — запись интервью автору 5 апреля 1996 г.
130. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4290. Л. 8–9.
131. *Коган М.И.* Исповедь строптивного адвоката. М., 2002. С. 218. Далее автор горько констатирует: «Справка... о моей реабилитации (без употребления в ней этого термина) мне долгое время не помогала, а только мешала в жизни. Отношение к реабилитированным в нашей стране всегда было настороженным. И лишь принятый Верховным Советом РСФСР 18 октября 1991 г. Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» ненадолго (хотя он действует до сих пор) изменил к нам отношение чиновного мира. А некоторые очень маленькие льготы, установленные этим законом для реабилитированных, и по сей день раздражают этих людей» (С. 224).
132. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 500. Л. 319.
133. Освобождены на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг.». У этой категории политзаключенных были особые проблемы с реабилитацией. Публикуя в 1995 г. данный Указ в подборке документов о реабилитации советских военнопленных, публикаторы отмечали: «Политическое недоверие к бывшим военнопленным и членам их семей существовало еще долгие годы. Достаточно сказать, что широко распространенная в СССР ан-

кета с вопросом «Были ли Вы или Ваши родственники в плену, интернированы или находились на оккупированной территории?» была отменена лишь в 1992 году». (*Наумов В.П., Решин Л.Е.* Незаконченное сражение Маршала Жукова: О реабилитации советских военнопленных, 1954–1956 гг. // Исторический архив. 1995. № 2. С. 110).

134. См.: *Keep J.* Last of the Empires. P. 78.

135. ГАРФ. Ф. 461. Оп. 8С. Д. 395. Л. 2.

136. *Земсков В.Н.* Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных, 1954–1960 гг. // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 12.

Нанси Адлер
ТРАДИЦИЯ
ВОЗВРАЩЕНИЕ
ГЛАВА IV

ЭХО репрессий

Репрессии не начинались арестом и не завершались освобождением жертв. К тому же круг репрессированных не ограничивался теми, кто оказывался в неволе. Практически все граждане СССР испытывали гнетущий страх перед угрозой внезапного ареста — собственного или своих близких. Этот изматывающий страх подавлял личность, ощущался во всех сферах общественной и частной жизни, последовательно деформируя, калеча общество в целом. Травмирующее воздействие репрессии продолжалось и после освобождения, когда бывшие ээки оказывались стиснутыми искалеченной социальной средой. Поэтому пагубные последствия репрессий невозможно оценить, фокусируясь лишь на самом узнике. Необходимо учитывать также и воздействие репрессий на его семью, друзей, профессиональное окружение, наконец, — на государственные структуры, с которыми ему приходилось сталкиваться.

Покидая лагерь, репрессированный навсегда уносил его в себе. Освободиться *из* лагеря оказывалось проще, чем освободиться *от* лагеря. Пережитое в лагере, а также то, что еще предстояло пережить, пребывая в униженном положении бывшего лагерника, равно затрудняло процесс возвращения в общество: физически и психологически изломанному, ему предстояло сделать попытку вернуться в мир, который за время его отсутствия претерпел глубокие изменения.

Главную проблему порождало воистину убийственное психологическое и моральное воздействие сталинских лагерей. «Ужасно видеть лагерь, и ни одному человеку в мире не надо знать лагерей, — писал В.Т.Шаламов, опираясь на собственный девятнадцатилетний лагерный опыт. — ...Но видеть дно жизни — еще не самое страшное. Самое страшное — это когда это самое дно человек начинает — навсегда — чувствовать в своей собственной жизни, когда его моральные мерки заимствуются из лагерного опыта... Моральная граница, рубеж очень важен для заключенного. Это — главный вопрос его жизни. Остался он человеком или нет»¹. Те бывшие узники ГУЛАГа, чьи судьбы, запечатленные в их мемуарах, стали основой нашей книги, безусловно, нашли в себе силы выстоять, остались людьми самой высокой пробы. Но нельзя забывать, что такое удалось далеко не всем. Многие уже не смогли подняться.

К середине 1950-х политический климат в стране потеплел, и казалось, что и общество теплее будет встречать возвращающихся к родным очагам. Однако годы разлуки и растлевающая лагерная повседневность действовали отчуждающе. Некоторые возвращались не просто чужими собственным семьям, но становились для них болезненной проблемой. Тяжелые обстоятельства их возвращения усугубляла материальная и социальная неготовность общества и государства встретить возвращающихся. Все прошедшие ГУЛАГ нуждались в работе, жилье, правовой реабилитации, а многие просили также о восстановлении в партии. Между тем рабочие места оказывались заняты, жилья катастрофически не хватало, общая обстановка оставалась для бывших политзаключенных просто опасной. Кроме того, отсутствовали четкие формальные процедуры их возвращения в общество. Советская система демонстрировала то, что в ином контексте было названо «национальным поражением в конструировании таких ритуалов возвращения, которые могли бы помочь [этим людям] примириться с пережитым»². Сказано это о возвращении американских солдат из Вьетнама, но, думаю, вполне подходит и к процессу освобождения советских лагерников первых послесталинских лет.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ

КАК ВЫРАЗИТЬ НЕВЫРАЗИМОЕ

Большую часть известного сегодня о жизни и борьбе за жизнь в сталинских лагерях и после них донесли воспоминания бывших узников, свидетельствующие и о фактах ужасающей бесчеловечности, и об истинных взлетах человеческого духа. В целом, как и любые мемуарные источники, эти воспоминания неизбежно избирательны, субъективны. Кроме того, мы не знаем и, увы, уже никогда не узнаем, что поведали бы те, кто *не умел* писать (а таких было множество!), кто *не сумел* или побоялся написать и, наконец, все те, кто *не успел* написать: кого расстреляли, замучили, уморили голодом, довели до помешательства, погубили тысячью других способов.

Но что же побуждало к написанию воспоминаний? Некоторые авторы прямо заявляют о своем стремлении запечатлеть страшную правду, сохранить ее для будущих поколений. Михаил Байтальский в книге «Записки для внуков» писал: «Иные говорят: судьбы безвинно осужденных волнуют тебя, потому что ты сам побывал в тюрьме. Нет! Судьбы замученных и казненных беспокоят меня тем больше,

чем меньше хотят о них знать. Не мертвые приходят ко мне во снах, но живые не дают успокоиться»³. Об этом размышляет и И.М.Фильштинский: «Мне невыносимо, когда бывшие зэки, которым не довелось изведать по-настоящему тяжелого труда, утверждают, будто в лагере было вовсе не так уж плохо, что там читали, изучали иностранные языки... Мне повезло. Я возвратился из лагеря живым и сравнительно здоровым. Но я не имею права забыть тех, чьи жизни там загубили»⁴.

Другие мемуаристы писали во исполнение обещаний, некогда данных самим себе, стремясь успокоить душу и полной мерой воздать палачам. Х.В.Волович завершила свою «Повесть без названия» словами: «Давным-давно я стояла рядом с телом девушки, убитой конвоиром. На ее спине был нашит номер. И я поклялась, что когда-нибудь расскажу об этом людям. Я заканчиваю свою рукопись, оборачиваюсь к далекой тени той девушки и говорю: „Как могла, я выполнила обещание“»⁵.

Авторы воспоминаний имели и глубоко личные побудительные мотивы: неодолимое стремление высказаться, выплеснуть из души и памяти скопившийся ужас. Известно, что один из распространенных способов преодолеть стресс — это изложить все в рассказе внимательному слушателю. Смягчение травмы путем переживания ее вновь вместе с сочувствующим слушателем — общеупотребимая практика в психиатрии. «Свидетельская психотерапия» — рассказ о собственной психической травме — смягчает симптоматику и нормализует психосоциологическое состояние пострадавшего. Однако многие из тех, кто возвращался из ГУЛАГа в атмосфере первых постсталинских лет, обоснованно опасались откровенно обсуждать пережитое и записывали свои истории в надежде на будущую аудиторию. Другие вообще хранили молчание в ожидании лучших времен, и только в конце 1980-х их рассказы нашли слушателей, а сами они — какое-то утешение.

В последнее время, поскольку многое уже рассказано и записано, потребность поделиться воспоминаниями несколько утихла и — как показатель — уменьшились очереди в приемной Общества «Мемориал». Но и сегодня некоторые из тех, кто зарегистрирован здесь, все еще желают, чтобы их истории записали. А в годы репрессий, согласно верному наблюдению Г. О’Доннелла, «молчание оставалось единственной альтернативой гибельному исходу, когда ты оказывался во власти карателей»⁶. Молчание помогло тогда бывшим узникам ГУЛАГа уцелеть физически, но усиливало их душевные страдания. И вот теперь исчезла необходимость страдать в молчании, и репрессированные заговорили⁷.

НОЧНЫЕ КОШМАРЫ

В числе основных характеристик «синдрома концлагеря» — депрессия, чувство тревожности даже после исчезновения для этого реальных причин. Л.Эйтингер, переживший Освенцим, специально исследовал этот феномен и показал, что у половины обследованных им бывших узников долгие годы после войны отмечался посттравматический стресс⁸. Сопоставимо ли это с опытом переживших ГУЛАГ? Один автор афористично заметил, что его друг за восемнадцать лет лесоповала «заработал сильные мышцы и слабые нервы»⁹. Симптомы психологических последствий заключения и разнообразны, и широко распространены. Р.А.Медведев отметил, что по возвращении многие бывшие заключенные снимали дверные звонки — «они боялись звонков в дверь, потому что именно с них начались их арест, беды и несчастья... Надо было стучать в дверь, когда приходил. Некоторые боялись и телеграмм»¹⁰. Н.Н.Красов сообщал, что хотя его обычно (разумеется, после 1956-го) «пугало лишь то, что пугало и любого другого», страх возвращался к нему в снах: в них он вновь оказывался «на Лубянке, в Лефортово, в Бутырке и в лагерях». Он писал: «Когда я мог урвать краткие часы сна в вонючих сырых бараках, я свободно парил, как птица. Здесь — на воле — у меня кошмары, в которых я утопаю по шею в снегу, дрожу на ледяном ветру, поскользываюсь и падаю лицом в грязь»¹¹. Подобные проявления травматического стресса испытывали многие. По свидетельству В.В.Лапшина, его знакомая — тоже из бывших заключенных — говорила о преследующих ее снах о тюрьме и лагере, которые приносили чувства унижения, безнадежности, страха и бесконечные страдания. Эти сны продолжались и спустя двадцать лет после ее освобождения¹². Другую женщину мучили сны с ужасающими подробностями пережитого, а наяву — болезненные воспоминания. Она жаловалась, что «редкий день проходит без воспоминаний о тех жутких годах, и это будет продолжаться до самой смерти»¹³.

С одной из бывших эзек именно так и случилось. Берта Александровна Бабина в 1983 году, спустя почти три десятилетия после семнадцатилетнего заключения на Колыме, находясь в больнице, повторяла в бреду: «Конвой ждет»¹⁴. Лагерный конвой оказался последним, что привиделось Берте Александровне перед кончиной. Никто не знает, сколько раз эту жертву сталинского террора конвоировали из лагеря в лагерь — пешком, нередко при сорокаградусном морозе, на десятки километров по заснеженной тайге. Но мы точно знаем, что эта дорога для нее никогда и не кончилась. До самого смертного часа боль пережитого не оставляла ее. А вот то, что персонал не пони-

мал, о каком конвое она бормотала в последние свои минуты, — свидетельство общественной амнезии. Тогда, в 1983-м, о репрессиях за- прещалось помнить в СССР.

СИНДРОМ КОНЦЛАГЕРЯ

Пережившие ГУЛАГ часто сообщают, что депрессии, тревожность, кошмары не оставляли их еще долгое время после освобождения. Но врачи, которые наблюдали этих несчастных в 1950–1960-е годы, как правило, обращали внимание лишь на жалобы пациентов на бессоницу. Так, в московской больнице № 60 (клинике для «старых большевиков») врачи впоследствии признавали, что, хотя и не затруднялись сразу же диагностировать «синдром концлагеря», не имели возможности применять действенные методы психотерапевтического лечения, поскольку истинные причины болезненного состояния бывших узников относились к сфере политически запретного¹⁵.

Свободно говорить обо всем этом стало возможно лишь в постсоветской России. При сборе материалов для своего исследования я специально посетила больницу № 60, и врачи, пожелавшие поделиться со мной своими наблюдениями, собрались за одним столом. Похоже, они так же стремились поведать свои истории, как и многие жертвы репрессий — свои: наперебой рассказывали о случаях из практики, дополняя друг друга. «Эти пациенты, — признал один из докторов, — были не такими, как другие, на них был отпечаток пребывания в лагере». Его коллега уточнил: «Они были озлоблены, упрямы, обидчивы, агрессивны и требовали особого внимания»¹⁶. Все согласились с тем, что мужчины являлись более сложными пациентами, — женщины вроде бы легче адаптировались. (Возможно, это объяснялось тем, что женщин — жен «врагов народа» — зачастую приговаривали не к лагерю, а к ссылке и, таким образом, они в несколько меньшей степени подвергались воздействию стрессовых факторов. А те из них, что оказывались в лагерях, чаще концентрировались на дружеских и человеческих отношениях. Это помогало легче переносить заключение¹⁷.) Один из врачей припомнил драматический эпизод: его пациент в 1960 году опознал в другом больном лагерного охранника, который, оказывается, сам стал жертвой репрессий.

В те времена пациентов было принято лечить лишь от телесных недугов. А некоторым несчастным вообще отказывали в какой-либо помощи. Например, есть сведения, что Варлам Шаламов, который последние три года жизни провел в пансионате для инвалидов и, ко-

нечно же, практически не получал квалифицированной медицинской помощи — ни психиатрической, ни любой иной¹⁸. Неудивительно, что, несмотря на наличие обширного материала врачебных наблюдений, эта тема не освещена ни в одной советской научной публикации. Никогда не существовало в СССР (в отличие от стран Запада) и врачебной специализации в области лечения посттравматического стрессового синдрома бывших узников лагерей. Однако в современной России уже положено начало такой специализированной помощи. С 1992 года больница № 60 сотрудничает с негосударственным медико-социальным центром «Сострадание», который занимается в том числе и психологической реабилитацией старшего поколения узников лагерей. «Сострадание» создано в 1989 году под эгидой Общества «Мемориал»¹⁹. Основная миссия центра — лечение и реабилитация лиц, пострадавших от жестокого бесчеловечного обращения, организованного насилия, а также инициирование гражданской активности, направленной на общественное неприятие пыток, геноцида, массовой жестокости.

По словам руководителя программы «Помощь на дому жертвам ГУЛАГа» Э.В.Карюхина, центр стремится облегчить физические и душевные страдания выживших жертв сталинских концлагерей, вызванные «застойными психосоматическими последствиями мучений, усугубленными возрастной патологией и неблагоприятными бытовыми условиями»²⁰. Если надомной помощи недостаточно, то пациент может быть госпитализирован в ГКБ № 60, где в стационарных условиях проводится психотерапевтическое лечение, медикаментозная и физиотерапия²¹. Специалисты «Сострадания» отмечают, что отдаленные последствия жестокости и бесчеловечного обращения сказываются фактически на всех выживших жертвах сталинских лагерей. Хотя эти люди уже несколько десятков лет как вернулись из заключения, их до сих пор мучают ночные кошмары, бессонница, мышечные боли, галлюцинации, затруднения с пищеварением. Многие из пациентов пытаются справиться с депрессией с помощью алкоголя, что разрушает и без того хрупкие семейные связи.

Центр «Сострадание» выполняет двойную миссию, совмещая лечебную деятельность с исследовательской. Его пациенты представляют собою группу, уникально сочетающую три основные черты: преклонный возраст (семьдесят-восемьдесят и более лет), пролонгированные последствия перенесенных травм и длительность периода, на протяжении которого они подвергались стрессу. Коллектив психиатров, наблюдающий эту группу, пришел в 1993 году к интересным выводам. Рассмотрим некоторые из них.

Четверть из двухсот обследованных пациентов сумели самостоятельно справиться с социальными, психологическими и соматическими последствиями репрессий и не нуждались в специальной помощи. Многие (38,4%) не полностью преодолели последствия репрессий, что проявилось на соматическом уровне. Им были предписаны амбулаторное и стационарное лечение и психотерапия. До 15% обнаружили частичную психосоциальную дисадаптацию. Они не преодолели последствий репрессий либо на социальном, либо на психоэмоциональном уровне и продолжали концентрироваться на воспоминаниях о пережитом. Им были назначены наблюдение и лечение, амбулаторная и стационарная психотерапия. Несколько большее число пациентов — 16,4% — испытали в той или иной важной жизненной сфере социальную дисадаптацию, сопровождавшуюся патологической заикленностью на пережитом и частыми нервными срывами. Этому контингенту предписан активный мониторинг, регулярные консультации, а также амбулаторное и стационарное лечение. И наконец, до 7% всех обследованных, как выяснилось, страдали от полной социальной дисадаптации во всех основных сферах жизни. Им рекомендованы постоянное амбулаторное и стационарное наблюдение и лечение²².

Заслуживает внимания и то, как сами пациенты «Сострадания» объясняли свое (как видим, зачастую совершенно расстроенное) душевное состояние. Свыше половины из них связывали причины своих психологических травм исключительно с событиями периода репрессий; четверть — указывали на последствия пережитого ими как во время, так и после репрессий; наконец, 20% уверенно полагали, что их психоэмоциональное состояние объясняется исключительно событиями пострепрессивного периода жизни. Исследователи пришли к выводу, что для большинства этих бывших политзаключенных самым сильным стрессовым фактором стало пережитое ими во время репрессий. Причем негативные последствия не утратили своей силы и десятилетия спустя, продолжая осложнять и отравлять их жизнь. Социальная адаптация зачастую достигалась этими людьми за счет компенсации на соматическом уровне²³.

Сам по себе факт, что эти бывшие лагерники 1930–1950-х годов дожили до 1990-х, наглядно подтверждает их жизнестойкость. Медицинский директор центра «Сострадание» М.И.Берковская подчеркивает, что ее пациенты определенно обладали повышенным запасом прочности, поскольку известно, что многие бывшие узники умирали уже в первые пять лет после освобождения²⁴. С этим наблюдением согласна и Л.Д.Гриншпун — лечащий врач бывших узников — пациентов больницы № 60. По ее мнению, все они довольно сильные люди.

При этом, дополняет она, на психологическом состоянии каждого неизбежно сказываются индивидуальные особенности их психологического состояния еще в долагерный период²⁵.

К сожалению, деятельное сопереживание жертвам — далеко не правило, но редкое и счастливое исключение. Еще в 1995 году в статье «ГУЛАГ — не только прошлое», опубликованной газетой «Труд», отмечалось, что только в Российской Федерации (не считая других республик бывшего СССР) свыше четырех миллионов человек зарегистрированы в различных организациях жертв репрессий. Автор статьи, врач, писал, что, хотя уже никак не компенсируешь урон, нанесенный всем этим людям сталинским террором, можно облегчить некоторые его последствия при помощи специализированного врачебного ухода. Он предложил организовать специальные медицинские центры, чтобы лечить полученные в ГУЛАГе физические недуги и «травмированную психику»²⁶. Прошло почти десять лет, и, несомненно, уже навсегда ушли очень многие из тех миллионов страдальцев. Но у современного российского государства так и не нашлось средств, чтобы воплотить этот замысел. А в нынешней политической ситуации не приходится рассчитывать даже на официальное внимание к самой проблеме помощи репрессированным.

И все же усилия энтузиастов, — таких организаций, как «Сострадание», таких врачебных коллективов, как в московской больнице № 60, — еще сохраняют надежду на «свет в конце тоннеля».

ИЗЛЕЧЕНИЕ ДУШИ: ИСКУССТВО И РЕЛИГИЯ

Писатель Юрий Домбровский, который оказался в лагере в возрасте двадцати пяти лет и с короткими перерывами оставался там до пятидесяти, впоследствии нередко просыпался в слезах со словами: «Меня хотели изрубить топорами»²⁷. Вместе с тем, напрямую, непосредственно — «документально» — рассказывать о лагерях и тюрьмах, которые отняли у него полжизни, он был не в силах. Трагический тюремный и лагерный опыт, многолетние наблюдения и глубокие размышления он воплотил в своем творчестве, наилучшим образом передав и выразив то, что казалось непередаваемым и невыразимым. Сегодня проза Ю.О.Домбровского — признанная классика. Его романы «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей» раскрывают самую суть сталинской эпохи. Но внешне их повествование очень сдержанное. Здесь не найти каких-либо акцентированно «страшных» эпизодов. Кошмар происходившего со страной и людьми раскрывается исподволь, он разлит в самой атмосфере

времени, воссоздаваемой автором. Ничего не сказано и непосредственно о лагерях, хотя их незримое, давящее присутствие ощущается непрерывно.

Вероятно, сдержанность прозы Ю.О.Домбровского преднамеренна. И менее всего объясняется трезвым учетом цензурных ограничений. Скорее, причина в ощущаемой Домбровским невозможности обрушить на читателя сразу и полностью всю накопившуюся в душе боль, весь ужас, весь гнев. О том, какая острая и непреходящая душевная боль лежала в основе творчества писателя 1950–1970-х годов, ярко свидетельствуют некоторые его стихи. Созданные в годы, когда их публикация была просто немыслима, они, видимо, и не предназначались для печати, выражали глубоко личное. Именно в них открыт истинный масштаб того невыносимого груза, под тяжестью которого Домбровскому пришлось жить все годы после четырех (!) реабилитаций:

*...Не забыть мне проклятую зону,
Эту мертвую память твою;
Эти смертью пропахшие годы,
Эту башню у белых ворот,
Где с улыбкой глядит на разводы
Поджидающий вас пулемет.
Кровь и снег. И на сбившемся снеге
Труп, согнувшийся в колесо.
Это кто-то убит «при побеге»,
Это просто убили — и все!..²⁸*

Варлам Шаламов поддерживал себя творчеством в самой жутки колымских лагерей. При этом долгие годы он был лишен возможности даже просто записать свои стихи, над которыми работал практически непрерывно. Но и то небольшое, что ему удалось сохранить в памяти, впоследствии нашло самую высокую оценку у Б.Л.Пастернака. На воле Шаламов создал циклы «колымских» рассказов такой силы и беспощадной правды, что коммунистическая власть до последних дней травила и мучила его, понуждая отречься от созданного.

Творчество В.Т.Шаламова и Ю.О.Домбровского во многом автобиографично. Своей прозой и поэзией они сообщили, *передали* несоизмеримо больше, чем самые обстоятельные и яркие мемуаристы. Страдания, через которые пришлось пройти этим выдающимся людям в лагерях и после освобождения, талант творцов преобразил в высочайшее искусство.

В меру способностей и таланта и другие политзаключенные нередко обращались к творчеству, стремясь выразить, передать набо-

левшее, творчеством спасти разум и душу от убийственного воздействия лагеря. Кто-то, как В.Т.Шаламов и Ю.О.Домбровский, погружался в поэзию; иные, как Д.С.Лихачев, пытались разрабатывать планы и обдумывать материалы будущих исследований. Часто прибегали и к изобразительным формам: вытачивали забавные фигурки, вырезали скульптурные портреты, делали зарисовки, умудрялись даже писать иконы. Все это — безмолвные, но красноречивые свидетельства борьбы за сохранение личности, индивидуальности. Общество «Мемориал» взялось собрать и представить работы репрессированных художников — погибших и выживших. Собранная коллекция обширна²⁹. Отзываясь о рисунках, Лев Разгон заметил: «Даже если альбом с этими зарисовками издать без подписей и пояснений, где и как они сделаны, все равно будет ясно, кто эти люди и почему на их лицах печать близкой смерти»³⁰. Это подмечено очень точно, причем надо добавить, что почти ни в одном из этих рисунков не найти прямых примет лагеря. Напротив, большинство из них отображают мир подчеркнуто вне пределов колючей проволоки: возможно, это способ уйти в воспоминания и мечты о свободе³¹.

Е.А.Керсновская — автор воспоминаний о годах, проведенных в лагере и ссылке, тщательно проиллюстрировала каждый эпизод. Это составило в итоге полторы тысячи рукописных страниц с рисунками. Безыскусно, но с фотографическими подробностями запечатлела она сцены лесоповала, побега и мучительного пути по тайге, откуда не настигла погоня, допросов, суда, вынесшего смертный приговор, замененный затем новым 10-летним сроком, работы в руднике, жизни на поселении после освобождения в 1952-м до 1957 года, когда наконец удалось вернуться к матери.

Пояснительные надписи к рисункам говорят, что Керсновская последовательно отказывалась молчаливо покоряться преступной системе. Так, в лагерном суде, понимая бессмысленность попыток «взывать к справедливости», она не стала просить о помиловании. Вместо этого высказала судьям, что думает и о них, и о системе, которой они служат, перечислила ужасы, увиденные в тюрьме, ссылке и при побеге. Впоследствии, работая в лагерном морге, она обнаружила, что нескольких заключенных конвой забил прикладами. Она отказалась лжесвидетельствовать о причинах их смерти, хотя ее и принуждали участвовать в сокрытии этого преступления.

Свой труд Керсновская начала, чтобы подробнее поведать матери о 15 годах, проведенных в разлуке с нею. Но, видимо, в действительности рисунки и подписи к ним стали способом выразить, передать пережитое. Записки Керсновской унаследовала семья И.М.Чапковского. В 1988 году его пятнадцатилетняя дочь Даша пе-

реехала из Москвы в Ессентуки, чтобы еще шесть лет ухаживать за тяжело больной Керсновской. В 1990-м по инициативе Чапковских особенно популярные в годы перестройки журналы «Огонек» и «Знамя» опубликовали обширные подборки материалов о Ефросинье Антоновне³². Хлынувшие в редакции сотни читательских писем подтвердили достоверность описанного ею, а также — что еще более важно — политическую и социальную значимость ее труда³³. Впоследствии Чапковскому при поддержке и участии литературоведа и журналиста (а впоследствии — священника, настоятеля московского храма Св. Татианы) В.Вигилянского удалось частично опубликовать наследие Керсновской³⁴. Тем самым это яркое свидетельство стойкости человеческого духа действительно стало достоянием истории и культуры.

Упомянув творчество Керсновской в беседе о судьбах жертв сталинского террора, С.С.Виленский высказался определенно и решительно: ее судьба — образец «победы духа над системой, доказательство того, что человек может сохранить независимость от государства даже в условиях тоталитаризма»³⁵. Коллега Виленского по организации «Возвращение», а в прошлом тоже политзаключенный сталинских времен, И.М.Фильштинский нашел очень емкие и точные слова для характеристики Керсновской — «раскованная душа».

Искусствовед Валентина Тиханова, прекрасный знаток художественного творчества советских политзаключенных, обоснованно полагает, что в лагере, да и после него, творческое самовыражение уберегало личность от деградации и отчаяния, позволяя уйти из невыносимой действительности в собственный внутренний мир³⁶. Искусство, как известно, это не только способ самовыражения, но и путь познания мира. Таким образом, обращение к художественному творчеству помогало репрессированному уберечь от распада собственное «я», не позволяло утратить интерес к постижению смысла бытия. В этом, как доказывает В.Франкл, функции искусства сходны с функциями религии³⁷.

Между тем многие из тех, кто испытал бесчеловечность лагерей, очень болезненно воспринимают все, связанное с религией, с отношением к Богу. Жертвы массового террора и жестоких репрессий, особенно верующие, неизбежно задавались вопросами: слышит ли Бог их молитвы? почему Он — всемогущий и всеблагий — позволяет творить над ними такие зверства и причинять такое горе? Так или иначе тяготы переживаемого зачастую побуждали заключенных к переоценке религиозных взглядов и убеждений. Один из хорошо известных примеров духовной трансформации вследствие репрессий — обращение к религии А.И.Солженицына. В.Шавров, который тоже

прошел по лагерному пути, впоследствии писал: «Заключение сыграло решающую роль в моем внутреннем становлении. Лишь там я действительно узнал о жизни беспорочной»³⁸. По возвращении на волю в 1955 году он поступил в духовную семинарию и впоследствии стал священником. В своих записках, изданных во второй половине 1960-х, Шавров прямо признавал, что обратился к православию, стремясь излечить душу, израненную в сталинских лагерях. Несомненно, есть раны, залечить которые человек бессилён без Божьей помощи.

Пережившие ГУЛАГ нередко отмечают, что чувствовали присутствие Бога в годы заключения, верили, что он защищает их в страданиях и испытаниях. Причем вера эта не проявлялась ими внешне, оставалась глубоко сокрытой от постороннего взора. Вместе с тем для большинства людей, воспитанных в ортодоксальном советском духе, обращение к Богу ни в горе, ни в радости оставалось невозможным. Не располагая, к сожалению, достаточными основаниями для сколько-нибудь широких обобщений, все же отметим сведения, полученные от бывших политзаключенных в виде ответов на вопросник, распространённый среди них при подготовке данного исследования.

Кроме всего прочего им предлагалось ответить на вопрос: «Были ли Вы религиозны до репрессий? Изменилось ли Ваше отношение к религии после репрессий?» Удалось получить ответы 31 респондента. Из них двое отметили, что были убежденными атеистами, но в лагере стали религиозны; восемь — и были, и остались религиозными; четверо — обратились к религии уже после лагеря; двенадцать — и были, и остались нерелигиозными; двое — были религиозны до лагеря, но утратили там веру (хотя один из них вернулся к ней позднее); еще двое ответили, что их отношение к религии под воздействием лагеря «несколько переменялось» (не комментируя, как именно). Позже некоторые из участников этого опроса в интервью поясняли, что именно выпавшие на их долю страдания утвердили их в вере в Бога. З.Д.Марченко, одна из двенадцати респондентов, оставшихся нерелигиозными, упомянула о своих солагерниках, которые считали, что обрушившиеся на них в лагерях мучения стали карой за безверие³⁹.

Представленный обзор зафиксировал «веру» лишь как веру в Бога. Но выясняется, что для партийцев религиозное чувство подчас сублимировалось на веру в партию и ее вождя. Один из нерелигиозных респондентов пояснил: «Я был и остаюсь неверующим, так как вырос в семье коммунистов — профессиональных революционеров»⁴⁰. Другой написал еще более определенно: «Я не был ни атеистом, ни верующим: все это меня вообще не интересовало. И это не изменилось. Я просто верил Сталину, а он оказался мерзавцем и сволочью»⁴¹.

Вера в партию, социализм, персонально — в Сталина нередко отмечала тех, кто возвращался из лагерей. Это отразилось в позднейших попытках многих из них восстановить свое членство в КПСС.

ЖЕРТВЫ И ПАЛАЧИ

Патология советской системы охватывала все ее составляющие, включая в том числе и жертв, и палачей, и доносчиков. Один из способов властвования заключался в натравливании членов общества друг на друга. Власть создавала сильные побуждающие мотивы к тому, чтобы ее подданные — граждане СССР — превращались в доносчиков: «стучали» на коллег, соседей, знакомых и даже родственников. Это иногда приводило к цепной реакции доносительства, поскольку жертвы доносов и оговоров пытались тем же способом отомстить доносчикам.

В 1932 году в уральской деревушке тринадцатилетний Павлик Морозов донес местным властям на собственного отца, связанного с кулаками. В результате родственники отомстили ему, забив до смерти. Непосредственно по указанию сталинского Политбюро ЦК ВКП(б) этот эпизод был раздут в миф о «пионере-герое»: особую доблесть «героя» предписывали видеть именно в том, что преданность режиму он поставил превыше семейных уз⁴². Страшное наследие мифа о Павлике Морозове заключалось в героизации доносительства и широкой популяризации доноса как средства сведения личных счетов или достижения личных целей. Рассказывают, что одна женщина донесла на стольких своих соседей, что ее разбил паралич, когда после смерти Сталина заключенные стали возвращаться⁴³.

Полину Фурман арестовали вместе с мужем и сыном в августе 1952 года. Старший сын-студент уже находился в следственном изоляторе. Во время допросов на Лубянке Полина узнала, что об «антисоветской деятельности» ее семьи донесла давняя знакомая, с которой она дружила со студенческой скамьи. Фурман амнистировали в 1953-м, ее муж вернулся из лагерей лишь в 1955-м. После настойчивых запросов они узнали, что их старшего сына Владилена (сокращенное производное от «Владимир Ленин») расстреляли еще в марте 1952 г. Через тридцать лет в письме С.Коэну Полина вспоминала, насколько ее поразило известие о предательстве «старой подруги». По возвращении в Москву она чуть не в первый же день позвонила той и услышала испуганное восклицание: «Ты вернулась?!» Они условились встретиться в метро. На прямой вопрос, как можно было совершить

такое, доносчица, побледнев, пролепетала: «Следователь сказал, что ты никогда не вернешься»⁴⁴.

Р.А.Медведев указывал на специфические психологические проблемы, с которыми сталкивались доносчики в лагерях. В обмен на сотрудничество с начальством они вознаграждались более легкой работой: например, на кухне. Ссылаясь на свидетельство П.И.Якира, Медведев отмечал, что и в лагере, и впоследствии многих из них мучил страх, потому что жизнь свою они купили ужасной ценой⁴⁵. После освобождения они продолжали испытывать страх разоблачения, так как не знали о «полном уничтожении лагерных документов», которые могли их уличить⁴⁶.

Однако далеко не все доносчики испытывали даже страх разоблачения, не говоря уже о муках совести. В письме одному из друзей уже в 1960-е годы Ю.О.Домбровский подробно рассказал, как их общая знакомая, некая И.И.Стрелкова, хладнокровно и сознательно оклеветала его в 1949-м, «обеспечив» тем самым ему очередной лагерный срок⁴⁷. Больше того, в основе оговора была намеренная провокация. Стрелкова передала ему томик Хемингуэя, а затем — в разгар кампании «борьбы с низкопоклонством перед Западом!» — донесла «из идейных соображений» о его «антипатриотизме». На очной ставке, вспоминал Домбровский, «она не краснела, не потела, не ерзала по креслу. С великолепной дикцией, холодным, стальным, отработанным голосом диктора она сказала: „Я знаю Юрия Осиповича как антисоветского человека. Он ненавидит все наше, советское, русское, восхищается всем западным, особенно американским“». Пытаясь передать испытанные в этот момент чувства, Домбровский писал другу, что это было, как «если бы я, идя вчера с тобой по улице, вдруг схватил бы тебя за руку и заорал: „Держите его, он вытащил у меня кошелек и сейчас выбросил его за забор! А вчера на моих глазах изнасило-вал девочку!“»⁴⁸

Оговор обошелся Домбровскому без малого в пять дополнительных лет тюрьмы и лагерей, но доносчица-то, вернее всего, надеялась, что ему уже и вовсе никогда не выйти. Тем не менее — никаких следов раскаяния. В 1960-е годы она процветала: была доктором литературоведения, специалистом по марксистской этике (!), писала нравоучительные книжки под заголовками типа «Облик нового советского человека»⁴⁹. Угрызения совести вряд ли посещали ее за этим занятием. «Боец идеологического фронта», она явно ощущала свою непогрешимость и неуязвимость. Тем более что и в 1949-м, добровольно «сотрудничая с органами», и в 60-е, поучая «морали нового советского человека», она по сути делала одно и то же.

Так что, наверное, самые болезненные последствия травм, порожденных доносами, оговорами, выпадали все же на долю не палачей, а уцелевших жертв, которые возвращались из лагерей и ссылки. Их душили гнев, горе, в конечном счете — бессилие что-либо изменить. Именно этими чувствами продиктованы обращенные к доносчикам и палачам строки Домбровского:

*...Линялые гадюки в нежной коже,
Убийцы женщин, стариков, детей!
Но почему ж убийцы так похожи,
Так мало отличимы от людей?
Ведь вот идет, и не бегут за ним
По улице собаки и ребята,
И здравствует он цел и невредим —
Сто раз прожженный, тысячу — проклятый.
...А мертвые спокойно, тихо спят,
Как «Десять лет без права переписки»...
А мне ни мертвых не вернуть назад,
И ни живого вычеркнуть из списков!»⁵⁰*

В целом применительно к сталинским репрессиям проблема «жертвы и палачи» (в число последних, понятно, входят не только собственно «исполнители», но и следователи — «забойщики» и «липачи», преобладающая часть тюремного и лагерного начальства и рядовой «вохры», те же доносчики-«стукачи» и камерные «наседки», разнообразные «доверенные лица» славных «органов» и т.п.)⁵¹ многогранна, обширна, сложна и специфична. В силу этого она все еще ждет своего исследователя. Для нас в данном случае важно отметить лишь тот аспект проблемы, который имеет непосредственное отношение к избранной теме: вынужденность сосуществования уцелевших жертв ГУЛАГа с их здравствующими палачами.

Бывшим заключенным пришлось возвращаться в общество, в котором преуспевали или, во всяком случае, неизменно чувствовали себя вполне комфортно практически все те, кто причинил им безмерные страдания. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что период относительного дискомфорта для подавляющего большинства палачей в послесталинском СССР оказался недолог. Начавшись в середине 1953-го с падением Берии, он исчерпался уже к концу 1958-го последними судебными процессами над так называемыми бериевцами⁵². При этом дело так и не дошло до реального воздаяния палачам по заслугам. А.И.Ваксберг, рассматривая в одном из своих документально-публицистических очерков процесс по делу бывшего следователя-палача А.И.Лангфанта (1957—1958), зада-

ется риторическим вопросом: почему сел на скамью подсудимых именно этот изувер, а не «десятки, сотни других, таких же, как он?» И горько констатирует: «Одного настигла расплата, других — нет... И потому юстиция не кажется справедливостью, хотя по содержанию это слова-синонимы»⁵³. Можно лишь попытаться представить, насколько горше осознавалось это безвинными жертвами репрессий!

Первоначально, в обстановке развернувшейся было реабилитации жертв, а особенно в 1955–1957 годы, в связи с получившими огласку расстрельными приговорами несколькими следователям-садистам⁵⁴, многие из палачей откровенно перепугались. «Возможность расплаты казалась реальной», — свидетельствует А.И.Ваксберг, не только хорошо изучивший документы той эпохи, но и лично помнящий ее⁵⁵. Тем не менее даже тогда эти изуверы, по его же словам, были «преисполнены энергичной ностальгией по прошлому. Точнее — жадой реванша... Одни затаились, другие огрызались»⁵⁶. Эта «жажда реванша», а скорее уверенность в нем, несомненно, подогревалась тем, что случаи привлечения палачей к судебной ответственности были крайне редки и большинство выносимых им приговоров отличались очевидной мягкостью⁵⁷. Например, приговорили к десяти годам лишения свободы полковника МГБ С.Н.Надараев, который в бытность комендантом тюрьмы НКВД в Тбилиси установил своеобразный рекорд, порой лично расстреливая за ночь до пяти-сот человек. (В основном, естественно, «политических».) Причем судили его, по сути, лишь за то, что в последние годы он служил в личной охране Берии⁵⁸.

Таков же был и приговор, вынесенный упомянутому Лангфангу («всего по несколько недель несвободы за каждого замученного им человека», — саркастически комментирует Ваксберг⁵⁹). А ведь было доказано, что на допросах он собственноручно забивал подсудимых до смерти и что по фальсифицированным им «показаниям» под расстрел и в лагеря отправили сотни ни в чем не повинных людей. Но этот палач хотя бы «сел». Зато пятеро его подручных — тоже к 1957-му генералы КГБ — выступали в суде лишь свидетелями. Хотя суд известил прокуратуру, что все они такие же садисты и их тоже следовало бы привлечь к ответственности, санкций на аресты так никогда и не последовало⁶⁰.

В этом случае, как видим, из шестерых заведомых палачей ответил — да и то не по всем «заслугам» — лишь один. (А в целом разрыв между «преступлением и наказанием» явно оказался гораздо более разительным⁶¹.) Но главное, конечно, в том, что и этим, и многим другим палачам оставили регалии, права и возможности действуя-

щих генералов КГБ, прокуроров, судей и т.д., а их безвинным жертвам (кому еще удалось выжить!) — полный комплект проблем бывших заключенных.

Так и жили дальше эти «старые знакомцы»: палачи и жертвы. Первые — заседая в президиумах, вторые — обивая пороги разнообразных контор в реабилитационных хлопотах. Первые — воспитывая себе «достойную смену» в семье, на службе и в высших учебных заведениях, вторые — зачастую навсегда лишившись разбитых своих семей, профессии или возможности получить образование. Первые — ежемесячно получая к должностным окладам прибавки «за звания» и «за выслугу лет», вторые — довольствуясь жалкими «компенсациями» за годы страданий. Первые — подгоняемые попутным ветерком карьеры, вторые — вынужденные каждую ступеньку в жизни преодолевать утроенным напряжением сил.

Как правило, шансы повстречаться лицом к лицу были у них минимальны. Разве что совершенно случайно столкнутся где-нибудь на улице⁶². Потому как и обитали они, даже если в одном городе, то в заведомо разных районах и домах, пользовались разным транспортом, лечились у разных врачей от совсем разных болезней. Но при всем том существовали отнюдь не в параллельных мирах. Это бы еще полбеды. Напротив, вторые так или иначе зависели от первых — косвенно, а то и напрямую. Ибо именно «Россия, которая сажала», — так и осталась при власти⁶³.

Семен Самуилович Виленский⁶⁴

Вдохновляющий пример бывшего политзаключенного, который после возвращения из лагерей посвятил свою жизнь сохранению исторической правды о репрессиях и организации помощи жертвам репрессий, — С.С.Виленский. Это побуждает особенно подробно рассмотреть его историю, которая тесно сплелась с судьбами многих узников, возвратившихся из ГУЛАГа.

Основанное Виленским в 1989 году историко-литературное общество названо очень точно и органично — «Возвращение». Члены общества видят перед собой двуединую задачу: публиковать воспоминания, отразившие историю репрессий, сохраняя ее в социальной памяти, и помогать уцелевшим жертвам репрессий. Инициировав создание Общества и отдавая всего себя организации его деятельности, С.С.Виленский, по существу, предоставил жертвам репрессий трибуну, с которой те могут поведать о пережитом. Он, кроме того, успешно содействовал работе Комиссии по реабилитации жертв по-

литических репрессий. Во многом именно благодаря его энергии общество «Возвращение» сумело получить в пользование усадьбу «Чукавино» в живописных верховьях Волги в Тверской области. Двухкомнатная московская квартирка Виленского очень тесна: здесь размещаются одновременно и издательство «Возвращение», и книжный склад, и приемная Общества. Так что места для жилья мало. Но, добываясь передачи «Чукавино», Виленский заботился не о себе (дела чаще всего просто не позволяют ему покидать Москву): теперь в бывшей усадьбе благотворительный центр, где могут отдохнуть бывшие узники⁶⁵.

С.С.Виленский — из числа тех бывших политзаключенных, что сумели подняться над личными переживаниями и посвятили себя делу добра и устремлениям гуманизма. Именно лагерный опыт определил его судьбу и сформировал цели. Уже многие годы его повседневная жизнь и деятельность тесно связаны с жизнью и нуждами других бывших политзаключенных. Его судьба наглядно раскрывает все проблемы, связанные с возвращением бывших узников в общество.

Основываясь на собственном опыте, С.С.Виленский усматривает в процессе возвращения два аспекта: внешний и внутренний. Первый связан с решением таких бытовых проблем, как получение жилья и прописки по месту жительства, поиск работы, наконец, попытки добиться реабилитации и материальной компенсации. Внутренний аспект определяется проблемой долгих поисков путей примирения с собственными душевными переживаниями. Здесь гнетущие воспоминания о прошлом сливаются с тревогой о возможности возобновления репрессий и даже с подозрениями о тайно продолжающемся преследовании. В связи с этим Виленский указывает, что бывшим политэкам свойственна боязнь допустить даже самое малейшее правонарушение, вроде перехода улицы в неполюженном месте. Они подсознательно уверены, что вот их-то за любую подобную провинность немедленно схватят и накажут: психика бывшего политзаключенного зачастую настолько травмирована, что он настроен на постоянное ожидание наказания. Виленский сообщает, что сам после освобождения долго не мог отвыкнуть при ходьбе держать руки за спиной, как приучил его конвой за годы неволи. И напротив, ему оказалось трудно вновь привыкнуть ходить по тротуарам: конвой всегда водил заключенных по середине мостовой.

Думаю, уже в юности определилось, что критический ум, мужество и нравственные установки неизбежно приведут Семена Виленского к столкновению с режимом сталинской диктатуры. В 1945 году он поступил на филологический факультет МГУ. Студент Виленский

ничего не имел против изучения марксизма и трудов Ленина, но к теориям Сталина относился скептически. Претило ему и насаждаемое тогда пренебрежительное отношение к интеллигенции, которая, по его мнению, заслуживала лучшего. Более того, внутренне он резко осуждал реальную сталинскую национальную политику и, в частности, практику депортаций народов. Все это, взятое вместе, вскоре и «потянуло» на обвинение в антисоветской деятельности. А тот факт, что в свои семнадцать лет он смело высказывался в защиту арестованного друга, расценили как антисоветскую агитацию.

В приятельской компании студентов они любили, гуляя в подмосковном лесу, читать друг другу стихи. Однажды в 1948-м он прочитал свое стихотворение о Сталине и интеллигенции. Финальная строфа сводилась к тому, что повсюду агенты и первый из них — Сталин. Кто-то донес, и Виленского арестовали за... «террористический умысел в отношении товарища Сталина».

Следствие было тяжелым. С 17 июля по 18 августа 1948 года Виленского допрашивали на Лубянке. Затем перевели в Сухановку — «самую страшную секретную тюрьму страны», рассчитанную на «особо опасных государственных преступников»⁶⁶. Там Виленский промучился 100 дней: без прогулок, в потемках, без допросов, но под доносящиеся отовсюду вопли и стоны истязаемых людей. Там было вовсе не трудно потерять рассудок или сломаться, согласившись на все⁶⁷. Но когда, наконец, вызвали на допрос и потребовали подписать ложное признание, Виленский вновь отказался. Объявил голодовку, протестуя против фальшивых обвинений, — бросили в карцер; начал настаивать на встрече с прокурором — привели... следователя. Тому не понравилось, что написал Виленский, но изменения показаний он так и не добился. В карцере у Виленского начались галлюцинации. Он вспоминает, что однажды пришел в себя, а над ним стоит тюремный врач. Его доставили в Институт судебной психиатрии им. Сербского: речь, как всегда, шла не о лечении, но лишь об экспертизе, чтобы подследственный не смог спасти свою жизнь, симулируя сумасшествие. По итогам экспертизы врачи «не рекомендовали» допрашивать Виленского по ночам. С тем и вернули на Лубянку, в следственную тюрьму МГБ. По воспоминаниям Виленского, то был короткий период, когда на Лубянке не били, использовали другие методы давления. Одним из «приемов» являлся арест или угроза ареста членов семьи, другим — так называемый конвейер, когда заключенного в течение многих часов поочередно допрашивали, не давая спать, сменяющие друг друга следователи⁶⁸. Виленского тоже изматывали допросами, но, по медицинским по-

казаниям, не могли делать этого ночью. Затем перевели в Бутырскую тюрьму..

После девяти месяцев следствия постановлением ОСО он был приговорен к 10 годам «особых» лагерей по пунктам 8 и 10 статьи 58 УК: «террористические намерения» и «пропаганда и агитация, содержащие призыв к свержению Советской власти». В мае 1949 года Виленский начал свое более чем двухмесячное путешествие на Колыму. Сначала по железной дороге⁶⁹, потом кораблем, на котором заключенных «везли как рабов, но это отдельная история», — усмехается Виленский, давая понять, сколько важного пропускает и как во время интервью можно свести громадную личную трагедию к краткому перечню событий.

Как известно, заключенным каторжных «особых» лагерей полагалось носить присвоенные им — вместо фамилий — номера, нашитые на груди, спине, шапке и над коленом⁷⁰. Виленский вспоминает сокамерника, который нашел цифры гораздо больших размеров, чем полагалось, а на вопрос начальства, зачем это сделал, ответил: «Хочу, чтобы меня американцы увидели с самолета!» Последующие десять суток он не появлялся: сидел в карцере.

Заключенным особлагов разрешалось дважды в год отправлять домой письма, но далеко не всегда они доходили к адресатам. Лагерники очень скоро начинали понимать, что им надо писать только о работе, своем «хорошем здоровье и благополучной жизни», иначе цензура письмо не пропустит. Только благодаря тому, что разрешалось просить у близких посылки с необходимыми продуктами (ношение какой-либо не «казенной» одежды в особлагах строго воспрещалось), семьи могли догадаться, как все обстоит на самом деле⁷¹.

В Берлаге (Особый Береговой лагерь на Колыме) Виленский пробыл до осени 1955 года. Зимой 1953/1954 годов, уже после казни Бериин, он участвовал в предотвращении крупной провокации, явно подстроенной лагерным начальством. Некий объявившийся в лагере особо активный заключенный принялся подбивать молодых эзков к бунту. Виленский понял, что подобные открытые призывы невозможны без санкции начальства, и организовал отпор. За провал провокации наказали Виленского: отослали в лагпункт, где содержались исключительно уголовники, а затем перевели в другой, поселив в бараке так называемых ссученных воров, которые сотрудничали с надзорсоставом лагеря и, естественно, смертельно враждовали с прочими уголовниками. Эти новые сокамерники однозначно приняли Виленского за агента врагов: ведь он невредимым прибыл именно от «блатарей». Однажды «суки» даже пытались сжечь Виленского и эта-

пированного вместе с ним молодого украинского националиста. К счастью, не удалось.

По освобождении Виленского для получения необходимых документов сначала направили в поселок Ягодный Магаданской области — центр Северного горно-промышленного управления Дальстроя КГБ. Отсидевшим в особлагах тогда полагались не паспорта, а так называемые удостоверения. Но тем из них, кто был приговорен по определенным пунктам 58-й статьи (в первую очередь 58¹⁰, как Виленский), в 1955 году уже разрешалось выдавать паспорта, хотя и «с ограничениями». Один из бывших лагерников уподоблял такие паспорта «свидетельству о неблагонадежности». Ведь «как только такой паспорт откроешь, сразу ясно, с кем имеешь дело. Это — как клеймо»⁷². Все же это было лучше, чем ничего, так как даже такой паспорт позволял немедленно покинуть Колыму. Чтобы добиться его, Виленскому в 1955-м пришлось в Ягодном дойти до райкома партии, поскольку лагерное начальство в оформлении паспорта отказало. Он стал чуть ли не первым ээком, пришедшим за этим в райком. Очень помогло то, что его отец сумел заручиться ходатайством Ильи Эренбурга, которое произвело на секретаря райкома большое впечатление: имя писателя тогда гремело по стране, а ходатайство было оформлено на его личном бланке депутата Верховного Совета СССР. Так Виленский получил свой первый после освобождения паспорт.

Теперь можно было возвращаться. Добрался до Приморского края. На железнодорожной станции Угольная под Владивостоком, рассказывает Виленский, «были тысячи бывших ээков, не вмещавшихся в поезда. Почти все — уголовники. Я с Колымы выбрался живым, а тут на станции меня чуть не задавили!» На поезда дальних направлений взять билеты оказалось невозможно, и Виленский направился в Благовещенск, к двоюродному брату. Ехать туда — в приграничную зону — он категорически не имел права, но ему повезло: соседом по вагону оказался подполковник, которому он о себе рассказал. При проверке документов тот сказал, что Виленский едет вместе с ним.

В Благовещенске брат встретил прямо на станции и сразу отвез к себе. Вечером, однако, предложил прогуляться по городу и, указав на какой-то переулок, сказал: «Здесь живет семья нашего родственника. Он служит в КГБ, но хочет тебя повидать». Встреча состоялась странная. Виленский просто смотрел через дорогу, а с другой стороны глядели на него мужчина, женщина и двое детей. Они стояли достаточно близко, чтобы убедиться, что их родич жив-здоров, но достаточно далеко, чтобы не скомпрометировать себя общением с ним.

Вскоре он позвонил в Москву — узнать, когда сможет вернуться домой на законных основаниях. Оказалось, «дело рассматривается» при содействии И.Г.Эренбурга. Не дожидаясь разрешения, Семен все же вернулся в Москву и там посетил коммунальную квартиру, где жила его семья. Соседи встретили настороженно. Самая доброжелательная пообещала не сообщать властям о его приезде, другие благоразумно уклонились от какого-либо общения с ним.

Тем временем Эренбург дозволился работнику прокуратуры, у которого находилось на рассмотрении архивно-следственное дело Виленского. Этот молодой человек был за немедленную реабилитацию, но возражало начальство, считавшее, что в стихах Виленского, конфискованных при аресте, есть «антисоветчина». В итоге стихи направили на экспертизу (!), но «антисоветских настроений» так и не выявили. Дело Виленского передали для пересмотра приговора в Военную коллегия Верховного суда СССР. Приговор сняли «за отсутствием состава преступления»: только теперь, в июле 1956-го, Виленский наконец был реабилитирован.

Все это время в ожидании пересмотра приговора он официально числился прописанным у дяди в Костромской области, то есть за пресловутым 101-м километром от Москвы. Не имея возможности заниматься литературным творчеством, он устроился экспедитором грузоперевозок, что позволяло время от времени полулегально бывать в Москве, покуда тянулся процесс реабилитации. На этой работе Виленский быстро убедился, что его новые товарищи с гораздо большим пониманием относятся к нему, чем собратья-интеллигенты. Многие из этих шоферов, грузчиков и рабочих побывали в заключении, и к тем, кто лагеря не изведal, в этой среде относились с откровенным пренебрежением.

Только на следующий год после реабилитации, уже вновь обосновавшись в Москве, Виленский смог обратиться к литературе. В 1957 году он заключил с издательством «Советский писатель» договор на перевод сборника стихов поэтов-балкарцев, возвращавшихся тогда к себе на Кавказ со «спецпоселений» времен сталинской депортации. Конечно, Виленский не имел возможности публиковать собственные стихи, но тема страданий периода войны и депортации была ему очень близка.

Это привлекло к нему дополнительное внимание со стороны КГБ. Его квартиру подвергли обыску, пытаясь, в частности, найти стихи одного бывшего лагерника-колымчанина, но ничего предсудительного обнаружить не смогли. Реабилитированный Виленский написал властям гневное заявление по поводу обыска. А тем временем действительно собираемые им рукописи о лагерях прятал в раз-

ных местах — подальше от своей квартиры. Он смог вернуться в университет, на свой филологический факультет. В качестве компенсации за семь лет тюрем и лагерей ему выплатили двухмесячную стипендию.

В 1962-м Виленский возвратился на Колыму в качестве члена Союза советских писателей и специального корреспондента «Литературной газеты». Его самого не беспокоило, что он вернулся в места своей сравнительно недавней неволи, зато обеспокоенные местные власти встретили его не слишком доброжелательно. Магаданская область явно отставала от столицы по части политических перемен. В Москве публицисты в поисках «актуального материала» специально искали тогда знакомства с бывшими политзаключенными. На Колыме — напротив. И не то чтобы здесь ощущался недостаток в людях с лагерным опытом, — просто отношение к ним менялось труднее и неохотнее.

Магаданское отделение Союза писателей создали как раз в самом начале 1960-х. Руководил им по совместительству директор областного издательства Николай Владимирович Козлов. Судьба этого человека, вступившего в борьбу за издание подготовленной Виленским правдивой книги о Колыме, может служить образцовым свидетельством истинного положения дел в Советском Союзе времен «оттепели».

Книга, которую Виленский попытался издать, заручившись поддержкой Козлова, была призвана восполнить зияющую брешь в официальной советской истории, прежде всего — истории Колымского края. В ней предполагалось публиковать воспоминания, прозу и стихи бывших колымских заключенных. До того момента ничего подобного (и вообще ничего о лагерях) здесь не выходило, так что составители книги отважились проникнуть на «территорию», политически не картографированную и, как оказалось, запретную. Противники предпринятой «экспедиции» объявились не сразу, так как первый секретарь Магаданского обкома партии идею сначала поддержал. Однако, когда его заместитель по идеологии сообщил о содержании уже готовой к изданию книги в ЦК, все мгновенно переменялось. Цензор распорядился направить рукопись идеологически сомнительного сборника в Москву. Из Москвы в ответ поступило фарисейское разрешение опубликовать только авторов-магаданцев (то есть тех, кто, живя в Магадане, в своих произведениях не затрагивал лагерную тему) или вообще то, что публиковали лагерные многотиражки. Произведения авторов, которые после лагерей покинули Колыму или, напротив, сгинули в здешних лагерях, не допускались к печати. Упорные попытки Н.В.Козлова преодолеть цен-

зурные рогатки в конце концов привели к тому, что его упрятали в психбольницу с диагнозом «мания правдоискательства». Одно из двух: либо признали сумасшествием попытку бросить вызов советской системе, либо в самом деле попытки поиска правды в Советском Союзе свели его с ума.

Во всей этой истории с изданием сборника Виленского и Козлова особенно возмущало то, что даже первоначально дозволенные, специально смягченные лагерные сюжеты постепенно, но неуклонно изымались. То, что в итоге вышло, Козлов назвал «кастрированной книгой». Когда ее наконец выпустили в свет под заголовком «Ради жизни на земле», он демонстративно снял с себя и полномочия редактора, и права одного из составителей. Время издания — сентябрь 1963-го, место издания — Магадан. Внимательный и понимающий читатель мог догадаться о трудной судьбе книги и тех политических перипетиях, что предшествовали ее выходу в свет, по зияющему отсутствию в ней ряда тем и имен.

Несмотря на проигранную схватку и трагическую судьбу Н.В.Козлова, Виленский продолжил собирать рукописи бывших лагерников. Он был готов пожертвовать свободой ради сохранения памяти, частиц личности тех, кто уже навсегда потерял и свободу, и жизнь. Если бы КГБ обнаружил у него хоть одну подобную рукопись, по меньшей мере ему пришлось бы расстаться с московской пропиской, Союзом писателей и самой возможностью когда-нибудь вернуться к занятиям литературой и журналистикой. Это не помешало ему к началу 1970-х собрать десятки рукописей. Он хранил их у друзей в подмосковных дачных поселках и деревнях.

Думаю, эта работа Виленского требовала особого мужества еще и потому, что, как явствует из его слов, он постоянно страдал от возвращающихся кошмарных снов о лагере. Истории, которые — в чем он убежден — «нельзя забывать», оказалось очень больно помнить. Для сохранения душевного здоровья и равновесия Виленский, как и его друзья — бывшие узники, прибегает к своего рода самоограничению. Встречаясь, они стараются не вспоминать о страшном, тяжелом («Это все и так знают!»), но говорят о смешном.

С.С.Виленский с горечью признает, что, глядя на молодежь того возраста, в каком его арестовали, жалеет, что никогда уже и ничто не возместит ему отнятую юность. Но мы видим, как многое он смог. Он сумел доказать, что не бесцельны и не напрасны перенесенные страдания, помог сохранить чувство собственного достоинства тем, к кому и сегодня порой относятся как к людям второго сорта. Своим упорством он заставил равнодушный мир признать принесенную ими жертву и тем самым частично искупить вину.

Опыт выживания в лагерях налагал печать на поведение их обитателей — лексикон, привычки, манеру держаться, предпочтения в одежде. Те, кто прошел лагерь, отмечены этим опытом на всю жизнь. Их чувство товарищества рождено преодоленными вместе тяжелыми испытаниями. Но они так долго учились выживать в аду, что обычный мир при возвращении казался им странным.

Грустным анекдотом стала история о том, как из горнила лагерей возвращался А.В.Снегов (точнее, как его возвращали)⁷³. После ареста Берии понадобились свидетели его деятельности, в частности и в Грузии. В качестве таковых стали искать секретарей Закавказского крайкома ВКП(б) в 1930-х годах. Обшарили тюрьмы и лагеря и нашли только Снегова, который некогда работал с Берией. Ценного свидетеля доставили в Москву немедленно. Так и появился Снегов в Кремль — в лагерном бушлате с номерами на спине и груди⁷⁴.

Отбыв свои сроки, люди выходили из лагерей совсем не теми, кем впервые оказались там. Теперь у них было другое прошлое и другое будущее, часто они ощущали себя чуждыми «обычному миру». Этот мир опасался их. Они растревожили его, напоминая о том мире, из которого возвращались. Иной раз они и «обычный мир» испытывали взаимное отторжение.

Судя по ответам на вопросник, разработанный нами при подготовке данного исследования, бывшие узники, возвращаясь из лагерей, чаще предпочитали общество себе подобных, чувствуя, что более никто не сможет понять то, что им пришлось пережить, совершить. При этом, как выясняется, одних старые друзья встречали сочувственно, а другим, напротив, приходилось всячески замалчивать пережитое, чтобы не растерять прежние знакомства. «Не сидевшие» с трудом воспринимали реальные последствия лагерного опыта своих знакомых-лагерников. Отчасти это объяснялось и тем, что уцелевшие лагерники по меркам обычного мира нередко производили отталкивающее впечатление.

В романе «Все течет» Василий Гроссман передал противоречивые чувства и настороженность своего героя — Николая Андреевича, который готовился к встрече с только что вернувшимся по освобождению двоюродным братом. Реалистична сцена встречи, породившей в Николае Андреевиче невольную антипатию к человеку, которого он собирался приютить в своем доме: «Этот мужчина в телогрейке, солдатских ботинках, с лицом, изъеденным сибирскими морозами и

ядовитыми испарениями переполненных лагерных бараков, казался ему чужим, злобным, враждебным».

Поскольку многие бывшие узники уже больше не вписывались в свое прежнее социальное окружение, а также из-за общности лагерного опыта, они сформировали и поддерживали то, что условно можно назвать постлагерной субкультурой. И.М.Фильштинский рассказывает, что бывшие зэки отмечали свои особые праздники — дни своих освобождений, годовщины смерти Сталина, а также пользовались между собой особым сленгом. Этот «язык символов» применялся главным образом к предметам и понятиям, знакомым лишь тем, кто побывал в лагерях⁷⁵. Отчасти это связано с затронутым выше вопросом об относительной криминализации в результате пребывания в заключении. Но прежде всего в данном случае полулагерный лексикон служил внешним выражением внутренней общности, отличия *своих* от всех иных. Даже шаржированное «под блатных» приветствие, которым иногда обменивались при знакомстве бывшие политзэки, — «Где припухал, когда откинулся?» (то есть «Где сидел, когда освободили?») — призвано было расставить некие ориентиры, уточнить общность опыта⁷⁶.

Е.С.Гинзбург раскрыла первооснову феномена послелагерного братства: «Даже теперь, спустя многие годы, когда я пишу эти воспоминания, все мы, „причастившиеся крови агнца“, — члены одной семьи. Даже незнакомец, встреченный в поезде, в санатории или в чьем-то доме, сразу становится близок и дорог, как только вы узнаете, что он был *там*. Иными словами, что он знает вещи, непонятные тем, кто там не был, — даже самым благородным и чутким из них»⁷⁷.

Тамара Давидовна Руженцева⁷⁸

Примером того, как лагерная субкультура изменяла бывших политзаключенных и как реагировали на это окружающие, может служить история Тамары Давидовны Руженцевой. С четырнадцати лет Тamarу воспитывала старшая сестра Рита: их родители умерли в 1931 году. В 1938-м Тamarу арестовали как «английскую шпионку» — она имела неосторожность потанцевать с английским музыкантом в московском ресторане «Националь». После лагеря до 1946 года она жила в ссылке. Риту не арестовали, хотя и требовали отречься от младшей сестры и даже лишили награды, к которой представляли за работу переводчицей в Испании в период гражданской войны.

По освобождении Тамара не имела права возвращаться в Москву из-за «минуса» в паспорте, но все же решила тайно посещать Риту в ее московской квартире. К счастью, лифтерша, в чьи обязанности входило доносить «органам» на жильцов дома, симпатизировала Тамаре и вовремя сообщала о паспортных проверках, которым, по заведенным тогда правилам, участковые милиционеры регулярно подвергали квартиры москвичей. Когда Тамара впервые приехала в Москву, Рита организовала для нее целый «фестиваль искусств»: они ходили в театр, на концерты, на выставки — что-нибудь, да планировалось ежедневно и ежевечерне. Через год, во время следующего приезда, все было по-другому. Первый вечер они провели дома — к ним заглянули друзья. На следующий вечер друзья пришли вновь... На четвертый день Тамара, не выдержав, спросила: «Рита! В прошлый мой приезд все было по-другому, а теперь мы просто проводим все вечера дома с твоими друзьями. Что случилось?» Ответ Тамару ошеломил: «Томочка, не обижайся, пожалуйста. Когда ты приехала в прошлом году, ты была такая „лагерница“, что мне было просто стыдно показать тебя друзьям. Ты ведь слова не могла сказать без ругани и лагерного жаргона. А теперь ты понемногу вновь становишься прежней, интересной девушкой, и моим друзьям приятно общаться с тобой».

Тяжкие испытания, перенесенные в лагере, не возвели Тамару в статус героини или мученицы, но, напротив, в добавок к прочим мукам возвращения принизили в глазах «приличного общества», превратили в изгоя. Рита не думала о том, что ее друзьям было небезопасно общаться с ее сестрой-лагерницей, скорее она заранее опасалась их возможного отвращения — не к факту лагерного прошлого Тамары, но к тому, что это лагерное прошлое все еще слишком живо в ней. Тамара была наглядным напоминанием о мире, с которым никто не хотел иметь ничего общего. Получалось, что в какой-то степени это отталкивало и саму Риту, но все же достаточно сильные родственные чувства помогли преодолеть предубеждение и отвращение. Далеко не всем возвращавшимся узникам так повезло с близкими, многим пришлось страдать в одиночестве.

Прочие обстоятельства жизни Руженцевой тоже иллюстрируют главную тему нашей книги — влияние репрессий на реадaptацию бывших политзаключенных. Когда в июле 1956 года Рита получала за Тамару справку о реабилитации, чиновник просил передать сестре извинения от имени государства за допущенную в отношении нее ошибку. Услышав это, Тамара высказалась в том смысле, что и хотела бы извинить, да не сможет: слишком уж жестока была «ошибка». В интервью автору книги она пояснила, что в лагере начала терять

зрение. Заключенных заставляли работать с рассвета до заката, они и на работу, и с работы ходили в темноте. Случайный шаг в сторону от дороги расценивался конвоем как попытка побега, так что жили ээки в постоянном страхе. Причины бояться расправы были самые веские. Тамара пишет в своих мемуарах: «Были случаи, охрана расстреливала заключенных. И нельзя никому об этом сказать, хотя вызывали многих. Надо было отвечать — пытался бежать. Иначе на следующий день тебя ожидала та же участь». Охранники-мучители развлекались, командуя: «Лечь, встать, лечь, встать!..» А поскольку было сыро, грязно и холодно, до работы заключенные добирались вымокшими и обессиленными. И в таком состоянии приходилось работать дотемна.

Не раз солагерницы спасали Тамаре жизнь, не давая упасть без сил на дорогу. Но они не могли спасти ее зрение. После лагеря она ослепла на один глаз. Тамара мечтала стать хирургом-кардиологом с того дня, как от инфаркта умер ее отец, но после лагеря ей пришлось стать машинисткой. «Ну, что? Прощать? — пишет она. — Прощать исковерканную жизнь? Семьи нет. Детей нет. Мне в свое время отбили все, что можно отбить». (И, добавим, лишили всего, чего только можно лишить человека.)

В 1990-е годы Т.Д.Руженцева жила в Москве и сотрудничала с Обществом «Мемориал», записывая устные воспоминания. Когда накануне выборов президента России в мае 1996-го я спросила ее мнение о кандидате от КПРФ, ответ не оставил сомнений в том неизбывном страхе, который продолжала внушать Тамаре Давидовне политическая система, олицетворяемая Зюгановым: «Мне семьдесят восемь лет. Я уже не могу валить лес. Я ничего не могу. Они не станут тратить на меня пулю». Слова Т.Д.Руженцевой свидетельствуют о том, что тяжелое наследие лагерного прошлого остается с человеком навсегда. Вполне понятно поэтому заглавие книги, в которой опубликованы фрагменты воспоминаний Тамары Давидовны, — «Вся наша жизнь».

Приспособление к окружающей среде — необходимый механизм выживания у всех форм жизни. Но этот процесс порождает многочисленные проблемы. Прежде всего приспособление к одной среде чаще всего вызывает отторжение от другой. Непременным условием выживания в лагерях были такие свойства поведения и взаимоотношений, которые далеко не всегда и не во всем пригодны и даже терпимы в «обычном обществе». Как следствие, превращение в «ээков» советских людей, подвергнутых заключению в исправительно-трудовые лагеря, по освобождении иногда приводило их к дисфункциональному поведению.

В повести М.Якобсона «Карзубый» изображен (гиперболизированно — ведь это все-таки литературное произведение, хотя отчасти и основанное на реальном опыте самого автора) молодой человек, возвратившийся из лагеря, в который он попал еще подростком как сын «врага народа». Ко всему окружающему его на воле — непривычному, отличному от лагеря — он испытывает сложные чувства, близкие к ненависти. Свое жилище он превращает в подобие тюремной камеры, нарочито грубую пищу делит на «пайки». Душою он тоже с теми, кто остался в неволе: рассылает письма и воззвания, рассказывает о кошмарах лагерей, обвиняет власть в бесчеловечном отношении к заключенным⁷⁹. В этой сверхконцентрированной форме Якобсон передал действительно свойственное многим жертвам репрессий стойкое чувство принадлежности к миру бывших заключенных.

ВОССОЕДИНЕНИЕ СЕМЕЙ

Для большинства возвращавшихся из заключения важнейшей задачей становилось воссоединение с семьей⁸⁰. Физическая, психологическая, наконец, даже социальная тяга — домой, к близким людям, под защиту родного крова, особенно понятны и естественны для тех, кого долгие годы насильственно лишали всего этого. Семья становилась, таким образом, наиболее вероятным путем возвращения в общество. Именно здесь впервые и проявлялись болезненные проблемы реинтеграции.

Взаимоотношения между возвращающимися из заключения и их семьями часто приобретали крайне тяжелый характер. Нередко это чуть не с первых дней выражалось в самых грубых формах. В.Т.Шаламов вспоминал: «Реабилитация (то есть массовое возвращение из лагерей во второй половине 1950-х. — *Н.А.*) внесла в столицу.. жестокий мордобой и за то, что было, и за то, чего не было. Мордобой — родственник — стал своего рода общественным явлением»⁸¹. Иногда перед возвратившимся просто захлопывали дверь: оказывается, его семья уже распалась. Тогда оставалось лишь пытаться отыскать жильё, работу и строить новую семью. Причем последнее удавалось далеко не всегда. Известны также случаи, когда бывшие лагерники в возрасте сходились с мужчинами просто в поисках крова и опоры, выходя замуж в первый же месяц по освобождении⁸².

Как правило, бывшие заключенные возвращались совершенно разбитыми физически. Например, один из таких страдальцев сидел в

тюрьмах и лагерях с 1936-го по 1941-й, а затем с 1948-го по 1954 год и получил разрешение возвратиться к семье в Москву только в возрасте пятидесяти шести лет, тяжело больным. Он даже не успел толком порадоваться воссоединению с женой и дочерью: на третий день умер от сердечного приступа прямо на улице⁸³. Это, возможно, и не совсем обычный случай, но известно, что многие бывшие заключенные сталинских лагерей умерли еще в 1950-е годы. Так или иначе, тяготы, если не убили в лагерях, навсегда отнимали здоровье у тех, кто смог вырваться на свободу.

Еще одна сторона воссоединения с семьями — моральный груз ответственности перед теми, кому не довелось дождаться своих близких. Так, Г.В.Кравчик, навещая семьи погибших друзей, едва заставлял себя рассказывать о том, что знал, и постоянно испытывал чувство вины за то, что именно ему удалось остаться в живых⁸⁴.

Официально все эти и подобные им проблемы государством не признавались и не учитывались, соответствующие меры для их смягчения не принимались. Семьям предоставлялось самостоятельно справиться с задачами эмоционального, психологического и физического восстановления своих измученных близких.

Мучительную сложность этого замечательно раскрыли в своих произведениях Булат Окуджава и Виктор Некрасов.

Автобиографически достоверный рассказ Окуджавы воссоздает его встречу с матерью после вынужденной разлуки длиною в десять лет, которые та провела в лагерях как жена «врага народа». Рассказчик тоже многое испытал за эти годы: хлебнул тягот, что выпадали на долю всех «детей изменников Родине», воевал на фронте, то есть имел все основания полагать, что давно уже из мальчика превратился в выдавшего виды мужчину. Готовясь к встрече, он представляет себе «маленькую, седенькую, хрупкую, изможденную» женщину, с которой они поужинают вдвоем дома, рассказывая о пережитом, а потом он поведет ее в кино, на фильм, «по которому все сходили с ума» тогда — трофейную ленту «Девушка моей мечты». Он специально заранее достает дефицитные билеты на это «яркое, шумное шоу», чтобы мама «могла бы вернуться к жизни после десяти лет пустыни страданий и безнадежности». Однако встреча опрокидывает все его планы и перечеркивает весь жизненный опыт. Первое изумление: мама «все та же, высокая и стройная, какой помнилась... Сильная, загорелая, молодая». Но затем — настоящий шок: когда он заглянул в ее глаза, «они были сухими и отрешенными, она смотрела на меня, но меня не видела, лицо застыло, окаменело... Она ничего не говорила, лишь изредка поддакивала... утешительной болтовне... о чем угодно, лишь бы не о том, что было написано на ее

лице». Фильм, на который рассказчик возлагал такие надежды, оставил ее безучастной. Она вежливо согласилась пойти в кинотеатр, но даже не смотрела на экран и чуть не на самом ярком эпизоде попросила: «Давай уйдем».

Пожалуй, ключевой фразой рассказа можно считать слова изумленного сына: «Она ни о чем не расспрашивала, как следовало бы матери этого мира». Ее эмоциональное состояние, отрешенность от обычной жизни, вошедшая в привычку молчаливость, привитая многолетним страхом сказать лишнее, оказались хорошо понятны лишь «странному» соседу рассказчика — «неряшливому, насупленному, неразговорчивому», который «приехал откуда-то» и обычно «отсиживался в своей комнате, почти не выходя». А вот непонимание ситуации сыном настолько глубоко, что, желая отвлечь маму разговором о фильме, он нелепо спрашивает: «А там вам что-нибудь показывали?» В ответ она лишь «удивленно переспросила. И засмеялась тихонечко»⁸⁵.

Все это очень схоже с внутренним состоянием того героя «колымских рассказов» В.Т.Шаламова, который не хотел возвращаться к семье, предчувствуя, что им уже не понять друг друга: слишком многое неведомо семье, слишком многое увидел и узнал он сам.

Все же, надо полагать, в большинстве случаев сохранившиеся семьи благотворно, нормализующе влияли на бывших заключенных. Хотя могло произойти и противоположное, когда возвращавшиеся из заключения ломали жизнь своим близким.

Такой исход завершает сюжетную линию повести Виктора Некрасова «Кира Георгиевна»⁸⁶. Обратим внимание, что первоначально советская литературная критика вполне доброжелательно встретила это произведение: в 1961 году тему официально признавали актуальной. Но вскоре на автора буквально набросились. Видимо, партийно-идеологические заправилы усмотрели в книге то, что тогда именовали «очернительством»: «излишне» реалистичное отображение политически болезненных сюжетов.

В центре повествования Кира, в прошлом жена Вадима, с которым она развелась по его же собственному настоянию, когда в 1937 году его, «врага народа», надолго отправили в лагерь. Она вышла замуж за другого и уже давно жила новой жизнью. Но Вадим, оказалось, не сгинул в лагерях. Проведя в заключении и ссылке без малого двадцать лет и тоже заведя новую семью, он приезжает в Москву хлопотать о реабилитации. Когда Вадим и Кира встретились, старая любовь вспыхнула с новой силой. Они принимают отчаянные усилия забыть прошедшие десятилетия и начать все сначала. Но обнаруживается, что даже ради любимой Вадим не в состоянии «влезть в сбрую реابي-

литированного», то есть, как пояснял литературный критик-эмигрант Д.Бург, приняться всячески подчеркивать свою благодарность «Партии и Правительству», добиваться восстановления в КПСС и «с надеждой смотреть в будущее»⁸⁷. Загвоздка в том, что Вадим не может забыть перенесенных ужасов. Да и не хочет отказываться от опыта, ставшего важной частью его личности. В то же время страх довлеет над ним, и он, обращаясь вроде бы к окружающим, убеждает самого себя: «Это не может случиться опять, понимаете, это не может повториться»⁸⁸.

Трения между Кирой и Вадимом нарастают. Трудно иметь общее настоящее и будущее, когда столь различно прошлое. Ей не понятна погруженность в прошлое, ему — безразличие к прошлому. По ее мнению, он не понимает жизни, так как его взгляды и суждения устарели. В действительности, разумеется, между их взглядами и суждениями пролегает пропасть глубиной в двадцать лет и тысячи километров — от Москвы до Колымы. Им так и не удается воскресить былое, и они расходятся вновь. Но теперь уже Кира не в состоянии расстаться с прошлым, мелькнувшим было перед нею в облике Вадима. Ей, подобно бывшему заключенному, отныне суждены долгие попытки залечить душевные раны и восстановить рухнувшую жизнь.

Д.Бург в связи с этим отмечает контраст между так называемой «литературой социалистического реализма» и подлинно реалистичной литературой. Первой полагалось, согласно установкам партийных идеологов, изображать, как «простые советские люди» помогают «жертвам культа личности» вновь занять место в жизни и обществе⁸⁹. Вторая, напротив, отказывалась от упрощения, схематизации действительности. В данном случае В.П.Некрасов показал, что взаимное потрясение от встречи испытывали и возвратившиеся из неволи, и пребывавшие на воле. Иначе говоря, никто не остался невредим: все — жертвы, все — пострадали. Просто по-разному.

У Некрасова Киру освобождает от обязательств брака сам Вадим. Насколько известно, такое бывало часто. Мужья, обоснованно сомневаясь в том, что выживут в заключении, и стремясь защитить своих близких от преследований, ожидающих «членов семьи изменников Родине», сами побуждали их к отречению: демонстративно разведясь с арестованным мужем, жена получала некоторый шанс обезопасить себя и уберечь детей. Правда, даже это помогало далеко не всегда.

Но все же в большинстве своем жены не расторгали браков с мужьями-заключенными и стремились по мере сил поддерживать их письмами и посылками. Однако тяготы разлуки и деформирующее

личность воздействие лагерной жизни не проходили бесследно. Р.А.Медведев, основываясь на множестве известных ему фактов, полагает, что очень немногие мужья возвратились (или надолго возвратились) к своим бывшим женам. А.В.Снегов, например, женился на девятнадцатилетней девушке, В.Т.Шаламов ушел от жены вскоре по возвращении⁹⁰.

Когда возвращаться из заключения приходилось и мужу, и жене, шансы на сохранение брака оказывались выше, ведь *там* побывали оба. В одном из интервью, записанных сотрудниками «Мемориала», рассказано о превратностях такого брака: мужа освободили в 1951 году, когда жена все еще отбывала свой 15-летний срок. Они уже были разведены, и муж обзавелся новой семьей. Но в 1955-м жену освободили, и он вернулся к ней, хотя новая жена так и не дала ему официального развода⁹¹.

Попутно заметим, что подобные абсурдные случаи, когда жена оставалась в заключении уже после реабилитации своего мужа, при том, что единственной причиной ее ареста и осуждения являлся именно брак с ним («связь с врагом народа»), редко, но упоминаются в источниках.

В.Д.Успенская рассказывала о солагернице, мужа которой освободили и реабилитировали, а она еще два года мучилась в лагере⁹². Получается, что муж, даже получив официальную справку, что он «не верблюд» — не «враг народа», все никак не мог доказать, что и жена его, таким образом, не «жена врага народа»!

Другая женщина на третьем году пребывания в лагере — в качестве именно «жены изменника Родине» — получила от этого «изменника» письмо, где он сообщал, что уже полностью восстановлен в правах и даже получил обратно их прежнюю московскую квартиру. Но еще целый год этот человек не мог добиться освобождения своей жены⁹³.

И все же, невзирая на целую систему официального понуждения к разрыву с осужденными, ужасно долгие разлуки, казалось бы, убивающие всякие надежды, неизбежность случайных связей, психологические трудности поиска общего языка при воссоединении, некоторые браки устояли.

Инженера Е.А.Эминова призвали на фронт в 1941-м. Дивизию, в которой он служил, немцы разбили осенью того же года, и Эминов, раненный в живот, попал в плен. В лагере военнопленных ему дважды повезло: выжил сначала после операции, а потом — оказавшись в тифозном бараке. За отказы работать на немцев и попытки побега был отправлен в лагерь уничтожения. Вновь повезло: шел 1945 год, и лагерь освободили американцы. Лечился от истощения в американ-

ском госпитале в Гамбурге, затем в советском — в Бреслау. Вернулся в Москву к семье и прежней работе. Но в 1952-м Эминова арестовали и приговорили к 25 годам лагерей. Шансов вновь увидеть семью у него, оказавшегося в шахтах Воркуты, осталось ничтожно мало. Но он пережил и это. В мае 1956 года вышел на свободу и смог вернуться в Москву. За годы его неволи семье тоже пришлось немало вынести. Сына-студента из-за ареста отца отчислили из института, и он служил в армии на Дальнем Востоке. Жене не позволили защитить уже готовую диссертацию и вынудили уйти из ВЦСПС, где она проработала почти двадцать лет. Чтобы сохранить жилье в Москве, ей пришлось пойти работать уборщицей. С первых дней ареста мужа ей настойчиво предлагали готовый бланк заявления о разводе с ним: оставалось только подписать. Она отказалась...⁹⁴ Члены этой семьи, как видим, не отреклись друг от друга перед лицом испытаний. Таких семей было немало.

А вот иной случай. Здесь тоже налицо верность семейным узам, но финал печален. Е.Э.Гаген воссоединился с женой в 1954 году после тринадцати лет колымских лагерей: дождавшись, когда их выросшая дочь поступит в университет, жена переехала к нему из Москвы в ссылку. Несмотря на то, что через девять с половиной месяцев она родила ему сына, последствия долгой разлуки дали себя знать. Жена Гагена во многом не понимала его, не могла общаться с его друзьями. В воспоминаниях он утверждает, что сам за эти годы «вырос», а жена осталась прежней⁹⁵. Видимо, Гаген все же был несправедлив. Ведь ей — жене лагерника — пришлось нести тяжкую ношу: в одиночку воспитывать дочь, ежедневно преодолевая отчуждение окружающих. Она просто не могла не измениться, не «вырасти». Вот только «росли» они с ней все эти годы каждый по-своему.

Патологические последствия репрессий расходящимися кругами охватывали всю последующую жизнь репрессированных. Порожденные репрессиями большие и малые проблемы пронизывали отныне всю психологическую, социальную и политическую жизнь жертв. Возвращаясь в общество, некоторые репрессированные пытались незаметно раствориться в социальном окружении. Другие, напротив, ничего не желали прощать обществу, отнявшему у них свободу, а теперь желавшему отнять достоинство. Они громко требовали все то (очень немногое!), что обещало им государство.

В первые годы после смерти Сталина в СССР наметилось некоторое движение в сторону либерализации системы. Но ни четкого направления дальнейшего развития, ни четкой политики так и не появилось... Превалировали прежние, по сути, репрессивные методы управления, хотя власть признала — самим фактом доклада Хрущева

на XX съезде КПСС, — что системе неизбежно придется измениться, отказавшись от характерной для нее привычки к репрессиям. Так в конце концов и получилось, но ждать перемен пришлось долго: горбачевские «гласность» и «перестройка» явились только через тридцать лет.

Хотя эпоха реабилитации 1950-х в основном значительно улучшила положение бывших политзаключенных — жертв сталинских репрессий, последствия пережитого продолжали отравлять жизнь и им самим, и всем, связанным с ними.

ПРИМЕЧАНИЯ

Материал этой главы частично использован в публикации: *Life in the Big Zone: The Fate of Returnees in Aftermath of Stalinist Repression* // *Europe-Asia Studies*. Vol. 51. 1998. N 1. P. 5–19.

1. *Шаламов В.Т.* Инженер Киселев // *Избранное*. СПб., 2003. С. 385.
2. *Yoder (Jr.) E.M.* Looking Back in Anger: 5 Marines After Vietnam // *International Herald Tribune*. 1996. 28 Febr. P. 9.
3. Цит. по рукописи, хранящейся в архиве Общества «Мемориал». В переводах издана в США: *Baitalsky M.D.* Notebooks for the Grandchildren: Notebook 2 / Transl. by M.Vogt-Downey // *Bulletin in Defence of Marxism*. N.Y., 1987. P. 43; *Baitalsky M.D.* Notebooks for the Grandchildren: Recollections of a Trotskyist Who Survived the Stalin Terror. New Jersey, 1995.
4. *Фильштинский И.М.* Мы шагаем под конвоем. М., 1994. С. 189.
5. *Волович Х.В.* Повесть без названия // Архив Общества «Мемориал».
6. *O'Donnell G.* On the Fruitful Convergences of Hirschman's Exit, Voice, and Loyalty and Shifting Involvements: Reflections from the Recent Argentine Experience: Development, Democracy and the Art of Trespassing. Notre Dame; Ind., 1986. P. 251.
7. Некоторые жертвы китайской культурной революции только сейчас, после тридцати лет молчания, начинают рассказывать об эпохе террора. См.: *Recalling 10 Years of Madness: Cultural Revolutionaries Do Lunch* // *International Herald Tribune*. 1996. 17 May. P. 2.
8. См.: *Juelich D. (Hrsg.)*. Geschichte als Trauma. Frankfurt/M., 1991. P. 24.
9. *Fisher L.* Russia Revisited: A New Look at Russia and her Satellites. Garden City, N.J., 1957. P. 48–49.
10. Запись одного из интервью С.Коэна с Р.А.Медведевым (1980-е годы).
11. *Krasov N.N.* The Hidden Russia: My Ten Years as a Slave Laborer. N.Y., 1960. P. 93–94.

12. *Лапшин В.В.* Все течет, все изменяется // Архив Общества «Мемориал».
13. *Пейрос И.И.* [Воспоминания]. Ч. 3: Полуволя // Там же.
14. Доднесь тяготее. Вып. 1. М., 1989. С. 134.
15. Запись интервью автора с зам. зав. отделением эндокринологии Московской городской больницы № 60 Л.Н.Супруном 6 октября 1997 г.
16. Запись интервью автора с зав. отделением больницы № 60 И.А.Бердышевой 6 октября 1997 г.
17. О специфике воспоминаний женщин (в отличие от мужчин) о лагере см.: *Sherbakova I.* The Gulag in Memory // *Passerini L. (ed.)* Memory and Totalitarianism. Oxford, 1992. P. 113–114.
18. Об этом см.: *Wishnevsky J.* The Last Days of Varlam Shalamov // RFE — RL research report 38/84. 1984. 24 jan. P. 2.
19. С 1992 г. Гуманитарно-благотворительный центр «Сострадание» действует как самостоятельное юридическое лицо в составе Общества «Московский Мемориал».
20. *Карюхин Э.В.* Доклад на XII учебном семинаре по реабилитации переживших пытки и их семей. Копенгаген, 1993.
21. *Кортаев А.С., Берковская М.И., Карюхин Э.В.* Опыт организации медико-социальной помощи пожилым и престарелым людям — бывшим узникам ГУЛАГа // Клиническая геронтология. 1996. № 3. С. 67–68.
22. *Михайлов А.Н., Вострокнутов Н.В., Берковская М.И.* The Correlation Between the Kinds of Repression and the Current Psychosomatic Status of Torture Victims. P. 4–5. Неопубликованная рукопись (1993), хранящаяся в центре «Сострадание».
23. Там же. P. 4, 6, 10.
24. Запись интервью автора с М.И.Берковской 7 октября 1997 г.
25. Запись интервью автора с Л.Д.Гриншпун 6 октября 1997 г.
26. *Карелин А.* ГУЛАГ — не только прошлое // Труд. 1995. 16 мая.
27. См.: *Цветков Е.* Хранитель древностей. Памяти Юрия Осиповича Домбровского // Время и мы. 1978. № 30. С. 119. Вероятно, эти же воспоминания, отразившиеся в кошмарных видениях писателя, легли в основу его стихотворения «Меня убить хотели эти суки, / Но я принес с рабочего двора / Два новых наворстренных топопа...». См.: *Домбровский Ю.О.* Роман... С. 325–326.
28. *Домбровский Ю.О.* Солдат — заключенной // Там же. С. 291.
29. В доме Общества «Мемориал» на Малом Каретном пер., 12 есть музей, хранящий многочисленные работы репрессированных художников, подаренные «Мемориалу» их семьями. Там собраны и обветшалые предметы одежды, поделки, фотографии и другие напоминания о лагерной жизни. Подготовленный в ходе многолет-

ней работы каталог коллекции опубликован: Творчество и быт ГУЛАГа: Каталог музейного собрания Общества «Мемориал». М., 1998. В 2000 г. «Мемориалом» выпущен альбом: *Борис Свешников. Лагерные рисунки.*

30. New Times. 1990. № 27.
31. Складывается впечатление, что нацистские концлагеря полнее отражены в искусстве. (См., напр.: The Holocaust, «Spat Out» by Artist Who Survived // International Herald Tribune. 1995. 2 Nov. P. 22). Разумеется, политический климат Советского Союза влиял на выбор сюжетов художниками. См. об этом, напр.: Театр ГУЛАГа: Воспоминания, очерки. М.: Мемориал, 1995 — в частности, в связи с судьбами художников Ю.Соостера (С. 91–102) и Б.Эрбштейна (С. 111–122), которые после освобождения не могли получать заказы через Союз художников; Эрбштейн покончил с собой в 1963 г.
32. См.: Огонек. 1990. № 3, 4; Знамя. 1990. № 3–5.
33. Запись интервью автора с И.М. и Д.И. Чапковскими 22 апреля 1998 г.
34. *Керсновская Е.А.* Наскальная живопись. М., 1991. Впоследствии книги Ефросины Антоновны издавались неоднократно. См., напр.: *Керсновская Е.А.* Сколько стоит человек. М., 2000.
35. Запись беседы с С.С. Виленским в московской квартире Чапковских 22 апреля 1998 г.
36. См.: *Тиханова В.А.* Предисловие // Творчество и быт ГУЛАГа. Каталог... С. 14.
37. *Frankl V.E.* Man's Search for Meaning: An Introduction to Logotherapy. Lnd., 1964.
38. *Шафров В.* Весенние мысли и воспоминания // Грани. 1967. № 63. С. 103.
39. Ответы З.Д. Марченко 6 апреля 1995 г. на вопросник, разработанный при подготовке данного исследования.
40. Анонимные ответы на тот же вопросник 12 декабря 1995 г.
41. Ответы П.А. Ивенсена на тот же вопросник.
42. См.: Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б): Повестки дня заседаний, 1919–1952: Каталог. Т. 2: 1930–1939. М., 2001. С. 671, 781.
43. Красочные факты доносительства из самых низменных побуждений — «доносов как средства борьбы за существование» — см., напр.: *Андреевский Г.В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху; 1920–1930-е годы. М., 2003. С. 257–258, 450, 539; То же, 1930–1940-е годы. М., 2003. С. 75–93. В этих книгах рассказывается, в частности, о семейной паре, чьи доносы привели к арестам чуть ли не всех соседей по многоквартирному дому. О панике среди «стучачей» при возвращении эзков см.: *Mandelstam N.* Hope Against Hope. N.Y., 1970. P. 48–49. О практике разоблачений в сталинские времена см.: *Fitzpatrick S., Gellately R.* Introduction to the Practices of Denunciation in Modern European History // The Journal of Modern History. Vol. 68. 1996. № 4. P. 747–766; *Kozlov V.* Denunciation and Its Functions in Soviet Governance: A Study of Denunciations and

Their Bureaucratic Handling from Soviet Police Archives, 1944–1953 // *Ibidem*. P. 867–898. См. также эссе Е.Г.Эткинда об Александре Фадееве: Советский писатель и смерть // *Время и мы*. 1978. № 26. С. 132–146. Как известно, секретарь Союза советских писателей, чья подпись обрекла многих из них на тюремное заключение и смерть, покончил с собой в 1956 г. Эткинд полагает, что в невыносимую ситуацию Фадеева поставило возвращение писателей из заключения. Иную версию см.: *Файман Г.С.* Уголовная история советской литературы и театра. М., 2003. С. 124–128. О тонкой грани между лояльностью к отдельным людям и лояльностью к системе, о борьбе за выживание в тоталитарной системе см.: *Rosenberg T.* The Haunted Land: Facing Europe's Ghosts After Communism. N.Y., 1995.

44. Ответы П.Фурман С.Коэну в мае 1982 г. на вопросник.
45. Письмо Р.А.Медведева С.Коэну от 25 сентября 1983 г.
46. Утверждение Р.А.Медведева об уничтожении документации справедливо лишь отчасти. В 1954 г. Хрущев действительно приказал уничтожить те оперативные дела, которые содержали «компромат на честных советских граждан». При Сталине такие материалы сохранялись для возможного использования в будущем. (Запись интервью автора с Н.В.Петровым 7 марта 1997 г.).
47. См.: *Домбровский Ю.О.* Письмо С.П.Антонову // *Роман...* С. 593–601.
48. Там же. С. 598.
49. Примечательно, что брошюру почти с тем же названием — «О моральном облике советского человека» — опубликовал в 1948 г. следователь-сидист НКВД–МВД Грузинской ССР А.С.Хазан. (Об этом см.: *Столяров К.А.* Палачи и жертвы. М., 1997. С. 305–306). Какие, однако, занимательные персонажи учили нравственности советское общество! В том числе и собственных жертв.
50. *Домбровский Ю.О.* Утильсырьё // *Роман...* С. 330.
51. В связи с этим отметим, что, например, перечень лиц, чья персональная причастность к истязаниям и казни И.Э.Бабеля документально установлена при исследовании обстоятельств гибели этого выдающегося писателя, насчитывает 34 имени: от генсека ЦК ВКП(б) до коменданта НКВД СССР — включая наркома внутренних дел, руководителей и сотрудников оперотдела и следственной части ГУГБ НКВД, прокуроров, членов Военной коллегии Верховного суда и др. (См.: *Поварцов С.* Причина смерти — расстрел: Хроника последних дней Исаака Бабеля. М., 1996. С. 186–187).
52. Подробнее об этом см., напр.: *Ваксберг А.И.* Нераскрытые тайны. М., 1993. С. 93–154, 298–300; *Столяров К.А.* Палачи и жертвы. С. 242–249, 298–314. Наиболее обстоятельный обзор опубликованных в прессе материалов о судьбах бывших палачей в 1950–1990-е годы см.: *Стецовский Ю.И.* История советских репрессий. Т. 2. С. 393–426.
53. *Ваксберг А.И.* Нераскрытые тайны. С. 135.

54. Об одном из них — бывшем заместителе начальника следственной части по особо важным делам НКВД—МГБ СССР Б.В.Родосе — Хрущев сказал в докладе на XX съезде КПСС: «Мы вызвали на заседание Президиума ЦК и допросили следователя Родоса... Это никчемный человек, с куриным кругозором, в моральном отношении просто выродок... Он нам так заявил: „Мне сказали, что Косиор и Чубарь являются врагами народа, поэтому я, как следователь, должен был вытащить из них признание, что они враги“. В итоге Президиум ЦК в отношении Родоса постановил: „Предать его суду, его дело слушать в закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР“. (См.: Примеч. 2 к протоколу от 1.02.56 // Президиум ЦК КПСС, 1954—1964: Черновые протокольные записи заседаний; Стенограммы. Постановления / Сост. В.Ю.Афиани и др.; Под ред. А.А.Фурсенко. Т. 1. 2-е изд. М., 2004. С. 920).
55. *Ваксберг А.И.* Нераскрытые тайны. С. 135.
56. Там же.
57. По сведениям Н.В.Петрова, «известно всего лишь 51 имя работников НКВД—МГБ, привлеченных к ответственности после смерти Сталина», причем лишь единицы из них за преступления, совершенные ими в период репрессий, были приговорены к расстрелу или более чем десятилетним срокам заключения. (См.: *Петров Н.В.* Справка-дополнение [к воспоминаниям А.Л.Войтоловской «Суд над следователем»] // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 431—433). С этой оценкой согласен и Ю.И.Стецовский (История советских репрессий. Т. 2. С. 406), возмущающийся тем, что, как правило, виновные в преступлениях периода массовых репрессий привлекались лишь к так называемой партийной ответственности: «Но разве это не награда за кровавый произвол!» (Там же. С. 399).
58. См.: *Столяров К.А.* Палачи и жертвы. С. 306—311.
59. *Ваксберг А.И.* Нераскрытые тайны. С. 152.
60. Там же. С. 153—154.
61. «Глубинный смысл... процессов [над следователями-палачами]... был не столько в наказании „нарушителей социалистической законности“, — справедливо полагает Н.В.Петров (Справка-дополнение. С. 435), — сколько в устранении близких к Берии и Абакумову (министру ГБ СССР в 1946—1951 гг. — *Н.А.*) лиц. Совершенно очевидно, что если руководство страны решилось бы на возбуждение уголовных дел против следователей-палачей *всерьез*, то пришлось бы привлекать к суду не десятки, а тысячи сотрудников карательных органов». А.И.Солженицын, сопоставляя численность осужденных за преступления сталинских палачей в СССР и гитлеровских — в ФРГ, восклицал: «Если 86 тысяч западногерманских перевести на нас по пропорции, это было бы для нашей страны четверть миллиона!» (Т. 4. С. 158).
62. См.: *Иванов Л.* Человек из ГУЛАГа // Труд. 1996. 24 января.
63. Кричащие факты см.: *Петров Н.В.* Справка-дополнение. С. 434—436., *Стецовский Ю.И.* История советских репрессий. Т. 2. С. 395—396, 399—402, 404.

64. Материалы для этой главки тщательно отобраны из интервью, взятых автором на протяжении ряда лет (Москва, 2, 5 декабря 1995 г., май, ноябрь 1996 г., сентябрь—октябрь 1997 г., апрель 1998 г.). Многие из них состоялись в квартире С.С.Виленского, которая служит и «штаб-квартирой» общества «Возвращение».
65. См.: Горячий карцер диктатуры // Вечерняя Москва. 1995. 28 октября.
66. См.: Головова Л. «Тихая обитель»: (Сухановка). М., 1996. С. 19, 22, 24—28, 32—36.
67. Об этом вспоминают и тогдашние узники Лубянской следственной тюрьмы. См., напр.: А.И.Тарасов, И.А.Мазус // «Пока свободою горим...»: О молодежном анти-сталинском движении конца 40-х — начала 50-х гг. М., 2004. С. 44, 63—64).
68. См., напр.: Конквест Р. Большой террор. Т. 1. С. 207—209.
69. При этапировании по железной дороге заключенным иногда удавалось выбросить в окна или просунуть в щели вагона свои письма к родным на волю. Как ни удивительно, часто они доходили по адресу! Хотя местные жители, путевые обходчики, которые находили такие записки, знали, чьи они, их все же пересылали, положив в конверт и наклеив марку. Как видим, были и внутренне свободные люди, сохранившие человечность и сострадание. (См. об этом, напр.: Брайнин Б.Л. Воспоминания «вредло» // Архив Общества «Мемориал»).
70. А.И.Солженицын, в 1949 г. оказавшийся в таком же особом лагере, отмечает, что там «совершенно откровенно заимствовали ценный гитлеровский опыт с номерами: заменить фамилию заключенного, „я“ заключенного, личность заключенного — номером». (Архипелаг ГУЛАГ // Т. 6. С. 61).
71. В.М.Азарова в неопубликованных воспоминаниях «Черное крыло» (Архив Общества «Мемориал») приводит пример того, как родственники заключенных учились «читать между строк», угадывая действительный смысл сообщений, прошедших перлюстрацию и цензуру. Жена одного из приговоренных к смерти догадалась, что его ожидает, по списку вещей, которые он запросил якобы перед отправкой в лагерь на Дальний Север. Из списка оказались вычеркнуты одеяло и теплая одежда. Поскольку климат на Колыме, как гласит давняя лагерная шутка, «12 месяцев зима, остальное — лето», стало понятно: муж знает, что туда не доберется.
72. «Реабилитация врача Р.» — материалы, переданные А.В.Антоновым-Овсенко С.Коэну 14 мая 1980 г.
73. См.: Листки из блокнота: Трудные вопросы времени // Новое русское слово. 1977. 17 марта.
74. В действительности А.В.Снегов (И.И.Фаликзон) — член РСДРП(б)—КПСС с апреля 1917 г., бывший руководящий партработник провинциального звена, был доставлен в Москву не в 1953-м, а в феврале 1954-го (т.е. не в качестве свидетеля по делу уже казненного Берия) и не из лагеря, а из ссылки в Коми АССР, где находился после пятнадцати лет заключения. Реабилитированный и восстановленный в партии, он в 1954—1958 гг. служил зам. начальника политотдела ГУЛАГа

МВД–КГБ СССР. (Подробнее о нем см.: Реабилитация: как это было. Т. 2. С. 521–525, 891).

75. Запись интервью автора с И.М.Фильштинским 20 апреля 1995 г.
76. См., напр., воспоминания: Н.И.Гаген-Торн // Архив Общества «Мемориал». Кроме того, они нередко употребляли в разговоре выражения типа «туфта», «доходяга», «лагерная пыль», смысл которых теперь уже давно известен и тем, кто в лагерях не бывал (См. об этом: *Разгон Л.Э.* Память не вернувшихся // Расшифровка диктофонной записи интервью 1990 г., взятого сотрудниками «Мемориала». С. 45; *Львов Е.М.* Воспоминания // Архив Общества «Мемориал»; *Анфилов Г.И.* Материалы к биографии: Выдержки из писем, дневников и другие документы // Там же.
77. Цит. в переводе по кн.: *Ginzburg E.* Within the Whirl-wind. P. 157.
78. При написании этой главки использованы расшифровка диктофонной записи интервью с Т.Д.Руженцевой, взятого сотрудниками Общества «Мемориал» в 1990 г., запись интервью автора с Т.Д.Руженцевой 21 апреля 1996 г., а также воспоминания Т.Д.Руженцевой, опубликованные в кн.: *Вся наша жизнь / Сост. Г.И.Левинсон.* М., 1996. С. 64–81.
79. *Якобсон М.* Карзубый. Paris; N.Y., 1983. В послесталинские времена Якобсон провел девять лет в заключении в лагерях Приполярного Урала. Об этом см.: *Муравник М.* Лагерный Дон-Кихот // Стрелец. 1984. № 1. С. 20–21.
80. Это отметили многие из тех, кто впоследствии отвечал на вопросник С.Коэна, хотя отдельные респонденты указали на приоритетность восстановления в вузе или на работе: они возвращались вместе с семьями (из ссылки) или же по разным причинам лишились своих семей.
81. *Шаламов В.Т.* Воспоминания. С. 260.
82. См. об этом: *Lipper E.* Nuns, Thieves, Speculators and Lovers // *Eleven Years in Soviet Prison Camps.* Chicago, 1951. P. 159–161.
83. *Сафонова Е.* «Несмотря ни на что, судьба относится ко мне по-матерински» // *Огонек.* 1996. № 10. С. 48–51.
84. См.: *Kravtschik G.V.* Dornewege: Ein Leben unter Stalin. Bremen, 1989. P. 129–130.
85. *Окуджава Б.Ш.* Девушка моей мечты // *Девушка моей мечты: Автобиографические повествования.* М., 1988. С. 108, 111, 113, 114, 119.
86. *Некрасов В.П.* Кира Георгиевна. Cambg., 1967. С. 6. См. также интервью с ним: Виктор Некрасов: То, что массовый читатель за Берлинской стеной, — это наше великое горе // *Новое Русское слово.* 1985. 16 июня.
87. *Бург Д.* Моральное банкротство советских конформистов // *Грани.* 1963. № 53. С. 122.
88. *Некрасов В.П.* Кира Георгиевна. С. 79.

89. *Бург Д.* Моральное банкротство. С. 125; См. также: *Narari M.* From the Other Shore // *Encounter*. Vol. XIX. 1962. № 1. P. 89.
90. Письмо Р.А.Медведева С.Коэну от 10 февраля 1984 г.
91. Анонимные устные воспоминания, записанные в 1990 г. сотрудниками Общества «Мемориал».
92. *Успенская В.Д.* Повесть моей жизни // Архив Общества «Мемориал».
93. РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 37. Л. 308.
94. *Эминов Е.А.* Смерть — не самое страшное // Архив Общества «Мемориал».
95. *Гаген Е.Э.* Воспоминания. Т. 4: 1955—1956 // Там же.

Нанси Адлер
ТРАДИЦИОННОЕ
ВОЗВРАЩЕНИЕ
ГЛАВА V

ВОЗВРАЩЕНИЕ:
ДЕКЛАРАЦИИ
И РЕАЛЬНОСТЬ

ДО И ПОСЛЕ
XX СЪЕЗДА
КПСС

Внутриполитический климат 50-х годов довольно метко отразился в одной из популярных тогда шуток: «В Советском Союзе три социальных класса: бывшие зэки, просто зэки и будущие зэки». Действительно, тогда, после смерти Сталина, бывшие зэки реже подвергались повторным арестам, их меньше преследовали. Но верно и то, что права бывших заключенных по-прежнему ущемлялись. Подчас — уже реабилитированных. С лагерным прошлым трудно было рассчитывать на приличную работу и жилье. Более того, хотя XX съезд инициировал перемены в правовом и материальном положении заключенных и освобожденных, общая атмосфера в стране оставалась весьма противоречивой. Несоответствие между официальными политическими декларациями и реальной повседневной практикой оставалось разительным. Лицемерие по-прежнему пронизывало все уровни бюрократии и все слои общества. Что касается бюрократии, то в ней наблюдалась определенная градация. В высших эшелонах были довольно распространены реформаторские намерения, но отсутствовала убежденность, необходимая, чтобы их последовательно отстаивать. А бюрократы рангом ниже, по сути, продолжали придерживаться привычной линии поведения. Поэтому дискриминация освобожденных из заключения и реабилитированных продолжалась еще долгое время после того, как «наверху» провозгласили ее отмену.

Дж.Киип точно охарактеризовал двойственность «поверхностной и скупой» реабилитации послесталинского времени, добавив, что «она была еще менее законна, чем политический судебный процесс, зависела от изменчивости внутрикремлевской борьбы и „интересов партии“, как их толковала победившая сторона»¹. Реабилитацию чиновники проводили не для того, чтобы восстановить справедливость, а скорее для того, чтобы не потерять своих должностей (особенно это относилось к чиновникам низших уровней). А.И.Солженицын в «Архипелаге...» бичует сохранившиеся тогда несправедливые порядки, жертвами которых становились многие бывшие политзаключенные. В частности, он упо-

минает следующий эпизод: «Вольдемар Зарин отсидел 15 лет и с тех пор еще 8 лет смиренно молчал. А в 1960 решился рассказать сослуживцам, как худо было в лагерях. Так возбудили против него следственное дело, и майор КГБ сказал Зарину: „Реабилитация — не значит невиновность, а только: что преступления были невелики. Но что-то остается всегда!“². Это «что-то», разумеется, власти могли использовать в качестве оправдания дальнейших преследований. Для прошедших ГУЛАГ справедливость становилась похожей на вечно опаздывающий поезд.

В данной главе мы попытаемся проследить развитие ситуации до и после XX съезда КПСС, рассматривая процесс возвращения узников в общество сквозь призму поисков ими жилья, работы, социальной справедливости и возможности вновь обрести самих себя. Мы обратимся к официальным, спущенным «сверху» декларациям относительно репрессированных и к реальным плодам политики, которые доставались этим бывшим узникам «внизу». Мы увидим, насколько изменил лагерь тех, кому предстояло возвращение в общество, и насколько изменилась та среда, в которую они теперь возвращались.

ЖИЛЬЕ

Жилищный вопрос неизменно оставался одним из самых острых и болезненных для всех советских граждан. Перед освобожденными из заключения он вставал особенно остро. Последствием репрессий была утрата не только прописки, но и самого жилья. Л.Фурман вспоминал, что его квартиру передали МГБ: «Меня еще допрашивали в Лефортово, а сотрудник МГБ уже „распечатал“ мою квартиру и въехал туда со своим семейством»³. Семью заключенного — жену и сына — «уплотнили» в одну четырнадцатиметровую комнату. Когда по освобождению Фурману разрешили вернуться в Москву, у него не оказалось никаких прав на квартиру. Действовало распоряжение, согласно которому в подобных случаях квартиры репрессированных не подлежали возврату прежним владельцам⁴.

И.Пейрос вспоминал, что практика отказов в жилье продолжалась даже после либерализации жилищной политики. В 1955 году исполкомы местных Советов обязали предоставлять освобождаемым из лагерей преимущество в получении жилья. Однако усилия самого Пейроса вернуть свою комнату (видимо, в коммунальной квартире-

ре) не увенчались успехом. Вместе с тремя другими членами семьи ему пришлось ютиться в семнадцатиметровой комнате⁵.

Требовались воистину экстраординарные усилия, чтобы добиться «решения жилищного вопроса». Одна женщина, обвиненная «Смершем» в 1944 году в «антисоветской пропаганде» и освободившаяся в 1947-м, восемь лет безуспешно пыталась вновь прописаться к матери в Москве. В заявлении на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е.Ворошилова в 1955 году она умоляла пересмотреть приговор, вынесенный ей, и позволить жить в Москве, так как сын болен туберкулезом и ей необходимо навещать его в московской больнице. Она отмечала также, что никак не может добиться реабилитации, поскольку пересмотр ее дела постоянно откладывают. Завершалось письмо на патриотической ноте: «Как же мне хочется жить и работать, чувствуя себя полноправным гражданином нашей Великой Родины!»⁶ Резолюция на письме — адресованная Прокурору СССР Руденко просьба разобраться. Помета свидетельствует, что приговор этой бывшей политзаключенной отменили 7 июля 1955-го⁷. Неясно, впрочем, решило ли это ее квартирный вопрос.

Даже в обществе крайнего неравенства, каковым являлось в действительности советское общество, неравенство среди бывших политзаключенных бросалось в глаза. Определяющее значение имели прежние связи, политический вес. Некоторых из числа ранее «привилегированных» по освобождении приветствовали чуть ли не как героев. Напротив, прием, оказываемый рядовым гражданам, возвращающимся из лагерей, радушием не отличался. Такая избирательность прямо проявлялась и при удовлетворении разнообразных потребностей бывших узников. Например, жена видного партийного деятеля О.В.Куусинена — Айно — возвратилась в Москву из заключения в октябре 1955 года. Спустя восемь месяцев ей удалось получить квартиру: помогли старые друзья и «громкая» фамилия. В мемуарах она рассказывает, как у нее на глазах в приемной Моссовета упала в обморок пожилая женщина, узнав, что многие посетители отмечают очереди на квартиру ежедневно вот уже пять лет! «Мне, — пишет А.Куусинен, — бывшей политзаключенной, было так непросто вернуться к нормальной жизни. Насколько же это было сложнее, а часто просто невозможно для простых людей, не имевших такой поддержки, как я»⁸.

Действительно, тяготы возвращения, как и вообще повседневные трудности, для рядовых людей оказывались неизмеримо большими, чем те, с которыми сталкивались бывшие «привилегированные».

Но и последним на пути возвращения пришлось пройти через страдания и тяжелые испытания. Обратимся к еще одному такого рода примеру.

Роза Яковлевна Смушкевич

Вдова расстрелянного генерал-лейтенанта Я.В.Смушкевича лично обратилась к Председателю Президиума Верховного Совета Ворошилову с просьбой помочь ей и ее дочери Розе. До ареста главы семьи в июне 1941 года они жили в известном Доме на набережной и, как вспоминала в 1996-м Р.Я.Смушкевич, вернувшись из Казахстана после 11 лет лагерей и ссылки, сразу получили свою прежнюю квартиру⁹. Однако, судя по сохранившимся в архиве документам, все было не так просто. В мае 1954 года вдова Смушкевича взывала к Ворошилову: «В моем возрасте мне негде головы преклонить, нет своего угла, нет крова, под которым я смогла бы провести остаток дней... Вы хорошо помните моего мужа, пожалуйста, не оставьте... без внимания и помощи»¹⁰. Точности ради отметим: увидев это письмо, Роза Яковлевна заявила, что это — подделка, так как ее мать никогда не написала бы такого униженного прошения, да в этом и необходимости не было¹¹.

Недоверие к документу объясняется избирательностью памяти при воссоздании событий, поскольку, разумеется, никто не стал бы фальсифицировать такое письмо и хранить его в архиве. Напротив, последующие действия Ворошилова подтверждают подлинность обращения вдовы Смушкевича: он распорядился, чтобы дело рассмотрели немедленно. Проверка показала, что Якова Смушкевича расстреляли без суда согласно «преступному приказу» Берии. Это стало основанием для пересмотра дела Я.В.Смушкевича, что изменило и статус его вдовы и дочери. В результате им возвратили некогда конфискованное имущество, назначили пенсию за погибшего, предоставили квартиру¹². Роза Яковлевна вспоминает, что Г.М.Маленков пригласил мать, дал денег и предложил прежнюю квартиру, но мать отказалась там жить. Роза Яковлевна настаивает, что решение матери основывалось на эмоциях, стремлении избежать болезненных воспоминаний. Сама же она не хотела возвращаться в здание, построенное для советских чиновников. Таким образом, если решение матери было вызвано сентиментальными соображениями, то отказ Розы стал политическим протестом. Она была убеждена, что им лучше не жить в этом «проклятом доме, где в каждой квартире арестовано трое-чет-

веро или пятеро»¹³. Хотя они перебрались жить в другое место, Р.Я.Смушкевич часто навещала в Доме на набережной друзей своей юности, которым посчастливилось выжить.

РАБОТА

Бывших «врагов народа», как и членов их семей, продолжали третировать даже тогда, когда официально это уже запрещалось. Их жалобы или игнорировали, или рассматривали настолько формально, что сколько-нибудь существенно положение не улучшалось. В архивах можно найти убедительные документальные свидетельства этой постыдной практики.

Генри Григорьевича Левина 18 марта 1953 года уволили из Казахского педагогического института, где он был старшим преподавателем. Он попытался обжаловать это в письме на имя Ворошилова, доказывая, что причиной увольнения в действительности явились не какие-то надуманные «политические ошибки» в его преподавательской и научной работе, но лишь то, что он был родственником «врага народа» Г.Е.Зиновьева (племянником его жены)¹⁴. С резолюцией К.Е.Ворошилова письмо оказалось в Министерстве культуры СССР, в ведении которого тогда находились и высшие учебные заведения. Министерство, в свою очередь, дважды запрашивало министра просвещения Казахской ССР о причинах увольнения Левина. Тот, однако, ответа по существу не дал, лишь подтвердив приказ директора института. Так и не продвинувшись в выяснении вопроса, Министерство культуры обратилось в Совет Министров Казахстана. В итоге — вопрос начали «изучать» в ЦК компартии Казахстана¹⁵.

Тем временем Левин мыкался без работы и жилья из-за характеристики, выданной ему при увольнении. Вместе с работой он лишился и комнаты в общежитии. И, не имея работы, нигде не мог получить прописку: даже в квартире матери в Ленинграде. В результате он оказался буквально выброшен на улицу¹⁶.

Подготовленная 6 января 1954 года казахскими партаппаратчиками «записка» на имя заведующего Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС подтверждала, что первопричиной увольнения Левина действительно стали его родственные связи с репрессированными: таковых среди его родственников насчитали аж пятерых. Завершалась эта «записка» просто анекдотически: «...кроме того [!], Левин допускал политические ошибки, руководя студентами на полевых рабо-

тах летом 1952 г.». Общий вывод: «Увольнение... представляется обоснованным»¹⁷.

Любопытно, что в письме на имя Ворошилова, подписанном Секретарем ЦК КП Казахстана, последовательность аргументов в пользу «обоснованности» увольнения Левина прямо противоположна: он профессионально несостоятелен — слаб как лектор, проявил халатность, руководя студентами на полевых работах, и, кроме всего этого, родственник Зиновьева. Так что и ЦК КП Казахстана считает решение руководства пединститута обоснованным¹⁸.

Чем завершилось дело Левина, неясно: переписка на этом обрывается. Но можно предположить, что ничего принципиально нового не принес бедолаге ни 1956-й — год XX съезда КПСС, ни последующие годы. Ведь Зиновьева реабилитировали лишь при Горбачеве, да и чиновники, чьи нравы отразила эта переписка, вряд ли переменились...

О том, что происходило буквально накануне XX съезда с рядовыми людьми, которые тогда возвращались из лагерей и ссылки, дает представление цитируемый ниже фрагмент неопубликованных воспоминаний Евгения Эдуардовича Гагена (см. также главу IV). В 1955–1956 годах, после 17 лет Колымы (10 — лагерей, 7 — ссылки), ему пришлось, как и множеству других, добиваться реабилитации, преодолевая враждебность и откровенный саботаж чиновников.

Летом 1955-го он отправился в Приемную МВД, чтобы (в ожидании реабилитации) получить временную московскую прописку и вместе с ней — право устроиться на работу по специальности, возможность жить в своей семье, а не «за 101-м километром» от родных. В кабинете принявшего его полковника состоялся диалог, на десятилетия в подробностях запечатлевшийся в памяти Гагена. Этот дежурный сотрудник МВД [С] повел беседу с бывшим политзаключенным [Г] в духе «сказки про белого бычка»:

С: Вы по какому вопросу?

Г: Мое дело пересматривается, и я хотел бы просить временную прописку в Москве.

С: У Вас 58-я статья?

Г: У меня постановление ОСО.

С: КРД?

Г: Да, КРД.

С: Это одно и то же.

Г: Вы можете думать так, но я думаю, это совсем другое дело.

С: И почему же это «совсем другое дело»?

Г: Потому что меня не судили. По нашей Конституции никого нельзя приговорить без суда, заочно, без права на защиту.

С: Вы так полагаете? А я думаю, ОСО — это тот же суд. А зачем вам вообще в Москве прописываться?

Г: Потому что здесь живет моя семья.

С: Так вот пусть ваша семья и переедет к вам.

Г: Вы так полагаете?

С: Да, я так полагаю.

Г: Но мое дело пересматривается! И я москвич.

С: Но дело пока еще не пересмотрено.

Г: Если бы оно было пересмотрено, я бы к вам не пришел...¹⁹

Продолжение беседы было столь же «содержательно» и, конечно, ничего Гагену не дало. Примечательно, что его собеседник — «блюститель закона» — приравнивает Особое совещание к суду. И это вопреки тому, что уже были изданы распоряжения о пересмотре всех решений ОСО. Изменения в законодательстве явно не означали изменений в практике безнаказанного пренебрежения законом чиновниками низшего звена.

В большинстве официальных учреждений Гаген сталкивался с отношением к себе как к «человеку второго сорта» даже со стороны тех, кто был на двадцать лет моложе него²⁰. Были, тем не менее, некоторые исключения. В начале сентября 1955 года Гагена вызвали в Боровский райсобес. Из Магадана пришли на него пенсионные бумаги, и предстояло заполнить анкеты. Начальник отдела проявил участие к пострадавшему Гагену и рассказал по секрету, что получил инструкцию о льготах реабилитированным. Им положена компенсация в размере двухмесячной зарплаты, исчисляемая по новому курсу из расчета их оклада на момент ареста; они смогут получать жилье вне очереди, а неработоспособные — пенсию, с зачетом в трудовой стаж срока заключения²¹. Конечно, это был поступок — поделиться сведениями из документа, который вряд ли обнародуют, с бывшим узником, которому, безусловно, могло пригодиться знание новых правил²².

Несмотря на инертность системы, либерализация режима уже началась и документ этот — Постановление Совмина от 8 сентября 1955 года — опубликовали²³. В нем определялся порядок трудоустройства и социального обеспечения реабилитированных жертв политических репрессий. Но проблемы, связанные с реализацией этого постановления, сохранялись еще почти сорок лет. А.Д.Левшин, освобожденный из лагеря в 1946-м и реабилитированный в 1963-м, так и не

получил причитающуюся ему денежную компенсацию. В конце 80-х писал в «Мемориал», высмеивая «установленный порядок» исчисления этих жалких выплат: «Почему за два месяца, а не за два года или за два дня?»²⁴

Что касается Гагена, он осенью 1955-го все-таки получил временную московскую прописку. Но мучения продолжались: теперь из-за «временности» прописки ему отказывали в работе. Вообще, тогда находили сколько угодно причин, чтобы не брать бывших зэков, и какая угодно работа могла вдруг оказаться «совершенно неподходящей» для них. Например, как правило, историку невозможно было устроиться учителем в школу. Несколько вероятнее — но вовсе не гарантированно! — было трудоустройство на скудно оплачиваемую должность в библиотеку или музей²⁵.

Вдобавок ко всем трудностям, с которыми в поисках работы приходилось сталкиваться большинству бывших политзэков, специфические проблемы вставали перед политзэками-евреями. И без того распространённый в стране антисемитизм получил мощную подпитку в результате целенаправленной антисемитской политики последних сталинских лет. Гнусные кампании против «безродных космополитов», «врачей-отравителей», «убийц в белых халатах» надолго оставили свой ядовитый след.

Еврей-врач, только что возвратившийся в Москву из «мест весьма отдаленных», в райздравотделе, куда он пришел, пытаясь найти работу, услышал: «Послушайте, у меня самой муж еврей, я вам зла не желаю, но попытки ваши обречены на неудачу. Нам „сверху“ дали директиву не брать евреев на работу, и никто пока еще ее не отменял»²⁶.

Проблема трудоустройства особенно осложнялась для бывших заключенных тем, что, не найдя работу, они очень скоро теряли и право проживать в городе: неработающий не мог быть прописан по месту жительства и, следовательно, подлежал выселению в административном порядке. А учитывая регулярность паспортных проверок, которые тогда поквартирно проводили участковые милиционеры во всех крупных городах, вероятность выселения превращалась в неизбежность. Это часто заставляло соглашаться на любую работу и на любых условиях: малооплачиваемую, грубую, тяжелую, неинтересную, совершенно не соответствующую полученному образованию, бесперспективную с профессиональной и социальной точки зрения. Выбора не было. Один из бывших политзаключенных пытался жаловаться в Президиум Верховного Совета СССР: «Я могу получить работу после того, как меня пропишут в Москве, но в милиции в прописке отказывают, так как нет справки с места работы»²⁷. Внучка

Троцкого, вернувшаяся в 1954 году в Москву из Казахстана, справедливо назвала эту ситуацию «порочным кругом». В Приемной Верховного Совета она взывала к чиновнику: «Вы отняли у меня моих родителей, мой брак не зарегистрирован, я не могу устроиться на работу: как я должна жить? Мне что — проституцией заниматься?» Чиновника отчаяние измученной женщины не тронуло. Он лишь с угрозой спросил: «Опять *туда* захотела?»²⁸

Пытаясь возвратиться к обычной жизни, вновь обрести свои права, бывшие политзаключенные терпели неудачу на каждом шагу. Один из мемуаристов пишет об упорных, но бесплодных попытках своего отца найти работу в Харькове: «Власть предрержащие показали ему совершенно четко, что полная реабилитация была чисто теоретической»²⁹. Это же подтверждают и злоключения Е.Э.Гагена. В ноябре 1955 года его реабилитировали, что предполагало, помимо прочего, право на получение нового паспорта, который позволял оформить пенсию, прописку, подыскивать работу. Но когда Гаген пришел в милицию, чтобы обменять паспорт, начальник отделения заявил, что «не видит основания» выписывать новый паспорт. Когда же Гаген сослался на действующее законодательство, от него потребовали написать заявление с объяснением причины пребывания в заключении. Гаген отказался, так как по существу это означало бы возвращение к началу реабилитационных мытарств, а он их уже худо-бедно прошел. Предпринимая следующую попытку обменять паспорт, Гаген вновь напомнил о Постановлении Совмина от 8 сентября 1955 года, на что вновь получил невразумительный и оскорбительный ответ³⁰. Вот так: закон был издан, но его применение (вернее, отказ в применении) было оставлено на произвол тысяч и тысяч мелких чиновников.

По-прежнему терпели крах и попытки Е.Э.Гагена найти работу. Стоило только в очередном отделе кадров упомянуть о реабилитации, как разговор иссякал, внезапно у нанимателя возникали какие-то неотложные дела, Гагена просили зайти в другой раз... А если он все-таки приходил в этот «другой раз», то получал уже прямой отказ. Один из кадровиков, как вспоминает Гаген, даже не стал притворяться: «Без околичностей он прямо сказал, что не примет меня на работу исключительно потому, что, несмотря на реабилитацию, в его глазах я оставался человеком с темным прошлым». В итоге Гаген пришел к выводу, что «все боятся самого слова — „реабилитация“»³¹. Как и в конце 1940-х—начале 50-х годов по-прежнему достаточно было одного лишь факта пребывания в лагере, этого клейма политзаключенного, чтобы лишить человека возможности получить иско-

мую работу. Похоже, статус реабилитированного тоже превращался в клеймо.

Иной раз не делали исключений и для бывших «привилегированных». Ядвига Иосифовна Верженская, вдова расстрелянного армейского генерала, после освобождения из лагеря провела три невыносимых года, пытаясь найти жилье, работу, добиться изменения своего положения отверженной. В 1951 году она даже обратилась было к офицеру МВД с просьбой отправить ее обратно в лагерь, где, по крайней мере, за работу давали хлеб, в чем отказывали многим «на воле». Однако и реабилитация в 1956-м почти не изменила к лучшему жизнь Верженской. Правда, она смогла получить постоянное жилье. Но в доме на территории одного из военных городков под Москвой ей вместе с матерью и сыном отвели только одну небольшую комнатку. Она получила пенсию за мужа. Но из-за того, что перед расстрелом его разжаловали, пенсия оказалась мизерной. А на работу ее по-прежнему не брали: «Реабилитация — реабилитацией, но она все же сидела в тюрьме!»³²

И действительно, раз ты реабилитирован, значит, до этого был осужден. По закону! По *советскому* закону. А что ты имеешь против советских законов? И т.п. Никто и не думал вникать в причины, по которым человек оказался в тюрьме. Но все знали, что в тюрьме он побывал, раз уж его реабилитировали. Так что сама по себе реабилитация не стирала клейма с бывшего политзаключенного — ни в глазах окружающих, ни в его собственных глазах, ни в представлениях разнообразных чиновников, для которых реабилитированные оставались объектом привычного произвола.

Творческая интеллигенция составляла особую группу. Одних, невзирая на лагерное прошлое, власти превозносили, других принимали нехотя, третьих едва терпели. Последовательной политики в этом отношении не было. Так, например, А.П.Гринберг, проведенный в Норильске 10 лет в заключении и 7 в ссылке, в течение всего этого срока работал в научно-исследовательской лаборатории. В 1955 году его полностью реабилитировали, восстановили в партии и даже подтвердили непрерывность научно-педагогического стажа. Он затем преподавал в ведущих московских вузах³³. Другой ученый, Павел Ощепков, в 1930-е годы работавший над созданием радарных установок, а затем арестованный, продолжил исследования после возвращения из лагерей. Неудивительно, что в его официальной биографии, опубликованной в 1964 году, ничего не сказано о времени, когда он был в заключении. Удивительно, что посвященная ему журнальная статья озаглавлена «Подвиг ученого»³⁴. Подобные оценки отнюдь не были нормой для бывших политзаключенных.

Исаак Моисеевич Фильштинский

Профессор-арабист Исаак Моисеевич Фильштинский (см. также главы I, IV) был политзаключенным с 1949-го по 1956 год. За эти годы он потерял мать (она умерла от «неизвестной болезни», а вернее — «просто от горя»³⁵), от него ушла жена, отец остался без работы, а его собственную уже готовую докторскую диссертацию объявили «не отвечающей требованиям». Когда он освободился, коллеги и соседи по коммунальной квартире встретили его хорошо. Но если приходилось сталкиваться с ними же в официальной обстановке, отношение менялось — он оставался для них бывшим «врагом». Официальные учреждения, по его свидетельству, обходились с репрессированными как с «людьми второго сорта»³⁶.

В воспоминаниях (в главе «Горькое слово „свобода“») Фильштинский рассказывает, как беседовал с чиновником о судьбе своей диссертации. Тот заявил: «Вы же ученый, должны понять, что за семь лет [в лагере] наука продвинулась вперед и Ваши выводы устарели. Напишите новую диссертацию!»³⁷ Доведенный до крайности недавний политзаключенный, несмотря на свое уже отрицательное отношение к партии, попытался переломить ситуацию, добившись восстановления в КПСС. В конце концов партбилет вернули (позднее из-за участия в правозащитной деятельности его вновь исключили из партии), но возможности преподавать он так и не получил. Удалось устроиться в Библиотеку иностранной литературы. Директора — Маргариту Ивановну Рудомино — с благодарностью вспоминают многие бывшие политзаключенные: она отваживалась принимать их на работу. Потом Фильштинский устроился в академическое НИИ, но в 1978-м после обыска в его квартире был оттуда уволен. Возвратиться к преподаванию в университете он смог лишь в 1992 году.

Лев Эммануилович Разгон

Некоторые бывшие политзаключенные смогли вернуться на прежние места работы, хотя и с понижением в должности и зарплате. Писатель Лев Эммануилович Разгон — один из них. До ареста в 1938-м тридцатилетний тогда Разгон работал редактором в издательстве. Его история типична для положения многих узников, которых поначалу встретили неплохо. После освобождения и реабилитации в 1955-м его приняли на работу в то же издательство, возвратили комнату в коммунальной квартире, восстановили в партии. В общем, Л.Э.Разгон принадлежал к небольшой группе тех, кого приняли

«почти как героев». Но он понес невосполнимые утраты. И как бы ни старалось окружение облегчить его возвращение, никто не мог компенсировать его личную трагедию — жена Разгона не вернулась из заключения, она умерла на этапе в 1938-м³⁸. Когда в 1990 году Льву Эммануиловичу разрешили просмотреть его досье в КГБ, он вновь открыл для себя историю гибели своей семьи, разрыва ее социальных связей. Жертвами системы стали его друзья и все, кто был с ним связан, включая тех, кто принадлежал к партийной элите. Это были, по его словам, «люди, которые создавали партию, совершали революцию, строили это общество и управляли им»³⁹. (Впоследствии Л.Э.Разгон стал одним из основателей Общества «Мемориал».)

* * *

Бюрократическая практика систематических препон возвращению бывших заключенных по политическим обвинениям в общество, которая сложилась в 1953–1955 годах (см. главу III), в целом сохранилась. Власти были в курсе, но мало что предпринимали, чтобы исправить положение. Отчет о деятельности Приемной Верховного Совета за 1955 год приводит следующую статистику: 7601 человек обращались в связи с проблемами прописки, 6263 человека просили помощи в трудоустройстве. Какая часть просителей являлась бывшими политзаключенными, неясно. Но упоминание проблем, связанных с пропиской, позволяет предполагать, что немалая. Более того, в отчете упоминаются проблемы с трудоустройством «инвалидов, освобожденных из мест заключения... они не могли найти работу многие месяцы»⁴⁰.

Одной из системных причин скрытого саботирования официальных установок относительно реабилитации являлось нежелание власти брать на себя моральную ответственность. Ведь необходимо было перенести клеймо преступности с политэзков на самую власть, в особенности на «непогрешимую» КПСС, а к этому не были готовы. Следовательно, несмотря на официальные посулы столь много обещавшего сентябрьского (1955) Постановления Совмина, проблемы бывших эзков долго сохранялись практически в прежнем объеме.

С.К.Бондаревский, реабилитированный в апреле 1957 года, свидетельствует, что даже после реабилитации «наибольшей... была забота о поступлении на работу». И вспоминает, как он, высококлассный инженер, попытался возвратиться на завод, где работал до ареста: «Директор... встретил меня крайне недружелюбно. Вопреки Постановлению Совета Министров СССР от 08.09.1955 года, обязывавшего трудоустраивать реабилитированных, он отказал в приеме на работу, возмущенно объяснив, что не хочет и не должен принимать на „свой“

завод бывших заключенных. И не принял. Вот так я ходил, просил и вынужден был, поступив на любую работу, начинать свою „карьеру“ заново»⁴¹. Уместно добавить, что этот мемуарист до ареста в 1937-м был главным специалистом («начальником производственного отдела») одного из основных судостроительных заводов страны, а после реабилитации смог в конце концов устроиться лишь цеховым мастером. К этому времени некоторые его бывшие коллеги-подчиненные уже стали директорами крупнейших заводов, а один из них даже заместителем министра. Можно себе представить, каково было осознавать это человеку с разбитой жизнью и карьерой, особенно учитывая, что он хорошо знал: именно эти «друзья» и посодействовали его аресту, за которым последовали 17 лет мук в лагерях и ссылке⁴².

Возвращаясь к проблеме трудоустройства реабилитированных, заметим, что произвол по отношению к ним со стороны чиновников «на местах» и пренебрежение нормами, официально установленными Постановлением от 8 сентября 1955 года, имели масштаб социального (и политического!) явления. Иначе трудно объяснить то внимание, которое проявили к соответствующим «сигналам с мест» на самой вершине власти — в ЦК КПСС. В начале апреля 1956 года, вскоре после XX съезда партии, который дал измученным сталинским узникам надежду на справедливость и, несомненно, открыл шлюзы потоку жалоб на творимый над ними произвол, Общий отдел ЦК КПСС подготовил для Президиума ЦК специальный доклад («записку»), где явно по заданию «сверху», но никак не по инициативе самих аппаратчиков были обобщены материалы многочисленных писем «от граждан, ранее осужденных и в последующем полностью реабилитированных». Как осторожно формулировалось в преамбуле, «отдельные [!] партийные, советские и хозяйственные органы на местах проявляют перестраховку [!], не оказывают помощи в трудоустройстве, не помогают... в обеспечении жилплощадью, а также пропиской по месту прежнего жительства, не оказывают помощи в лечении и оформлении пенсий и другим вопросам»⁴³. Далее цитировались фрагменты двух десятков писем, рассказывающих о фактах бюрократического равнодушия, издевательств, грубого произвола по отношению к реабилитированным и их семьям. Во многих говорилось именно об отказах в трудоустройстве, о необоснованных увольнениях, о невозможности устроиться на работу по специальности.

Составителям «записки» и заказчикам-получателям (судя по делопроизводственной пометке, ее разослали всем членам и кандидатам в члены Президиума и секретарям ЦК) было ясно, что речь отнюдь не об «отдельных» фактах, — *отдельные* просто бы не заметили. Но внятной реакции кремлевских «олимпийцев» на этот массовый произвол

местных аппаратчиков в отношении уже официально признанных невинными жертв «бериевской банды» так и не последовало. Во всяком случае, известные документальные источники не обнаруживают каких-либо следов таковой, если говорить о реакции по существу вопроса. «Записку», которая, наверное, все же сыграла некоторую роль в закулисе ЦК, вскоре просто тихо отправили в архив. А «перестраховщиков», как эвфемистически-сочувственно назвали в ней обозленных сталинистов из числа местных бюрократов, одергивать («поправлять») не стали — видно, «сочли нецелесообразным». Так что же было «сообразным» и что — целью? Явно не декларированная XX съездом справедливость. Справедливости в 1956–1957-х бывшие зэки не дождались, о чем и свидетельствуют, в частности, рассмотренные выше воспоминания некоторых из тех, кого ее лишили.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ В ВОПРОСАХ ТРУДОУСТРОЙСТВА

Правила предоставления работы возвращающимся сталинским узникам власть, как уже упоминалось, определила 8 сентября 1955 года. Однако правила эти оставались декларацией. Во второй половине 1956 года к ним пришлось возвратиться при обсуждении нового «Проекта положения об исправительно-трудовых колониях», которому предстояло заменить «Положение», утвержденное всего двумя годами ранее — в июле 1954-го⁴⁴. Этим прежним «Положением» помощь в трудоустройстве освобождаемым заключенным предусматривалась лишь со стороны лагерной администрации и фактически только в случае, если бывший зэк оставался работать в лагере. Представленные Прокуратурой СССР в октябре 1956 года предложения к проекту нового «Положения» в разделе «Освобождение и трудовое устройство», обобщая множество «негативных фактов» (то есть буквально воплей о помощи), содержали важное дополнение: «Исполнительные комитеты [Советов депутатов трудящихся] призваны помочь освобожденным из заключения получить прописку и в кратчайший срок найти работу... чтобы... освобожденный из заключения был занят общественно-полезным трудом»⁴⁵.

Ясно, что ведомственный подзаконный нормативный акт, каковым являлось «Положение об ИТК», сам по себе никак не мог обязать исполкомы оказывать сколь-нибудь действенную помощь бывшим зэкам (в том числе осужденным по политическим статьям) в трудоустройстве. Да и крайне сомнительно, чтобы местные исполкомы, не обладающие реальной самостоятельностью, оказались способны на это⁴⁶. Неизбежно должны были возникнуть «прерия за-

интересованных сторон» о внесении соответствующих изменений в общесоюзное и республиканское законодательство. Участие в согласовании позиций (а они, безусловно, определялись прежде всего тем, что мало кто из руководителей рвался брать на себя столь серьезную обузу, да к тому же политически небезопасную) предстояло принять целому ряду инстанций. Раз речь шла о законодательных новациях, нельзя было обойтись без Верховного Совета СССР, вернее, его Президиума. Возможно, предстояла также и переписка с Президиумами Верховных Советов союзных и автономных республик. А поскольку субсидирование местных исполкомов Советов фактически осуществлялось «отраслевыми» министерствами, которым подчинялись соответствующие «отраслевые» отделы исполкомов (не говоря уж о том, что многие поселковые и городские исполкомы на территориях так называемых градообразующих предприятий целиком зависели от тех министерств, в чьем подчинении последние находились), весьма весомой становилась позиция Совета Министров СССР. В конечном итоге, как известно, кто платит, тот и заказывает музыку...

Разумеется, в СССР при наличии на то воли высшего партийно-политического руководства любые разногласия между различными шестеренками госаппарата прекращались моментально. В зависимости от масштаба проблемы для этого достаточно было либо Постановления ЦК, либо решения его Президиума или Секретариата, либо даже указания соответствующего отдела ЦК КПСС. И сразу «изыскивались» финансовые, кадровые и прочие «возможности», все «оформлялось в советском порядке» (то есть в официальных правовых документах) и немедленно подлежало «неуклонному исполнению» под контролем все того же партаппарата. Но в данном случае, судя по всему, на партийном Олимпе не проявили заинтересованности. Больше чем через год после XX съезда и по меньшей мере спустя полгода после постановки вопроса о том, кто же будет практически помогать бывшим зэкам находить рабочие места для «занятия общественно-полезным трудом», а по сути — для того, чтобы не умереть с голоду, высшие советские государственные инстанции все еще продолжали взаимно перекладывать ответственность друг на друга. В мае 1957 года Президиум Верховного Совета, обращаясь к Совету Министров СССР, предложил следующее распределение ролей: «Лица, освобожденные из исправительно-трудовых учреждений, должны быть устроены на работу по специальности не позднее, чем через 2 недели после подачи ими заявлений об оказании содействия в трудоустройстве... Ответственность за своевременное трудоустройство освобожденных... лежит на Советах Министров союзных и автономных рес-

публик и [!] краевых, областных, городских и районных исполнительных комитетах Советов депутатов трудящихся»⁴⁷.

Уже сам факт этой переписки со всей очевидностью указывает: *не действовали на практике* нормы упомянутого выше Постановления Совмина СССР от 8 сентября 1955 года. Ведь пункт 2 этого документа вполне определенно возлагал обязанность трудоустраивать возвращавшихся из заключения сталинских политэзков именно на «руководителей министерств, ведомств, предприятий и учреждений». Казалось бы: чего ж еще? Выполняйте! Но, как видим, эти самые «руководители министерств и ведомств» успешно саботировали «обязанность», перекладывая ее на фактически безвластных «руководителей местных органов власти». Причем — главное! — при попустительстве руководителей органов партийных...

Перипетии развернувшегося в 1956–1957 годах бюрократического «поиска крайних» нам неизвестны. Зато известно много свидетельств того, что потерпевшими вновь стали те самые «граждане, необоснованно привлеченные к уголовной ответственности», о которых будто бы заботилось (на словах!) советское руководство. Таких документальных свидетельств, даже официальных, не говоря уж о многочисленных мемуарных, набирается вполне достаточно. Так, в «Отчете о работе Приемной Председателя Президиума Верховного Совета СССР» за 1957 год упомянуто, что, как и в предыдущие годы, наибольшие трудности возникали у сотрудников Приемной именно в связи с поступавшими просьбами о помощи в устройстве на работу «граждан, освобожденных из заключения... и не имевших прописки»⁴⁸. (Категория бывших заключенных здесь не уточнялась, но в данном случае важен факт сохранявшейся и спустя год после XX съезда неупорядоченности процедур трудоустройства тех, кого освободили из лагерей и ссылки.) То, что проблемы с трудоустройством бывших заключенных сохранялись и традиционно увязывались с часто неразрешимыми трудностями жилищными, следует из аналогичного отчета Приемной Президиума Верховного Совета СССР за 1958 год: «Как правило, те, кто обращается с просьбой помочь с работой, не имеют постоянного места жительства и прописки»⁴⁹. Общее положение дел в последующие годы вполне определенно характеризует справка Верховного суда СССР, датированная январем 1961 года. Этот документ констатировал, что и через четыре года после XX съезда «некоторые руководители организаций и учреждений отказываются предоставлять им (освобожденным из заключения. — *Н.А.*) работу. Когда же они (бывшие заключенные. — *Н.А.*) обращаются в органы внутренних дел, необходимой помощи не получают», недостаточно и содействие комиссий исполкомов местных Советов⁵⁰.

Таким образом, издавна практикуемая советским государством дискриминация бывших заключенных («политических» — прежде всего) продолжалась под покровом политических деклараций и накануне, и после «судьбоносного» XX съезда КПСС. А к концу 1950-х положение бывших сталинских политзаключенных явственно усугубилось. Впоследствии многие из них вспоминали, что ежедневно тогда убеждались: «мода на нас прошла». Именно так выразилась и одна из реабилитированных женщин, рассказавшая, что, окончив в 1960-м пединститут, долго не могла найти работу, хотя избытка школьных учителей вроде бы не наблюдалось⁵¹. Еще труднее приходилось тем, кто по каким-то причинам реабилитации не получил. Павел Негретов вспоминал, что, когда вышла на пенсию заведующая архивом комбината «Воркута-уголь», где ему удалось пристроиться на должность с ничтожной зарплатой, он надеялся получить освободившееся место, так как был дипломированным выпускником исторического факультета. Кадровик поначалу согласился, но, услышав, что официальная реабилитация еще не оформлена, «поскучнел и задумчиво посмотрел в окно на статую Кирова»⁵². (Скрытая ирония состоит в том, что все понимающий «спецбюрократ» — а кадровики на подобных предприятиях, как правило, набирались из отставных «работников органов», — отказывая достойному претенденту, мысленно апеллирует к символу начала «Большого террора».)

Реальную атмосферу противоречивости (если не двусмысленности) периода «после XX съезда» передают действия высшего руководства страны. В ободрение было подрастерявшимся от заявлений на съезде местным парторганизациям ЦК КПСС 19 декабря 1956 года разослал директивное письмо «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». И содержанием, и стилистикой документ живо напоминал погромные постановления ЦК сталинских времен. От всех членов партии ЦК потребовал «решительных мер к пресечению деятельности антисоветских, враждебных элементов», которые «под флагом борьбы с последствиями культа личности... допускают демагогические выпады против партии, подвергают сомнению правильность ее линии». В завершение прямо указывалось: «...из мест заключения возвратилось значительное число амнистированных и реабилитированных...», а среди них и те, «которые злобно настроены против советской власти». С ними предписывалось «поступать так, как мы всегда поступали (курсив мой. — Н.А.) с враждебными нашему строю людьми»⁵³. А Хрущев на очередном пленуме ЦК выразился даже более определенно: «В партии не совсем правильно поняли решения XX съезда КПСС. Много тысяч людей освободили из

заклучения. Но там... и очень нечистые были — троцкисты, зинovieвцы, всякая шваль... Некоторые из них восстановлены в партии... Они сейчас болтают всякий вздор... Надо дать отпор... надо арестовывать... Надо крепить органы разведки (то есть КГБ. — *Н.А.*)»⁵⁴.

Стоит ли удивляться тому, что, благословляемые подобным образом, многие партийцы-чиновники последовательно (и, можно догадываться, с искренним удовлетворением) ущемляли бывших политэзков. В частности, стойко отказывая в приеме на «свои» заводы (КБ, институты, конторы и т.д.) «всякой швали», как выразился «дорогой Никита Сергеевич». Любой произвол «на местах» с легкостью обосновывался ссылкой на «указания центра» и, естественно, оставался совершенно безнаказанным. Так было ли это «произволом на местах» или все-таки *политикой* — несколько видоизмененной, но по-прежнему репрессивной?

СТАТУС И ПРАВА

Возвращавшиеся из заключения часто не знали новых правовых норм (включая и те, что определяли их статус), установленных в стране за годы их вынужденного пребывания в «местах отдаленных и не столь отдаленных». Надо заметить, что советская власть вообще неохотно делилась со своими подданными информацией о законодательстве. Даже тексты собственно законодательных актов публиковались (а публиковались далеко не все!) таким образом, что в большинстве своем оставались недоступны подавляющей массе населения СССР. А уж разнообразные инструкции, правила и т.п., которые вроде бы призваны были «конкретизировать» и привести в действие эти законоустановления (а на деле нередко прямо извращали их), как правило, издавались под грифами «для служебного пользования» и «секретно». Делалось все это, несомненно, чтобы граждане неизменно оставались уязвимыми при любом контакте с властью, а власть — бесконтрольной в своем «выборочном» исполнении собственных законодательных деклараций. (Вспомним, что диссидентов-правозащитников бросали в лагеря и спецпсихбольницы за обращенное ими к власти требование: «Соблюдайте Конституцию СССР!») Фактически освободив себя от обязательности исполнения законов, власть, тем не менее, неуклонно осуществляла в отношении граждан принцип: незнание законов не освобождает от ответственности за их неисполнение. Но еще вернее незнание «освобождало» именно от *прав*. С.К.Бондаревский, пострадавший в аварии осенью 1956 года по ви-

не администрации завода, где работал после лагерей, вспоминал: «Вследствие аварии левая рука осталась искалеченной, но никто не надоумил меня требовать направления на комиссию для установления инвалидности. Сам же я после многолетнего заключения и ссылки не знал законов о труде и покалеченный вернулся на работу»⁵⁵. Но даже и знание действовавших правовых норм еще не гарантировало возможность их реализовать. Это в полной мере относилось и ко всему комплексу прав, что посулили реабилитированным.

Факты свидетельствуют о длительной неразберихе, обусловленной отсутствием ясности в практике применении Постановления Совмина СССР от 8 сентября 1955 года. Насколько трудно или даже невозможно оказывалось добиться декларируемых этим Постановлением льгот при трудоустройстве, мы уже убедились. Но ничуть не меньшие проблемы возникали и в связи с выплатой денежных компенсаций за неполученную из-за арестов зарплату, за конфискованное имущество и сберегательные вклады. Так, если приговоров и сроков заключения у реабилитированного насчитывалось два и более и, соответственно, по нескольким делам последовала реабилитация (Ю.О.Домбровский, например, как уже упоминалось, получил четыре реабилитации), логично было бы ожидать и компенсацию за *каждое* место работы, потерянное из-за арестов. Однако после длительной переписки последовало окончательное разъяснение: компенсация реабилитированным выплачивается единожды и только в размере двухмесячного должностного оклада на момент первого ареста⁵⁶. Это правило распространялось и на административно высланных, а также на членов семей тех, кого реабилитировали посмертно⁵⁷.

Сложной была и сама процедура выплат. Прежде всего потому, что к заявлению о компенсации требовалось приложить официальную справку с прежнего (до ареста) места работы с указанием общего трудового стажа, занимаемой должности и размера должностного оклада на момент ареста⁵⁸. Поскольку многие организации и предприятия 1930–1950-х годов ко второй половине 1950-х либо растеряли свои документы (из-за войны, эвакуации, оккупации или по иным причинам), либо сменили адреса, их было крайне трудно найти, и порой получение справки с прежнего места работы становилось неразрешимой проблемой. Добавим сюда неспешность канцеляристов и архивистов, огромность расстояний, неизбежные огрехи почтовой службы, — и получим картину долгих и унижительных мытарств, на которые были обречены сотни тысяч людей по всей стране дополнительно к мытарствам собственно реабилитационным. А других подвергли особо изощренному унижению, объявив, что им компенсация

вовсе «не полагается», так как на момент ареста они не работали. Даже если они были уволены ретивым начальством в *преддверии* ареста под каким-либо формальным предлогом.

ПОЛОЖЕНИЕ СТАЛИНСКИХ УЗНИКОВ ПОСЛЕ XX СЪЕЗДА КПСС

31 декабря 1955 года Президиум ЦК КПСС по инициативе Н.С.Хрущева учредил комиссию под председательством секретаря ЦК П.Н.Поспелова специально «для установления причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии»⁵⁹. Как видим, поначалу полномочия комиссии ограничились достаточно жестко. Но, надо полагать, некие устные указания заставили комиссию (а в ее состав входили также секретарь ЦК А.Б.Аристов, председатель КПК Н.М.Шверник и его заместитель П.Г.Комаров — опытные аппаратчики, никогда бы не решившиеся на «самодеятельность») выйти за эти границы. Во всяком случае, представленный 9 февраля 1956 года доклад комиссии серьезно выходил за рамки выяснения судьбы только состава ЦК образца 1934-го, впервые официально приоткрывая завесу умолчания над массовыми репрессиями 1930—1940-х годов в целом⁶⁰.

Разумеется, речь шла, в сущности, о секрете Полишинеля: не только члены Президиума ЦК, в большинстве своем сами приложившие руку к сталинским репрессиям, но и многие рядовые партийцы и беспартийные граждане СССР имели достаточно четкое представление о том, что творилось в стране в период, который много позже писатель Анатолий Рыбаков многозначительно назовет «1935-й и другие годы». Но, будучи оформлены в виде официального документа, санкционированного высшей инстанцией в стране, сведения о массовых репрессиях приобретали свойства острого инструмента в борьбе за власть между сталинскими преемниками.

Материалы поспеловской комиссии легли в основу знаменитого «секретного» доклада Н.С.Хрущева «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 года⁶¹. Хрущев впоследствии утверждал, что настаивал на необходимости на съезде «чисто-сердечно рассказать всю правду»⁶². До «всей правды» дело так и не дошло, но извлечь максимальные политические дивиденды из правды *дозированной* Хрущеву, как известно, удалось вполне. После своего доклада на съезде он действительно приобрел в стране и массовую популярность, и, что важнее, прочную политическую поддержку. Из лагерей и ссылки, что называется, «валом валили» освобожденные

сталинские политезэки. Теперь многие из них и их близкие могли адресовать свою вполне искреннюю благодарность персонально Хрущеву. Но и партгосноменклатура тоже переживала своего рода освобождение: от страха перед продолжением «чисток». Завуалированное возмущенным рассказом о массовых репрессиях 1930-х, заявление Хрущева делегатам съезда об отказе от методов Сталина прочно обеспечило ему место единственного преемника власти Сталина. Так информация о массовых репрессиях впервые сыграла свою политическую роль, а жертвы репрессий вторично стали разменной монетой в борьбе за высшую власть в СССР.

Что же касается собственно судьбы сталинских узников, то первоочередным результатом съезда для них стало определенное повышение темпов и эффективности процедур освобождения и реабилитации. Если верить официальным цифрам, на 1 января 1956 года в лагерях и тюрьмах оставалось до 114 тыс. «осужденных за контрреволюционную деятельность» (не считая огромной массы ссыльных и высланных, которые пребывали на «спецпоселениях» и под «гласным надзором») ⁶³.

Инструментом ускорения их освобождения, то есть решения болезненной социально-экономической и политической проблемы, стоявшей перед высшим руководством СССР, стали созданные сразу же после партийного съезда специальные комиссии. Формально считалось, что они образованы официальным высшим государственным органом страны — Президиумом Верховного Совета СССР. На самом деле инициатива их создания, конечно, исходила от руководства партии, под чьим неусыпным контролем они и действовали. На наш взгляд, есть основания полагать, что в этих комиссиях нашли окончательное организационное воплощение бюрократические поиски, которые велись с 1954 года (см. главу III).

Еще в конце февраля 1956-го Прокуратура СССР представила ЦК КПСС разработанный ею проект директивы «комиссиям по проверке обоснованности содержания заключенных в местах лишения свободы». В отличие от предшествующих образцов бюрократического творчества Прокурора Руденко этот проект предусматривал обязательное собеседование с каждым политзаключенным, обоснованно требовавшим пересмотра своего приговора ⁶⁴. В результате дальнейших доработок появилась на свет и 19 марта 1956 года была утверждена Президиумом ЦК КПСС (оформили все тогда же Указом Президиума Верховного Совета СССР) «Директива о порядке работы комиссий Президиума Верховного Совета СССР по рассмотрению дел на лиц, отбывающих наказание за политические, *должностные и хозяйственные* (курсив мой. — *Н.А.*) преступления» ⁶⁵.

На этой нормативной базе сформировали центральную и 97 выездных комиссий, которые вскоре в лагерях стали именоваться «разгрузочными». В их состав дополнительно к представителям партийных, судебных, прокурорских и правоохранительных органов (всего 360 человек) включили пятнадцать бывших политзаключенных из числа уже реабилитированных «особо проверенных и надежных» партийцев⁶⁶. Решающего голоса они, конечно, не могли иметь и не имели уже хотя бы потому, что их общая численность оказалась вшестеро меньше числа самих комиссий. Но соблюдалась видимость сугубой справедливости: решения комиссий как бы заранее подкреплялись авторитетом «старых большевиков, лично пострадавших от бериевской банды».

Центральную комиссию возглавил секретарь ЦК КПСС А.Б.Аристов. В состав ее включили зам. зав. Отделом административных органов ЦК (это подразделение партаппарата непосредственно координировало деятельность, в частности, всех правоохранительных органов страны), секретаря Президиума Верховного Совета, а также «первых лиц» Прокуратуры, МВД, КГБ и МЮ СССР. С момента учреждения этих комиссий упразднились прежние Центральная и местные комиссии ЦК КПСС, созданные 4 мая 1954 года «для пересмотра дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления» (см. главу III). Упраздненная, таким образом, Центральная комиссия ЦК спустя месяц (16 апреля 1956 г.) представила в ЦК КПСС доклад об итогах своей деятельности. Этот документ был выдержан и в нормах высшей секретности: все приведенные в нем цифры председатель комиссии Прокурор Руденко лично вписал от руки в единственный машинописный экземпляр, что свидетельствовало о крайней политической остроте материала. Доклад фиксировал, что с мая 1954-го по март 1956 года были пересмотрены дела на 337 183 человека. Из них 153 502 приговора (45,5%) были так или иначе смягчены или вовсе отменены, а 183 681 ранее вынесенных приговора (54,5%) оставили в силе. Причем о полной реабилитации (хотя это и не акцентировалось) речь шла крайне редко: упомянуто, что решениями Центральной комиссии «полностью прекращены дела только 4559 человек»⁶⁷.

Согласно решению Президиума ЦК КПСС, вновь учрежденным комиссиям Президиума Верховного Совета надлежало завершить работу уже к 1 октября 1956 года. И действительно, 17 октября 1956 года А.Б.Аристов представил в ЦК итоговый доклад о проведенной работе⁶⁸. Надо признать, что «разгрузочные» комиссии существенно развили те результаты, которые были достигнуты за предшествующий период освобождения жертв сталинских репрессий. За неполные семь месяцев им удалось рассмотреть дела 176 325 человек, освободив

свыше ста тысяч из них (56,2%). При этом непосредственно из числа политзаключенных (ведь рассматривались и дела осужденных за «должностные и хозяйственные преступления») освободили 50 944 человека, то есть почти половину из 114 тыс., оставшихся, как мы помним, в заключении к началу года⁶⁹. Общий результат интенсификации процесса возвращения эков из лагерей после XX съезда был даже более впечатляющим. В.П.Наумов пишет примерно о миллионе освобожденных, отмечая, что «сотни тысяч» возвратились из тюрем и ссылки вскоре после съезда⁷⁰. Н.А.Барсуков уточняет, что общее число *реабилитированных* к середине 1957 года составило 232 тыс., а к началу 1961-го достигло 737 182⁷¹. (Впрочем, он не проясняет, каков был процент реабилитированных *посмертно*.)

Это о внешней — количественной — стороне дела. А вот с нравственной все обстояло гораздо менее благополучно. Сами заключенные оценивали процедуры освобождения и реабилитации весьма критически. По утверждению А.И.Кауфмана, у большинства его солагерников сложилось убеждение: членам комиссии не нравятся те, кто заявляет, что осужден без веских оснований. Им также не нравилось выслушивать рассказы о беззакониях и истязаниях. Они предпочитали, чтобы заключенные лишь покорно отвечали на задаваемые вопросы⁷². Солженицын, негодуя, отмечал вопиющий контраст между тем, как вела себя «разгрузочная» комиссия, и тем, какой в лагере ожидали ее увидеть: «Не должна ли была бы эта комиссия выйти перед строем, снять шапки и сказать: „Братья! Мы присланы Верховным Советом просить у вас прощения. Годами и десятилетиями вы томились тут, не виновные ни в чем, а мы собирались в торжественных залах под хрустальными люстрами и ни разу о вас не вспомнили... Мы — соучастники убийств. Примите же наше позднее раскаяние, если можете“»⁷³. Конечно же, наивно было ждать подобной романтичности от этих отборных партаппаратчиков, прокуроров и офицеров КГБ: не было среди них способных к покаянию. Они сделали то, что им и приказали: «разгрузили» лагерь, обозначив незамедлительность выполнения «решений съезда партии». А что выступали в роли *прощающих*, когда впору было самим просить прощения у тех, кого ранее безвинно обрекли на мучения, так это нисколько не противоречило советской морали. Как и то, что явно далеко не всех успели они «простить», поспешая отрапортовать о «завершении работы» в срок.

Однако, как бы то ни было, летом 1956 года в стране освободили массу заключенных: «На железнодорожных станциях и в поездах появились выпущенные из лагерей, со свинцово-серыми волосами, ввалившимися глазами и потухшим взглядом; они задыхались и, как ста-

рики, еле передвигали ноги»⁷⁴. Даже самим себе они иногда казались чужими⁷⁵. Уже перестав быть заключенными, никто из них еще не ощутил себя действительно свободным. И все же им было лучше, чем их товарищам, оставшимся томиться в неволе. Время было смутным и для чиновников, и для узников. Первым приходилось пересматривать привычные установки, которые ранее оправдывали репрессии, вторым предстояло пересмотреть свое отношение к системе, которая, бросив их в тюрьмы, теперь вроде бы намеревалась склеить их разбитые судьбы.

В черед смены ориентиров и указаний разобраться оказывалось крайне непросто. Прокуратура Красноярского края в октябре 1956 года обратилась в Прокуратуру СССР, сетуя, что уже давно ждет ответа: что делать с находящимися в десятилетней ссылке с 1948 года детьми «врагов народа», а также сосланными после лагерных сроков «особо опасными преступниками». Ответ гласил: «Если в крае остались ссыльные последней категории... надлежит принять меры к их освобождению»⁷⁶. Действительно «надлежит», ведь Указ об их содержании в ссылке отменили еще в марте 1956-го!

Некоторым освобожденным политэнкам было еще рано надеяться на реабилитацию, но они пытались добиться некоторого улучшения своего положения. Запрос Прокуратуры Эстонской ССР в союзную Прокуратуру касался правового статуса осужденных за «сотрудничество с оккупантами» в период войны (на самом деле — побывавших в плену)⁷⁷. Они протестовали против ограничений в выдаче паспортов, поскольку амнистия от 17 сентября 1955 года (по которой были освобождены 55 480 человек в 1955 году и 4130 — в 1956-м) восстановила их в правах. Однако органы милиции ЭССР отказывали в обмене паспортов, ссылаясь на собственную трактовку соответствующего приказа Прокурора СССР, министра внутренних дел СССР и председателя КГБ при Совете Министров СССР⁷⁸. Прокуратура ЭССР заняла иную позицию, полагая, что сентябрьская амнистия подразумевала отмену приговора и восстановление в правах, и настаивала на скорейшем подтверждении своей правоты, мотивируя это тем, что завалена жалобами. Прокуратура СССР в ответ разъяснила, что эстонская милиция действует неправоммерно, отказывая в чистых паспортах тем, кто освобожден по сентябрьской амнистии 1955 года⁷⁹. В дальнейшем из-за большого числа запросов Президиум Верховного Совета даже оказался вынужден издать пояснения к Указу об амнистии от 17 сентября⁸⁰.

Реабилитация становилась для возвращающихся из лагерей и ссылки жизненно важной потому, что от нее зависело очень многое: работа, жилье, выплата компенсаций. Но возник бюрократический

барьер из-за неясности: могут ли считаться реабилитированными заключенные, освобожденные комиссиями Президиума Верховного Совета в 1956 году⁸¹. В связи с этим, например, Прокуратуре Казахской ССР пришлось в сентябре 1956 года специально разъяснять облпрокурорам республики: «Освобожденные из мест заключения за отсутствием состава преступления решениями комиссий Президиума Верховного Совета СССР считаются реабилитированными и имеют право на все льготы, включая двухмесячный оклад, в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 8 сентября 1955 г.»⁸².

В данном случае ясность внесли, но насколько последовательно все это воплощалось в жизнь — другой вопрос. Пока в высших эшелонах власти упражнялись в политических декларациях, на местах зачастую оставались в неведении относительно юридической базы провозглашаемых перемен. Это усиливало системное пассивное сопротивление основной части бюрократии любым позитивным переменам. Поводов находили предостаточно. Например, некоторые категории освобожденных «разгрузочными» комиссиями хоть и считались реабилитированными, но справок об этом не имели, так как ни лагеря, ни сами комиссии таковых не выдавали. Следствием часто становились отказы в предоставлении, казалось бы, естественных прав. Так, одной из заключенных, освобожденных комиссией в мае 1956 года, отказали в восстановлении в университете, поскольку у нее отсутствовала справка о реабилитации. Она обратилась в Президиум Верховного Совета, который, в свою очередь, переслал ее письмо в Прокуратуру. Ответ гласил: «Оснований для пересмотра Вашего дела не имеется»⁸³. Реабилитации она добилась только через девять лет... Еще тяжелее приходилось тем, кого освободили по амнистии. Е.И. Муравьева, амнистированная еще в 1953-м, безуспешно добивалась реабилитации с июля 1955-го по июль 1956 года и недоумевала: «Я не понимаю, почему меня наказывают дважды. Первое наказание — лагерь и ссылка; второе — отказ в реабилитации»⁸⁴.

Между тем, как мы уже видели, в том же 1956 году начал определяться курс на корректировку «слишком активной» десталинизации. Добавим, что закрытое письмо ЦК КПСС от 19 декабря 1956-го, в частности, повлекло за собой подготовку в аппарате Верховного суда СССР проекта постановления «Об устранении ошибок в работе судов по рассмотрению дел о контрреволюционных преступлениях». Ритуально оговорив в преамбуле необходимость реабилитировать тех, кого в сталинские годы репрессировали необоснованно, авторы документа излагали затем суть дела: «...суды, особенно за последнее время, допускают иногда серьезные ошибки... свидетельствующие о притуплении бдительности и недооценке опасности контрреволюци-

онной деятельности... Наблюдаются случаи прекращения производством уголовных дел на осужденных за антисоветскую агитацию... При этом прекращение мотивируется тем, что эти высказывания не содержат непосредственного призыва к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти». Постановляющая часть документа содержала указание судам руководствоваться тем, что «партия и советское государство против лиц, ведущих антисоветскую деятельность, всегда вели и *впредь будут вести* (курсив мой. — Н.А.) самую решительную борьбу, что диктатура пролетариата... должна быть твердой и беспощадной». Завершалось все требованием «при рассмотрении каждого конкретного дела о контрреволюционных преступлениях» учитывать «необходимость решительной и беспощадной борьбы» с ними⁸⁵.

23 января 1957 года этот проект Постановления из Верховного суда отправили на согласование в Прокуратуру СССР и КГБ. Замечания за подписью председателя КГБ, хрущевского ставленника генерала Серова датированы 2 февраля. Серов предложил еще более заострить и без того репрессивную нацеленность постановления. В его редакции от судов требовалось «всесторонне учитывать все данные, характеризующие личность обвиняемого, с тем чтобы не допустить оправдания или вынесения мягкого наказания в отношении действительных врагов советского государства»⁸⁶.

На деле это привело бы к полномасштабному возобновлению репрессивной практики. Причем даже не в «ежовско-бериевском», но в еще более диком чекистском варианте образца 1918–1919 годов, когда основанием для массовых казней часто служила исключительно социальная принадлежность, то есть тот самый «учет данных, характеризующих личность» фактически совершенно безвинных «обвиняемых». Хотя данный проект так и не обрел силу постановления, а в июне 1957 года был разработан существенно более мягкий новый проект (который, видимо, также не ввели в действие), общая атмосфера в руководстве советским карательно-репрессивным механизмом вполне очевидна.

Исследователь из «Мемориала» А.Г.Паповян вполне обоснованно увязывает разработку и согласование этих документов с существовавшим на тот момент балансом сил в руководстве страны и обращает внимание на «значительное увеличение в 1957 году дел по контрреволюционным преступлениям»⁸⁷. По его данным, число осужденных за политические преступления в 1957 году составило 2948 человек, что больше, чем в 1954 году на 25%, а по сравнению с 1955-м и 1956-м — соответственно на 200% и почти на 400%. Увеличение числа обвинений по политическим мотивам в 1957 году фиксирует и Н.В.Петров,

который в качестве эксперта правительственной комиссии по передаче документов КГБ на государственное хранение одним из первых среди историков смог ознакомиться с этими документами в начале 1990-х⁸⁸. А.Г.Паповян замечает, что, хотя число осужденных в 1957 году значительно меньше, чем в последние годы при Сталине (27 098 человек в 1952-м и 13 611 в 1953-м), уже сами по себе цифры 1957 года «были острым сигналом» о нерепформируемости системы карательных органов СССР⁸⁹.

Хорошо известна общая непоследовательность внутривластного курса хрущевского периода. В.П.Наумов указывает на безжалостные расстрелы демонстраций в Тбилиси в 1956 году и в Новочеркасске в 1962-м как всего лишь на отдельные факты из целой череды случаев применения жестоких репрессивных мер при Хрущеве⁹⁰. Историк А.В.Антонов-Овсеенко — сын знаменитого большевистского лидера эпохи Гражданской войны, павшего жертвой сталинского террора в 1938-м, — утверждает, что кампанию реабилитации поддерживали только в центре, но и там некоторые чиновники лишь симулировали одобрение резкого поворота «линии партии». В провинции, полагает он, преобладали скорее испуг и недоверие⁹¹.

Часто это выглядело так, будто правая рука не знает, что делает левая. Например, пока реабилитировали жертв репрессий 1930—1940-х годов, продолжали плодить все новых политзаключенных. Такие противоречивые действия следовало прекратить. В результате прекратилась... реабилитация. В 1964 году пересмотрели только 28 дел, а в 1965-м процесс фактически остановился⁹².

Другим признаком непоследовательности реабилитационного процесса, по мнению С.Виленского, стало уничтожение в первой половине 1960-х сотен тысяч архивных дел на заключенных. Объяснение таково: «Те, кто отдал это распоряжение, хотели замести следы своих преступлений». Виленский добавляет, что в Москве тогда же были уничтожены домовые книги, которые могли бы помочь в уточнении числа арестов⁹³.

«ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР»

У руководства страны не было ясного представления о том, как изменить отношение чиновников к людям, возвращавшимся из лагерей, и в какой мере можно открыть населению правду о ранее совершенных злоупотреблениях власти. И это неизбежно вело к провалу попыток осуществить «вниз» спускаемые «сверху» официальные ди-

рективы, касающиеся реабилитации. На процессе реабилитации отражалось и двойственное — на всех уровнях общества — отношение к репрессированным. Что касается бывших политзаключенных, то они в большинстве своем начинали принципиальную борьбу за свою реабилитацию, движимые личными, социальными и политическими причинами. Главным было стремление добиться равных прав и положения с теми, на кого никогда не смотрели с подозрением. Кроме этого, как указывает А.Б.Рогинский, статус реабилитированного «влият на конкретные факторы, которыми измерялось возвращение, — возможность найти жилье, работу и т.д.». В связи с этим для выходящих из заключения «реабилитация стала священным словом, а справка о реабилитации — священным документом»⁹⁴.

Реабилитация проходила в три приема: освобождение (фактический выход из заключения), получение справки о реабилитации (возвращение гражданских прав) и, наконец, восстановление в партии тех, кто ранее был ее членом (восстановление политического и общественного статуса). Пересмотр приговора, к примеру, был схож с реабилитацией, поскольку давал определенные льготы, но в советском понимании не был равен реабилитации. Те, кого не реабилитировали, испытывали «вечную неуверенность», которая остро проявлялась, в частности, при заполнении анкет⁹⁵. Однако были и те, кто, страшась любого контакта с властью, не решался даже подать заявление о реабилитации⁹⁶. Другие не желали унижаться до этого⁹⁷.

При этом все мучения, связанные с обретением статуса реабилитированного, по иронии судьбы нередко оказывались тщетны, так как политическое клеймо сохранялось, а кадровиков и домоуправов факт реабилитации не впечатлял. Один из мемуаристов «так называемую реабилитацию» прямо назвал фальшивкой, поскольку, по его утверждению, все бывшие зэки, даже члены партии, оставались под наблюдением⁹⁸. Другому в КГБ сказали: «Клеймо сняли, но пятно осталось», поэтому он может забыть о своей специальности и должен довольствоваться назначенной пенсией и предоставленным жильем⁹⁹. Третий вспоминает 1957 год и свою реабилитацию: «После восемнадцати лет мучений мне дали двухмесячную зарплату преподавателя Московского историко-архивного института, где я работал до ареста, меня поставили на очередь на квартиру, и еще два года я влачил жалкое бездомное существование»¹⁰⁰.

Многие социальные и политические факторы осложняли реабилитационный процесс. А.Б.Рогинский указывает на противопоставление «гласности ареста» (открытости, с которой проводились аресты) «тайне реабилитации» — чуть ли не секретному процессу. Когда государство подвергало свою жертву репрессиям — это становилось

широко известно; когда же государству приходилось признавать свою «ошибку», это оставалось частным делом реабилитируемого. Но в обеих процедурах жертвы неизменно шельмовались. Они являли собой политическое недоразумение, поскольку сам факт реабилитации ставил власть лицом к лицу с прошлым. Реабилитированные являли собой укор — как прошлому, которое власть не могла защитить, так и настоящему, к которому она еще не приспособилась. Одна из бывших заключенных отметила: «Даже если бы нас приняли радушно, мы знали, что государство в целом все еще живет по прежним законам. Ничего существенно не изменилось... Нам вернули нашу свободу, но сделали это очень тихо»¹⁰¹.

Особенно очевидно проявлялось отношение к бывшим узникам в тех случаях, когда для реабилитации они должны были представить характеристику с прежнего места работы. В общей атмосфере социального недоверия получить положительную характеристику им часто было крайне трудно. (Более охотно давали характеристики после XX съезда.) Одна из корреспонденток «Мемориала» в своем письме рассказывала, что, добиваясь посмертной реабилитации мужа, собрала свидетельства ряда офицеров Военно-воздушной академии им. Жуковского, где ее муж служил до ареста. Два таких письма-справки, написанные в июне 1956 года, позволили добиться довольно скорой реабилитации.

Нередко власть пыталась заставить уцелевших реабилитированных стать столь же политически инертными, как их собратья, реабилитированные посмертно. Многих предупреждали, чтобы они не ворошили прошлое. Ю.А.Анохин, освобожденный в 1960 году, получил паспорт без ограничений с условием — молчать о том, что видел в «зоне»¹⁰². В другом случае заключенную, освобождаемую из лагеря в 1956 году, заставили подписать — под страхом лишения свободы еще на три года — обязательство не разглашать сведения о лагере и не выполнять просьбы сокамерников¹⁰³.

Несмотря на страх повторного заключения, зачастую было трудно удержаться от рассказов о перенесенных страданиях. Еще тяжелее стало молчать в эпоху массовой реабилитации и относительной либерализации. Бывшая ссыльная, дочь «врага народа» возмутилась, получив в 1957 году справку о посмертной реабилитации отца. Она заявила Военной коллегии Верховного суда: «У вас заняло двадцать лет, чтобы выяснить, что он не был виновен, я же знала это всегда... Так скажите мне, как могла случиться такая чудовищная несправедливость, уничтожившая столько честных, преданных людей!»¹⁰⁴ Ее пытались успокоить, рассказывая, какие льготы дает эта справка. Право задавать подобные вопросы в число льгот не входило. От этой жен-

щины и ей подобных реабилитация требовала молчаливого согласия не вспоминать о прошлом в обмен на некоторые льготы в настоящем.

Юрия Айхенвальда, сына репрессированных родителей, отправили в ссылку в 1949 году. В 1951-м он оказался в Ленинградской спецпсихбольнице, где его продержали до освобождения в 1955-м. Затем реабилитировали. В своем сборнике воспоминаний и стихов он, в частности, рассказывает о знакомой, которая вернулась в Москву после реабилитации. Многие не могли смотреть ей в глаза, ранее признав «врагом народа». Айхенвальд говорит о ее двойном наказании: шельмовании во время репрессий, а затем отторжении обществом, в котором она пробуждала нежелательные воспоминания и укоры совести. Преобладающим настроением в обществе становилось: «Хватит уже о 1937-м»¹⁰⁵.

Возможно, общество не было равнодушным, но в его реакции отражалось чувство невыносимой вины. Зигмунд Фрейд, указав на парадокс, когда чувствительность выступает в обличии равнодушия, пояснил это следующей притчей. Нищий, постучавшись в богатый дом, поведал хозяину обо всех своих несчастьях. Богач вызвал дворецкого и со словами: «Никогда не слышал ничего ужаснее. Это невыносимо» — приказал прогнать нищего¹⁰⁶. Стать свидетелем затруднительного положения жертв репрессий в СССР было не только политически рискованным, но и эмоционально обременительным. Изоляция и обвинение жертвы оказывались самым простым, хотя и жестоким выходом из положения.

В литературных произведениях, касавшихся проблем десталинизации, реабилитация часто рассматривается как — *условное* прощение, и условие это: обязательство молчать¹⁰⁷. Соответствовало ли это действительности? По словам Л.Шатуновской, многие из тех, кого восстановили в партии и вернули на должности, были «очень осторожны» и о прошлом не говорили¹⁰⁸. Стивен Коэн пишет о «неписаном, но часто упоминаемом общественном договоре», который предлагали заключить прошедшим ГУЛАГ: «Мы вас освободили, поможем вам с работой и с некоторыми льготами и оставим в покое. За это вы должны не предъявлять политических требований и не разглашать обстоятельств прошлого»¹⁰⁹.

В художественной литературе (за неимением более безопасной сферы) под видом авторского вымысла иногда открыто признавалось, что реабилитация покупается молчанием и продается в обмен на молчание. Проиллюстрируем это на примере повести Иосифа Богораза «Отщепенец». Судьба автора дала ему полное право говорить о репрессиях, и говорить со знанием дела. (Сам репрессированный, он наблюдал, как репрессии расходились вокруг все расширяющимися

кругами, пока не поглотили всех, кто был с ним связан. Вопросник «Мемориала», заполненный его дочерью — Ларисой Богораз, свидетельствует о девяти членах семьи, оказавшихся в заключении. В их числе и первый муж Ларисы Юлий Даниэль, суд над которым в 1965 году возвестил миру о диссидентах, и ее второй муж, Анатолий Марченко, умерший в заключении в 1986 году¹¹⁰.)

Повесть Богораз начинается с похорон бывшего зэка Павла. Проститься пришли многие, их рассказы о советском обществе после Сталина даны в ретроспективе. В этих отступлениях автор исследует личные предпочтения персонажей, подробно излагает их аргументы и пытается объяснить, почему так много бывших заключенных хранят молчание. Повесть поднимает вопрос, почему моральные принципы, которые поддерживали в зэках мужество в годы неволи, не стали основой твердой позиции в активном поиске правды, когда репрессии официально прекратились. Ответ, в сущности, в том, что партия при Хрущеве предложила осужденным по политическим обвинениям сделку: реабилитация в обмен на молчание. Годы лишений сделали людей стоворчивыми, и они согласились молчать — лишь бы никогда вновь не оказаться «там». Бывшим заключенным хотелось оставить тяготы позади, вернуть утраченное или даже обрести что-то новое. Более того, многие и в лагере сохраняли верность партии и теперь были готовы служить ей.

Два персонажа повести Богораз персонифицируют два противоположных подхода к реабилитации. Павел не может приспособиться к положению реабилитированного, не хочет восстановления в партии, не прощает. Другой персонаж — прагматик. Сущность его подхода — «ты вернулся... так прости и займи достойное место в партии». Павлу претит прагматизм: «От вас откупились... двухмесячным окладом-компенсацией, реабилитацией, хорошей работой... квартирами, дачами, персональными пенсиями... Воркуты никогда не было... Вы продались». Он саркастически заявляет: «Вам заткнули глотки, молчите, ведь вы в завидном положении»¹¹¹. Это литературное произведение, но в нем реалистично отражена жизнь¹¹².

Зоря Леонидовна Серебрякова

Несмотря на трудности, с которыми сталкивались многие возвращавшиеся политические заключенные, немалое их число при Хрущеве устроилось вполне благополучно. Они настаивают, что явного или неявного обязательства о неразглашении не было. Зоря Серебрякова, дочь «врага народа» Леонида Петровича Серебрякова,

потеряла и отца, и отчима — Григория Яковлевича Сокольников (высокопоставленных советских чиновников из числа «старых большевиков») во время Большого террора. Ее мать провела 20 лет в тюрьмах и лагерях. (С.Коэн приводит Серебрякову-старшую как пример бывшей заключенной, «которая смогла высоко подняться в советском истеблишменте, внешне простив или забыв ГУЛАГ»¹¹³.) Отца Зори арестовали в 1936-м, и к тому времени, когда ее отправили в детский дом, его уже не было в живых¹¹⁴. В этом детском доме с решетками на окнах ее, как и других детей «врагов народа», сфотографировали под номером и сняли отпечатки пальцев¹¹⁵. Затем Зоря присоединилась к матери в ссылке в Семипалатинске. Там она училась с 1945-го по 1947 год и в 1948-м вышла замуж. Ее мужа в 1949-м арестовали за «связь с семьей врага народа» Серебрякова.

Когда в 1950-м Зоря вернулась в Москву, ее тоже арестовали. Очевидно, посчитали крайне неблагонадежной, поскольку теперь и замужем она была за политзаключенным, и мать ее была политзаключенной, и отец с отчимом были «врагами народа». Она провела два месяца в следственном изоляторе, а ее грудного сына отправили в детский дом. В ноябре того же года Зорю приговорили к десяти годам, но не лагерей, а ссылки, в которую позволили взять сына. Она вспоминает, что была так счастлива услышать об изменении меры наказания, что вскочила и расцеловала того, кто зачитал приговор. В ссылке в деревне под Джамбулом она работала учительницей русского языка в казахской школе. В 1952 году ей удалось получить работу преподавателя английского, но она так и не смогла устроиться по своей специальности — преподаватель истории.

В 1955-м З.Л.Серебряковой наполовину сократили срок, что позволило ей выйти на свободу на основании мартовской амнистии 1953 года. Она с сыном вернулась в Москву и остановилась у друзей. Серебрякова утверждает: «Когда умер Сталин, террор прекратился... Репрессии могли продолжаться, но террора не было. При Хрущеве можно было говорить все». И добавляет: «У нас не было такой ужасной коррупции, как сейчас»¹¹⁶. (Правда, по другому поводу и в другом месте она вспоминала, как в дом к друзьям, у которых она остановилась, пришел милиционер и потребовал, чтобы «политически скомпрометированная особа» покинула столицу в 72 часа¹¹⁷.) Несмотря на пережитое в молодости, а возможно, из-за достигнутого в зрелости, Зоря Леонидовна не соглашалась с тем, что советская система неразрывно связана с репрессиями.

Реабилитировали ее в феврале 1956-го. А 14 февраля 1956 года, в первый день работы XX съезда КПСС, реабилитировали и ее мать — Галину Серебрякову. Дело отца Главная военная прокуратура тогда и

не собиралась пересматривать (его реабилитировали уже при Горбачеве), но с Зорей обошлись прилично. Став научным сотрудником Института истории АН СССР, она защитила кандидатскую диссертацию при Хрущеве и докторскую — при Горбачеве.

Зоря Леонидовна настаивает, что с конца 1955-го до 1964 года к реабилитированным относились как к героям¹¹⁸. Действительно, некоторых высокопоставленных функционеров, освободив, сразу же реабилитировали, восстановили в партии и официально чествовали как ветеранов партии и строителей коммунизма¹¹⁹. Одного военного инженера, который находился в заключении с 1938-го по 1948 год, в 1970-х буквально завалили официальными поздравлениями с юбилеями, а также с 30-летием Победы, неизменно подчеркивая его «заслуги перед Родиной» и умалчивая о годах неволи¹²⁰.

ПРОБЛЕМА ВОЗВРАЩЕНИЯ КОНФИСКОВАННОГО ИМУЩЕСТВА

С компенсациями за имущество, конфискованное при аресте, дело обстояло так же, как с восстановлением социального и правового статуса. Начисление и выплата компенсаций затруднялись неприязненным отношением со стороны многих советских чиновников, что еще более усугубляло обычную неразбериху. А поскольку перечни вещей, составленные в момент ареста, зачастую были так же противозаконны, как сам арест, то даже в тех случаях, когда чиновники хотели помочь, им было трудно определить, что же подлежит возврату. Ведь запросы о возвращении оказавшегося в руках государства часто основывались лишь на словах жертв, а не на официальных документах¹²¹. А мы уже имели возможность видеть, как мало доверия оказывало советское государство своим жертвам.

К началу 1956 года отсутствовали правовые нормы, определяющие, по какой шкале реабилитированные смогут получить компенсацию за конфискованное у них некогда имущество: в ценах 1956 года или же по оценке НКВД 1937–1938 годов¹²². Так, например, Е.П.Смагленко перечисляет конфискованное при аресте ее деда: антикварный ковер, фарфоровый сервиз, швейцарское охотничье ружье, золотые часы, обручальное кольцо и многое другое. Назначенная цена всех этих вещей (к тому же опись сильно сократили, многое просто не упомянув), по ее словам, была настолько смешной, что, когда ее бабушка представила этот документ во время реабилитационных процедур, «даже юристы возмутились»¹²³. Золотые часы, к примеру, часто записывались как «часы из желтого металла» и оценивались

соответственно¹²⁴. В тех случаях, когда конфискованное имущество невозможно было вернуть, чиновники определяли размер финансовой компенсации, основываясь на подобных описях, хотя знали, что они неверны. Более того, даже если члены семьи получали копию описи конфискованного имущества, ее тоже изымали, когда их самих арестовывали¹²⁵. Иной раз явно неполные описи подписаны членами семей, которым из-за неразберихи и шока в момент ареста их родных и любимых было не до уточнений. Вдова посмертно реабилитированного старого большевика, увидев в 1957 году список конфискованного у них имущества, возмутилась: «Судя по этому списку, из мебели мы имели только табуретки, а ели из глиняных мисок оловянными ложками. Тогда я не обратила на это внимания и просто подписала то, что мне дали подписать»¹²⁶.

К концу 1956 года явная хаотичность выплат компенсаций заставила Министерство финансов СССР принять меры, чтобы упорядочить переоценку стоимости конфискованного имущества. Вложившаяся в архиве переписка свидетельствует, что была введена многоступенчатая система «экспертных оценок» для определения конкретных сумм, которые государство должно выплатить реабилитированному. Стоимость каждого ранее конфискованного предмета переводилась в цены 1956 года и выплачивалась соответствующая сумма¹²⁷.

Были случаи, когда заявители настаивали на возврате вещей, не указанных в перечне конфискованного, что представляло особую проблему. Например, Е.И.Муравьева утверждала, что не возвращены многие предметы, включая ценную картину. Ее дочь указала и на другие отсутствующие вещи, в том числе документы и письма, изъятые сотрудниками МГБ при обыске в 1948 году. Расследование в данном случае закончилось не в пользу семьи Муравьевых. Информирова о результатах Приемную Президиума Верховного Совета в августе 1956-го, КГБ писал, что и бывшие сотрудники МГБ, проводившие обыск, и понятые говорят, что у Муравьевой перечисленные ею вещи не изымались. Что же касается документов и писем, то они «полностью уничтожены»¹²⁸. Исход этого и многих подобных дел должен был отбить у репрессированных охоту настаивать на своих законных требованиях. Добавим к этому безнаказанность, с которой чиновники шли на явные подлоги, попирая закон. Все это — отражение того же враждебного отношения к репрессированным, которое наблюдалось и в 1953—1955 годах (см. главу III).

Несомненно, возникала масса конфликтов. Например, в октябре 1956 года в Прокуратуру СССР поступило письмо от одного из областных прокуроров с критическими замечаниями по поводу наделе-

ния КГБ широкими полномочиями в решении подобных спорных вопросов. Предлагалось предоставить право вынесения окончательных решений по вопросам конфискованного имущества суду, оставив КГБ лишь проверку заявлений. В отрицательном ответе за подписью Прокурора СССР указывалось на установленный порядок выплаты компенсаций, с которым областному прокурору предлагалось ознакомиться¹²⁹. Эта отписка Прокурора не что иное, как попытка прикрыть очевидный факт наличия у КГБ заинтересованности в вынесении решений по собственным же делам. В итоге КГБ продолжал определять исход подобных дел.

Вместе с тем следует признать, что заявители не всегда были честны, затевая тяжбу о конфискованном имуществе. Известны случаи, когда заявления о пропавших вещах действительно оказывались ложными. Так, в 1957–1958 годах некто Котлов пытался от имени своей жены требовать компенсацию за имущество посмертно реабилитированного тестя. Были поданы заявления с требованием возместить стоимость якобы принадлежавших ему автомобиля, пианино и трех велосипедов. Проведя проверку, КГБ выяснил, что речь может идти лишь о двух велосипедах и мотоцикле. Что же до пианино, то его тесть Котлова отправил дочери в Москву еще за год до своего ареста в Уфе. Справка Секретариата Президиума Верховного Совета СССР сообщает, что, согласно показаниям бывших коллег и соседей реабилитированного, он никогда не имел автомобиля. Тем не менее Котлов пятнадцать раз обращался в Приемную Верховного Совета. При этом для сомнений в законности его требований имелись веские причины. В 1952 году он был осужден за мошенничество в форме «нелегальной адвокатской практики»: представляясь юристом, брал деньги за составление исков в официальные инстанции. Приговорили его к 10 годам лагерей, освобожден по амнистии¹³⁰. В данном случае представляется вполне вероятным, что официальное заключение о несостоятельности притязаний Котлова соответствовало действительности. Однако трудно избавиться от ощущения, что сама советская система провоцировала подобную ложь. Подвергнутые ею беспримерной эксплуатации жертвы репрессий подталкивались к тому, чтобы манипулировать системой для получения хоть небольшой компенсации. Добавим, что тем, кто выжил в лагерях и вернулся, скорее всего пришлось пройти определенную школу обмана. Просто, как и в любой социальной системе, некоторые проявляли большую, чем у других, склонность использовать правила с выгодой для себя.

Впрочем, не все трудности с получением компенсации порождались государством. Иногда процесс осложнялся личными проблемами. Один из таких примеров — судьба солиста Большого театра

Д.Д. Головина, вышедшего в 1953 году на свободу после десяти лет лагерей. По освобождении ему сообщили, что он не может вернуться к семье в Москву, так как близкие более не желают иметь с ним ничего общего. Головин заявлял, что клевета жены препятствует его реабилитации. За него ходатайствовали многие известные артисты, и в ноябре 1965 года он был реабилитирован. Еще в 1956-м он женился вновь. После этого первая семья полностью порвала с ним отношения и проявила некоторый интерес лишь после его официальной реабилитации. Когда в 1966-м Головин умер, его первая жена даже не пришла на похороны, зато сразу затребовала свою долю наследства — деньги, которые он после реабилитации получил в качестве компенсации¹³¹.

В стране, где широко пропагандировалось служение Родине, государственные награды — как символы этого служения — являлись важным показателем общественного признания. Поэтому для многих бывших заключенных возвращение ранее полученных наград как бы свидетельствовало: советское общество вновь приняло их. Своими орденами и медалями бывшие заключенные могли продемонстрировать вновь обретенный социальный статус. Вопрос о возвращении наград встал очень остро. За 1938—1953 годы своих наград лишились 72 791 человек. Процесс их возвращения начался в 1953-м, но протекал медленно. К 1958 году награды возвратили только в 2125 случаях (в том числе и посмертно)¹³².

ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ И СТАЛИНИСТЫ

Период между XX съездом КПСС и отставкой Хрущева характеризовался двойственностью подходов, непоследовательностью указаний, противоречивостью отношения к освобожденным узникам. И все же тогда привычная к репрессиям бюрократия пусть и неохотно, медленно, но продвигалась по пути преобразований. В частности, утверждались новые нормы, направленные на удовлетворение нужд бывших заключенных. Одним из таких нововведений стало оформление правовых актов, реализующих их социальное обеспечение. В июле 1956 года был разработан проект нового закона о пенсиях, который предусматривал распространение пенсионной системы дополнительно на огромные массы нуждающихся в пенсиях, в том числе и на ранее репрессированных¹³³. Тогда же начали поиск «политкорректного» теоретико-правового обоснования мер, направленных на реабилитацию жертв прежних политических репрессий. Официальный печат-

ный орган Института государства и права АН СССР им. А.Я.Вышинского (вскоре это «им.» будет снято) — журнал «Советское государство и право» — опубликовал в августе 1956 года явно «установочную» статью, которая, по существу, отвергала «святая святых» советских следователей, прокуроров, судей и т.п. — «теорию судебных доказательств в советском праве». Как известно, измышленная в 1930–1940-х годах главным «теоретиком» (и одним из основных практиков) массовых репрессий Вышинским, она объявляла личное признание обвиняемого главным доказательством его вины и фактически провоцировала массовое применение пыток в следственной практике. «Теория» Вышинского, удостоенная, разумеется, Сталинской премии, стала официальной основой правовых установок советских юристов. И вот теперь главный рупор советского правоправедения официально возвестил, что «осуждение... только на основании личного признания самих обвиняемых» является (кто бы мог подумать!) «грубым нарушением принципа социалистической законности». (Правда, чтобы смягчить неизбежный шок от эдакого откровения, тут же пояснялось, что в «случаях домогательств» признаний подследственных виновна исключительно «шайка Берии»¹³⁴.)

Как бы то ни было, появление этой статьи знаменовало собой возвращение в советскую юстицию основополагающего принципа правосудия — презумпции невиновности. И хотя до последовательного и полновесного воплощения этого принципа в практике советской «правоохранительной системы» дело так никогда и не дошло, важна была уже сама декларация об отходе от сталинистской установки на *презумпцию виновности*. Но была и другая сторона дела: провозгласив отказ от прежней «теории», власть не только заявляла о прекращении преследований тех, кого репрессировала ранее, но и как бы дополнительно обеляла *себя* — мол, государство оказалось введено в заблуждение...

Еще одним начинанием, инициированным XX съездом КПСС, стало снятие ограничений со «спецпереселенцев»¹³⁵. Но и здесь наблюдалась все та же двойственность. Даже после издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года, который подводил итоги начатой еще в 1956-м отмены «специального режима» в отношении депортированных народов, возвращение в родные места десятков тысяч чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков проходило с огромными трудностями. Так, зам. зав. Отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР Полехин доложил в ЦК 5 мая 1957 года, что, несмотря на ранее изданные законодательные нормы, а также специальные указания ЦК, потребовались дополнительные экстренные меры, чтобы к 1 мая 1957 года были приняты в колхозы на терри-

тории Чечено-Ингушской АССР 5690 чеченских семей из 7813, прибывших на территорию этой восстановленной национальной автономии. Причем даже эти «экстренные меры» так и не обеспечили рабочих мест для 10% трудоспособных чеченцев¹³⁶. В.Н.Земсков, исследовавший процесс массового возвращения репрессированных народов в 1950-е годы, констатирует нерешительность мер, которые предпринимались тогда для реабилитации депортированных, и обращает внимание на настойчивые попытки тогдашнего руководства «избежать малейшей критики предшествующей политики массовых депортаций»¹³⁷. Продолжающиеся конфликты, связанные с возвращением депортированных народов, нередко заканчивались кровопролитием и затянулись на десятилетия (см. главу VII).

Освобождение заключенных после XX съезда шло неравномерно и, главным образом, в форме различных амнистий. Например, амнистия 1957 года в связи с 40-й годовщиной Октябрьской революции освободила 196 713 человек. Датированный ноябрем 1958-го документ из «Особой папки» Хрущева, содержащий эту цифру, не уточняет, какой процент составили осужденные по политическим мотивам¹³⁸. Более того, амнистия в основном касалась осужденных на срок до трех лет, то есть маловероятно, что она затронула политзэков. Тем не менее она несколько улучшила их положение: наполовину сокращались сроки тех, кто оставался в лагерях, обеспечивалось возвращение ссыльных¹³⁹. Таким образом, в эти годы произошло значительное вливание бывших заключенных в общество. Опять же согласно документам «Особой папки» Хрущева, в 1953–1958 годах из лагерей и колоний освободили в общей сложности 4 118 414 человек¹⁴⁰. В их числе, безусловно, преобладали обычные уголовники. Другие источники сообщают, что число находившихся в заключении «контрреволюционеров» с осени 1953-го до начала 1959-го снизилось с 480 тыс. до приблизительно 11 тыс. человек¹⁴¹.

Весной 1958 года ограничения сняли с 25 тыс. спецпоселенцев, включая бывших кулаков и членов семей «руководителей и участников националистского подполья». Но далеко не всегда бывшим ссыльным разрешали возвратиться на родину или выплачивали компенсацию за конфискованное имущество¹⁴². То были типичные полумеры. Типичным был и «маятник» реформ. При Хрущеве они большей частью развивались по принципу: «два шага вперед, шаг назад», а иной раз — «шаг вперед, два шага назад». Прежних «политических» освобождали, новых сажали. И хотя число новых политзаключенных на историческом фоне казалось небольшим, само их наличие свидетельствовало, что политика государственного террора и в «период либерализации» не прекращается. По данным «Мемориала», основан-

ным на архивных документах КГБ, только в 1958 году по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде приговорили к лишению свободы 1416 человек¹⁴³.

В сравнении с докладом на XX съезде (1956) обвинения Хрущева в адрес Сталина на XXII съезде (осень 1961 г.) оказались более откровенными. Благодаря этому Хрущев вскоре сумел избавиться от своих политических оппонентов и конкурентов в борьбе за власть — Молотова, Кагановича, Маленкова, обвинив их в соучастии в сталинских преступлениях¹⁴⁴. Было принято и осуществлено предложение убрать тело Сталина из мавзолея. (Было также решено установить памятник жертвам террора, но ждать этого пришлось еще три десятилетия, и не государство установило Соловецкий камень в Москве, а общественная организация — «Мемориал».) И если XX съездом партии молчание было лишь нарушено, то теперь общество заговорило. Р.А.Медведев характеризует период, последовавший за XXII съездом, как «время воспоминаний»¹⁴⁵.

Самыми громкими литературными событиями 1962 года стали «Один день Ивана Денисовича» А.И.Солженицына и «Наследники Сталина» Е.А.Евтушенко. Опубликованная «Новым миром» повесть впервые широко и ярко раскрыла правду о сталинских лагерях¹⁴⁶. Поэма Евтушенко, опубликованная на страницах «Правды», предупреждала об опасности скрытой сталинщины. Тем самым было наконец снято табу с достоверного освещения темы политических репрессий в СССР. Антисталинские настроения выплеснулись в художественную литературу, мемуаристику, театральное и киноискусство. Литература в целом обращалась к лагерной тематике довольно осторожно, что, впрочем, не снижало общественного эффекта. (Это и побуждает нас сегодня использовать литературные произведения 1960-х наряду с прочими достоверными свидетельствами.)

Стивен Коэн так характеризует эффект развернувшейся тогда в обществе принципиальной и широкой дискуссии: «Масштабы открывшейся панорамы похоронили выдумку о том, что виноваты лишь Сталин и несколько его приспешников. Прекращение замалчивания темы лагерей означало и прекращение замалчивания судеб миллионов. Встречи лицом к лицу жертв с бывшими палачами отображались литературой и на сцене. А это поднимало вопрос о современных сталинистах»¹⁴⁷.

Между тем сталинисты, многие из которых по-прежнему занимали высокие посты, пытались тормозить натиск антисталинизма. Публикация «Ивана Денисовича» привела к тому, что столкнулись его «друзья и враги»¹⁴⁸, диаметрально противоположно относящиеся к советскому прошлому. Когда в 1963-м за эту повесть А.И.Солжени-

цына представили к Ленинской премии, консервативные силы осознали: успех такой разоблачительной книги означает, что ситуация начала выходить из-под контроля руководства коммунистической партии. Опубликованное, например, в «Казахстанской правде» письмо в редакцию — образчик оценки повести с позиции «врагов»¹⁴⁹. Автор, представившись бывшим политзаключенным, пытался оспорить концепцию Солженицына и выражал надежду, что со временем будет рассказана «правдивая история ГУЛАГа». По его мнению, писать надо не о борьбе обитателей лагеря за выживание, а об их чувствах товарищества, гуманизма, о коммунистической убежденности. (Автор письма — если он вообще являлся бывшим сталинским зэком — наверняка относился к числу «особо преданных строителей коммунизма», хотя и оказался в одном из коммунистических острогов.) Появление в партийной прессе подобных статей стало зримым симптомом наращивания сил сталинистского реванша.

А в 1964 году сталинисты перешли в открытое контрнаступление, и процесс «десталинизации сверху» резко прекратился с отставкой Хрущева. И уже вскоре «так закрутили гайки, что реабилитированные перестали себя чувствовать реабилитированными», как свидетельствует один из бывших политзаключенных¹⁵⁰. По сравнению с надвинувшимся политическим безвременьем брежневщины двойственное время Хрущева стало представляться сторонникам реформ чуть ли не безоблачным.

Непоследовательность и ограниченность эпохи Хрущева с ее крайними противоречиями между официальной политикой десталинизации и реальной практикой ее воплощения сменилась при Брежневе последовательным и неограниченным сворачиванием процесса десталинизации. Отныне не стало никакой недоговоренности или двойственности в отношении к бывшим сталинским узникам: новое руководство страны, состоявшее из убежденных сталинистов, откровенно демонстрировало, что более не намерено уделять внимание их проблемам. Из множества очевидных примет развернувшейся тогда реставрации сталинщины упомянем громкий судебный процесс — совершенно сталинистский и по форме, и по духу — над писателями А.Д.Синявским и Ю.М.Даниэлем, а также возведение памятника на могиле Сталина на Красной площади в Москве. С.Коэн справедливо подчеркивает, что этот последний факт не означал «окончательной реабилитации [Сталина], но все же реабилитацией был... Правительства не возводит памятников, даже маленьких, тем, кого считают преступниками»¹⁵¹.

При Хрущеве политика реформ часто расходилась с практикой, поскольку проблемы репрессированных не могли получить разреше-

ния, пока оставались нерешенными общие политические проблемы, которые лежали в основе репрессий. Полное признание советским государством того, что бывшие «враги народа» в действительности безвинные жертвы государственного террора, означало бы подрыв самих устоев государства. Ведь если жизни народа вредили враги, но те, кого бросили в лагеря, врагами, оказывается, не являлись, то где же искать истинных преступников? Ясно, что найти их труда не составляло, поскольку многие все еще оставались в своих кабинетах. В этих условиях политически целесообразной полуправдой стало обвинение во всем исключительно Сталина. Более полной оценки репрессий пришлось ждать еще десятилетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

Материал этой главы частично использован в публикации: *Life in the Big Zone: The Fate of Returnees in Aftermath of Stalinist Repression // Europe-Asia Studies. Vol. 51. 1998. № 1. P. 5–19.*

1. *Keep J. Last of the Empires. P. 79–80.*
2. *Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // Собр. соч. Т. 6. С. 459.*
3. Ответы Л.Фурмана 30 мая 1982 г. на вопросник С.Козна.
4. Там же.
5. *Пейрос И.И. Полуволя: Воспоминания. Ч. 3 // Архив Общества «Мемориал».*
6. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 107. Д. 123. Л. 59, 56–58.
7. Там же. Л. 60–61.
8. *Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов: Воспоминания, 1919–1965. Петро-заводск, 1991. С. 203, 198–216.*
9. Запись интервью автора с Р.Я.Смушкевич 30 ноября 1996 г.
10. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 107. Д. 255. Л. 54.
11. Запись интервью автора с Р.Я.Смушкевич 16 мая 1997 г.
12. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 107. Д. 255. Л. 56.
13. Запись интервью автора с Р.Я.Смушкевич 16 мая 1997 г.
14. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 107. Д. 255. Л. 1–4.
15. Там же. Л. 5.
16. Там же. Л. 11.

17. Там же. Л. 7–8.
18. Там же. Л. 9.
19. *Гаген Е.Э.* Воспоминания. Т. 4: 1955–1956 // Архив Общества «Мемориал».
20. Там же.
21. См. также: ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4754. Л. 2.
22. *Гаген Е.Э.* Воспоминания. Т. 4 // Архив Общества «Мемориал».
23. Постановление Совета Министров СССР № 1655 от 8.09.55 «О трудовом стаже, трудоустройстве и пенсионном обеспечении граждан, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированных» // Сб. законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации... С. 168–170.
24. Недатированное письмо А.Д.Левшина в «Мемориал» // Архив Общества «Мемориал».
25. Об этом см., напр.: *Крон А.* Бессонница // Новый мир. 1997. № 4. С. 41; *Нарымов Н.* Неспетая песня // Грани. 1960. № 48. С. 107; *Косцинский К.* Наброски к будущей книге // Континент. 1979. № 21. С. 160–161.
26. Ответы П.Фурман на вопросник С.Коэна.
27. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 107. Д. 123. Л. 84–85.
28. Перевод интервью М.Янсена и Л.Старинк с А.З.Моглиной 27 ноября 1988 г.
29. *Рахлин Д.М.* Грязная история: Воспоминания // Архив Общества «Мемориал».
30. *Гаген Е.Э.* Воспоминания. Т. 4 // Там же.
31. Там же.
32. *Верженская Я.И.* Воспоминания // Там же.
33. *Гринберг А.П.* [Воспоминания] // Там же.
34. *Ерохин А.* Подвиг ученого // Байкал. 1964. № 3. С. 19–36.
35. *Фильштинский И.М.* Мы шагаем под конвоем. С. 186.
36. Там же. Кроме того, запись интервью, данного автору 20 апреля 1995 г.
37. *Фильштинский И.М.* Мы шагаем под конвоем. С. 187.
38. Запись интервью автора с Л.Э.Разгоном 16 апреля 1995 г.
39. *Разгон Л.Э.* Перед раскрытыми делами. М., 1991. С. 10. («Библиотечка „Огонька“». № 39).
40. ГАРФ. Ф. 385. Оп. 25. Д. 151. Л. 1–5, 36.
41. *Бондаревский С.К.* Так было...: Мемуары. М., 1995. С. 119.

42. Там же. С. 120–121.
43. Реабилитация: как это было. Т. 2. С. 59. См. также: ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 479. Л. 379–380.
44. Распоряжение СМ СССР об исправительно-трудовых лагерях и колониях № 7688-рс от 10.07.54; Положение об исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД СССР; Приказ МВД № 00610 от 17.07.54 с объявлением Положения об исправительно-трудовых лагерях и колониях см. в кн.: ГУЛАГ... [Сб. док.]. С. 151–163.
45. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4957. Л. 123, 78–80, 82–87, 97, 121–129.
46. См. об этом, напр.: *Коржихина Т.П.* Советское государство и его учреждения, ноябрь 1917 г. — декабрь 1991 г. М., 1995. С. 218–221.
47. ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 604. Л. 81, 104, 105, 217, 218.
48. Там же. Ф. 385. Оп. 25. Д. 154. Л. 7; Д. 150. Л. 39–40; Д. 152. Л. 1, 2, 16; Д. 153. Л. 18–26; Д. 154. Л. 1, 2, 6, 15, 16, 18.
49. Там же. Д. 155. Л. 8, 1–3.
50. Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 723. Л. 16, 2.
51. Материалы, переданные Р.А.Медведевым С.Коэну в 1980-х годах.
52. *Негретов П.И.* Все дороги ведут на Воркуту. С. 18.
53. Цит. по: Реабилитация: как это было. Т. 2. С. 210, 213.
54. Цит. по: *Аксютин Ю.В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. С. 196.
55. *Бондаревский С.К.* Так было... С. 117.
56. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4847. Л. 90, 91, 116, 181, 182.
57. Там же. Д. 4757. Л. 2, 4.
58. Там же. Ф. 411. Оп. 4. Д. 80. Л. 1, 6.
59. См.: Реабилитация: как это было. Т. 1. С. 296.
60. См.: Там же. С. 317–348.
61. См.: *Барсуков Н.А.* XX съезд в ретроспективе Хрущева // Отечественная история. 1996. № 6. С. 169–177.
62. *Хрущев Н.С.* Воспоминания: Избранные фрагменты. М., 1997. С. 292. О подготовке хрущевского доклада см.: *Наумов В.П.* К истории «секретного» доклада Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 152–163.
63. См.: *Барсуков Н.А.* XX съезд. С. 171.
64. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4581. Л. 3–31.
65. См.: Реабилитация: как это было. Т. 2. С. 29–33.

66. См.: *Артизов А.Н., Сигачев Ю.В.* Введение // Там же. С. 6.
67. См.: Там же. С. 71.
68. Ряд промежуточных докладов представлялся Аристовым на протяжении всего периода работы «разгрозочных» комиссий, что, несомненно, указывает на предельно жесткий контроль за их деятельностью, осуществляемый с самой вершины партийно-государственной власти. См. там же. С. 43, 71, 96, 116, 127, 168.
69. Там же. С. 193.
70. *Наумов В.П.* К истории «секретного» доклада. С. 153; *Наумов В.П.* Н.С.Хрущев и реабилитация жертв политических репрессий // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 31.
71. *Барсуков Н.А.* XX съезд. С. 175.
72. *Кауфман А.И.* Лагерный врач: 16 лет в Советском Союзе: Воспоминания сиониста. Тель-Авив, 1973. С. 328.
73. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ // Собр. соч. Т. 6. С. 511.
74. *Носов Е.* Кострома не Айова // Никита Сергеевич Хрущев: Материалы к биографии. М., 1989. С. 98. Носов утверждал, что многие, вернувшись из ГУЛАГа, вскоре умерли, так и не сумев приспособиться, оказавшись чужими собственным семьям, от которых были отгорожены колючей проволокой лучшие годы своей жизни.
75. В воспоминаниях встречаются очень выразительные сцены. Бывшие заключенные тогда столкнулись не только с обществом, но и с самими собой. Например, одна бывшая заключенная так описывала случившееся с ней при возвращении домой: «Нам посчастливилось ехать в пассажирском поезде. Я пошла в туалет привести себя немного в порядок. Умываюсь, а из зеркала на меня смотрит коротко стриженная худая незнакомая старуха. Я испугалась и выскочила в коридор, где офицер спросил меня: «Что с тобой?» Показала на туалет: там какая-то женщина. Он открыл дверь — никого нет. И тогда я поняла: та женщина — я сама» (Кино: Политика и люди, 30-е годы. М., 1995. С. 179).
76. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4847. Л. 185–187.
77. Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 500. Л. 319.
78. Там же. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4847. Л. 142–143.
79. Там же. Л. 144, 145.
80. Ведомости Верховного Совета Союза ССР. 1956. № 756. С. 410–411.
81. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4847. Л. 90, 198, 199.
82. Там же. Л. 201.
83. Архив Общества «Мемориал».
84. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 107. Д. 184. Л. 28.

85. Цит. по: *Паповян А.Г.* Тематический обзор документов по истории политических репрессий в СССР в 1956–1958 гг.: Дипломное исследование, защищенное в РГГУ. (На правах рукописи). М., 1995. С. 64, 65.
86. Там же. С. 66.
87. Там же. С. 67.
88. *Петров Н.В.* Лекция в Институте российских и восточноевропейских исследований Университета Амстердама. 23 июня 1997 г. См. также его статью: Первый председатель КГБ генерал Иван Серов // Отечественная история. 1997. № 5. С. 37.
89. *Паповян А.Г.* Тематический обзор документов. С. 67.
90. *Наумов В.П.* Н.С.Хрущев и реабилитация. С. 33.
91. Письмо А.Антонова-Овсенко, Ю.Ларина, А.Лариной С.Коэну от 5 октября 1984 г.
92. *Наумов В.П.* Н.С.Хрущев и реабилитация. С. 34.
93. Запись интервью автора с С.С.Виленским 16 октября 1997 г.
94. Запись интервью автора с А.Б.Рогинским 26 апреля 1996 г.
95. См.: *Voinovich V.* The Questionnaire // Radio Liberty Research. 1984. 5 Oct.
96. Архив Общества «Мемориал».
97. См., напр.: *Улановская М.* Конец века — 1976 год // Время и мы. 1976. № 10. С. 170.
98. «Реабилитация врача Р.» — материалы, переданные Р.А.Медведевым С.Коэну 3 апреля 1980 г.
99. *Дабудек Н.М.* Доносчик: Материалы семейного архива // Архив Общества «Мемориал».
100. Ответы М.Френкина на вопросник С.Коэна 29 октября 1983 г.
101. Ответы Н.Байтальской на вопросник С.Коэна в июле 1980 г.
102. Ответы Ю.А.Анохина 12 декабря 1995 г. на вопросник, разработанный при подготовке данного исследования.
103. *Улановская М.* Конец века — 1976 год. С. 176.
104. *Зленко Н.Д.* Воспоминания о бльом: Автобиографическая повесть. Ч. 3: 1960–1989 // Архив Общества «Мемориал».
105. *Айхенвальд Ю.* По грани острой. Мюнхен, 1972. С. 54.
106. *Freud S.* Wit and its Relation to the Unconscious // The Basic Writings of Sigmund Freud. N.Y., 1938.
107. См., напр.: *Рыбаков В.* Враг // Время и мы. 1978. № 35. С. 66.
108. *Шатуновская Л.* Загадка одного ареста // Время и мы. 1976. № 5. С. 210.

109. *Cohen S.F.* The Victims Return. P. 12.
110. Семья Богораз активно выступала против советских репрессий. Лариса Иосифовна Богораз 13 мая 1996 г. рассказала, как на собрании по случаю 20-летия Московской Хельсинкской группы говорила о том, что в Советском Союзе нарушались права человека, и присутствовавший Горбачев, язвительно спросивший: «Кто же освободил политических заключенных?», получил от нее неожиданный ответ: «Я освободила!»
111. *Богораз И.* Отщепенец. Иерусалим, 1976. С. 5, 8, 14.
112. Писатель М.А.Нарица (Нарымов) после 10 лет заключения (в 1935–1941 и 1949–1953 гг.) сумел добиться реабилитации, восстановления в высшем учебном заведении, то есть формально мог считаться полностью реинтегрированным. Но внутренне он никогда более не смог влиться в советское общество. Уже в начале 1960-х за опубликование на Западе романа «Неспетая песня», в котором он попытался отразить пережитое, его вновь арестовали. Впоследствии он вспоминал: «С выходом из тюремного сумасшедшего дома мое наказание за совершенное «преступление» не окончилось. Оно продолжается и, думаю, будет продолжаться до моей смерти. Я не хочу сказать, что за решеткой мне было хорошо, но хочу сказать, что мне не стало лучше после того, как я стал юридически свободен. Каратели отличаются большим усердием, даже азартом, большим опытом и неограниченными возможностями» (*Нарица М.А.* Немного о себе // Конец или начало?: Повесть и рассказы. СПб., 1996. С. 121; см. также: Дело Михаила Александровича Нарича (Нарымова) // Грани. 1962. № 51. С. 3–13).
113. *Cohen S.F.* The Victims Return. P. 11.
114. См.: Остался большевиком: Леониду Петровичу Серебрякову исполнилось бы сто лет. Он не прожил и половины этого срока // Социалистическая индустрия. 1988. 10 июня.
115. Запись интервью автора с З.Л.Серебряковой 29 ноября 1996 г.
116. Там же.
117. *Серебрякова З.Л.* «Оттепель», заморозки, оттепель // XX съезд: Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. Горбачев-Фонд, 22 февраля 1996 г. М., 1996. С. 91.
118. Запись интервью автора с З.Л.Серебряковой 29 ноября 1996 г.
119. Хрущев лично заступался за таких, как Ольга Шатуновская. Та, в свою очередь, помогала другим. (См. об этом в материалах по реабилитации, переданных А.В.Антоновым-Овсеенко С.Коэну с указанием «не публиковать при жизни О.Г.Ш.»).
120. *Кондратьев Э.Ф.* // Архив Общества «Мемориал».
121. См., напр.: *Дерева М.* За полбуханки ржаного: «Продали развалюху моего расстрелянного отца, пока я собирала справки на возврат конфискованного наследства» // Российская газета. 1995. 11 ноября.

122. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4847. Л. 139.
123. *Смагленко Е.П.* Воспоминания // Архив Общества «Мемориал».
124. Заметки реабилитированного. (Материалы, переданные Р.А.Медведевым С.Козну в 1980-х гг.). См. также: *Бондаревский С.* Так было... С. 118.
125. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 107. Д. 123. Л. 49об.
126. *Усова З.Д.* ЧСИР: Воспоминания // Архив Общества «Мемориал».
127. ГАРФ. Ф. 7733. Оп. 45. Д. 520. Л. 1–123. Само то, что переписка Министерства финансов СССР по этому вопросу составила более 32 томов, указывает на значимость проблемы.
128. Там же. Д. 184. Л. 26–31.
129. Там же. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 4847. Л. 195–197.
130. Там же. Ф. 7523. Оп. 107. Д. 74. Л. 4, 9–14, 19–22, 24–25.
131. Архив Общества «Мемориал».
132. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 107. Д. 136. Л. 100, 95, 99.
133. Правда. 1956. 12 и 15 июля.
134. Об этом см.: *Рахунов Р.Д.* Доказательственное значение признания обвиняемого по советскому уголовному процессу // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 34.
135. См.: *Геллер М.Я., Некрич А.М.* Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 г. до наших дней: В 3 кн. Кн. 2. М., 1995. С. 101–103; «Punished Peoples» of the Soviet Union: The Continuing Legacy of Stalin's Deportations // A Helsinki Watch Report. N.Y., 1991. Sept.
136. «Националистические элементы постоянно провоцировали выступления»: Как накалялась обстановка в Чечено-Ингушетии / Публ. М.Прозуменщикова // Источник. 1997. № 4. С. 49–50 [Из переписки ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и КГБ при СМ СССР за 1957–1973 гг. об обстановке в Чечено-Ингушской АССР].
137. *Земсков В.Н.* Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных. С. 14–18.
138. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 500. Л. 316.
139. Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 24. Ст. 891.
140. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 500. Л. 318.
141. *Davies R.W.* Soviet History in the Eltsin Era. P. 184.
142. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 335, 337.
143. *Roginskii A., Okhotin N.* About Various Sources on the History of the Dissident Movement. (Speech. Moscow. 26 Aug. 1992).

144. См., напр.: *Геллер М.Я., Некрич А.М.* Утопия у власти. Кн. 2. С. 137.
145. Запись интервью С.Коэна с Р.А.Медведевым. См. также: *Van Goudoever A.P.* The Limits of Destalinization in the Soviet Union. P. 30.
146. В 1963 г. заключенные в лагерях смогли прочитать «Один день Ивана Денисовича» А.И.Солженицына. Их впечатления передал Л.Ситко: *Дубравлаг при Хрущеве // Новый мир.* 1997. № 10. С. 160.
147. *Cohen S.F.* Rethinking the Soviet Experience. P. 115.
148. Это определение дано в заголовке статьи В.Лакшина (*Новый мир.* 1964. № 1. С. 223).
149. Мы остались людьми // *Казахстанская правда.* 1963. 6 октября.
150. Ответы А.Чачулина на вопросник С.Коэна.
151. *Cohen S.F.* Rethinking the Soviet Experience. P. 121.

Нанси Адлер
ТРАДИЦИЯ
ВОЗВРАЩЕНИЕ
ГЛАВА VI

ВЛИЯНИЕ
репрессий
на узников
И ВЛАСТЬ

В предыдущих главах мы попытались рассмотреть общее и особенное разных этапов реабилитационного процесса 1950–1960-х годов. Мы выявили противоречия между политическими декларациями и реальной глухой враждебностью многих должностных лиц, рассказали о неизбывности боли, психологических и моральных травм, нанесенных репрессиями, о невыносимости тягот повседневной жизни у тех, кому довелось побывать в ГУЛАГе. При этом мы постоянно сталкивались со свидетельствами зависимости советской системы от репрессий, ее адаптированности к ним: на всем протяжении рассматриваемого периода репрессии (или страх перед угрозой их применения) оставались инструментом поддержания советского строя.

Учитывая личные, социальные и идеологические трагедии тех, кто пережил ГУЛАГ, мы считаем противоестественным сохранение некоторыми из них преданности партии, что проявлялось прежде всего в усилиях, направленных на восстановление членства в партии. Встречались и те, кто, умирая, славил Сталина, и те, чьи лица озаряла искренняя радость, когда они говорили о возвращении партийного билета, и те, кому партбилет нужен был для карьерного роста, — разные люди искали партийной реабилитации по разным причинам. В числе мотивов присутствовали и боязнь преследований, и уверенность в правоте идей, положенных в основу действий коммунистической партии и советского государства, и практические потребности социальной адаптации, и надежда вместе с партбилетом вновь обрести всю полноту отнятых прав. Справедливости ради отметим, что многие возвратившиеся политзаключенные не писали заявлений о партийной реабилитации, не желая больше иметь ничего общего с советской системой. Некоторые из них вообще не обращались даже и за гражданской реабилитацией вплоть до второй половины 1980-х, то есть до изменения политической ситуации в стране, породившего у этих людей надежды на реальное обновление системы¹.

Анализируя влияние репрессивной политики на советскую политическую систему, уместно рассмотреть и влияние возвращавшихся политэзков сталинской эпохи на диссидентов последующих лет. Умозрительно можно было предположить, что значительная

часть бывших заключенных, убедившихся в лагерях в преступности советской системы, станут впоследствии активно протестовать против нее, послужив идейным ядром диссидентства. Однако это предположение оправдалось лишь отчасти. Жертвы репрессий, возвратившиеся в 1950-х, и диссиденты 1960-х, согласно их собственным утверждениям, представляли собою две совершенно разные группы с различными воззрениями и «повестками дня»². Полностью согласиться с этим трудно, поскольку, как выясняется, группы эти пересекались. Некоторые из бывших сталинских эзков, а иногда их дети и внуки стали диссидентами, активистами-правозащитниками, другие стали партийными активистами, а их дети пошли по их стопам. Перипетии этого процесса лучше всего проследить на конкретных примерах.

СТРАХ, ВЕРА И РАЗОЧАРОВАНИЕ

Иосиф Аронович Богораз

Стороннему наблюдателю может показаться, что в СССР отношение человека к советской власти достаточно раскрывалось самим фактом его членства в партии. В действительности в системе, построенной на репрессиях, это зачастую было не так.

И.А.Богораз арестовали в 1936-м, пять лет он провел в лагерях, затем до 1954-го был «в минусе», а вернувшись в Москву, вскоре на три года завербовался на Север — уже добровольно³. Окончательно вернувшись в Москву в 1957 году, он не решился отвергнуть сделанное ему предложение о восстановлении в партии. Зная историю его последующей жизни, читая его повесть «Отщепенец» (см. в главе V), не перестаешь удивляться, что же помешало ему отказаться от восстановления в партии.

Холодным московским вечером в конце 1990-х в квартире А.Б.Рогинского во время встречи, атмосфера которой напоминала диссидентские годы, я задала этот вопрос внуку И.А.Богораз — Александру Даниэлю, ведущему программу «Мемориала» по истории диссидентского движения в СССР 1950—1980-х годов. Александр Юльевич сказал, что истинным мотивом следует считать не стремление поддержать партию, а опасение, что отказ от восстановления может повлечь за собой неприятности. Ведь официальная идеология тех лет предполагала наличие у каждого «настоящего советского человека» стремления вступить в КПСС. К тому же

И.А.Богораз устал от постоянных трудностей, возникавших из-за отсутствия партийной реабилитации. Но вновь обрел партийность он ненадолго: в 1974 году он подал заявление о выходе из КПСС в связи с тем, что «не разделяет линию партии в ряде вопросов». Впрочем, по мнению А.Ю.Даниэля, в документах Богораз почти наверняка числится исключенным: на партсобрание, где должно было обсуждаться его заявление, он не пошел, а оно скорее всего именно исключило его — нельзя же было допустить прецедента добровольного выхода из партии.

Политические воззрения следующих поколений показывают, как сказалось на диссидентах влияние возвратившихся из ГУЛАГа. Дочь И.А.Богораз Лариса пошла дальше отца, став активной правозащитницей. Можно предположить, что ее идейные установки повлияли и на выбор спутников жизни (в первом браке она была замужем за Юлием Даниэлем, во втором — за Анатолием Марченко).

В той же беседе участвовал сын знаменитого диссидента-генерала и сам в прошлом диссидент Андрей Петрович Григоренко. Он поддержал мнение А.Ю.Даниэля о том, что основной побудительной причиной восстановления в партии для многих являлся страх. Хотя, как справедливо заметил А.Б.Рогинский, в мемуарах это не отражалось⁴. Действительно, мемуаристы, как правило, писали об искреннем желании восстановиться в партии по идейным соображениям.

Лев Зиновьевич Копелев

Лев Копелев получил десятилетний лагерный срок на волне послевоенных репрессий. Его освободили в 1954-м, реабилитировали в 1956-м и восстановили в партии в 1957-м⁵. И он, и его жена Раиса Давыдовна Орлова (оба впоследствии — крупные деятели диссидентского движения) поначалу еще верили в «здоровую социалистическую природу общества», надеясь, что «болезни „культы личности“» будут излечены⁶. Позднее Копелев вспоминал, как, выйдя на волю после девяти с половиной лет заключения, «упрямо верил, хотел верить, что жестокие подлости и тупое бездушие наших органов госбезопасности, прокуроров, судей, тюремных и лагерных чинов, так же как вся бесстыдная лож нашей печати, казенной пропаганды и казенной литературы, — это лишь противоестественные, противозаконные извращения. Ведь я знал, что вопреки всему этому есть люди, которые, как и я, безоговорочно любят нашу страну — истрадав-

шуюся, больную, загаженную и все же самую великую, самую правдивую и самую прекрасную страну»⁷. Помимо этих внепартийных патриотических убеждений ему были свойственны иллюзии чисто идеологического свойства: он еще долго верил «в незыблемость, справедливость основных положений марксизма-ленинизма». Потребовалось более десяти лет, чтобы освободиться от этих иллюзий и «шор партийности».

При всем этом они с Раисой Давыдовной были изначально убеждены в необратимости реформ советской системы. В 1964 году они отмечали: «Движение, начатое XX и XXII съездами КПСС, не может остановиться... освобожденное мышление, пробудившееся сознание не позволят сталинизму возродиться»⁸. Они ошибались. Копелеву предстояло убедиться в том, что, несмотря на официальные декларации, реальная практика режима не изменилась. Например, весной 1956 года на совещании переводчиков и литературных критиков его предложение опубликовать произведения Кафки посчитали странным и неуместным⁹. (Изображенная Кафкой бездушная тиранья бюрократии слишком напоминала советскую действительность.) Однако изменения к лучшему были. То, что Копелеву не удалось в отношении Кафки, он сделал для Солженицына: содействовал опубликованию «Одного дня Ивана Денисовича»¹⁰.

Вплоть до второй половины 1960-х Копелев продолжал надеяться на обновление советской системы, но травля Бродского и суд над Синявским и Даниэлем окончательно похоронили эти надежды. В мае 1968-го его исключили из КПСС за высказывания об опасности возрождения сталинизма. Исключение из партии и то, что за этим последовало, лишь подтверждало опасения Копелева. В кратчайший срок он лишился работы, его перестали публиковать (тогда в основном — переводы немецкой прозы), а в 1977-м за поддержку А.И.Солженицына и А.Д.Сахарова исключили из Союза писателей СССР. К тому времени он окончательно убедился, что абсолютная власть, которой обладала КПСС, по существу была коррумпированной, не способной к саморегуляции и вновь неостановимо двигалась к репрессиям, массовым арестам и лагерям. Советская коммунистическая система не знала, что делать, но этого не знали и все те, кто помогал ее строить. В интервью 1979 года Копелев горестно говорил: «С самого начала мы пошли не по тому пути, и в том, что из этого вышло, вина не только Сталина, но и моя, наша»¹¹.

Не соглашаясь далее поддерживать существующий режим, Копелев оказался вытолкнут на обочину советского общества. В 1980-м

он эмигрировал в Западную Германию. Но и лишенный советского гражданства, этот политзэк 1940–1950-х и диссидент 1960–1970-х остался верен своим соотечественникам, активно выступая против той системы, в которой они все еще обитали. Он поддерживал собратьев-правозащитников, содействуя переводам и публикации на Западе восточноевропейских авторов-диссидентов. В 1990 году он участвовал в совместной программе Общества «Мемориал» и Фонда Генриха Бёлля¹².

В отличие от разуверившегося Копелева среди бывших заключенных были и те, кто сохранял верность советскому строю. Иные из них устроились в советской жизни куда благополучнее Копелева. Некоторых «партийно реабилитированных» режим всячески продвигал, используя в целях пропаганды и противопоставляя таким личностям, как Солженицын, и таким умонастроениям, что отразились в «Одном дне Ивана Денисовича». Промыкавшуюся более двадцати лет в Сибири Галину Серебрякову П. Бенно назвал «пешкой режима в фарсе «искоренения» сталинской лагерной системы»¹³. Подчеркнуто не проявляя никаких чувств по поводу вопиющей несправедливости по отношению к ней, она лишь выражала верноподанническую благодарность «ленинскому Центральному Комитету» за свое освобождение. В 1964 году в пространной передовице к январскому номеру «Молодой гвардии» («ежемесячного литературно-художественного и общественно-политического журнала ЦК ВЛКСМ») она с пафосом поучала молодежь: «Верность коммунистической идее — источник... твердости и силы, надежный компас на жизненном пути». Завершал статью патетический пассаж: «Бесконечно счастлив тот, кто несет в своем сердце... веру в торжество коммунистического идеала, деятельно способствует осуществлению великой ленинской мечты»¹⁴.

Возвратившиеся из ГУЛАГа жертвы сталинских репрессий, восхваляющие партию, оказывались чрезвычайно востребованы пропагандой и при Хрущеве, и еще долго после него. Такие бывшие зэки обеспечивали особенно эффективную пропагандистскую поддержку партии. Ведь если даже бывшие заключенные после всего, что им пришлось пережить, во всеуслышание заявляли о своей вере в систему, то (как, видимо, полагали пропагандисты) «напрашивается» вывод: система эта действительно превосходна. В конце 1962 года «Известия» опубликовали написанную двумя годами ранее поэму некой С. Дальней, посвященную «любимой партии». Автор, почти двадцать лет просидевшая в тюрьмах и лагерях, выражала убежденность в грядущей победе большевиков в борьбе за мировое господство¹⁵. Подобные вирши с восторгами по поводу восстановления авторов в

партии можно встретить и в коллекции воспоминаний, собранных «Мемориалом». Не самое подходящее место для восславления «партии родной!» Но, видимо, сочинялись в самом деле «от всей души», поскольку, не в пример опусам Серебряковой и Дальней, не предназначались для печати.

Петр Ионович Якир

Жизненный путь Петра Якира, в отличие от большинства биографий, к которым мы обращаемся в данной работе, известен достаточно хорошо. Однако эта исключительно трагическая история как нельзя лучше раскрывает воздействие репрессий на политические взгляды, здоровье и эмоциональную стабильность тех, кто возвращался из ГУЛАГа, и поэтому будет здесь весьма уместна.

Отца Петра, Иону Якира, знаменитого в свое время командира Красной Армии, расстреляли в 1937-м как «участника военно-фашистского заговора». Передавали, что последними его словами перед казнью были: «Да здравствует Сталин!»¹⁶ Теперь не узнать, выражал ли он искреннюю преданность вождю, выкрикивая это ставшее привычным партийное «заклинание», или пытался защитить семью. Как бы то ни было, вполне возможно, что погибал он, оставаясь убежденным коммунистом, веря в советскую систему, в создании которой активно участвовал два десятка лет. Занимая один из высших постов в армии, И.Якир просто не мог не знать о роли Сталина (и не осознавать собственного соучастия) в организации массового террора.

Тогда же, в 1937-м, в год казни отца, арестовали в качестве «члена семьи изменника Родине» и четырнадцатилетнего Петра Якира. Расти и мужать ему пришлось в ГУЛАГе: следующие семнадцать лет он скитался по «детприемникам», тюрьмам, лагерям и ссылкам¹⁷. После смерти Сталина его мать и его самого в конце концов реабилитировали. Отца реабилитировали посмертно. История Петра привлекла внимание Хрущева, и в своем докладе на XXII съезде КПСС он ссылался на судьбу сына расстрелянного военачальника-большевика. Петру предстояло стать одним из «хрущевских зэков», обласканных властью и используемых в целях антисталинской кампании Хрущева. Ему предоставили должность научного сотрудника в Институте истории АН СССР и квартиру в Москве¹⁸.

Однако к 1969 году обеспокоенность тем, что сталинизм вновь поднял голову, заставила П.Якира поддержать диссидентское движение. В письме в главный «теоретический орган ЦК

КПСС» — журнал «Коммунист» — он перечислил преступления, за которые Сталин должен был бы ответить по советским законам, и завершил все выводом: Сталин — один из величайших преступников века. После этого он подвергся все возрастающим преследованиям со стороны КГБ. Кошмары отрочества и юности, проведенных в лагерях, ожили в его памяти. Его преследовал страх ареста¹⁹. Когда в 1972-м П.Якира арестовали, его и Виктора Красина признания «вывели» КГБ на многих участников диссидентского движения. В результате десятки диссидентов попали под наблюдение и следствие, значительный урон понесло и само движение, так как КГБ прервал издание самиздатской «Хроники текущих событий»²⁰.

На суде в 1973 году Петр Якир признал себя виновным в «антисоветской агитации и пропаганде» и обратился к суду со словами: «Я не хочу умереть в тюрьме»²¹. В обмен на сотрудничество со следствием приговор ему ограничили тремя годами заключения и тремя — ссылки, а через год помиловали. Но по освобождению Якир уже не смог работать, подорвав здоровье алкоголем. Не смог он и вернуться к бывшим друзьям-правозащитникам. Законченная жертва советского террора, Петр Якир потерял отца, лучшие годы жизни, честь и, наконец, здоровье. Уничтоженный и физически, и духовно, он скончался в 1982 году. В личной и политической судьбе Якира, как в микрокосме, отобразилось его репрессивное время.

В новые времена в свете того, что теперь стало известно о коварстве системы, жизнь и судьбу Петра Якира можно подвергнуть переоценке. В 1995 году на страницах журнала «Кенгир» в защиту Якира выступил бывший диссидент, внук «старого большевика» Л.П.Петровский. Он предложил, в частности, присвоить Якиру ученую степень кандидата исторических наук посмертно, поскольку при жизни тому так и не позволили защитить уже написанную диссертацию. Петровский предложил также вручить почетный диплом о высшем образовании дочери П.Якира Ирине, тоже бывшей диссидентке, которой не позволили завершить обучение в Историко-архивном институте²².

История этой семьи показывает, как советская политическая система безжалостно пригвоздила три поколения: отцов, подобно Ионе Якиру, сражавшихся за нее, детей, подобно Петру Якиру, поверивших было в ее справедливость, внуков, подобно Ирине Якир, сознательно, последовательно и стойко боровшихся против нее. Сага о Якирах убеждает, что советская система предала и растоптала своих создателей, разочаровала своих искренних сторонников, породила

ненависть, презрение и в лучшем случае равнодушие к себе. Неудивительно, что в итоге она потеряла крах.

Руфь Григорьевна Боннер

Боннеры — еще один пример семьи, чья первоначальная преданность делу строительства социализма перешла в разочарование и завершилась активным неприятием. Руфь Боннер, мать Елены и будущая теща А.Д.Сахарова, выросла в семье, настолько революционно настроенной, что все ее члены специально переселились в Восточную Сибирь, чтобы быть ближе к родне и друзьям, томившимся на царской каторге. Семнадцати лет Руфь отправилась в Москву помогать делу революции, вступила в Красную Армию в годы Гражданской войны, затем работала в Институте Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б). В 1937-м ее арестовали. Последующие семнадцать лет прошли в лагерях и ссылке. Ее мужа, видного работника Исполкома Коминтерна Г.С.Алиханова, расстреляли²³. Ее дочь Елена, несмотря на то, что стала, таким образом, дочерью «изменников Родине», добровольно ушла на фронт с началом Великой Отечественной войны. После смерти Сталина Руфь реабилитировали. Впоследствии лично А.И.Микоян поспособствовал в лечении боевых ранений Елены и предоставлении пристойной квартиры Руфи. Приветствуя новый политический курс, взятый при Хрущеве, Елена в 1964 году вступила в КПСС. Но чаемое обновление системы так и не свершилось.

Советские танки на улицах Праги в 1968-м раздавили веру Руфи и Елены в гуманный социализм. Как вспоминала Руфь Григорьевна в интервью 1984 года, «для людей с социалистическими воззрениями это (советское вторжение в Чехословакию. — *Н.А.*) стало полным крушением надежд на какие-либо внутренние изменения. Они начали искать чего-нибудь вовне»²⁴. В данном случае поиски привели к участию в диссидентском движении. Тогда же Р.Г.Боннер высказалась в том смысле, что после отказа Кремля от десталинизации многие из прошедших ГУЛАГ замолчали, но те из них, кто выступал с критикой системы, стали первыми диссидентами.

История ее собственной семьи отразила разочарование в идеях социализма и коммунизма под воздействием зависимости советской системы от репрессий. Когда в 1984 году она давала это интервью, ее ссыльный зять Андрей Дмитриевич Сахаров держал голодовку протеста, а дочь добивалась разрешения выехать на Запад для лечения.

Многие бывшие узники сталинских лагерей сохраняли веру в советскую систему, поскольку сами участвовали в ее создании. Идеи партийцы и в лагерях черпали силы в неиссякаемой вере в коммунистическую партию²⁵. Некоторые из них даже альтруистически считали свой подневольный труд посильным вкладом в реализацию планов партии. А.Брат, отбыв в заключении тринадцать с половиной лет из определенного ему 15-летнего срока, так передавал в воспоминаниях свои чувства: «К 1951 г. я собственными руками добыл столько драгоценных металлов, что мог бы стать мультимиллионером. Это мой вклад в строительство коммунизма. Но самым важным, что сохранило мне жизнь в тех тяжелых условиях, была моя неколебимая, неиссякающая вера в нашу ленинскую партию, ее гуманистические [!] идеалы. Именно партия дала мне силы выстоять во всех испытаниях. Восстановление в рядах родной партии стало самым большим счастьем всей моей жизни!»²⁶

Подобные заявления можно встретить во многих воспоминаниях бывших лагерников. Приведу заключительный пассаж краткой автобиографии, написанной в 1967-м Е.М.Бориан, которая с 1937 года провела в лагерях и ссылке 17 лет: «На протяжении всех лет заключения я никогда не теряла веры в нашу Великую Коммунистическую Партию и надежды на восстановление правды и моего доброго имени коммуниста и борца за советский строй». Ее восстановили в партии в 1956 году²⁷.

П.О.Сагоян в мемуарах упоминает знакомого бывшего эка: «Последние годы Леонид Артемьевич живет в Кисловодске и, как все норильчане того времени, вспоминает с грустью и патриотической гордостью годы, проведенные в городе, где каждая улица, каждый дом отмечены его трудом»²⁸. Диаметрально противоположное настроение отражено в грустных словах норильчан (а равно воркутинцев, магаданцев и других бывших подневольных «градостроителей») о том, что холодные северные города «построены буквально на костях заключенных»²⁹.

Легко понять, почему люди, репрессированные советской системой, отвернулись от нее. Но неослабая, вдохновенная преданность кажется парадоксальной. Н.М.Улановская называла «маньяками» тех, кто в лагерях сохранял веру в партию³⁰. Вполне очевидно, что, если политическая система не выполняет своих политических обязательств, доверие к ней иссякает. Однако, как показывают примеры, приведенные выше, идейная приверженность системе может

опираться и на нерациональные основы, ничего общего не имеющие с выполнением ею политических обязательств. Эмоциональная удовлетворенность от осознания себя частью этой системы, носителем ее идей не зависит от реальной выгоды.

Разумеется, люди могут продолжать поддерживать систему, которая причиняет им физические страдания, до тех пор, пока она же обеспечивает им чувство собственной значимости — важную составляющую сути жизни³¹. Для многих идеалистов в СССР коммунистическая партия являлась единственной организацией, которая придавала их жизни значительность. В иных странах это могла обеспечивать религия, которая, как известно, также основана на вере, не зависящей от материальных или политических воздаяний. Как только приняты исходные постулаты мировоззрения, заключающиеся в неоспоримости неизреченной правоты Бога или компартии, так становится возможным истолковывать в их поддержку *всё*. Но церковь, этот наиболее традиционный институт, открывающий людям смысл жизни, советским государством была системно ослаблена и оттеснена, чтобы освободить данную нишу именно для партии³².

Всеобъемлющая система убеждений, подобная религии или марксистско-ленинской идеологии, порождает две важные психологические составляющие — концептуальное обрамление для придания событию значимости и группу социальной поддержки — подлинную или мнимую³³. Холокост заставил многих усомниться в бытии и сути Бога. Но, несмотря на эту катастрофу, люди, хотя уже и не все, продолжали верить в высшую силу, которой вверяли себя. Как утверждает В.Франкл, люди не могут жить в мире, который считают лишенным смысла³⁴.

Как только система начинает удовлетворять поискам смысла жизни, от нее уже нелегко отказаться, даже если ее приверженцам приходится в этой системе страдать. А возможно, именно поэтому и крепнет вера — ведь страдающий человек еще более нуждается в утешении. В СССР для бывших зэков, да и для советских граждан в целом, практически не существовало альтернативных идейных систем, к которым они могли бы открыто обратиться. Таким образом, хотя коммунистическая партия могла рассматриваться первопричиной и источником индивидуальных и массовых бедствий, она все равно воспринималась как высшая сила, руководящая всей жизнью. И к тому же — сила, которая предоставляет определенные социальные и материальные преимущества тем, кому сопутствует статус «стойкого коммуниста»³⁵. Более того, поскольку партия взяла под свой контроль социальную жизнь, средства к существованию и даже само физическое существование своих членов, да к тому же и общечеловеческую

тягу к обретению смысла жизни, идеологически противостоять ей было особенно трудно.

В конце 1950–1960-х годов особую роль в пропаганде массовой поддержки «линии партии» в СССР играли «толстые» литературно-художественные журналы, прежде всего «Знамя» и «Октябрь». При отсутствии состязательности политических партий, гражданских организаций и свободной прессы они служили средством политической коммуникации. Поскольку произведения лагерной тематики («Один день Ивана Денисовича» А.И.Солженицына, стихи и биографические повествования ряда других авторов) становились духовной пищей советских читателей, как бы в противовес приоткрываемой правде одновременно ширился поток установочных публикаций, которые знакомили читателей с единственно верной — «партийной» — точкой зрения³⁶.

И публицистика, и беллетристика «толстых» журналов стали инструментом, распространявшим, согласно «линии партии», некие особые нормы нравственности переживаемой страной «героической эпохи». Например, литературная критика восхваляла открыто плоские описания, лишь бы среди их персонажей присутствовали такие жертвы террора, которые, соответственно требованиям «нравственности героической эпохи», возвращались из лагерей и ссылок «сохранив... пламенность своей преданности революции... веру в партию», а вернувшись, «ни обиды не затаили, ни черной краской все прошлые годы мазать не собираются»³⁷.

Чего нет в подобных благонамеренных и фальшивых призывах, так это критической оценки того, что же в действительности сохранили настоящие, а не вымышленные в угоду партийной пропаганде жертвы массового террора и насколько различаются реальные способы действия советской системы от идеалов, которые декларируют ее лидеры.

Если требовалось возложить на кого-нибудь ответственность, называли Ежова, Берия или Сталина, представляя их действия нарушениями «гуманистических принципов» социализма, на которых якобы зиждется Советский Союз. Лица эти, безусловно, виновны в организации невиданных масштабов государственного террора. Но верно и то, что сама советская система не предполагала иной ответственности, кроме как перед ее *руководителями*. Для ответственности перед *руководимыми* места не оставалось, то есть не было никакой возможности потребовать от власти реального отчета перед гражданами. Поэтому-то развязанный партийно-государственным руководством террор и стал неотъемлемым элементом советской системы. И при этом всю эксплуатацию лозунги верности и преданно-

сти «партии и правительству», то есть все той же кучке высших партийно-государственных руководителей.

Хотя у некоторых возвратившихся из ГУЛАГа неизбывная преданность коммунистической партии была сродни вере в Бога, она все же требовала определенной подпитки. Именно поэтому советская пропагандистская машина непрерывно превозносила достижения «строителей коммунизма», изыскивая их даже в таких малоподходящих местах, каковыми являлись места лишения свободы. Так, в 1959 году «Правда» опубликовала ряд поступивших в редакцию писем, посвященных «пробуждению и развитию сознательности строителя коммунизма». Судя по материалам «Особой папки» Хрущева, широкое обсуждение этих писем специально организовали и в исправительно-трудовых учреждениях. Каким способом администрация побуждала заключенных к написанию «политически выдержанных» откликов на эту публикацию, мы не знаем. Хотя вообще-то методы воздействия на заключенного известны и, можно полагать, без определенного давления не обошлось. Избранные отклики эзков МВД направило в Совет Министров СССР и главному редактору «Правды». В том числе и нижеследующий фрагмент письма некоего уголовника: «Если ты советский человек, ты остаешься советским человеком в любых условиях и ты всегда можешь внести свой вклад в строительство коммунизма. Письма, опубликованные в „Правде“... вдохновили меня работать лучше, дали уверенность в том, что после освобождения я смогу найти работу, а если у меня возникнут какие-нибудь сложности, я обращусь в партийные и советские органы и мне помогут»³⁸.

Если это написано искренне и без принуждения, тогда перед нами еще один пример неизбежного в будущем жестокого разочарования, которое ожидало на воле заключенных — как политических, так и уголовников. Мы уже видели, как мало помогали и как много чинили препятствий «партийные и советские органы». И все же, если цитируемое письмо и в самом деле является подлинным свидетельством лояльности, тогда рассматривать его надо как отражение: частью — надежды, частью — веры, частью — приспособленчества.

ПАРТИЙНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС

Некоторые бывшие заключенные и их дети даже вопреки своим антисталинским настроениям и враждебности к советской системе добивались приема или восстановления в КПСС как средства реин-

теграции в советское общество. Для тех, на ком лежало клеймо репрессий, членство в партии могло послужить необходимым средством карьерного роста.

Андрей Николаевич Сахаров³⁹

Профессор А.Н.Сахаров, поднявшийся до ранга директора Института российской истории РАН, был сыном «врага народа» и внуком бедного сельского священника, расстрелянного в 1937 году. Отец Сахарова до революции учился в духовной семинарии, потом переучился на социолога. Уже в конце 1920-х стало ясно, что все, кто, подобно членам его семьи, имел сомнительное с точки зрения власти прошлое, оказались особенно уязвимы. Поэтому отец Сахарова приобрел еще одну, более нейтральную профессию — инженера. Тем не менее у сына расстрелянного священника в конце 1930-х не могло не возникнуть проблем. По словам Андрея Николаевича, тот, кто донес на его отца, имел романтический интерес к его матери. Зачастую на соседей и знакомых доносили не столько из политических соображений, сколько из личных интересов. Так избавлялись от мужей или жен, приобретали квартиры и должности. В 1940 году отца арестовали.

Семья — Андрей с матерью и братом — испытала все обычные лишения ближайших родственников «врагов народа». Им запретили жить в крупных городах, они втроем ютились в одной комнатенке; мать исключили из партии, и ей оказалось трудно найти, а еще труднее сохранить работу учителя истории. Отец Сахарова выжил в лагерях и вышел на волю после войны. Он работал в маленьком городке в Горьковской области, где жили многие бывшие зэки. Он не пытался восстановиться в партии, явно не питая особой любви к КПСС.

Несмотря на очевидные способности, Андрею Николаевичу при поступлении в МГУ в 1948 году пришлось буквально сражаться за место студента истфака, ведь его отец побывал в заключении. То же «пятно» в биографии долго закрывало Андрею Николаевичу путь в партию, что было немаловажно, поскольку членство в КПСС облегчало получение места научного сотрудника Института истории АН СССР. При Хрущеве положение Сахарова выправилось. Отца в 1957 году реабилитировали, а его самого приняли в партию. В дальнейшем А.Н.Сахаров вполне успешно поднимался по карьерной лестнице и наконец занял самое высокое административное место в своей области исторической науки. Он оказался одним из немногих, кто сумел добиться серьезного успеха вопреки разнообразным препо-

нам, чинимым членам семей репрессированных⁴⁰. Но надо иметь в виду, что, хотя Сахаров и испытал в какой-то мере негативные последствия репрессий в отношении его деда и отца, лично ему, к счастью, не пришлось побывать в заключении, и, следовательно, он оказался избавлен от того дополнительного социального бремени, какое отягощало, например, судьбу Петра Якира.

А.Н.Сахаров утверждает, что разуверился в советской системе при Брежневе. В интервью 1997 года он отметил, что, по его мнению, новую, альтернативную старой монархической, государственную систему в России должна была создавать культурная элита, интеллигенция. (Сахаров определенно не считает Ленина представителем интеллигенции.) Интеллигенция могла бы культивировать в людях лучшие побуждения. Но систему создал Ленин, который, по сути, не отличался от Сталина. Оба они равно бездушны. Более того, созданную Лениным репрессивную систему практически использовала орда своекорыстных бюрократов, растлевающих народ. Так, вместо стимулирования лучших человеческих качеств советская система культивировала худшие. В сущности, утверждает Сахаров, советская система сохранялась не только с помощью репрессий, но и уродуя своих граждан по своему образу и подобию. Государство поощряло в людях, стремившихся к материальным благам, самые эгоистические и низкие наклонности. В результате вина за массовые репрессии лежит не только на партии и Сталине, но и на миллионах нищих, невежественных людей, поднятых властью на разные ступени управленческого аппарата, на рабочих, желавших немедленно выбиться в начальство, и крестьянах, которые стремились жить, как горожане. В самих этих желаниях нет ничего предосудительного, но предосудительны методы, которыми люди добивались их исполнения. Им внушили ложную уверенность, что они смогут устроить свою жизнь, разрушив жизни других. По словам А.Н.Сахарова, в Советской России «человеческая жизнь ценилась дешево... сегодня ты убиваешь священника, дворянина, предпринимателя, завтра — сама система подтолкнет тебя — доносишь на друга, товарища... Умонастроение людей играло важную роль в этом репрессивном механизме: их никогда не учили уважению к личности, что необходимо для построения цивилизованного общества и правового государства».

Воззрения А.Н.Сахарова на природу советской государственной системы основаны и на его личном опыте члена семьи, пострадавшей от репрессий, и на профессиональном опыте историка. Однако его нынешние взгляды на советскую систему (осуждение ее) надо рассматривать через призму того, насколько ему самому при-

шлось в свое время к ней приспособиться, чтобы подняться в ее рамках на столь высокие академические и административные ступени. Сегодня взгляды А.Н.Сахарова политически корректны, но он явно не достиг бы своего нынешнего положения, если бы его взгляды не были политически корректны и в прежние времена.

«МЕМОРИАЛ» И «ВОЗВРАЩЕНИЕ»

В середине 1990-х вопросники, разработанные при подготовке данной работы, были разосланы людям, связанным с Обществом «Мемориал» и/или «Возвращение». На вопрос «Состояли ли Вы когда-либо в КПСС?» до 75% респондентов ответили: «Нет, никогда»⁴¹. Если эти ответы и не абсолютно достоверны, они по меньшей мере отразили настроения того времени — явно антикоммунистические. Те, кто указал на свое членство в партии, отмечали, что их мотивацией являлись соображения «самосохранения», то есть страх перед последствиями несоответствия системе. Как объяснил один из бывших политзаключенных, он вступил в партию, «потому что без этого было бы труднее приспособиться»⁴².

«ПОЛНОЦЕННЫЕ ГРАЖДАНЕ»

А.Б.Рогинский предостерегает от истолкования заявлений о приеме в партию бывших политзэков, которые в 1950-х возвращались из ГУЛАГа, как свидетельства лояльности коммунистической идеологии. Выступая в данном случае не только в качестве историка, но и как очевидец, он обращает внимание на то, что во многих анкетах, столь часто необходимых в СССР, придавалось особое значение *полной* реабилитации (то есть предпочтительно вкупе с реабилитацией партийной — восстановлением в партии). Он отмечает также, что это был значимый психологический момент: «Представьте себе вечную неуверенность, которую испытывали вернувшиеся из ГУЛАГа всякий раз при необходимости заполнять анкету: быть бывшим политзаключенным, это почти так же, как быть евреем»⁴³.

Возвращенный партбилет мог сгладить неизбежные упоминания о запятнанном прошлом. Таким образом, идеологические вопросы подчас отходили на задний план. Заявления о восстановлении (приеме) в КПСС зачастую являлись попытками добиться социального статуса, недостижимого иным способом. Восстановление (прием) в КПСС обеспечивало не только право участвовать в партсобраниях, но и обретение всей полноты действительных прав

и льгот. И в самом деле, во многих воспоминаниях встречаются свидетельства, вроде вот такого: «Только получив вновь свой партбилет, я почувствовала себя полноправным гражданином своей Родины!»⁴⁴ Дозирование или отказ в предоставлении льгот репрессированным и даже в самой возможности изменить ущербный социальный статус стали эффективным способом обеспечения поддержки КПСС.

Однако следует признать, что часть бывших политзаключенных связывала с членством в КПСС скорее глубоко внутренние представления о восстановлении чести, достоинства, самоуважения. В качестве примера укажем на вдову Бухарина Анну Ларину, чья упорная борьба за партийную реабилитацию мужа продолжалась вплоть до горбачевских времен⁴⁵. Мотивы многих других были аналогичны. Например, П.О.Сагоян, бывший политзаключенный из Норильска, вспоминал, что при реабилитации его восстановили на службе. Вдохновленный обретением прежнего социального статуса, он заключил: «Теперь моя биография совершенно чиста, и я могу с чистой совестью уехать из Норильска, чтобы просить о восстановлении в партии»⁴⁶. Как видим, для этого человека чистая совесть тождественна чистой (с партийной точки зрения!) политической биографии. Это еще раз показывает, как влияла советская политическая система на самооценку советских граждан.

Отсутствие состязательности в политической сфере (например, независимой Церкви или альтернативных политических партий) обеспечило КПСС максимальный контроль над духовной жизнью советских людей. Определяющее воздействие партии на социальную оценку и, глубже, индивидуальную самооценку личности отразилось в одном из писем к Хрущеву, опубликованных в 1959 году «Правдой»: «Я не являюсь членом партии, поскольку двадцать лет назад, когда я уже получила рекомендации для вступления, репрессировали моего отца. Сейчас его посмертно реабилитировали. Разрешите мне выразить за это огромную благодарность Партии и лично Вам — инициатору пересмотра многих прежних приговоров. Пусть и посмертно, но память о человеке будет чиста... Я пишу Вам правду, которую никому больше не раскрывала (кроме мужа, перед тем, как мы связали свои жизни). Я скрывала это от людей... С самого моего детства отец с нами не жил. Никто из моих друзей ничего о нем не знал. Но я не вступила в партию. Я не могла осквернить ложью свое вступление в партию. А кто бы дал мне рекомендацию, если бы я раскрыла правду?»⁴⁷

Удовлетворение, связанное с восстановлением в партии, иногда требовало определенной политкорректной амнезии. Вдова «врага на-

рода», отсидевшая 8 лет в «АЛЖИРе» («Акмолинском лагере жен изменников Родине»), описывает чувство гордости, с которым получила пенсию за мужа, «партийно реабилитированного» посмертно: «Наконец я почувствовала, что и в политическом, и в гражданском отношении я вновь полноправный человек. Более того, в определенном смысле я стала „героем дня“. Нас, реабилитированных, подняли [на пьедестал], поставили в первую очередь на получение жилья, путевок, материальной помощи и проч.»⁴⁸.

Правда, как явствует из дальнейшего, партийное руководство вскоре забыло свои обещания реабилитированным. Предоставленные блага тоже оказались недолговечны. Но мемуаристка, как нередко поступают люди, воспитанные тоталитарными режимами, парадоксально винит во всем этом (подобно партийному руководству) самих жертв репрессий. Государство не только обмануло их ожидания, но и обвинило их же самих в том, что они это заметили. А наша мемуаристка благонамеренно признает, что отношение к реабилитированным изменилось из-за «нескромности и критиканства некоторых из товарищей». А в результате — «партия и правительство помогали нам, но уже не с такой готовностью, как вначале»⁴⁹. Характерно, что свои мемуары автор передала в Центральный партархив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Советское вторжение в Венгрию в 1956 году привело к серьезному падению престижа КПСС не только за рубежом, но и в самом СССР, по крайней мере среди критически настроенных граждан. А.Б.Рогинский вспоминает, что один из его знакомых «очернителей» выразился тогда предельно четко: «Партия гроша ломаного не стоит после Венгрии»⁵⁰. Однако далеко не все даже критически мыслящие люди оценивали ситуацию столь определенно. И в 1960-е некоторые, подобно Е.А.Евтушенко, пытались «воскресить революционные идеалы 1917-го», доказывая, что это Сталин был плох, но Партия неизменно хороша. Как отмечает А.Б.Рогинский, «осознание того, что в массовых репрессиях повинна сама система, пришло позднее»⁵¹.

В 1950–1960-х годах бывшие политзаключенные из числа ортодоксальных партийцев, предпочитавших эвфемистически говорить о «героических коммунистах», а не о коммунистах репрессированных (как следовало бы), с энтузиазмом встретили хрущевскую заявку на реформы. В качестве поощрения ряд репрессированных ранее крупных работников партии и комсомола были восславлены как герои. Партийцы сосредоточились на попытках подправить политическую систему, не затрагивая ее основ и нацеливая свою критику на частные недостатки советской действительности. Вслед за Хрущевым

люди вроде Шатуновской и Снегова, выступая за реформы, сохраняли верность «идеалам партии». Но после отставки Хрущева конформисты отвергли и их позицию, и их начинания, и их самих⁵².

ВОССТАНОВЛЕНИЕ В ПАРТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х

Как известно, далеко не каждого, кто изъявлял желание вступить в КПСС, туда принимали. С заявлениями о восстановлении в партии все обстояло не менее (если не более!) сложно. В этих случаях требовались не просто рекомендации, но *особо* благоприятные рекомендации от «особо проверенных» членов партии; не просто «чистая» биография, но уже состоявшаяся гражданская реабилитация («помилование» не годилось); не просто стандартные указания на «общественную активность», «политическую грамотность и выдержанность», но свидетельства прежней *беспорочной* работы в партийных организациях и подчеркнутой политической лояльности, да плюс ко всему (что немаловажно!) своевременность подачи заявления «о восстановлении в рядах партии»⁵³. Но и при всем этом положительное решение вопроса не гарантировалось. Например, в восстановлении могли отказать из-за «слишком длительного перерыва партийного стажа». Таков, по свидетельству Е.Э.Гагена, был мотив отказа на его собственное первое заявление. Правда, дело происходило еще в самом начале 1956-го, и после повторных обращений, уже на волне «кампании» восстановления в партии, развернутой после XX съезда, его просьбу все-таки удовлетворили⁵⁴. Но сам факт первоначального отказа достаточно красноречиво говорит о реальном отношении партаппаратчиков — членов местных парткомиссий — к бывшим заключенным-партийцам. Ведь единственной (ни к чему другому, видно, придраться не смогли или даже равнодушно не захотели) причиной отрицательного решения было названо действительно долгое — все 18 (!) лет заключения — «неучастие в партийной жизни», что даже с формальной точки зрения выглядит довольно сомнительно. А принимая во внимание очевидную *вынужденность* этого «неучастия», выбор причины был откровенным издевательством.

Другие мотивы отклонения заявлений о восстановлении в КПСС были более приличны, но не менее характерны для своего времени. Так, если выяснялось, что заявитель в прошлом был партийным еретиком — «уклонистом», ему в восстановлении в партии отказывали непременно. Ведь он «активно противостоял Партии на стороне оппозиции!»⁵⁵ То, что это была оппозиция политике Стали-

на, ничего не меняло: ранее состоявшееся исключение считалось оправданным и подтверждалось. Максимум, на что могли надеяться в этих случаях заявители, это реабилитация гражданская. Партийной реабилитации не подлежали также те бывшие заключенные по политическим мотивам, которые, хотя и не были замечены в порочащих связях с оппозицией, теперь демонстрировали чрезмерную самостоятельность суждений. Например, Комитет партийного контроля при ЦК КПСС отказал в восстановлении в партии члену РКП(б) с 1918 года П.И.Гудзинскому, который, будучи освобожден из лагеря, как выяснилось, на одном из открытых партсобраний при обсуждении решений XX съезда «выражал антипартийные ревизионистские взгляды, клеветнически утверждал, что [последние] тридцать лет были черными страницами в истории Партии и Государства и что... доклад о культе личности ничему не научил Партию»⁵⁶.

Общую атмосферу в партаппарате в ходе партийной реабилитации передают итоги (да и сам факт) расследования, предпринятого в 1957 году по многочисленным жалобам Комитетом партийного контроля. Оказалось, что удовлетворение поступивших в аппарат ЦК просьб от бывших политзаключенных (уже полностью реабилитированных и восстановленных в партии) нередко затягивалось. По бюрократическому ли равнодушию или преднамеренно их отсылали «на рассмотрение» сотрудникам, которые заведомо находились в служебных командировках, отпусках, отсутствовали по болезни. Поскольку все эти просьбы исходили от измученных лагерями ветеранов-партийцев, остро нуждавшихся в получении пенсий, жилья и лечения⁵⁷, поведение партийных чиновников больше напоминает не обычные бюрократические проволочки, а саботирование заверений высшего партийного руководства, вроде того глухо-враждебного отношения, которое, как мы видели, демонстрировала прокуратура в первые постсталинские годы.

Подводя итоги кампании массового восстановления в партии ранее массово исключенных из нее, КПК в отчете, подготовленном к XXII съезду КПСС, попытался объяснить свое прежнее (как теперь выходило — слишком ретивое!) участие в «необоснованных исключениях из партии по политическим мотивам». Объяснение было неуклюжим, зато не задевало систему в целом. Оказывается, «с 1936 по 1940 г.» (то есть, надо понимать, не позднее) «Партколлегия Комиссии партийного контроля» (заметим, не высший партийный орган, но только его коллегия, причем к 1961-му, понятно, в персональном смысле уже заведомо «бывшая») «не проверяла обоснованность предъявленных членам партии тягчайших политических обвинений

и, по существу, без всякого разбора исключала их из партии с формулировкой „как врага народа“, „как контрреволюционера“... Решения об исключении... выносились по спискам арестованных, присланным из НКВД»⁵⁸.

Вот так. Коли уж приходится называть виновных, то пусть ими окажутся предельно неконкретные и исключительно «бывшие»: бывшая партколлегия бывшей комиссии партконтроля, которых, получается, подло обманывал совсем уж бывший НКВД.

Однако, как бы то ни было, известно, что в период после XX съезда было удовлетворено множество заявлений о восстановлении в партии. Попытаемся разобраться в количественных параметрах, интенсивности и направленности этого процесса, поскольку все это имеет самое непосредственное отношение к характеристике той общественно-политической обстановки, в которой в середине 1950-х — начале 1960-х годов возвращались в общество бывшие узники сталинских лагерей.

Названный отчет КПК XXII съезду сообщает: на протяжении 1956–1961 годов «реабилитированы в партийном отношении 30 954 коммуниста (многие посмертно)»⁵⁹. Цифра, что называется, лукавая. Ведь далее поясняется, что значительная часть восстановленных — бывшие «руководящие работники»: 3693 — партийные и комсомольские, 4148 — советские, 6165 — хозяйственные, 4394 — военные. А много это или мало? Каково соотношение «восстановленных» и тех, чьи заявления отклонили? Что такое «многие посмертно»? Наконец, насколько (и на что именно) вдохновил советских коммунистов призыв XX съезда КПСС «восстановить справедливость в отношении ранее необоснованно репрессированных» товарищей по партии?

Прежде всего отметим, что темпы партийной реабилитации представляются весьма скромными. Если исходить из названного в отчете КПК числа восстановленных в партии, то за пять полных лет — с марта 1956-го по март 1961-го — выходит всего немногим более шести тысяч человек ежегодно. Невелик и общий итог этой работы, учитывая не только масштабы репрессий, но и тот факт, что реабилитацией репрессированных партийцев занималось после XX съезда множество инстанций: КПК при республиканских ЦК, парткомиссии местных и региональных парткомов по всей стране, а также парткомиссии войсковых соединений и объединений армии, флота, внутренних войск, войск госбезопасности... Всю эту пирамиду КПК при ЦК КПСС лишь увенчивал. Отметим также, что неопубликованный отчет КПК за 1957 год фиксирует: на протяжении первого года после XX съезда, когда, по идее, партаппарат должен был особенно истово исполнять совсем еще свежие указания «директив-

ных органов» относительно «восстановления справедливости», было удовлетворено лишь около половины (55,5%) заявлений о восстановлении в партии⁶⁰. Можно полагать, что и в дальнейшем сохранялось приблизительно такое же соотношение восстановлений и отказов.

Особого внимания заслуживает наполнение итоговой цифры реальным содержанием. Простой подсчет данных, предложенных Комитетом партийного контроля XXII съезду КПСС, свидетельствует, что до двух третей восстановленных в партии (18 400 человек, то есть 59,4%) относились к различным слоям партийно-государственной номенклатуры. Первоочередное внимание именно к «руководящим кадрам», а не к «рядовой партийной массе» подчеркивают и заголовки разделов названного отчета: «О партийной реабилитации членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), членов Центральной ревизионной комиссии и членов КПК...», «О партийной реабилитации руководящих партийных и комсомольских работников» и т.д. Причем характерно, что в качестве конкретных примеров здесь неизменно перечисляются имена лиц, которых к моменту счастливой партийной реабилитации уже давно «необоснованно исключили» не только из партии, но и из жизни: казненных, замученных в следственных застенках, уморенных в лагерях⁶¹. (Хотя точно о том, сколько было «по смертников», отчет умолчал.)

Уточнить картину позволяют не так давно опубликованные данные, отразившие темпы партийной реабилитации жертв сталинского террора столичной парторганизацией. Оказывается, за первые три года после XX съезда КПСС парткомиссия и бюро МГК рассмотрели в общей сложности 3692 «персональных дела» ранее исключенных из партии коммунистов. Восстановления удостоились 3395 человек — почти 92%. Правда, лишь 980 из них (то есть чуть больше четверти — 26,5%) действительно смогли «вернуться в ряды партии», а вот 2415 человек (65,5%) «партийно реабилитировали» *посмертно*⁶². Таким образом, получилось все в точном соответствии с рекомендацией товарища Сталина: «Есть человек — есть проблема. Нет человека — нет проблемы». При посмертной реабилитации никому не докучали своими потребностями страдальцы, которым ведь еще требовалась, как канцелярски перечислял заботы отчет КПК, «помощь в получении соответствующей работы, в назначении пенсии, в разрешении вопросов в бытовом устройстве»⁶³. Главное, в этом случае можно было не беспокоиться о политкорректности прощенных ветеранов, каковая после их близкого знакомства с ГУЛАГом явно вызывала сомнения. Больше того: самых именитых «невинно убиенных» становилось возможным обратить в «партийных святых», да еще и немного «заселить» ими совсем уж было обезлюдившую историю партии и совет-

ского государства. Опять-таки по рецептам Сталина: см. его «Краткий курс истории ВКП(б)» и перечень дозволенных им «героев гражданской войны».

В целом, как следует из статистических данных, коммунисты, чьи персональные дела тогда были рассмотрены в МГК, в большинстве (74,7%) являлись отнюдь не рядовыми москвичами-партийцами, которые, по логике, должны были составить большинство, но (как и в целом по стране, судя по отчету КПК) это были представители номенклатуры: 5% — партийные «руководители разного ранга», 33,3% — «советские», то есть собственно административные, 36,4% — хозяйственные. Да и остальных тоже трудно отнести к рядовым: профсоюзные (1,1%) и комсомольские (0,2%) работники, сотрудники судебно-следственных органов (2,5%), военнослужащие (4,6%)⁶⁴.

Несомненно, все это не случайно. Перед нами, как и в отчете КПК XXII съезду КПСС, — явный результат целенаправленной избирательности «партийной реабилитации». Вернее всего — по прямому указанию ЦК. Ведь именно такие цифры подкрепляли главное обвинение, официально выдвинутое в 1956 году против Сталина, — «избиение руководящих кадров». Как известно, именно этот тезис Хрущева обеспечил ему в борьбе за власть политическую поддержку со стороны тех «руководящих кадров», что собрались на XX съезде. Уж они-то горячо одобрили заявленный тем самым отказ от подобных избиений впредь.

Иначе говоря, рассмотренные цифры указывают на политический заказ. Что, согласимся, имеет мало общего с действительной объективностью. Как видим, «партийная реабилитация» соотносилась с восстановлением справедливости примерно так же, как и реабилитация гражданская. Реальной целью в обоих случаях выступала исключительно «политическая целесообразность».

Арсений Борисович Рогинский

Арсений Борисович Рогинский — руководитель Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал», специалист в области истории советского террора, сын узника и сам бывший узник. При этом в одном из интервью он иронично подчеркнул: «Я должен был стать врожденным лагерником, но я им не стал»⁶⁵. На вопрос о том, повлияли ли на его развитие узники, возвратившиеся из ГУЛАГа в 1950-х, он ответил: «Мы жили тогда в огромном ленинградском доме, наполовину заселенном только что вернувшимися. Они,

эти старики, подолгу сидели на лавочках во дворе и время от времени напевали свое, что-то вроде „разгромили атаманов, разогнали воевод...“. Я пробегал мимо. Если честно, думаю, они не повлияли на меня никак». Более того, сталинские репрессии тогда его вовсе не занимали. Попытаемся разобраться, действительно ли опыт репрессированных при Сталине и реабилитированных при Хрущеве не повлиял на образ мыслей и действия Рогинского по отношению к советской системе.

Отца Рогинского, инженера-электрика, арестовали в январе 1938 года и приговорили к 6 годам лагерей. Он пробыл на Севере на два года дольше, так как, подобно прочим политзэкам, был задержан в заключении до окончания войны. Арсений родился в 1946-м близ лагерной «зоны» — на территории, подведомственной НКВД. Вскоре начались переезды с места на место. Но в январе 1951 года Рогинского-старшего вновь арестовали как «повторника». Через три месяца он погиб в тюрьме.

Мать Рогинского, несмотря на свое положение жены «врага народа» (чего, кстати, никогда не пыталась скрыть), в 1952 году устроилась учительницей немецкого языка. Она не очень свободно владела им, но тогда лучших учителей в поселке не было. В 1957 году семья (Арсений с матерью, сестрой и братом) вернулась в Ленинград, получив комнатенку в коммуналке. Рогинский вспоминает, что в те годы он был «настоящим уличным мальчишкой»⁶⁶. В четвертом классе, как полагалось, его приняли в пионеры, но в седьмом исключили (по его словам, «за хулиганство»). В комсомол, в отличие от большинства сверстников, Рогинский не вступал.

В Ленинградский университет в 1962 году его не приняли, и пришлось учиться в Тартуском. Причину Рогинский видит не в судьбе отца, а в собственной биографии. Поступить в «почти столичный» Ленинградский университет шансов он практически не имел: не комсомолец, без необходимого рабочего стажа, не отслужил в армии, но «зато» был евреем. К двадцати годам у него формируется скептическое отношение к режиму, хотя и без особенного интереса к политике. В эстонском Тартуском университете он, естественно, общался прежде всего со студентами, которых, как и его, по разным причинам тоже не приняли в столичные университеты, — с Габриэлем Суперфином, талантливым историком-архивистом и будущим политзаключенным, с Никитой Охотиным, вместе с которым позднее участвовал в создании «Мемориала». Тогда же он познакомился с Александром Даниэлем, сыном Юлия Даниэля, чей судебный процесс («по делу Синявского и Даниэля») стал первым открытым политическим судом над диссидентами в СССР, а также с

поэтом Натальей Горбаневской и другими участниками только оформлявшегося правозащитного движения. По окончании университета в 1968 году и возвращении в Ленинград он, по его словам, «еще не был особенно вовлечен» в движение, разве что передавал материалы в самиздатскую «Хронику текущих событий», начатую Горбаневской в 1968 году и ставшую «центральным органом» советских правозащитников. В «Хронике», в частности, активно участвовали Лариса Богораз и Сергей Ковалев. Постепенно приходившее понимание того, что происходило с его друзьями и что вообще творилось в стране, заставило Рогинского осознать идеологическую ограниченность собственного существования. Будучи профессиональным историком, он обратился к поискам исторических корней репрессий и альтернатив большевизму. И в итоге «нашел своих героев. Они были где-то между социал-демократами, меньшевиками и народными социалистами. Третий путь все-таки существовал — ни белый, ни красный». Обобщая выявленное в ходе изысканий, Рогинский сформулировал собственное понимание советского строя. В поисках новых материалов он встречался со многими бывшими советскими политзаключенными, записывал их рассказы, целенаправленно собирая воспоминания людей, связанных с любой оппозицией советскому режиму, — троцкистов, анархистов, меньшевиков, а также тех, кто участвовал в актах неповиновения на Соловках в 1920-х или в лагерных забастовках 1950-х годов. Его интересовали почти исключительно те, кто действительно участвовал в сопротивлении. Истории прочих жертв государственного террора, оказавшихся в лагерях, по сути, без какой-либо политической вины перед режимом, мало привлекали его внимание.

С середины 1970-х Рогинский с друзьями — Михаилом Гефтером, Александром Даниэлем, Ларисой Богораз и другими — уже постоянно занимались сбором и обработкой документов, которые могли прояснить историю репрессий. Спустя десять лет, уже в новой политической ситуации, это привело их к участию в создании Общества «Мемориал». Их деятельность в этом направлении привлекла особое внимание властей: диссиденты покушались на монополизированное компартией право «писать историю», то есть полностью контролировать, что, как и о ком повествует историография. Как мы уже отмечали, советская система сохранялась посредством репрессий не только людей, но также идей. Государственная власть неизменно стремилась в связи с этим к возможно более полному контролю информации. Рогинскому и его друзьям дали понять, что политически нейтрального исследования истории не бывает. Сотрудники КГБ неоднократно проводили обыски в его

квартире: явно близился арест⁶⁷. Наконец, в 1981 году его пригласили в ОВИР и предложили в десять дней покинуть СССР. На это предложение он не откликнулся, вовсе не усматривая в нем «проявления доброй воли» властей. Вскоре его арестовали, обвинив в «изготовлении и сбыте поддельных документов» (ст. 196 УК РСФСР 1960 г.), а также в пересылке за границу материалов в «антисоветские издания». «Поддельными документами» были названы ходатайства с мест работы или учебы, которые требовались для получения доступа в читальные залы исторических архивов, «антисоветскими изданиями» — исторический альманах «Память», посвященный истории советского террора⁶⁸.

Рогинского приговорили к четырем годам лишения свободы. Учитывая опыт семьи, а также коллективный опыт той группы, к которой он тогда принадлежал, Рогинский, казалось бы, был подготовлен к испытаниям, ожидавшим его в заключении. Но, признается он, как оказалось, подготовлен не был: «Наверное, о ГУЛАГе я знал намного больше моих сверстников. Мемуары, рассказы бывших эзков... Но когда впервые попал в камеру, несмотря на все это знание, я почувствовал себя беспомощным, совершенно не ориентирующимся. Я еще не понимал, что главное в лагерной жизни — это сопротивление унижению, сопротивление постоянному растаптыванию личности... Лагерь — место коллективного одиночества»⁶⁹.

Проведя в колонии четыре года, Рогинский в 1985-м возвратился в Москву перенасыщенным лагерными впечатлениями. Друзья устроили ему радостную торжественную встречу. В 1980-х уже стало нормой так встречать возвращавшихся политзаключенных. Рогинский с горечью говорит о поколении отца: «Им никто не аплодировал, когда они возвращались». Отбыв собственный срок заключения, он действительно понял, почему в свое время отец говорил, что второго срока не вынесет. (Обостренная чувствительность к возможности повторения травмы, характерная для синдрома посттравматического стресса, позволяет понять нежелание многих, вернувшихся из лагерей, возобновлять прежнюю активность.) В начале 1990-х вместе с С.А.Ковалевым Рогинский инспектировал Бутырский следственный изолятор на предмет соблюдения там прав человека, но ехать в лагерь уже отказался. Он едва вынес посещение тюрьмы: ее запахи и звуки будили тягостные воспоминания.

Сегодня Рогинский — историк-исследователь, руководитель исторических изысканий, которые ведет «Мемориал». Он координирует общественную работу, связанную со сбором документов о советских репрессиях, с фиксацией воспоминаний бывших политзаключенных. Он также занят созданием Книг Памяти о жертвах репрессий, и в

этой работе постоянно контактирует с сотрудниками архивов ФСБ. Судя по его нынешней деятельности, он явно недооценивает то влияние, что, по всей видимости, все же оказали на его формирование и история собственной семьи, и «старички во дворе» его юности. Вероятно, влияние ранних жизненных впечатлений проявляется не столько в словах, сколько в деле.

Леонард Борисович Терновский

Л.Б.Терновский — пример идеалиста, чье диссидентство обусловлено не столько лично пережитыми репрессиями, сколько либеральными убеждениями. Его судьба проясняет мотивы тех диссидентов, которые не имели личных связей с вернувшимися из ГУЛАГа в 1950-х. Опираясь на собственный опыт, Терновский отрицает, что правозащитники 1960–1970-х годов строили свои убеждения на осмыслении сталинских репрессий. В его семье от репрессий никто не пострадал, и Терновский вплоть до хрущевского осуждения «культы личности» рос, веря в правоту советской власти. В 1956 году он испытал умственное пробуждение, начав понимать, что «именно сама система, то есть тоталитаризм и отсутствие свободы, породила чудовищные репрессии»⁷⁰. Именно тогда он осознал необходимость посвятить себя борьбе за гражданские права.

Терновский окончил медицинский институт и в 1960-х работал рентгенологом. Его все больше волновало то, что творилось в стране: преследования Пастернака, обвинения в «тунеядстве» Бродского, суд над Синявским и Даниэлем. Последней каплей стала советская оккупация Чехословакии в 1968 году. Огромное впечатление на него произвела демонстрация протеста горстки отважных на Красной площади. Терновский не мог оставаться в стороне. Написав статью с критикой советского вторжения, он под псевдонимом опубликовал ее в «самиздате» и вскоре подписывал письма в защиту арестованных демонстрантов.

«Вкус свободы» вдохновил его на дальнейшее участие в актах сопротивления режиму. Он принял участие в составлении многочисленных правозащитных воззваний, в 1978-м вступил в Московскую Хельсинкскую группу и Рабочую комиссию по расследованию использования психиатрии в политических целях. Как врач, он к тому времени уже убедился, что власти злоупотребляют этой отраслью медицины. Мотивы его участия в движении становились все более личными, так как многие его друзья оказались в заключении и на принудительном психиатрическом «лечении», кому-то, чтобы уцелеть,

пришлось покинуть страну, а один, не вынеся преследований, покончил с собой.

Арест Терновского стал неизбежен. В 1980 году его приговорили к трем годам ИТК за «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Эта статья УК РСФСР 1960 года (ст. 1901) была, так сказать, прямой приемницей прежней политической статьи 58¹⁰. Тем не менее Терновского поместили с обычными уголовниками, чтобы изолировать от единомышленников⁷¹. В суде его последними словами стали: «Я предвидел свой арест. Это, конечно, не означает, что я стремился оказаться в тюрьме. Мне не пятнадцать лет, а почти пятьдесят, и мне не нужна такая „романтика“. Я бы предпочел не проводить годы в заключении. Но поступить так было бы недостойно того, что я считаю своим долгом... Я иду в тюрьму с чистой совестью»⁷².

Позднее, вспоминая годы, проведенные в заключении, Терновский напишет: «Я был свободен в несвободной стране»⁷³. Это напоминает максимуму Генри Дэвида Торо в его трактате 1849 года «О гражданском неповиновении»: «При правлении, могущем безвинно заточить в тюрьму любого, для честного человека достойным домом становится тюрьма — единственное место в государстве рабов, где свободный человек может пребывать с честью»⁷⁴.

Хотя на становление Терновского как диссидента политзаключенные сталинской эпохи непосредственно не повлияли, собственное пребывание в заключении заставило его задуматься об их опыте. В отличие от большинства из них Терновский знал, за что его посадили, имел цель и убеждения, которые часто отсутствовали у его предшественников. Он также знал, что, когда выйдет, его будут ждать друзья, семья и даже Запад. В этом Терновский обоснованно видел значительное различие между ними и собой: тем по освобождении большей частью оказывалось не на кого и не на что опереться. И все же в 1983 году реадаптироваться в «большой зоне» для Терновского стало тоже весьма непросто. Ему запретили жить в Москве и работать по специальности. Он нигде не мог официально устроиться. Работать ему удавалось только временно, а зачастую он подолгу вообще оставался без заработка. Это делало его уязвимым для обвинений в «тунеядстве». Терновский решил оформить пенсию, поскольку его профессия позволяла получать ее уже с пятидесяти лет. Добиться этого удалось лишь через год⁷⁵. Сам факт, что в брежневские времена он смог получить пенсию, говорит скорее о желании властей отделаться от него, чем о справедливости. Реабилитировали его в 1991-м.

Представляется, что мы привели достаточно примеров, выявляющих прямые и косвенные связи между возвратившимися из ГУЛАГа и диссидентами 1960–1970-х годов. Организационно это были две отдельные группы, но зачастую одни и те же лица состояли в обеих: многие диссиденты подвергались репрессиям; многие прошедшие сталинские лагеря вовлекались в диссидентское движение; рассказанное ими равно пробуждало в обществе критическое отношение и отвращение к советскому режиму. Упомянутого выше Юрия Айхенвальда, сына репрессированных, бывшего сталинского политзаключенного, в конце 1960-х уволили с работы за участие в правозащитном движении. В вину ему ставилось то, что он подписал несколько писем в защиту преследуемых властью писателей и активистов-правозащитников. Из этих писем ясно, что авторы — и бывшие репрессированные, и тогдашние диссиденты — требовали лишь соблюдения и справедливого применения советских законов⁷⁶. Именно собственный трагический опыт времен сталинских репрессий подтолкнул многих бывших эзков во времена, следовавшие за «оттепелью», к участию в правозащитном движении. Призывы к реформам подчас звучали даже из среды бывших сотрудников карательного-репрессивного аппарата, например, отдельные работники прокуратуры — участники процесса реабилитации — впоследствии стали диссидентами⁷⁷. Некоторые возвратившиеся из ГУЛАГа последовательно противостояли системе, невзирая на повторные аресты и новые сроки заключения⁷⁸. Другие диссиденты никогда не оглядывались назад и не имели ничего общего с предыдущим поколением заключенных.

ЛАГЕРНЫЕ РЕГИОНЫ

Над регионами, где располагались лагеря, довлеет прошлое. Григорий Свирский в своей «Полярной трагедии» — сборнике рассказов, написанных в первой половине 1970-х, поведал о земле, «поверхность и люди которой навсегда изрезаны шрамами памяти о сталинских лагерях»⁷⁹. Со времени Сталина в Сибири мало что изменилось — таков основной мотив «Полярной трагедии». Многие бывшие ээки остались в тех местах на «вольном поселении» — им больше не на что или некуда податься; механизмы власти, правосудия и управления все те же⁸⁰. Отзываясь о работе Свирского в одной из своих пе-

редач, радиостанция «Свобода» так комментировала непреходящие проблемы, которые влияют на жизнь в Енисейском регионе: «Бывшие заключенные продолжают сводить счеты с бывшими лагерными охранниками, государственные законы продолжают толкать на преступления, протесты подавляются, во власти — произвол и беспорядок, в среде рядовых граждан — застарелая тоска и деморализация»⁸¹.

Закономерен вопрос: что заставляло многих бывших заключенных оставаться в отдаленных лагерных регионах, несмотря на тяжелый климат и не менее тяжелую общественно-политическую ситуацию? По мнению Г.Свирского, — безнадежность. В рассказе «Лева Сойферт, друг народа...» главного персонажа — бывшего заключенного — спрашивают, что за мазохизм оставаться в приполярном городе, «где даже кочки, кажется, сочатся кровью»? Он, усмехаясь, отвечает: «А где — не тюрьма?.. Хорошо, где нас нет!»⁸² Понятно, что хорошая жизнь — не для бывшего зэка: он всюду понесет за собой свое прошлое. Да и вся советская страна — большая тюрьма.

Районы Дубравлага в Мордовии и Карлага в Казахстане — свидетельства того, какова была жизнь вне и после лагеря, но по-прежнему рядом с лагерем. Территория Мордовской АССР, где лагеря располагались со времен ГУЛАГа, активно использовалась и во времена репрессий против диссидентов. Затем тамошние лагеря из политических «зон» превратили в исправительные колонии, и они действуют по сей день. По данным «Независимой газеты», каждая проживающая здесь семья так или иначе связана с «зоной». В иных семьях уже по три-четыре поколения «лагерников». Если старшие в свое время отбывали здесь сроки (нередко за «антисоветчину»), то их дети и внуки теперь работают в тех же лагерях, но уже в качестве вольнонаемных⁸³.

Многие сегодняшние жители поселка Долинка — бывшего центра Карлага — тоже бывшие заключенные и охранники либо дети тех и других. Никто из них не любит распространяться о прошлом: «Меньше болтаешь — дольше живешь». И это понятно, учитывая, что прошлое живо там даже чересчур. Один из бывших охранников, например, все-таки разговорившись, убежденно заявил в интервью, что все заключенные Карлага были преступниками. Больше того, он утверждал, что с ними «хорошо обращались»: «Кормили три раза в день — 5250 калорий на человека: утром — хлеб, чай, суп или овсянка; на обед — закуска и горячее» и т.п. Примечательно, что в 1990-х средняя пенсия ветеранов НКВД–МГБ–МВД была существенно выше пенсий ветеранов Великой Отечественной войны и гораздо выше скудных выплат подавляющему большинству бывших политзаключенных.

Одной из побудительных причин не уезжать из районов лагерей в 1950—1960-е годы были сравнительно более высокие, чем в иных местах, зарплаты и наличие некоторых льгот⁸⁴. Дополнительными факторами выступали лагерная социализация, ограничения в праве передвижений и выбора места жительства. А иной раз все сводилось просто к отсутствию альтернативы. Некоторые освобождались после пяти, десяти, а то и семнадцати лет заключения. Потеряв здесь юность и молодость, они уже были просто не в состоянии где-нибудь начинать жизнь заново. Ведь, как мы уже выяснили, люди выходили из лагеря совсем не теми, кем входили. Многие не имели ни профессии, подходящей для иных мест, ни желания и сил ей учиться. Вдобавок бывшие заключенные нередко сразу же обзаводились новыми семьями и не могли либо не хотели возвращаться к семьям прежним. Так что, если даже перенесенное в лагере и побуждало заключенного к активному протесту против режима, далеко не всегда находились физические, психологические, социальные возможности для этого. Тяготы повседневной жизни постепенно довершали начатое лагерем. Один из бывших политзаключенных на вопрос, почему он не уехал из мест, где мучился в лагере, горько ответил: «Почему? Об этом надо бы Сталина спросить — почему мы все еще здесь»⁸⁵.

Итак, анализ воздействия репрессий на отношение бывших политзаключенных к советской системе и, с другой стороны, их влияния на систему убеждают, что даже жестокие лагерные испытания зачастую не приводили к отказу от ранее усвоенных и принятых установок. Об этом свидетельствуют многочисленные сохранившиеся воспоминания бывших политзаключенных-партийцев и статистика заявлений о восстановлении в КПСС. Документальные и устные источники показывают, что некоторые добивались возвращения партбилета из меркантильных соображений, кого-то побуждало к этому стремление подчеркнуть свою политическую лояльность, но нередко речь шла о сохранении идейной убежденности в «правоте дела Партии». (Разочарование, как в случае со Львом Копелевым, пришло к части из них позднее.)

По всем признакам освобождение и возвращение в общество тех, кто пережил репрессии, не привели к сколько-нибудь существенному ослаблению советского строя. И хотя сталинские политэки смогли несколько повлиять на становление диссидентского движения в СССР и пополнить его ряды, продвижение страны по пути реального политического реформирования оказалось незначительным. Напротив, откат к сталинизму в брежневские годы продемонстрировал, что наличие в советском обществе значительной массы бывших сталинских жертв не оказало корректирующего, а тем более дестаби-

лизирующего влияния на советскую политическую систему. Очевидно, что репрессивная система не изменялась под воздействием своих неудач, промахов и частичных повреждений. Пропагандистская машина продолжала микшировать и переписывать историю; изучать реальное прошлое не позволялось так же, как и критиковать настоящее. Но некоторые все же преодолевали запреты. Они высекли искру будущих перемен. При Горбачеве, когда советскому народу наконец позволили оглянуться на прежние преступления своих вождей, всплеск разоблачений наряду с растущей волной возмущения положил конец навязыванию вымышленной версии истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Например, И.А.Мазус, который в 1948–1954 гг. отбывал заключение как «член антисоветской организации». (См. его книгу: *Где ты был?* М., 1992, а также его интервью автору 26 ноября 1996 г.).
2. С.С.Виленский (узник сталинской эпохи), А.Б.Рогинский (диссидент) и многие другие члены обеих групп продолжают придерживаться этого мнения.
3. *De Boer S.P., Driessen E.J., Verhaar H.L. (eds.) Biographical Dictionary of Dissidents in the Soviet Union 1956–1975.* The Hague, 1982. P. 56–57.
4. Запись беседы 14 октября 1997 г.
5. Более подробно о профессиональном и политическом пути Копелева см.: *Naarden B. Literatuur en geschiedenis bij Lev Kopelev: een Russische germanist aan het woord // Theoretische Geschiedenis.* Vol. 22. 1995. № 4. P. 498–509.
6. *Орлова Р.Д., Копелев Л.З.* Мы жили в Москве. Энн Арбор (Мичиган), 1998. С. 33. Книга была издана в Москве под тем же названием в 1990 г.
7. *Копелев Л.З.* Утоли моя печали: Мемуары. М., 1991. С. 326.
8. *Орлова Р.Д., Копелев Л.З.* Мы жили в Москве. С. 104.
9. Там же. С. 133.
10. *Nekrasov V.* Twenty Years Since the Publication of Ivan Denisovich // RTE — RL (Radio Liberty research). Vol. 27. 1983. № 1. P. 2. Политические судьбы Копелева и Солженицына — сотоварищей по неволе — схожи (Копелев даже послужил прообразом Льва Рубина в романе Солженицына «В круге первом»). Схожим из-за оппозиции режиму стало и их будущее.
11. *Lew Kopelev, a Soviet Dissident Who Does Not Want to Emigrate, Speaks Out // New York Times.* 1979. 29 July.
12. Он, например, выступал на учредительном заседании рабочей группы «Мемориал–Бёльль» в Кёльне в апреле 1990 г. «Мемориал» тогда боролся за официальное

- признание, и подобная поддержка Л.З.Копелева затрудняла игнорирование советскими инстанциями этой общественной организации.
13. *Benno P.* The Political Aspect // *Hayward M., Crowley E.L. (eds.) Soviet Literature in Sixties: An International Symposium.* N.Y.; Lnd., 1965. P. 196–197.
 14. *Серебрякова Г.* Войди хозяином // Молодая гвардия. 1964. № 1. С. 6, 10.
 15. Известия. 1962. 16 декабря.
 16. *Alekseeva L.* // Radio Liberty Background Research Report. 1982. 8 Dec. Примечательно, что в официальной биографии И.Э.Якира, опубликованной в порядке его «партийной канонизации» в хрущевские времена, этот эпизод соответствующим образом откорректирован: «В момент расстрела Якир воскликнул: Да здравствует партия! Это были последние слова верного большевика-ленинца» (*Бабенко П. И.Э.Якир: Очерк боевого пути.* М., 1963. С. 78).
 17. См.: *Yakir P.I.* A Childhood in Prison. Lnd., 1972.
 18. Подробности биографии почерпнуты из различных сообщений, включая: *Yakir P.* The Making and Breaking of a Soviet Dissident // Radio Liberty Research. 1982. 18 Nov. Что касается квартиры, то, по словам его дочери Ирины, ему предложили престижные апартаменты. Он скромно отказался, поскольку трехкомнатная квартира устраивала его и семью (из беседы с И.П.Якир 8 октября 1997 г.). Когда мы встретились, Ирина с мужем, Юлием Кимом, дочерью и внучкой все еще жила в той самой квартире.
 19. Radio Liberty Background Research Report. P. 3.
 20. *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР: Новейший период. Вильнюс; Москва, 1992. С. 232–234.
 21. Radio Liberty Background Research Report. P. 4.
 22. *Петровский Л.П.* Десять из 1001 «преступления» Петра Якира // Кенгир. 1995. № 1. С. 74–75.
 23. См.: *Bonner E.* Mothers and Daughters. Lnd., 1992. Книга Е.Г.Боннер «Дочки-матери» впервые была издана в России в 1994 г.
 24. См.: *Adams J.R.* Sakharov's Mother-in-Law Remembers // Wall Street Journal. 1984. 26 July.
 25. М.Байтальский, например, даже отбыв два срока в лагерях, оставался убежденным сторонником большевизма и Ленина с Троцким. Умирая в 1976 г., он все еще верил в конечную победу социализма. (См.: *Байтальский М.* Дневники // Архив Общества «Мемориал»; *Baitalsky M.* Notebooks for the Grandchildren. Recollections of a Trotskyist Who Survived the Stalin Terror / Ed. and trans. by M.Vogt-Downey. New Jersey, 1995. См. также: Europe–Asia Studies. Vol. 49. 1997. № 7. P. 1362–1365). А.Костерин разделял те же взгляды. Ветеран Гражданской войны, с 1938 г. отбывавший семнадцать лет в лагерях, он оставался убежденным большевиком, марксистом-ленинцем. (См.: *Deutscher T.* Intellectual Opposition in the USSR // New Left Review. Vol. 96. 1976. P. 105).
 26. *Брат А.* Жуткие годы // Архив Общества «Мемориал».

27. *Бориан Е.М.* // Там же.
28. *Сагоян П.О.* Год 1937 в моей жизни: Воспоминания // Там же.
29. Это выражение встречается во многих воспоминаниях, в данном случае оно взято из письма Д. Гликштейна С. Коэну от 23 мая 1983 г.
30. Ответы Н.М. Улановской в июле 1980 г. на вопросник С. Коэна.
31. См.: *Frankl V.E.* Man's Search for Meaning: An Introduction to Logotherapy. Lnd., 1964.
32. Ср. с наблюдением одного из современных авторов, согласно которому «американский коммунизм легче понимать не как политическое, но как квазирелигиозное течение, чьи сторонники жили в мире, где стратегия и тактика принимались на веру, где рассуждения дозволялись в минимальном объеме и где даже публичный скептический намек воспринимался как ересь, достойная кары» (*Tanenhaus S.* Keeping the Faith // *The New York Review.* 1998. 25 June).
33. См. об этом: *Adler X.M.* Crisis, Conversion and Cult Formation // *American Journal of Psychiatry.* 1973.
34. См.: *Frankl V.E.* Man's Search for Meaning.
35. Оглядываясь на свою былую веру в коммунизм, один из испанских коммунистов впоследствии признавал, что пытался дать рациональное объяснение многим недостойным шагам СССР, тем самым искажая собственное восприятие этих фактов. См.: *van Son A., Sennef M.* Vrouwenoorlog om Ravensbruck // *Historisch Nieuwsblad.* 1998. May. P. 25.
36. Подробнее см., напр.: *Добренко Е.* Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997.
37. *Зубков Ю.* Нравственность героической эпохи // *Знамя.* 1963. № 3. С. 206–207. В этой статье, неоднократно цитирующей указания секретаря ЦК КПСС Л.Ф. Ильичева («советскому народу нужно... героическое искусство, раскрывающее величие подвига и красоту души строителей нового мира»), недостаточно героичным, с позиции автора, произведениям тогда еще молодого драматурга, а ныне признанного классика А.М. Володина противопоставлены идеологически выверенные, но сегодня совершенно забытые пьесы забытых авторов. Особенное одобрение автора вызывает то, что они «возбуждают... гордость за советского человека, его неукротимый творческий дух», а их герои, даже будучи «оклеветаны, безвинно арестованы» и «оторваны от родных на десять (и более) лет», тем не менее «всегда осознают свою ответственность перед временем», чужды «стремлению раствориться в собственном горе, кичиться им, предавать забвению окружающих с их заботами, потребностями, интересами». Один из таких героев и вовсе твердит: «Довольно грустных мотивов!» (Там же. С. 200, 202, 206, 207). Трудно избавиться от ощущения, что статья лишь в слегка завуалированной форме преподает «правила хорошего тона» и вообще указывает «место» именно тем, кто тогда мучительно возвращался к жизни на воле.
38. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 506. Л. 236.
39. Запись интервью автора с А.Н. Сахаровым (директором ИРИ РАН) 30 сентября 1997 г.

40. Добавим, что огромное число граждан бывшего СССР, в том числе и высокопоставленных, имели родственников, побывавших в лагерях или «спецпоселках». Дед Горбачева, например, оказался жертвой раскулачивания, равно как и дед Ельцина.
41. Опрос не был масштабным и отразил скорее настроения в названных общественных организациях, нежели общественное мнение в целом.
42. Анонимные ответы на вопросник, разработанный при подготовке данного исследования.
43. Запись интервью автора с А.Б.Рогинским 26 апреля 1996 г.
44. Паушкина Г.М. Трагедия неповинных // Архив Общества «Мемориал».
45. См.: Юнге М. Страх перед прошлым. С. 91, 94, 110–111, 113, 118, 139, 141–144, 167, 178–179, 230–231, 281–287.
46. Сагоян П.О. Год 1937 в моей жизни // Архив Общества «Мемориал».
47. Цит. в переводе по: Current Digest of the Soviet Press. Vol.XI. 1959. № 27. P. 22.
48. РГАСПИ. Ф. 560. Оп. 1. Д. 37 (т. 2). Л. 487.
49. Там же.
50. Запись интервью автора с А.Б.Рогинским 26 апреля 1996 г.
51. Запись интервью автора с А.Б.Рогинским 7 мая 1996 г.
52. Запись интервью автора с сопредседателем правления Московского «Мемориала» Я.З.Рачинским 4 мая 1996 г.
53. Многие бывшие заключенные свидетельствовали, что столкнулись с трудностями, пытаясь добиться восстановления в КПСС через несколько лет после возвращения из ГУЛАГа. А ведь они не могли даже пытаться восстановиться в партии до момента успешного завершения тяжелого процесса реабилитации.
54. Гаген Е.Э. Воспоминания. Т. 3, 4 // Архив Общества «Мемориал».
55. РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1077. Л. 10.
56. Там же. Л. 4–5.
57. Там же. Д. 1099. Л. 3–4.
58. Из «Отчета о работе Комитета партийного контроля при ЦК КПСС за период с XX по XXII съезд КПСС (1956–1961 гг.)» // Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. С. 87. В этом отчете реальная взаимосвязь между НКВД–КГБ и ВКП(б)–КПСС даже не затрагивалась. Между тем Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) — этот высший «партийный суд», строго говоря, не нуждалась для принятия своих вердиктов в компрометирующих документах из НКВД. Партия располагала собственным обширным архивным фондом, обособленным от государственных и ведомственных архивов. Один из бывших партийцев-заключенных полагал впоследствии, что в партийных архивах сохранилось больше сведений о его «оппозиционном» прошлом, чем когда-либо знали следователи. Он даже предположил, что, если бы в НКВД при его аресте представляли, что на него име-

- лось в документах архивов ВКП(б), его бы расстреляли (*Осинов Е.* Партийная реабилитация // Память (Нью-Йорк). 1978. № 1. С. 348–350).
59. Там же. С. 81.
 60. РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1077. Л. 4–5.
 61. Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. С. 81–88.
 62. Подсчитано по: История Москвы с древнейших времен до наших дней: В 3 т. Т. 3: XX век. М., 2000. С. 270.
 63. Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. С. 75.
 64. См.: История Москвы с древнейших времен... С. 270.
 65. Запись интервью автора с А.Б.Рогинским 26 апреля 1996 г.
 66. Запись интервью автора с А.Б.Рогинским 7 мая 1997 г.
 67. В 1990-х, когда ему разрешили ознакомиться с его документами в КГБ, Рогинский обнаружил решение о своем аресте, датированное декабрем 1980 г.
 68. См.: *Гаспаров Б.* Потерянное поколение ученых // Русская мысль. 1981. 15 октября. См. также: The «Crime» of Arseny Borisovich Roginsky // New York Times. 1981. 28 Aug.
 69. Запись интервью автора с А.Б.Рогинским 7 мая 1997 г.
 70. Из письма Л.Б.Терновского автору, июнь 1997 г.
 71. Запись интервью автора с Л.Б.Терновским 15 мая 1996 г.
 72. Последнее слово Леонарда Терновского, произнесенное в суде 30 декабря 1980 г. // Воля. 1997. № 3. С. 5.
 73. Письмо Л.Б.Терновского автору, июнь 1997 г.
 74. Цит. по: Barlett's Familiar Quotations. Boston, 1980. P. 558.
 75. Запись интервью автора с Л.Б.Терновским 15 мая 1996 г.
 76. См.: *Айхенвальд Ю.* По грани острой... Мюнхен, 1972. С. 52–60.
 77. См.: Хроника текущих событий. № 9. С. 232.
 78. Многие из них являлись неизменно преследуемыми в СССР участниками национально-освободительных движений. (См. об этом, напр.: *Терляцкас А.* Еще раз о евреях и литовцах // Континент. 1979. № 21. С. 213–227). В целом о составе оппозиционного движения в СССР см.: *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР; *Савельев А.В.* Политическое своеобразие диссидентского движения в СССР 1950–1970-х годов // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 109–115; *Шубин А.В.* От «застоя» к реформам: СССР в 1970-х–1985 гг. М., 2001. С. 423–508.
 79. Grigorii Svirsky and His «Arctic Tragedy»: A Radio Liberty Special Report. 1975. 24 Jan. P. II–III.
 80. См.: *Свирский Г.* Полярная трагедия. Б.м. [Германия], 1976.

81. Grigorii Svirsky and His «Arctic Tragedy». P. III. Интересно, что в 1998 г. городские власти попросили восстановить для Норильска статус «закрытого города». Эта попытка вернуть ограничения въезда, снятые в 1991 г., беспрецедентна. (См. об этом: *Westerman F.* Russische stad wil communistisch blijven // *NRC Handelsblad*. Rotterdam. 1998. 28 Jan.).
82. *Свицкий Г.* Полярная трагедия. С. 145.
83. См.: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся»: Почему Мордовии не прожить без лагерей и зон // *НГ-Регионы*. 1997. № 2. С. 7.
84. О том, как бывшие заключенные сталинских времен, а равно их бывшие надзиратели стали заложниками Дальнего Севера, см.: *Herschberg S.* De gijzelaars van het Russische hoge noorden // *Vrij Nederland*. 1999. 5 June. P. 34–38. После развала СССР были упразднены финансовые льготы, которыми многие мотивировали проживание в этом регионе.
85. См.: *Tanner A.* Some Stalin Prisoners Still Stuck in Gulag Region // *Johnson's Russia List*. 1997. 11 Aug.

Нанси Адлер
ТРАДИЦИОННОЕ
ВОЗВРАЩЕНИЕ
ГЛАВА VII

Второе
ВОЗВРАЩЕНИЕ
1980...
...1990

Возвращение бывших политзаключенных в общество, начавшееся в 1950-х, продолжилось преданием гласности их «репрессированной» истории и их выходом на общественно-политическую сцену во второй половине 1980—1990-х годах. Завершающая глава нашей книги посвящена именно этому этапу возвращения.

С момента кончины Сталина в 1953-м и до начала 1990-х государственная политика в Советском Союзе совершила полный круг: от десталинизации через ресталинизацию вновь к десталинизации. Наконец, дело дошло до десоветизации. Каждая из этих фаз, разумеется, характеризовалась определенной спецификой восприятия сталинистского прошлого общества и государства. Особая уже в постсоветской России. Ведь провозглашенное стремление строить демократию предполагает в данном случае расставание с укоренившимися советскими подходами не только в организации сегодняшней жизни общества, но и в оценках его исторического опыта.

В советскую эпоху коммунистические руководители государства, сначала стремясь укрепить свою власть и поддержать внутривнутриполитическую стабильность, а потом уже и просто пытаясь предотвратить распад Советского Союза, отказывались признавать органическую порочность советской системы и ее виновность в колоссальных преступлениях против собственного народа. Вследствие этого проблемы, связанные с возвращением в общество жертв политических репрессий, не получали и не могли получить адекватного освещения и решения со стороны государства. Но в то же время на личном уровне начиная с 1950-х никто уже не мог пытаться оправдывать неосведомленностью собственное соучастие в преступлениях или молчаливое согласие с ними: правда о массовом терроре была обнажена. Ситуация, в которой оказались тогда граждане СССР, сродни той, что пережили немцы, когда перед ними раскрыли правду о Холокосте. Жертвы советской системы самим фактом своего возвращения заставили общество взглянуть в лицо подлинному советскому прошлому, убедиться, что сталинские лагеря — вовсе не единственная позорная страница советской истории. Но социальная и политическая реальность в 1950-х, 1960-х и 1970-х не созрела еще для примирения с этим прошлым. Поэтому уцелевших политзаключенных в советском обще-

стве и государстве большей частью игнорировали, а то и преследовали. В лучшем случае — только терпели. Ведь подлинное признание их проблем потребовало бы морального осуждения всей советской системы.

Обусловленные этой позицией общества и государства «достижения» официальной советской историографии весьма точно охарактеризовал на презентации монографии Г.М.Ивановой «ГУЛАГ в системе тоталитарного государства» С.С.Виленский: «Советские историки были просто волшебниками. Они умудрились написать историю нашей страны, даже не упомянув о ГУЛАГе»¹. И действительно, с 1960-х по 1980-е все вопросы, связанные с ГУЛАГом и его узниками, по существу, загонялись в самые дальние закоулки официальной памяти. Бывшие политзэки не просто «вышли из моды» — политически некорректным стало упоминать сам факт их существования. В атмосфере официальной амнезии жертвам репрессий пришлось подавлять свои воспоминания, вновь превратившись в немых свидетелей.

Тем временем советский репрессивный механизм набирал обороты, плодя новые поколения политзаключенных. Многие из них, подобно Андрею Сахарову и Сергею Ковалеву, позднее стали активистами и руководителями «Мемориала» — организации, которая стала одним из инициаторов широкой общественной дискуссии о последствиях советских репрессий и встала на защиту прав уцелевших жертв. Ковалев и Сахаров кроме того были и народными депутатами, продолжив защищать права человека в этом качестве.

Сергей Адамович Ковалев

С.А.Ковалев являет собою образец тех жизненно необходимых каждому обществу сил, что подталкивают социальные перемены. Его, настойчиво указывающего российскому правительству источники бед современной российской жизни, называли «совестью России», «вторым Сахаровым»². Судьба Ковалева поможет нам предметнее рассмотреть завершающий этап истории возвращения в общество советских политзаключенных.

Прежде всего обратимся к той среде, в которой формировалось мироощущение этого диссидента, ставшего политиком. В отличие от многих иных диссидентов, Ковалев в 1950–1960-е годы не испытал прямого воздействия сталинской эпохи. Его первый настоящий контакт с бывшими политзаключенными состоялся, когда он уже участвовал в диссидентском движении³. Однако официальное замалчивание ужасов сталинских репрессий настолько подействовало на него,

что он стал одним из самых последовательных обвинителей социальной несправедливости и беззакония советской системы. Ковалев прошел путь от гонимого диссидента до депутата Государственной Думы, члена Президентского совета, Уполномоченного по правам человека. При всем этом чиновничество современной России окрестило Ковалева «антигосударственником» за его критику военных действий в Чечне⁴. Хотя он всегда просто оставался самим собой. Сошлемся на рассуждения Ковалева в «Известиях» о российской демократии: «Становимся ли мы наконец свободными людьми? Соблюдаются ли сегодня в России права человека? Годаются ли вообще для нашей страны сами эти концепции: свобода, демократия, власть закона, права человека? Сейчас многие задаются этими вопросами. Меня они занимали всегда. Когда-то этот интерес привел меня в тюрьму, позже — на высокий государственный пост»⁵.

С.А.Ковалев родился в 1930 году⁶. Его семье и ему самому повезло — они избежали сталинских репрессий. В 1998-м Ковалев рассказывал мне, что родители старались просто не упоминать при нем и брате о чем-либо небезопасном для пересказа. Даже о некоторых школьных предметах вроде истории и литературы избегали говорить — возможно, потому, что не хотели ни лгать, ни уличать во лжи школьных учителей. Однако он догадывался, что вокруг не все в порядке. Он вспоминает, как в 1937 году, когда в Советском Союзе проходили первые выборы в Верховный Совет, учрежденный «сталинской» Конституцией, по радио сообщали, что, дескать, все советские люди радостно идут на избирательные участки, чтобы отдать свои голоса за «нерушимый блок коммунистов и беспартийных». А когда мать вернулась домой явно не слишком радостная и он спросил — почему, она ответила, что только что проголосовала. Ковалев вспоминает свои слова: «По радио говорили, что все рады, а ты нет», и до сих пор помнит ощущение, что сказал какую-то неловкость, затронул запретное⁷.

Смерть Сталина не слишком задела Ковалева. Позднее он понял, что тогдашнее его безразличие было потенциально опасным. Однокашники по биофаку Московского университета звали Сергея вместе с ними почтить память усопшего вождя, но кто-то из знакомых только что рассказал ему о собаке, которую собирались усыпить, не найдя хозяина. Когда Сергей стал объяснять друзьям-студентам, что не может присоединиться к ним, так как надо спасти собаку, повисла напряженная тишина. В замешательстве он не нашел ничего лучшего, чем прервать ее словами: «Живая собака лучше мертвого льва»⁸. Жить по собственным правилам всегда небезопасно, но на тот раз, к счастью, обошлось без последствий.

Тогда, в 1953-м, он был еще далек от размышлений о легитимности советской власти и прочих подобных вещах. Хотя он и не поверил, что Берия был английским шпионом, но еще не задумывался о том, что расстрел Берии означал устранение одного из самых ярких представителей прежнего режима, и не задался вопросом: правильно ли бороться с беззаконием беззаконными методами. Задним числом Ковалев делает вывод: его собственное отношение показывало, насколько далеки были советские люди от правосознания. Сам Ковалев впоследствии специально развивал его в себе. Он замечает: «Наверное, в 1993 году, если бы Руцкого или Хасбулатова обвинили в шпионаже в пользу Китая, я кинулся бы их энергично защищать, несмотря на политическую антипатию к этим фигурам»⁹.

Что же произошло за эти годы? По словам Ковалева, вынесенный ему судебный приговор позволил ему целых десять лет размышлять о связи политики и прав человека¹⁰. Попытаемся бегло рассмотреть события, приведшие к аресту Ковалева. В начале 1966 года он подписал одно из коллективных открытых писем с протестами против суда над А.Д.Синявским и Ю.М.Даниэлем. В письме указывалось, что подобные процессы угрожают конституционным правам и свободам граждан. За этим последовали другие письма в защиту преследуемых советской властью, в том числе и в защиту осужденных участников знаменитой демонстрации на Красной площади против ввода советских войск в Чехословакию в августе 1968-го.

Ковалев говорит, что тогда слова «диссиденты» и «правозащитники» еще не были в ходу. Чаще это называлось «демократическое движение», хотя сам он считает, что «движение» — слишком сильное определение: не было ни программы, ни определенного социального базиса, ни идеологии, ни структуры: «Так, конгломерат дружеских компаний, объединенный, в сущности, только одним — активным неприятием официальной лжи и готовностью публично и открыто противостоять узаконенному беззаконию и несправии»¹¹. Но именно эта же моральная позиция позднее реализовалась в создании «Мемориала».

Имя Ковалева стояло под большинством обращений в защиту прав человека. Он подписал протест против помещения в психиатрическую больницу Жореса Медведева в 1970 году, участвовал в составлении «Хроники текущих событий», входил в состав Инициативной группы защиты прав человека в СССР и советского отделения организации «Международная амнистия», поддерживал А.Солженицына, В.Буковского, Л.Плюща, возвращение на родину крымских татар... Можно сказать, что он вставал на защиту прав человека чуть ли не в каждом из конфликтов между советской властью и попираемыми ею

основными правами человека. В декабре 1974 года это привело к обыску у него на квартире и конфискации самиздата.

После этого Ковалева вызвали в КГБ. Во время допроса он заявил следователю — капитану Трофимову, что отказывается сотрудничать со следствием. Это было запротоколировано, и его отпустили, но на следующий день предстояло явиться вновь. Он пришел, прождал час, потом поинтересовался в приемной о причинах задержки. Ответили, что следователь занят. Ковалев попросил передать, что он «тоже занятой человек и ждать больше не намерен»... Трофимов перезвонил в тот же день, извиняясь за задержку и подтверждая вызов на следующий день. Но на утро следующего дня Ковалева пригласил А.Д.Сахаров, что привлекало гораздо более, чем «беседа» с Трофимовым. Не столько пренебрегая условностями, сколько изрядно рискуя, Ковалев все же остался верен собственной системе ценностей и вновь перенес свидание с весьма раздраженным офицером КГБ.

Вскоре Ковалева арестовали, а через год он предстал перед судом Литовской ССР по обвинению в «антисоветской агитации». А.Д.Сахарову, специально приехавшему в Вильнюс, чтобы выступить свидетелем его защиты, даже не позволили войти в зал суда. Ковалев в ответ тоже отказался вновь войти в этот зал, заявив, когда дело дошло до оглашения приговора: «Зачем мне идти? Думаете, я не знаю, что мне дадут семь лет?» Он ошибся: дали не «просто» 7 лет лишения свободы, но — в «колонии строгого режима», плюс 3 года ссылки¹².

По окончании ссылки Ковалеву, естественно, не разрешили прописаться в Москве, и он поселился в Калинин (ныне Тверь). В 1987-м, когда уже всюю шла перестройка, он стал жить в Москве, плюнув на все эти формальности. Временную московскую прописку ему удалось оформить лишь в январе 1988-го. За месяц до его возвращения Инициативная группа начала сбор подписей в поддержку возведения памятника жертвам тоталитаризма. Ковалев принял участие в этой работе и создании «Мемориала». В 1990-м его избрали одним из сопредседателей этого общества.

За три дня до смерти в декабре 1989 года А.Д.Сахаров сказал ему: «Ты должен это сделать (баллотироваться в парламент. — *Н.А.*)»¹³. В начале 1990 года Ковалева избрали на I Съезд народных депутатов РСФСР, а затем членом Совета республики Верховного Совета РСФСР — тогдашнего российского парламента. В том же году Ковалев был избран председателем Комитета по правам человека Верховного Совета РСФСР, в результате чего автоматически, *ex officio*, стал членом Президиума Верховного Совета. В октябре 1993-го, после роспуска Верховного Совета Б.Н.Ельциным, он был назначен председателем Комиссии по правам человека при Президенте и подал в

отставку с этого поста в январе 1996-го. В том же 1993-м Ковалева избрали депутатом Государственной Думы — одной из палат нового парламента. В январе 1994-го он был избран Думой на пост Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (и Думой же снят в марте 1995-го).

Деятельность Ковалева в российском руководстве предметно познакомила его с попытками нации преодолеть свое прошлое. Самый впечатляющий опыт принесло сотрудничество в 1994-м в Комиссии по высшим воинским должностям, высшим воинским званиям и высшим специальным званиям Совета по кадровой политике при Президенте РФ. Эта комиссия, в частности, удостоверяла соответствие занимаемым должностям начальствующего состава ФСБ — преемницы советского КГБ. Руководил комиссией помощник Ельцина по национальной безопасности Ю.М.Батулин, среди членов были секретарь Совета безопасности О.И.Лобов и директор ФСБ С.В.Степашин. Действия комиссии служат наглядным примером попыток «демократических» российских реформ.

Ковалев поначалу поверил, что Ельцин намеревается «почистить» госбезопасность. Но, как выяснилось, всегда находились «особо веские» причины вроде предпенсионного возраста и т.п., чтобы не только не увольнять, но даже повышать по службе кандидатов с замаранным прошлым. Причем, как вспоминает Ковалев, и собственные заявления этих людей, и официальные хвалебные аттестации сводились к тому, что будто бы «никто из них и не играл никакой роли в советском репрессивном аппарате... Хотя, — уточняет он, — о роли многих из них я был осведомлен лично». Нельзя не согласиться с принципиальной позицией Ковалева в этом вопросе: «Человек, который действовал репрессивными методами, не может находиться в организации, которая декларирует, что не будет продолжать репрессий»¹⁴.

В конечном счете Ковалев обнаружил, что российское руководство не желает реформ и не готово к ним, что реальный прогресс возможен лишь в случае обнажения всех преступлений и отказа от преступной системы, которая их порождала. Как мы помним, подобное уже происходило во времена первого и второго периодов десталинизации. Бывшие жертвы продолжали страдать из-за того, что правительство не желало официально признать, кто был настоящим преступником и в чем состояло преступление.

Предлагаемые Ковалевым критерии выдвижения генералитета на командные посты были просты: не рекомендовать тех, кто запятнал себя в прошлом службой «по пятой линии» (то есть по линии бывшего 5-го Управления КГБ — подразделения политического сис-

ка). Ковалев настаивает, что такая практика отлична от «люстрации»¹⁵. Ковалев полагает, что в данном случае о люстрации речь вообще не могла идти, поскольку в задачи комиссии входило не отстранение кого-либо от государственной службы, но лишь оценка пригодности к исполнению руководящих функций в определенных сферах деятельности. (Ковалев, надо отметить, был принципиально против люстрации в России, считая, что демократическое государство не может начинать свое существование с «охоты на ведьм», что такое начало опасно для молодой демократии с моральной точки зрения. Он не раз заявлял об этом в 1991–1992 годах. Но, как признается теперь, в 1995-м, проезжая мимо разрушенных домов в Грозном, засомневался, был ли прав, возражая против люстрации.)

Как бы то ни было, все его попытки содействовать переменам наталкивались на упорное сопротивление. «Я был наивен, — с сожалением признает Ковалев, — думал, Борис Николаевич хочет решительных перемен в спецслужбах... на самом же деле он хотел оставаться в окружении верных гэбэшников, с которыми сохранял прекрасные отношения еще со времен, когда был первым секретарем Московского обкома КПСС». Ковалева не удовлетворили «косметические чистки» КГБ, в Ельцине он разочаровался. К слову сказать, в 1994-м бывший следователь КГБ Трофимов, который некогда вел «дело» Ковалева, стал начальником Управления ФСБ по Москве и Московской области.

История С.А.Ковалева, на наш взгляд, наилучшим образом подтверждает изречение Томаса Джефферсона: «Цена свободы — вечная бдительность». Ковалев на собственном опыте почувствовал ограниченность десталинизации, а затем — десоветизации, отразивших в целом моральное состояние нации. Его целью было понуждать бюрократию считаться с Конституцией и законами, соблюдать заложенные в них нормы и принципы. Ковалев — один из первых и самых последовательных сторонников такого подхода.

ДЕЙСТВИЯ «СВЕРХУ» И ДАВЛЕНИЕ «СНИЗУ»

Политическая обстановка в Советском Союзе первой половины 1980-х никак не предвещала того, чему, как мы теперь знаем, суждено было произойти уже к концу десятилетия. Сталина совершенно открыто почитали в Грузии и почти неприкрыто — в коренной России; «верных сталинцев» типа Молотова не только полностью реабилитировали (!) «в партийном отношении», но и вновь окружали подчерк-

нутым вниманием; советская психиатрия рьяно и без стеснения исполняла постыдную роль прислужницы карательно-репрессивных органов; самые честные люди страны вроде Анатолия Марченко, Татьяны Великановой, Сергея Ковалева, Василя Стуса объявлялись «отщепенцами» и томились в лагерях, которые, по свидетельству того же А.Т.Марченко, были «так же ужасны, как сталинские. Кое в чем лучше. А кое в чем хуже»; Прокуратура СССР при этом нагло утверждала, что «Советский Союз никогда не имел и сейчас не имеет концентрационных или особых лагерей, ужасы которых описывают „эксперты“»¹⁶. И тем не менее, перемены были неизбежны.

По словам С.А.Ковалева, «общество более невозможно было сдерживать тоталитарными методами. Экономически несостоятельный и морально двусмысленный режим, оказавшийся в международной изоляции и по большей части растерявший народную поддержку, попросту не мог существовать в прежнем виде. Он должен был либо измениться, либо развалиться. В итоге произошло и то, и другое»¹⁷. Не забегая вперед, попытаемся через призму горбачевского периода взглянуть на интересующую нас проблему роли и места бывших сталинских политзаключенных в общественных переменах 1980-х.

Прежде всего бросается в глаза, что уже на начальном этапе горбачевской эры, в отличие от предшествующих смен правлений, общественное внимание сосредоточивалось не столько на недавнем (брежневско-андроповско-черненко-ском) прошлом, сколько на давнем — наследии Сталина. Именно сталинский ГУЛАГ уже в 1987–1988 годах стал предметом самых острых дискуссий. Его разоблачение вскрывало сущность всей советской системы. «Вдруг» стало невозможно более игнорировать тему сталинских репрессий. Обнаружилось множество личных трагедий, о которых молчали десятилетиями. Устные рассказы и воспоминания о злодеяниях сталинского режима и в том числе об ужасах лагерей начали подкрепляться документальными фактами и получали широчайший резонанс. При этом, однако, тому, что пришлось вынести узникам лагерей по возвращении на волю, большого внимания не уделялось. По мнению А.Б.Рогинского, то обстоятельство, что после многолетнего официального замалчивания темы репрессий и страданий заговорили прежде всего о сталинских лагерях, объяснялось «официально насаждаемой мифологией»¹⁸. Вполне понятно, что руководство страны в собственных политических интересах стремилось фокусировать общественное внимание на сравнительно давнем прошлом. Ведь в настоящем для большинства живых еще политзаключенных сталинских лагерей тяготы продолжались, и вина в этом лежала уже не только на Сталине, но и на действующей советской системе.

Вместе с тем надо признать, что концентрация внимания именно на сюжетах лагерных в ущерб послелагерным вполне совпадала с умонастроениями самих бывших узников. И по сей день многие из них, говоря о своей судьбе, почему-то продолжают вспоминать именно годы, проведенные в лагерях, а не десятилетия тяжелых последствий тех нескольких лет¹⁹. Лагерный опыт, бесспорно, оказался травматичнее послелагерного. Но, как уже выяснено, и при возвращении из лагерей людей ожидали мучительные испытания, которые все длились и длились, продолжаясь и в 1980-х.

«Внезапное» появление жертв сталинских репрессий на общественно-политической сцене 1980-х, так же как их возвращение в 1950-х, вновь поставило перед руководством страны целый ряд проблем, обусловленных все теми же реабилитацией, реституцией, необходимостью предоставления определенных льгот, наконец — необходимостью предоставления семьям жертв террора правдивой, действительно достоверной информации об их загубленных близких. Все это — только начатое, но далеко не доведенное до конца в 1950–1990-х, — обретало особую остроту и болезненность. Вдобавок после десятилетий официально одобряемого унижения многие теперь требовали официальных же извинений. Другие призывали к суду над приспешниками Сталина. Например, Е.П.Смагленко в 1988-м писала: «Виновных в репрессиях необходимо назвать [поименно], а Сталина — судить!»²⁰ Выражались и гораздо сильнее, а требования возмездия в отношении тех, кто повинен в репрессиях, простирались вплоть до высшей меры.

Общественные эмоции остужали своим авторитетом А.Д.Сахаров и Ю.Н.Афанасьев. Первый убеждал, что нельзя мстостью добиться морального оздоровления нации, второй — что сталинизм пустил корни слишком глубоко и судить пришлось бы слишком многих.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ПРОЦЕССА РЕАБИЛИТАЦИИ

Осознание системного кризиса, в котором все глубже увязал СССР и который со всей очевидностью обнажила катастрофа на Чернобыльской АЭС весной 1986-го, заставляло в поисках выхода обращаться ко все более запретным идеям и именам. Прежде всего — из прошлого. Слово «реабилитация» зазвучало вновь. В октябре 1986 года острую полемику в Политбюро вызвало предложение президента Академии ВАСХНИЛ А.А.Никонова реабилитировать ряд выдающихся русских экономистов, уничтоженных в 1930-е годы²¹. Реабилити-

тация позволила бы применить их теории на практике для поднятия советского сельского хозяйства. Это предложение, кроме того, явно соответствовало намерениям Горбачева подновить фасад социализма, очистив его от наиболее одиозных наслоений. Однако ему резко воспротивились те члены Политбюро, которые опасались любых отступлений от ортодоксально советского (то есть сталинистского) образа действий.

Тем временем дозволенная в стране «гласность» быстро расширяла общественный интерес к некогда «забытым по приказу» лицам и судьбам. Одновременно узкопрагматический подход к фактам советской истории уступал место все более широким обобщениям. Все острее поднимались вопросы морально-нравственного порядка, зазвучала тема необходимости покаяния. В этой обстановке 28 сентября 1987 года высшее партийно-государственное руководство сочло необходимым объявить о создании Комиссии «по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов»²². Ни ее канцелярское наименование (подчеркнуто ограничивающее хронологические рамки и предмет намеченного «дополнительного изучения»), ни персональный состав (председателем поначалу утвердили одного из самых отъявленных ретроградов М.С.Соломенцева) не обещали ничего сверхординарного. Все вроде бы сводилось к очередной бюрократическо-демагогической уловке в исключительно шкурных целях: использовать общественные настроения в очередном раунде межклановой схватки за власть в Политбюро. И действительно, без малого год Комиссия практически ничем не проявляла своего существования. Уже раздались «с самой высокой трибуны» обвинения в адрес Сталина «и его ближайшего окружения... за допущенные массовые репрессии и беззакония»²³. Уже прошла XIX Всесоюзная конференция КПСС, узаконившая реформирование политической системы в стране²⁴. И только после этого наметились первые реальные шаги.

11 июля 1988 года Политбюро заявило о «необходимости полного завершения работы, связанной с реабилитацией» жертв сталинских репрессий, поручив Прокуратуре и КГБ СССР «продолжить» (в действительности — возобновить) «работу по пересмотру дел» репрессированных, причем «независимо от наличия заявлений и жалоб граждан»²⁵. Одновременно определялся общий порядок подключения к этой работе Верховного суда, Минюста, КПК при ЦК, республиканских ЦК и парткомов вплоть до районного и городского звена. Но и это еще не дало никаких зримых результатов для действительно, а не на бумаге возобновления реабилитации.

11 октября того же года персональный состав Комиссии несколько «освежили», а ее председателем утвердили секретаря ЦК, члена Политбюро А.Н.Яковлева²⁶. Крестьянский сын, бывший фронтовик, морской пехотинец, вступивший в партию на фронте, а затем прошедший все ступеньки партийно-аппаратной карьеры, Яковлев отнюдь не был ортодоксальным партаппаратчиком. Его образование (а он, что называется, настоящий историк: стал кандидатом, а затем доктором исторических наук собственными трудами, а не по партийной разрядке), равно как и умонастроения (критическое отношение к сталинизму ему вменяли в вину еще в 1960-х) серьезно отличали его от коллег по Политбюро²⁷. Несомненно, во многом именно благодаря его личным усилиям в начале 1989 года работа по реабилитации действительно началась.

5 января 1989 года Политбюро ЦК КПСС наконец признало, что в 1930—1950-е годы «имела место практика массовых репрессий и произвола. Верхом беззакония стали специально созданные несудебные органы — так называемые „тройки“, „особые совещания“». Впервые внятно было сказано: «Восстановление исторической, юридической справедливости приобрело сейчас огромное политическое значение. От него во многом зависит... продвижение по пути формирования социалистического правового государства». Заметим, что хотя говорилось о государстве «социалистическом», но ключевыми словами процитированного утверждения являлись небывалые в контексте истории репрессий (да и вообще советской истории) «восстановление юридической справедливости», «правовое государство». Больше того, признавалось, что «полной реабилитации всех невинно репрессированных, увековечения их памяти *ждут* (курсив мой. — Н.А.) общественность, родственники и близкие пострадавших».

В качестве первого реального шага к удовлетворению этих ожиданий предлагалось специальным законодательным актом узаконить отмену всех приговоров, вынесенных внесудебными органами 1930—1950-х годов, и «считать всех граждан, которые были репрессированы решениями указанных органов, реабилитированными». (Не распространяя это на изменников Родины и военных преступников периода Великой Отечественной войны, участников «националистических бандформирований и их пособников», уголовных преступников, а также «работников, занимавшихся фальсификацией уголовных дел».) Что же касается репрессированных решениями судебных органов, их дела (тоже, кстати, названные «уголовными») признавалось необходимым рассмотреть хотя и «в установленном законом порядке», но все же «ускоренно»²⁸.

16 января того же года эти положения были законодательно оформлены соответствующим Указом Президиума Верховного Совета СССР²⁹. После этого в отношении подавляющего большинства репрессированных решениями внесудебных органов осталось лишь документировать проведенную таким образом единовременную массовую реабилитацию, к чему и приступили весной—летом 1989-го в центре и на местах специально сформированные группы в тех ведомствах (Минюст, МВД, КГБ, Прокуратура СССР), которым Указ предложил «определить порядок сообщения гражданам о реабилитации». Одновременно развернулась гораздо более трудоемкая работа по судебной (гражданской) и партийной реабилитации.

Чтобы подчеркнуть общегосударственное значение и актуальность этой работы, А.Н.Яковлев подвел итоги ее первого года на заседании Секретариата ЦК КПСС. Принятое 7 июля 1990 года постановление Секретариата было разослано республиканским ЦК, крайкомам и обкомам КПСС, руководителям всех четырех ведомств, непосредственно подключенных к работе³⁰. В этом документе, в частности, сообщалось, что во всех союзных республиках СССР к 1 января 1990 года реабилитировали 807 288 человек, репрессированных внесудебными органами, плюс 31 342 человека, репрессированных органами суда и прокуратуры³¹. Таким образом, за 1989 год реабилитировали в общей сложности 838 630 человек. Это был действительно громадный рывок вперед. Для сравнения: за предыдущий 1988 год реабилитировать удалось лишь 6110 человек³². Иначе говоря, темпы реабилитации возросли более чем в 137 раз!

К сожалению, успех остался «одноразовым»: для поддержания реабилитационного процесса даже на уровне значительно меньшем, чем этот, но все же стабильно более высоком, чем в 1988-м, организационные условия так никогда и не были созданы. Реальное положение дел характеризуют факты из практики реабилитационной работы Управления КГБ СССР — ФСБ РФ по Москве и Московской области, а также Главной военной прокуратуры РФ.

В столичном УКГБ в 1989—1991 годах этой работой занималась малочисленная внештатная группа в составе нескольких сотрудников архивно-регистрационной службы и следственного отдела. Им удалось установить, что за 1930—1953 годы в фондах оперативного архива Управления сохранилось свыше ста сорока тысяч следственных дел на репрессированных. Из этого числа в 1988 году было пересмотрено 330 дел (на 490 человек), в 1989-м — 17 540 дел (на 21 604 человека), в 1990-м — 2896 дел (на 3277 человек)³³. То есть за первые три года работы ежегодно пересматривалось в среднем менее семи тысяч архивно-следственных дела. Очевидно, что даже при сохранении такого

темпа для завершения работы потребовалось бы более двадцати лет. Но и этот темп поддержать не удалось.

Несмотря на то, что в начале 1992 года после реорганизации УКГБ СССР в УМБ РФ в его аппарате сформировали наконец штатное подразделение «для непосредственного решения всех вопросов по реабилитации, входящих в компетенцию органов безопасности по Московскому региону», количественные результаты оказались довольно скромными: за 1992-й пересмотрели 2680 дел (реабилитировали 4834 человека), за 1993-й — 6000 дел (8163 человека)³⁴. Правда, надо признать, что сама работа усложнилась. Теперь наряду с выявлением и пересмотром архивно-следственных дел велось установление мест захоронений жертв репрессий, выдача репрессированным и их детям разнообразных справок, ознакомление их со следственными делами и т.д. Тем не менее факт остается фактом: даже при том сравнительно высоком внимании, какое уделяли реабилитации на первых порах «строительства новой России», организационное обеспечение этой работы сулило ее завершение только через десятки лет.

Это подтвердил в интервью «Московским новостям» весной 1996 года и тогдашний начальник Управления по реабилитации российских и иностранных граждан Главной военной прокуратуры РФ генерал-майор юстиции В.Купец. Он отметил, что на созданную в 1993 году и возглавляемую им службу возложена задача пересмотреть «все дела за весь период советской власти, независимо от того, обратятся люди за реабилитацией или нет». При этом, по его словам, только военные суды и внесудебные органы репрессировали по политическим обвинениям до полутора миллионов человек. Из этого огромного числа военные прокуроры к 1996 году (с учетом сделанного начиная с 1954 года) рассмотрели дела на... 415 тыс. человек, рассматривая с 1993 года ежегодно по 7,5 тыс. дел. Сравнивая постановку работы с тем, как ее вели в 1954—1962 годах, «когда шла первая волна реабилитации», генерал посетовал, что тогда в ГВП «этим занималось управление численностью 589 человек» и реабилитировали до 30 тыс. человек ежегодно, а нынче в центральном штате управления — всего 34 военных прокурора и один (!) компьютер. «Принтер сотрудники купили за свои деньги», — уточнил генерал.

Вопиющий недостаток сил и средств усугублялся общей отсталостью страны в области информационных технологий: «Получаем заявление [о реабилитации], закрепляем за одним из прокуроров. Он начинает разыскивать дело в архивах ФСБ, Министерства обороны, МВД. Дело может храниться во Владивостоке, Омске, Томске... Срок рассмотрения заявления — три месяца, а мы порой в течение года только дело ищем». Общий вывод военного юриста безрадостен, но

логичен: «При таких возможностях мы выполним объем работы примерно за 80–100 лет»³⁵.

В связи со всем этим хорошо понятно, почему до самых последних лет сохранялись очереди за справками о реабилитации и жалкими «компенсациями». В провинции они продвигаются еще медленнее, чем в столице. Даже в 1999 году в одном лишь Магадане ждали пересмотра своих дел три тысячи репрессированных³⁶. Особые проблемы стоят перед теми, кому в реабилитации отказали «за недоказанностью факта репрессии». Только в Бурятии — а это ведь всего один из 89 субъектов Российской Федерации — к 1996 году более чем двум тысячам стариков, не сохранившим «подтверждающих документов», предложили самостоятельно доказывать этот факт через суд, представив... живых свидетелей «факта»³⁷. Учитывая прошедшие десятилетия, заручиться необходимыми свидетельствами, мягко говоря, непросто. И, главное, никого в высоких «присутственных местах» не смущает другое: к жизни возвращен жестокий абсурд, ведь ежовско-бериевские следователи уже требовали некогда от этих несчастных доказывать, что они «не верблюды». А спустя полвека представители новой власти (уж не потомки ли тех следователей?) опять требуют доказательств — теперь, получается, уже того факта, что факт прежних требований имел место и, таким образом, может считаться фактом юридическим. При этом, как говорится, «еще не факт», что в результате будет положен конец бюрократическим измывательствам над больными стариками.

Немногим легче и тем бывшим политзаключенным, которые ищут — зачастую безуспешно, так как документы далеко не всегда можно отыскать в государственных архивах, — подтверждения своего трудового стажа на момент ареста, что необходимо для получения «компенсаций»³⁸. Нередко в поисках им помогает «Мемориал».

Несколько лучше обстоит (или, по крайней мере, обстояло в 1990-х) дело с предоставлением сведений о тех, кто погиб в результате репрессий. В начале 1990-х их родственники получили возможность запрашивать соответствующую информацию из Центрального архива и региональных подразделений архивно-регистрационной службы МБ–ФСБ.

Вот текст одного из множества подобных писем. Направила его в Управление ФСБ по Москве и Московской области в 1994 году жительница Смоленской области Л.С.Чухнова: «Мой отец — Кузнецов Сергей Петрович, примерный год рождения 1883–1885, проживал в Калужской области Куйбышевского района, Жерелевский сельсовет, дер. Федуново или Козловка. В 30-х годах отец уехал в Москву на заработки, чтобы прокормить семью, которая состояла из четырех де-

тей и нашей матери... Где-то в 1932 или в 1934 году отца арестовали в Москве... по навету соседа... Сидел он в Бутырской тюрьме. Что потом — мы не знаем и отца больше не видели... После ареста отца в доме изъяли все — даже скатерти и полотенца, которые мать сама ткала. И после этого мать с нами осталась одна без всякой помощи. Немного подросли, началась война. Что выстрадали — и не напишешь... Я очень прошу... сообщить: за что был арестован отец и когда? В каком году умер, дату смерти и сохранилось ли место, где его похоронили? И если он не виновен, то прошу выслать справку о реабилитации. Я слышала, что можно востребовать если не документы, то хоть фотографию. Я ведь отца и в лицо не знаю. Если можно, то пришлите...»³⁹

Дочь познакомили со скудными материалами «следствия», выдали фотографию, сделанную в тюрьме, — единственную, на которой она смогла спустя шестьдесят лет впервые увидеть отца. Выдали и реабилитационную справку на отца в «утешение» за выстраданное двумя поколениями уничтоженной семьи.

Надо признать, что в 1990-е годы удовлетворение подобных просьб в социально-политическом и социально-психологическом смысле имело и для государства, и для граждан даже большее значение, чем выдача/получение собственно реабилитационных документов как таковых. Сотни тысяч людей — дети и внуки репрессированных — впервые смогли узнать правду о судьбе своих отцов и дедов, десятилетиями скрывавшуюся государством. И для каждого, и в масштабах нации это означало серьезный шаг к примирению с прошлым. Люди, по сути, получили наконец вести из прошлого о своих родных — часто очень краткие, всегда горькие, но так необходимые, чтобы упокоить их память и успокоиться самим. Иногда ведь просто нужно место, куда можно принести цветы, где можно поплакать и помолиться.

ПРОБЛЕМЫ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ

С народами, депортированными в 1920-х — начале 1950-х годов, связано много проблем, не решенных до сего дня⁴⁰. Их масштаб виден уже из количественных показателей. В 1989 году в СССР в числе бывших жертв принудительных этнических переселений насчитывалось 2039 тыс. немцев, 957 тыс. чеченцев, 237 тыс. ингушей, 85 тыс. балкарцев⁴¹. А ведь от депортаций пострадали также и приморские корейцы, калмыки, карачаевцы, крымские армяне и татары, болгары, греки, финны, ингерманландцы... И это только этнические группы,

которые проживали в пределах территории РСФСР—РФ. Трудно также надеяться, что когда-либо в обозримой перспективе сталинские насилия предадут забвению и потомки разделивших ту же участь сотен тысяч семей в независимых ныне Литве, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Украине.

Лишь в конце 1989 года, после десятилетий увливания советского руководства от решения вопроса о правовом статусе репрессированных народов, Верховный Совет СССР, подстегиваемый ростом национальных движений и резким обострением межнациональных отношений в стране, принял «Декларацию о признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав»⁴². Практическое значение этого документа долго оставалось обратно пропорциональным громоздкости заголовка. Только два года спустя — 7 марта 1991 года — Верховный Совет СССР отменил законодательные акты, которые составляли правовую базу этнических репрессий⁴³. Но до удовлетворения практических нужд репрессированных народов в советское время так и не добрались. И в СССР в целом, и в пределах РСФСР—РФ дело ограничилось чередой декларативных документов: высшие руководители союзного государства и «мятежной» союзной республики цинично использовали наболевшие проблемы депортированных народов в своем политическом состязании. Чего стоит хотя бы Указ Президента СССР от 21 июня 1991 года «О награждении медалью „За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.“ граждан СССР, мобилизованных в рабочие колонны» (то есть депортированных в 1941 году в Казахстан и Сибирь этнических немцев)!

За девять месяцев (с марта по декабрь 1991 года, вплоть до кончины СССР) наштамповали по меньшей мере семь подобных документов общесоюзного и общероссийского уровня, которые только обострили ситуацию, поскольку неизменно обходили самый болезненный аспект проблемы — территориальный⁴⁴, более всего волновавший два миллиона российских немцев, чаявших восстановления своей национальной государственности в пределах РСФСР—РФ, а равно сотни тысяч обездоленных крымских татар, турок-месхетинцев, чеченцев-аккинцев.

Фактически решение вопросов «территориальной реабилитации» нисколько не продвигалось дальше констатации их особой тяжести в упомянутом Постановлении Верховного Совета СССР от 7 марта 1991 года: «Отмена указанных в настоящем Постановлении нормативных актов не означает автоматического решения вопросов национально-государственного устройства и административно-тер-

риториального деления, возникших вследствие насильственного переселения... народов».

Только в постсоветской России работа, связанная с решением проблем реабилитации репрессированных народов, наконец вступила в практическую стадию⁴⁵. Но с самого начала, судя по всему, дело продвигалось очень тяжело. Это ясно уже из того, что Госкомитет по делам национальностей РФ — то самое ведомство, на которое и возлагалась непосредственная организация этой работы, — неизменно отличался совершенно невообразимой организационной неразберихой даже на фоне общей нестабильности госаппарата РФ конца 90-х прошлого века. Достаточно сказать, что за девять лет (с 1991 по 2000 г.) его подвергли десяти общим реорганизациям, а заодно десять раз меняли высших руководителей⁴⁶. Закономерным итогом стало то, что в начале 2001 года его наконец вовсе упразднили и, что примечательно, передали часть функций МВД, так сказать, «обратно» или «по принадлежности».

К этому времени вопросы реабилитации репрессированных народов явно оказались на самой периферии внимания руководства России. Так, если первоначально в Госкомитете действовал самостоятельный «отдел по делам депортированных и репрессированных народов», который даже разросся было в целый министерский департамент, то вскоре все свелось к одному из подразделений в составе Департамента по делам Северного Кавказа (как будто вне этого региона проблем уже не оставалось)⁴⁷. Да и присвоенное ему в 1999-м наименование — «Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики» — достаточно отражало его действительные приоритеты. Усилия постсоветской Москвы в сфере национальной политики зримо сконцентрировались на сохранении Российской Федерации от совершенно реальной угрозы распада. Причем сохранении главным образом насильственными методами: особенно с началом войны на Северном Кавказе в 1994 году.

В этих условиях не приходится удивляться сдержанному, мягко говоря, отношению к требованиям народов, некогда обиженных Москвой советской. Их уже уличили в «территориальных притязаниях» (что в 1990-е годы в действительности было большим вопросом на всем пространстве бывшего СССР), в отказе от «учета какой бы то ни было геополитической реальности». А один из видных чиновников договорился до того, что-де «в современных условиях следует вести речь не о народах в целом, а о гражданах, лицах той или иной национальности, подвергшихся репрессиям»⁴⁸, то есть предложил вовсе «снять вопрос».

Что же касается всевозможных государственных актов, федеральных и региональных программ, которые напринали в 1992–1995 годах в связи с проблемами репрессированных народов, то даже крайне осторожные российские специалисты, говоря об их реализации, не смогли избежать таких, например, выражений: «воплощение в жизнь... этих планов протекало крайне сложно», «реализация программы... протекала не совсем успешно...», «сроки реализации... четко не определены», «затягивание решения проблемы...», «серьезные трудности создаются отсутствием необходимых средств», «общее сокращение реального финансирования» и т.д., и т.п. А в завершение последовала вообще убийственная констатация: оказывается, «выделяемые средства... расходуются не по назначению, направляются в совершенно иные сферы, не имеющие ничего общего с реабилитацией граждан, подвергшихся ранее репрессиям»⁴⁹.

Нетрудно понять, что в действительности речь должна идти не об «ограниченных успехах» предприятия, но именно о циничных и своекорыстных играх вокруг него, бюрократическом очковитательстве и закономерном провале, который изнутри подрывает целостность России, а в глазах окружающего мира — роняет ее честь. Об этом свидетельствуют и широко известные факты. Многие поволжские немцы, так и не добившись воссоздания своей автономии на Волге, эмигрировали в Германию, и этот процесс продолжается⁵⁰. Турки-месхетинцы, депортированные в 1944 году из Грузинской ССР на территорию Узбекской ССР, а в 1990-м вынужденные оттуда бежать, не смогли ни возвратиться в Грузию, ни найти спокойной жизни в Краснодарском крае России. В 2004 году начался их массовый отъезд в США.

Сложные, действительно не поддающиеся простым решениям проблемы депортированных народов — наиболее очевидное по сей день последствие сталинизма.

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПРЕОДОЛЕНИИ ПРОШЛОГО

КОМПЕНСАЦИИ

Явно мизерные денежные выплаты и столь же ничтожные льготы — это все, чем советское, а теперь и постсоветское государство компенсировало годы страданий в лагерях и десятилетия жизни с «затянутым прошлым». В феврале 1998 года размеры компенсаций жертвам сталинизма обсуждала Государственная Дума. Вопрос в по-

вестке дня возник в связи с предложением сократить наполовину ранее намеченные ассигнования. Особенно неистовствовал лидер думской фракции ЛДПР Жириновский, настаивая на отмене каких-либо реституций депортированным народам. Повторив ложь образца 1944 года о причинах депортаций, предпринятых «товарищем Сталиным, главой нашего правительства», он демагогически заявил, что якобы вообще не было «жертв репрессий», так как всю Россию в XX веке репрессировали. Прискорбно, но эта выходка не встретила отпора или осуждения со стороны большинства депутатов. Тенденция ползучей реабилитации сталинизма, которую иные пассивно наблюдают, а то и активно поддерживают, вызывает большую тревогу.

«Мемориал» организовал тогда пикеты перед входом в здание Думы с лозунгами: «Сталин лишил свободы, депутаты ограбили». Реакция весьма показательна: организаторов забрали в милицию «за несанкционированную демонстрацию». Письма протеста против заявлений Жириновского и действий Думы опубликовали несколько газет либерального направления, но практически проигнорировали официозные издания и телевидение⁵¹. В одном из этих писем, подписанном 155 членами «Мемориала», отмечалось: «Нелепо полагать, что экономия на компенсациях, выделяемых жертвам репрессий, может улучшить экономику страны, решить проблемы промышленности, науки и образования»⁵². Действительно, экономического здоровья страны эта мера и не могла улучшить, зато моральный и психологический вред причинен был огромный. Ведь в одной только Москве в 1996 году насчитывалось до двух тысяч уже престарелых жертв сталинских репрессий, не считая жертв депортаций, а также и детей репрессированных⁵³.

ПАМЯТНИКИ

Разоблачение совершенных в прошлом преступлений, восстановление прав жертв, предоставление им компенсаций — наиболее конкретные материальные меры по преодолению прошлого. Нематериальному, морально-этическому воплощению реабилитации содействуют организации, подобные «Мемориалу» и «Возвращению»⁵⁴. В контексте этого руководитель «Возвращения» С.С.Виленский обращает внимание, что именно российскому Магадану принадлежит сомнительная честь быть единственным городом в мире, где стоит памятник начальнику концлагеря.

Магадан начали строить в 1932-м при Эдуарде Берзине — первом начальнике Дальстроя — крупнейшего территориально-произ-

водственного комплекса ОГПУ—НКВД—МВД СССР⁵⁵. С.С.Виленский вспоминает, что Берзин слыл «либералом», хотя командовал тысячами присланных в Магадан заключенных. Множество из них в дальнейшем умерли от болезней и непосильного труда или были расстреляны. Но и Берзин попал в мясорубку террора, был арестован и расстрелян в 1937-м. Памятник этому «отцу-основателю» с 1982 года стоит на одной из площадей города. А 12 июня 1996-го в окрестностях Магадана — этой некогда страшной «столицы Колымского края» — открыли памятник жертвам сталинизма, «Маску скорби», созданную скульптором Эрнстом Неизвестным. Теперь, как отметил Виленский, два памятника «смотрят друг на друга, как Соловецкий камень и Лубянка в Москве»⁵⁶. Вот уж поистине ахматовские «две России».

РЕАБИЛИТАЦИЯ СТАЛИНСКИХ ПОДРУЧНЫХ

В 1998 году Верховный суд России принял к рассмотрению крайне противоречивые иски о реабилитации ряда сталинских подручных⁵⁷. Ягodu, Ежова, Берию, Абакумова арестовали, судили и расстреляли по таким же сфабрикованным обвинениям, какие сами они фабриковали против многих безвинных. Официальные обвинения, предъявленные некогда этим сталинским подручным, включали шпионаж, саботаж, «правый уклон», троцкизм, терроризм, измену Родине и прочие «антисоветские преступления». В действительности эти четверо были виновны во множестве совершенно иных — и тягчайших — преступлений.

Каждый из четверых причинил столь неизмеримое зло, что их имена стали нарицательными и в русском языке появились особые понятия — «бериевщина», «ежовщина». Каждый из них — палач, который совершал лично и приказывал совершать колоссальные преступления. Но при этом они вовсе не виновны как раз в тех деяниях, каковые им инкриминировали. Возможность их посмертной реабилитации поднимает сложный юридический вопрос для России, пытающейся строить правовое государство. Относительно пересмотра дела Берии настаивал в свое время С.А.Ковалев, мотивируя это тем, что «беззаконие нельзя исправлять беззаконием». Это так, но российское законодательство конца 1980—1990-х годов не предусматривало снисхождения к палачам. Эти законы создавались для восстановления чести безвинно пострадавших именно от рук сталинских палачей. Оправдание сталинских опричников фактически означало бы новое глумление над их жертвами. Российские правозащитники по-

лагают, кроме того, что подобные акции создали бы скверные прецеденты в стране, борющейся за установление демократии. В конечном счете Ежову в посмертной реабилитации отказали, но даже само предположение хотя бы о частичном его оправдании вызвало возмущение общественности. Верховный суд заключил, что Ежова нельзя рассматривать в качестве жертвы террора, им же и организованного. В реабилитации Берии в 2000-м отказано. Решено, что закон о реабилитации жертв политических репрессий к нему неприменим, поскольку он занимал «высокие посты в государстве» и организовывал «репрессии — геноцид против своего собственного народа». Абакумова реабилитировали частично. Дело Ягоды осталось открытым⁵⁸. Еще один высокопоставленный сталинский подручный из руководства госбезопасности, П.А.Судоплатов, добивался реабилитации несколько лет после освобождения в 1968-м из Владимирской тюрьмы, где, как «бериевец», отсидел 15 лет. В 1953 году его обвиняли в осуществлении «тайных убийств... людей с помощью яда». Он же доказывал, что «так называемые террористические акты на самом деле являлись боевыми операциями... по прямому приказу правительства». В 1992 году его, невзирая на наличие самых серьезных оснований не подвергать сомнению ранее вынесенный приговор, все же реабилитировали⁵⁹.

Анализируя проблему в газете «Известия», Б.Пиляцкий отмечал, что государство должно осознавать политические и моральные последствия того факта, что, согласно советскому уголовному законодательству 1930—1950-х годов, на основании которого должен производиться пересмотр дел этих четверых, они не виновны в государственных преступлениях. Однако эти оправдания противоречили бы «здравому смыслу, совести, памяти и исторической ответственности перед прошлым и будущим». Преуменьшая вину лубянской палачей, можно смыть кровь и с рук «генералиссимуса»⁶⁰.

Эти рассуждения показывают, насколько необходим российский «Нюрнбергский процесс». Суд, отдав должное природе сталинизма, мог бы «установить персональную вину главного организатора и вдохновителя геноцида против собственного народа, персональную меру ответственности его приспешников... и тех, кто выполнял приказы (вспомним постановление Международного военного трибунала в Нюрнберге, что выполнение преступного приказа не освобождает от ответственности его исполнителя)»⁶¹.

Часто употребляемая фраза «Сталин умер вчера», в сущности, означает, что построенная им система «не была выкорчевана, предана проклятью; это раковая опухоль нашего общества... Лозунги вроде „Слава Советскому государству“ на демонстрациях, портреты „вождя

народов“, ностальгия по „твердой руке“ свидетельствуют, что общество еще не излечилось от своей болезни»⁶², что угроза возврата к репрессивному режиму вполне реальна.

Критерии реабилитации ставят сложные вопросы. Правозащитники критикуют принятую в СССР и действующую в РФ процедуру реабилитации за признание правомерности законодательства сталинского времени. Ведь получается, что вынесенные тогда приговоры и сегодня оценивают с точки зрения их соответствия тогдашним законам. А значит, строго говоря, все, кто совершил какие-либо действия против советской системы, реабилитации не подлежат⁶³. И напротив, все, кто не совершал ничего против советского строя, могут быть реабилитированы, даже если, действуя по приказу руководителей советского государства, совершали чудовищные преступления.

«УЗАКОНЕННАЯ ПАМЯТЬ»

Те даты, что выбираются для официальных празднований и «узаконенной памяти», большей частью определяются господствующим направлением политических ветров. С 1995 года в Российской Федерации Указом Президента Ельцина ежегодно 20 декабря отмечают «День работников госбезопасности»⁶⁴. Это именно тот день, когда в 1917-м учредили зловещую ленинскую ВЧК — родоначальницу советской (и, выходит, нынешней российской) тайной полиции. Примечательно, что дату празднования годовщины создания столь кровавой организации узаконил президент, который заявлял о стремлении к демократии.

7 ноября — «день Октябрьской революции» — праздновался в России вплоть до последнего времени. Советские лидеры традиционно обращались к памяти об этой дате начала большевистского переворота, чтобы легитимизировать свою политическую власть. Демократический президент России Ельцин предложил именовать этот трагический день «Днем согласия и примирения»⁶⁵. Академик А.Н.Яковлев, председатель Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, возмущался: «С кем должны мы примиряться, с кем должны соглашаться? Примиряться с людьми, которые все еще боготворят Ленина и чествуют Сталина? Государство должно четко заявить, что с 1917 года страна страдала от преступного режима, что Ленин был убийцей, а Сталин был серийным убийцей. 7 ноября я мыслю как день скорби и покаяния»⁶⁶.

Предложение Ельцина, тем не менее, было узаконено. Это заставляет серьезно задуматься над политическими приоритетами ру-

ководителей постсоветской России, особенно учитывая, что мумия Ленина в мавзолее на Красной площади остается предметом поклонения, а рядом все еще стоит бюст Сталину. Государственная власть постсоветской России согласилась и примирилась с этим.

НЕПРИЗНАННАЯ ВИНА

В этой книге мы пытались рассмотреть вопросы, связанные с реабилитацией и реституцией — понятиями, которые Стивен Коэн точно определил как «официальные признания чудовищных официальных преступлений» (см. главу I). Мы выяснили, что противоречия и трудности процесса реабилитации являются прямым следствием невинных официальных признаний столь ужасной реальности. Проблема вины до сих пор должным образом в России не решена. Сошлемся на точку зрения сына расстрелянного «врага народа», чье детство прошло в казенных приютах. Сожалея, что виновных более нельзя карать, он настаивал, что их можно и должно разоблачать, равно как и злодеяния советской системы в целом: «Это сделали в Германии, делают в Южной Африке... Как можно считаться жертвой режима, который не был официально признан преступным?»⁶⁷

В этом и состоит сложность вопроса. Советский Союз и Советская Россия не могли обвинить собственный государственный строй. Но как насчет России нынешней? Хотя известный процесс 1992 года в Конституционном суде РФ мог быть использован для осуждения коммунистической системы, этого не произошло⁶⁸. С.А.Ковалев полагает, что, если бы тогда собрали независимых экспертов и устроили общенациональные или международные судебные слушания для правовой оценки сущности и деятельности КПСС, получилось бы нечто подобное Нюрнбергскому процессу: «КПСС объявили бы преступной организацией и запретили любую ее деятельность под любым возможным прежним или нынешним наименованием». Он убежден, что это было бы крайне полезно для молодой демократии⁶⁹. Выявленные в партийных архивах документы, которые, по словам Ковалева, «недвусмысленно свидетельствовали, что партия являлась главным организатором крупномасштабного террора против собственного народа», на процессе 1992 года отклонили под предлогом, что это «процесс не над историей».

Ковалев выступал на том судебном процессе свидетелем. Он указал на грубое нарушение законов со стороны КПСС, добавив, вместе с тем, что часть ответственности лежит на каждом. Впоследствии он очень удивился, когда бывший партийный функционер по-

благодарил его за «честное свидетельство коллективной ответственности»⁷⁰. Видимо, таким образом вина партии выглядела меньшей. Как известно, в последующие годы коммунисты в России оправились и даже превратились в самую массовую оппозиционную силу, когда ухудшающиеся экономические условия отварили массы от антисталинской ориентации.

По мнению лидера КПРФ Зюганова, ответственность за репрессии не лежит ни на нем, ни на его партии: «Мы — новое поколение. Мы не можем отвечать за ошибки прошлого». В ответ его оппоненты обоснованно заявляли: «50 миллионов жертв гражданской войны, коллективизации и репрессий голосуют против Зюганова»⁷¹.

Прокоммунистические настроения сопряжены с просталинскими. В опросе, предпринятом редакцией еженедельника «Аргументы и факты» в 1998 году, 34% из шести тысяч респондентов положительно оценили роль и личность Сталина⁷². «Сталин не „умер вчера“... он все еще жив», — прокомментировал это бывший сталинский политзаключенный, тогда 90-летний Лев Разгон⁷³.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАССЛЕДОВАНИЙ

В постсоветской России, похоже, склонны забывать о трагических сторонах советского прошлого или, по крайней мере, избегать воспоминаний о них. Согласимся, что на политическом уровне, расставив старые раны, можно не укрепить, но скорее подорвать строительство демократического общества. Продолжение или возобновление дискуссий о репрессиях в СССР затруднительно по меньшей мере по трем причинам: во-первых, многие жертвы и палачи уже отошли в мир иной; во-вторых, тоталитарный механизм действовал столь всеобъемлюще, что многие жертвы в какой-то степени, в свою очередь, являлись соучастниками преступлений; наконец, в-третьих, масштаб и длительность существования коммунистической диктатуры таковы, что процесс восстановления справедливости стал бы необъятным.

На социально-психологическом уровне широкие расследования тоже осложнены. По словам Л.Э.Разгона, в России «люди хотят избежать душевного дискомфорта» и возродить чувство национальной гордости⁷⁴. В российском обществе, и без того сегодня расколотом, навязывание правды о преступном характере режима, который представлял единственную систему ценностей для столь многих на протяжении большей части их жизни, может лишь усугубить раскол. Тем не менее, несмотря на все проблемы, связанные с «перетряхиванием»

тягостного прошлого, только понимание прежних ошибок может избавить от их повторения. В связи с этим чрезвычайно ценна деятельность Общества «Мемориал». Его сотрудникам удалось задокументировать десятки тысяч индивидуальных судеб репрессированных, заложить основы научного исследования истории массовых репрессий, террористической политики и практики советского государства.

К восьмидесятой годовщине большевистской революции было приурочено французское издание «Черной книги коммунизма»⁷⁵. Чтобы не было сомнений в преступной природе и практике коммунизма, в этом 800-страничном томе зафиксированы преступления коммунистических режимов СССР, «народно-демократических» и «социалистических» государств Европы, коммунистического Китая, Камбоджи, Северной Кореи, Вьетнама... Хотя эти режимы имеют национальные различия, факты свидетельствуют, что массовые убийства служили общим знаменателем.

Тяжелое наследие, обусловленное совершенными преступлениями против человечности, досталось от авторитарных режимов также и Аргентине, Чили, Южной Африке. Там приходится преодолевать последствия государственной тирании иного толка. ЮАР сделала свой выбор вслед за Аргентиной (1983) и Чили (1990). Новые правительства этих стран организовали комиссии «правды и примирения», которые обладали правом предоставления амнистии (от точного смысла слова «*amnestia*» — «предание забвению») преступникам на условиях полного признания вины. Цель проводимых там «публичных моральных спектаклей» заключается в достижении своего рода «коллективного катарсиса» и предании прошлого «вечному покою»⁷⁶. Неудивительно, что работа этих комиссий вызвала неоднозначную реакцию. Некоторые южноафриканцы, подобно россиянам 1980–1990-х годов, были шокированы правдой о размахе преступлений и негодовали, что палачи оставались безнаказанными. Пока одни испытывали шок и негодование, другие заново переживали свою боль. Обнажение правды не столько помогло излечению жертв, сколько растревожило старые раны⁷⁷.

Мировая пресса сегодня переполнена информацией о жертвах тоталитаризма XX века: тех, кто исчез в Аргентине и Чили, убит в Камбодже, уничтожен нацистским Холокостом, советскими репрессиями, маоистской «культурной революцией». Вокруг вопросов памяти и воздаяния еще кипят страсти. Так, более полувека спустя после Холокоста его жертвы и наследники жертв все еще добиваются возвращения конфискованной собственности, а также моральной компенсации. Лишь в 1998 году Рейхстаг Германии принял закон, который, действительно, предоставляет моральную реабилитацию час-

ти жертв нацизма — тем, кто безвинно пострадал от нацистских «народных трибуналов». И Япония все еще преодолевает последствия жестокостей времен милитаристской империи. В ходе официального визита императора Акихито в Великобританию в 1998 году произошел весьма показательный инцидент: британские ветераны, побывавшие в японском плену в годы Второй мировой войны, потребовали финансовой компенсации и личного извинения императора за издевательства, которым их некогда подвергли.

НОВЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ В ДОСТУПЕ К СТАРЫМ ДОКУМЕНТАМ

В России вновь переосмысливают историю. Этот очищающий процесс, к сожалению, все более осложняется в последние годы различными обстоятельствами — в том числе и тем, что многие раскрытые было архивные документальные исторические источники вновь закрываются для исследователей. Стремление к свободе информации — неотъемлемая часть борьбы с официальной амнезией. После августа 1991 года многие архивы, хранящие документы по истории советского государственного террора, по сути, впервые открылись для исследователей и членов семей репрессированных. Казалось бы, советская традиция всемерного ограничения доступа к документам уступает место новым подходам⁷⁸. В частности, при подготовке этой книги автору представилась возможность воспользоваться впервые рассекреченными документами Прокуратуры РСФСР и «Особой папки» Хрущева, хранящимися в ГАРФе, а также некоторыми документами из фондов центральных органов КПСС, которые находятся ныне в РГАСПИ и РГАНИ. Однако уже в 1997 году оказалось, что всего годом ранее вполне доступные в читальном зале РГАНИ документы Комитета партийного контроля, содержащие сведения о восстановлении в КПСС репрессированных партийцев, вновь закрыты для исследователей. И не только иностранцев.

Сотрудники «Мемориала» с тревогой отмечали эту тенденцию, проявлявшуюся повсеместно. Так, руководитель Красноярского «Мемориала» В.Сиротинин в статье, красноречиво озаглавленной «Гаснет свеча памяти», писал, что ему и его коллегам пришлось столкнуться с ограничениями доступа к документам во многих архивах. Он выражал сожаление, что определенные документы «придерживают», ссылаясь на псевдозаконные основания: «Закон об архивах» сформулирован очень хитро. Преамбула замечательная: любой российский гражданин или иностранец может ознакомиться с любыми документами, находящимися на государственном архивном хра-

нении... Но потом начинаются «но». Доступ к архивным фондам личного происхождения закрыт. Доступ к «архивным документам, содержащим информацию личного характера», — тоже закрыт. Объясняется это тем, что подобные материалы могут быть использованы злонамеренно. Обойти или оспорить эти правила невозможно. Кроме того, по мнению В.Сиротинина, в некоторых случаях доступ к документам ограничивается преднамеренно и целенаправленно, именно к тем, в которых речь идет о репрессиях⁷⁹.

Это подтверждает и Н.В.Петров — один из ведущих исследователей московского Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал». В начале 1990-х эксперт Конституционного суда по делу КПСС и Комиссии по архивам КПСС и КГБ, к настоящему времени — автор ряда трудов по истории советского карательно-репрессивного механизма, он предметно знаком с ситуацией, которая сложилась в сфере обеспечения доступа к историческим источникам по истории репрессий. Своего разочарования он не скрывает. Еще в интервью в 2000 года он констатировал: «Это... симптоматично, это и есть знамение нашего времени: начиная с середины 1990-х годов говорить о преступлениях советского режима стало немодным — не запрещено, но непопулярно. Власть, в частности, препятствует в доступе к архивам, которые содержат сведения об этих преступлениях... Приостановлен процесс рассекречивания документов, связанных с репрессиями. И это вопреки указу Ельцина, принятому еще в 1992 году, — о рассекречивании всех материалов, связанных с массовыми репрессиями. Указ есть, но не выполняют. Ничего не делают! Увы, к сожалению, и научно-историческая общественность, и общество в целом с этим мирятся»⁸⁰.

МУЗЕЙ В ПЕРМИ

Исследуя историю ГУЛАГа, Г.М.Иванова справедливо отметила резкий контраст между тем, как обходились на официальном уровне с памятью о репрессиях в Советском Союзе, и тем, что послевоенная Европа, стремясь разоблачить идеологию и практику фашизма, сделала концлагеря важным объектом внимания⁸¹. В России постсоветской появилась возможность сделать то же самое. Свидетельствует об этом превращение в музей одного из лагерей на Урале, примерно в двухстах километрах от Перми. Это печально известная «Пермь-36» — лагпункт, открытый в 1946 году, а затем «исправительно-трудовая колония», упраздненная лишь в декабре 1987-го⁸². Его

постройки — страшные следы недавнего прошлого России, безмолвные свидетели обвинения советского строя. Сегодня здесь под наблюдением «Мемориала» создан «Мемориальный музей истории политических репрессий и тоталитаризма в СССР: Пермь-36», или просто «Музей тоталитаризма». Комплекс стал памятником тем, кто погиб в СССР в результате репрессий. По выражению одного из западных журналистов, посетившего эти места в 1997 году, «для нации, склонной к забывчивости, музей — самый наглядный способ напомнить темные стороны коммунистической системы»⁸³.

Пермский проект осуществлялся при участии профессиональных историков. Это вызвало нарекания со стороны некоторых бывших узников, поскольку они считают, что, не пройдя ГУЛАГ, невозможно понять его до конца. Но лишь историки способны включить материалы экспозиции музея в общеисторический контекст. В.Шмыров, непосредственно возглавивший реставрационные работы, отмечает, что почти не сохранилось ни фильмов, ни фотографий, запечатлевших советскую тюремную систему: «В отличие от нацистов, которые гордились своими деяниями, наши правители знали, что гордиться нечем. Они скрывали, что творили»⁸⁴.

В пермских лагерях отбывали заключение и узники-диссиденты: Иосиф Бегун, Владимир Буковский, Сергей Ковалев, Натан Щаранский, Глеб Якунин, Анатолий Марченко, Василий Стус⁸⁵. Посетители музея могут войти в мрачные бараки и камеры, увидеть убогую одежду заключенных, тонкие одеяла, что выдавали им, невзирая на местные морозы, «рекреационные помещения» (в сущности, стальные клетки), бетонный карцер и почти первобытный нужник.

Сама Пермь тоже ничуть не меньше, а возможно, и больше, подходит на музей. Здесь, например, все еще сохраняются подчеркнуто советские названия. Один из бывших узников-диссидентов, которому справку о реабилитации выписали уже в 1994 году, иронично отметил: «Меня реабилитировали в городе Пермь, в Дзержинском районе, на Коммунистической улице. Этим все сказано»⁸⁶.

В 1998 году музей «Пермь-36» принял первых посетителей — организованные группы историков-специалистов, иностранных туристов, а также местных жителей. За первый год здесь побывали 1500 человек. Задачи музея во многом совпадают с общими задачами «Мемориала». Его сотрудники ведут исследовательскую, экспозиционную и просветительскую работу. Перспективный план музея предполагает осветить такие темы, как «Политическое заключение строгого режима», «Живые голоса ГУЛАГа», «Люди и власть в России». В экспозиции «Живые голоса» представлены подлинные вещественные памятники, отражающие репрессии сталинской эпохи. Их допол-

няют видеоряд и аудиозаписи воспоминаний жертв и очевидцев репрессий.

Средства для музея дают сегодня местная областная администрация и предприниматели, но начиналась работа на предоставленные гранты — Фонда Форда, ТАСИС, Института «Открытое общество» (Фонда Сороса) и Фонда развития еврейской общины. Короткое время были доходы от бывшей лагерной лесопилки, восстановленной «Мемориалом» (именно на ней работал в заключении С.А.Ковалев). Перечень лиц, участвующих в Пермском проекте, подобен справочнику «Кто есть кто» среди бывших советских политзаключенных. В Москве это Л.М.Тимофеев, А.Б.Рогинский, А.Ю.Даниэль, С.А.Ковалев и С.С.Виленский. В Попечительский совет входят также В.К.Буковский и А.И.Солженицын⁸⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Из выступления С.С.Виленского 7 октября 1997 г. в ИРИ РАН на презентации книги Г.М.Ивановой «ГУЛАГ в системе тоталитарного государства».
2. *Шубин А.В.* От «застоя» к реформам. С. 424–426. См. также: *Malko S. Sergej Kowaljow: Een Gerzenpenning voor «de tweede Sacharov» // Vrij Nederland.* 1998. 14 March.
3. Запись интервью автора с С.А.Ковалевым 14 апреля 1998 г.
4. См.: *Kowaljow S.* Der Flug des weissen Raben: Von Sibirien nach Tschetschenien: Eine Lebensreise. Berlin, 1997. P. 222. Эта автобиография написана откровенно и с юмором.
5. *Ковалев С.А.* Какие мы демократы — такая у нас и демократия // *Известия.* 1998. 14 апреля.
6. Подробные биографические справки см.: *Василевский А., Прибыловский В.* Кто есть кто в российской политике: 300 биографий. Т. 2. М., 1993. С. 274–276; Федеральная элита: Кто есть кто в политике и экономике / Ред.-сост. А.А.Мухин. М., 1999. С. 346–347; *Шубин А.В.* От «застоя» к реформам. С. 425–426.
7. Запись интервью автора с С.А.Ковалевым 14 апреля 1998 г.
8. *Kowaljow S.* Der Flug des weissen Raben. P. 34.
9. *Ibidem.* P. 36–37.
10. *Ibidem.* P. 108.
11. *Ibidem.* P. 55–56.
12. *Ibidem.* P. 96–99. Пока Ковалев отбывал свой срок в лагере в Перми, его сын Иван стал активистом правозащитного движения и тоже оказался в лагере.

13. Ibidem. P. 114.
14. Запись интервью автора с С.А.Ковалевым 14 апреля 1998 г.
15. Законодательные меры и практику недопущения в аппарат управления тех или иных категорий лиц по политическим или идеологическим мотивам (люстрацию) в бывших социалистических странах Восточной Европы в начале 1990-х западные авторы именовали «ритуальным очищением» (см., напр.: *Garton Ash T. The Truth About Dictatorship // New York Review of Books. 1998. 19 Feb. P. 37–38; Bronkhorst D. Truth and Reconciliation: Obstacles and opportunities for human rights. Amsterdam, 1995. P. 78*). В Восточной Германии и Чехии в 1990-х люстрация привела к отстранению от государственной службы значительного числа лиц, которые состояли в штате или сотрудничали со службами госбезопасности коммунистических режимов этих стран. О процессе и результатах люстрации в Чехии см., напр., интервью бывшего председателя Комиссии по люстрации при МВД Чешской Республики Я.Башты: *Воронов В. Служба без опасности // Ежедневный журнал. 2004. № 27. С. 38–40*.
16. *Марченко А.Т. Мои показания: Главы из книги // Новый мир. 1989. № 4. С. 16; См. также: Schmemmann S. A Hometown Shrine to Stalin Pulls in the Tourists // New York Times. 1982. 8 July; Davies R.W. Soviet History in the Eltsin Era. Lnd, 1997. P. 212–213; Legal Official Praises Soviet Penal System // Political and Social Affairs. 1985. 17 Dec.*
17. *Kowaljow S. Der Flug des weissen Raben. P. 107.*
18. Запись интервью автора с А.Б.Рогинским 26 апреля 1996 г.
19. Я сталкивалась с этим феноменом в ходе многочисленных интервью в середине — второй половине 1990-х. Вопреки моим настойчивым попыткам повести разговор о жизни после освобождения бывшие заключенные стремились рассказать о самом заточении. Когда же, наконец, доходило до воспоминаний об обстоятельствах возвращения в общество, их рассказы оказывались неисчерпаемы.
20. *Смагленко Е.П. Воспоминания // Архив Общества «Мемориал».*
21. См.: *Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти, 1945–1991. М., 1998. С. 492–494.*
22. Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. С. 15.
23. *Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: Революция продолжается: Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС на торжественном заседании, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, 2 ноября 1987 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 212.*
24. См. об этом, напр.: *Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2: Апогей и крах сталинизма. М., 1997. С. 554–555.*
25. Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. С. 16. [Постановление Политбюро ЦК КПСС от 11.07.88 «О дополнительных мерах по завершению работы, связанной с реабилитацией лиц, необоснованно репрессированных в 30–40-е годы и начале 50-х годов»].
26. См.: Там же. С. 17. [Постановление Политбюро ЦК КПСС от 11.10.88 «Об изменениях в составе Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению

материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов»].

27. См.: Федеральная элита: Кто есть кто в политике и экономике. С. 765–767.
28. Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. С. 17–18. [Постановление Политбюро ЦК КПСС от 5.01.89 «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов»].
29. О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов // Ведомости Верховного Совета СССР. 1989. № 3. Ст. 19.
30. О ходе выполнения Постановлений ЦК КПСС от 11 июля 1988 г. и 5 января 1989 г. по вопросам реабилитации лиц, необоснованно репрессированных в 30–40-х и начале 50-х годов // Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. С. 328–332.
31. Там же. С. 328.
32. Подсчитано на основании: *Тимошин В.Л.* Обращения и заявления граждан по вопросам реабилитации жертв политических репрессий как исторический источник по изучению менталитета российского общества: По материалам Управления ФСБ РФ по г. Москве и Московской области: Дипломное исследование, защищенное в РГГУ. М., 1997. С. 33. Автор, сотрудник Службы регистрации и архивных фондов УФСБ по Москве и Московской области со ссылкой на ведомственную документацию сообщает, что «в течение 1988–1989 гг. по заключениям органов госбезопасности прокуратурой и судами реабилитированы 844 740 граждан». За вычетом указанного в Постановлении Секретариата ЦК КПСС от 7.07.90 числа реабилитированных в 1989 г. получаем 6110 человек, реабилитированных в 1988 г.
33. См.: Там же. С. 33, 34, 38, 44.
34. См.: Там же. С. 44, 45.
35. Цит. по: *Баландина Л.* В очереди за оправданием // Московские новости. 1996. № 12. С. 14.
36. *Herschberg S.* De gijzelaars van het Russische hoge noorden // Vrij Nederland. 1999. 5 June. P. 34.
37. Еще тысячи дел ждут своей очереди // Бурятия. 1996. 12 декабря.
38. Этому посвящены многочисленные статьи, а также и адресованные в «Мемориал» письма.
39. Цит. по: *Тимошин В.Л.* Обращения и заявления граждан по вопросам реабилитации жертв политических репрессий... С. 62–63.
40. Основные аспекты реабилитации депортированных этнических групп затронуты, в частности, в кн.: *Полян П.М.* Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 156–188.

41. «Punished Peoples» of the Soviet Union: The Continuing Legacy of Stalin's Deportations // A Helsinki Watch Report. N.Y., 1991. P. 6.
42. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1989. № 23. Ст. 449.
43. Там же. 1991. № 11. Ст. 302.
44. Подсчитано по: История российских немцев в документах / Сост. В.А.Ауман, В.Г.Чеботарева. Т. 1. М., 1993. С. 359–394.
45. Подробно об этом см.: *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики, 90-е годы XX века. М., 2004. С. 169–199.
46. См.: *Архипова Т.Г.* Государственность современной России. М., 2003. С. 234–237.
47. См.: *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Северный Кавказ... С. 169.
48. Там же. С. 173, 174, 198.
49. Там же. С. 198; см. также с. 180–188.
50. См., напр.: *Schmemmann S.* German? Yes, and a Touch Russian // *New York Times*. 1987. 3 July; *Kreindler I.* The Soviet Deported Nationalities: A Summary and an Update // *Soviet Studies*. Vol.XXXVIII. 1986. № 3. P. 387–405.
51. Информационный бюллетень / Орган Рабочей коллегии Международного историко-просветительского и благотворительного общества «Мемориал». Вып. 1. М., 1998. См. также, напр.: Жертвы политических репрессий протестуют // *Независимая газета*. 1998. 3 марта; Письма // *Московские новости*. 1998. 1 марта.
52. *Московские новости*. 1998. 1 марта.
53. *Москвичи в ГУЛАГе*. М., 1996. С. 51–128.
54. См.: *Головкова Л.* Предисловие // *Бутовский полигон: Книга памяти жертв политических репрессий*. [Вып. 1]. М., 1997. С. 5–30; *Поляна над котлованом смерти // Русская мысль*. 1997. 25 декабря; *De Lange V., Boersema W.* Terreurmachine na decennialange zwijgen in kaart gebracht // *Trouw*. 1998. 9 Feb.
55. Подробнее о роли Э.П.Берзина в создании ГУЛАГа см.: *Шаламов В.Т.* Берзин: Схема очерка-романа // *Воспоминания*. С. 261–274; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 117–118, 120; *Nordlander D.J.* Origins of a Gulag Capital: Magadan and Stalinist Control in the Early 1930 s. // *Slavic Review*. Vol. 57. 1998. № 4. P. 797–808.
56. *Виленский С.С.* Маска скорби // *Воля*. 1997. № 6/7. С. 9–14.
57. См. об этом, напр.: *Lanting B.* Stalins beulen worden weillicht gerehabiliteerd // *De Volkskrant*. 1998. 6 May.
58. *Пиляцкин Б.* Реабилитация ГУЛАГа: Пересмотрено дело сталинского министра Абакумова. На очереди — дело наркома Ежова // *Известия*. 1998. 28 апреля; *Lanting B.* Geen postuum eerherstel voor beul van Stalin // *De Volkskrant*. 1998. 5 June; *D'Hamecourt P.* Geen rehabilitatie voor Stalin — beul // *Algemeen Dagblad*. 1998. 5 June; *Пиляцкин Б.* «Враг народа» Ежов остается врагом народа // *Известия*. 1998. 4 и 5

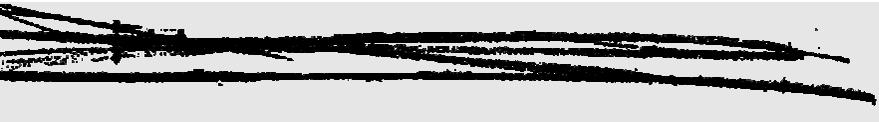
июня; Министра госбезопасности СССР Абакумова расстреляли незаконно: его нужно было посадить на 25 лет // Коммерсант-Daily. 1998. 28 февраля. По словам сотрудника Генеральной прокуратуры РФ, имеется официальный перечень бывших сотрудников НКВД, не подлежащих реабилитации. Если соответствующий нормативно-правовой акт и существует, то общественность на сей счет все еще не проинформирована. Об этом свидетельствуют яростные дебаты по вопросу реабилитации сталинских подручных. См.: *Карпушев А.* Когда истина торжествует // Труд. 1999. 26 января.

59. *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 457. О личной причастности Судоплатова к репрессиям см.: *Егерева Е.* Мемуары «главного диверсанта и террориста Советского Союза» как слово в защиту собственной реабилитации: Законна ли она? // Новое время. 1996. № 39. С. 40–42; Реабилитация: как это было. Т. 2. С. 499–500 [Записка отдела административных органов ЦК КПСС от 20.06.66. об отказе в реабилитации П.А.Судоплатова и Н.И.Эйтингона]; *Jansen M., De Jong B., Petrov N., Kasatkina T.* Attempts are Being Made to Get It from KGB Archives: The Truth About Beria's Secret Laboratories // Moscow News. 1990. № 39.
60. *Пиляцкий Б.* Реабилитация ГУЛАГа.
61. Там же.
62. *Жирнов Е.* Писан ли закон товарищу Берии? // Труд. 2000. 6 июня; см. также: *Лесков С.* Он не был шпионом, он был палачом // Известия. 2000. 30 мая.
63. Взять, к примеру, нелояльных советскому режиму граждан восточноевропейских стран. Многим из них до сих пор отказано в реабилитации и компенсации, хотя по прошествии времени их антисоветская позиция по большому счету стала законной. (См. об этом, напр.: *Perlez J.* Eastern Europeans Keep Ex-U.S. Spies in the Cold // The New York Times. 1998. 22 Jan.).
64. Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 52. С. 17.
65. См., напр.: О Дне согласия и примирения // Российская газета. 1996. 10 ноября.
66. *Яковлев А.* Без памяти и культуры нам ответов не найти // Российская газета. 1997. 29 мая.
67. Цит. по: *D'Hamecourt P.* Stille getuigen.
68. Имеется в виду проходивший с 26 мая по 30 ноября 1992 г. в Конституционном суде РФ процесс по иску КППРФ о проверке конституционности Указов Президента РФ от 23 августа 1991 г. «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР», от 25 августа 1991 г. «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР», от 6 ноября 1991 г. «О деятельности КПСС и КП РСФСР», а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР. Наиболее ярко о ходе и удручающей безрезультатности этого судебного процесса глазами представителей обеих противоборствующих сторон см.: *Буковский В.* Московский процесс. М., 1996; *Рудинский Ф.М.* «Дело КПСС» в Конституционном суде: Записки участника процесса. М., 1999.
69. Запись интервью автора с С.А.Ковалевым 14 апреля 1998 г.

70. Цит. по: *Kowaljow S.* Der Flug des weissen Raben. P. 141—142.
71. *Nagorski A.* Repressed Nightmare // *Newsweek.* 19 Febr. P. 18.
72. Сталин — кандидат с того света // *Аргументы и факты.* 1998. № 10.
73. Цит. по: *Лацис О.* Лев Разгон: «Я напиваюсь каждый год пятого марта» // *Новые Известия.* 1998. 1 апреля.
74. Там же.
75. *Courtois S. et al.* Le Livre Noir du Communisme. Paris, 1997. На русском языке «Черная книга коммунизма» издана в Москве в 1999 г.
76. *Garton-Ash T.* The Truth About Dictatorship. P. 38. См. также: *Daley S.* South Africa Gambles on Truth, Not Justice // *International Herald Tribune.* 1996. 28 Oct.
77. *Lewis A.* In South Africa, the Truth Sets Free the Torturers // *International Herald Tribune.* 1998. 8—9 Feb.; *Daley S.* In Apartheid Inquiry, Many Only Relived the Pain // *International Herald Tribune.* 1997. 18 July.
78. О начале дискуссий относительно рассекречивания архивов см., напр.: *Козлов В.П.* «Публичность» российских архивов и проблема рассекречивания архивных документов // *Вестник архивиста.* 1994. № 1. С. 43—50. Позиция ФСБ изложена, в частности, в интервью зам. начальника Управления регистрации и архивных фондов В.К.Виноградова (*Отечественные архивы.* 1997. № 4. С. 25—34).
79. *Сиротинин В.* Гаснет свеча памяти: Почему снова становится нелегким доступ к гбэшным архивам? // *Независимая газета.* 1998. 24 марта. См. также, напр.: *Тарасов А.* Вечный раб: Правда о 37-м годе вновь засекречивается // *Известия.* 1997. 6 сентября; *Yeltssin Releasing Papers From Stalin Era* // *New York Times.* 1998. 1 Apr.
80. Цит. по: *Воронов В.* Дело Бери: спустя полвека // *Новое время.* 2000. № 22. С. 18. См. также обстоятельный анализ противоречивого и во многом попятного процесса «рассекречивания» в статье: *Петров Н.В.* Десятилетие архивных реформ в России // *Досье на цензуру («Индекс»).* 2001. № 14. С. 18—33.
81. *Иванова Г.М.* ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. С. 213.
82. Уже в конце 1920-х Северо-Западное Приуралье стало прообразом будущей лагерной Колымы. Именно здесь — в суровом Коми-крае на безлюдных берегах северных Ухты и Печоры — ОГПУ в 1929 г. развернуло первый лагерь на десять тысяч заключенных — «Севлон» (Северный лагерь особого назначения). Всего лишь за первый год работы численность его «населения» увеличили впятеро. См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 379—380; *Клюев Е.* Там, где зона была, сегодня — музей // *НГ-Регионы.* 1998. № 10.
83. *Stanley A.* The Ghosts of Russia's Past // *International Herald Tribune.* 1997. 30 Oct.
84. О проблемах реформирования современной российской уголовно-исполнительной системы, которая включает 1068 мест лишения свободы, где содержатся свыше одного миллиона различных категорий заключенных, см.: *Иванова Г.М.* ГУЛАГ ушел, зона осталась // *ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои / Под ред. И.В.Добровольского. Франкфурт-на-Майне, 2001. С. 107—115; Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В.Д.* Пенитенциарные учреждения в системе Министерства ю-

тиции России: История и современность. М., 1998. С. 67–107, 123–145. См. также доклад Франка Вестермана (*Westerman F. Gekoooid in Gevangenis Nummer 1: De moeizame hervorming van de Goelag gevangnissen in Siberie // NRC Handelsblad. 1997. 20 Sept.*) о его поездке в Красноярскую тюрьму. Он рассказывает, в частности, о Центре социальной адаптации бывших заключенных. Встреченные им там мужчины в результате ненормально длительных сроков заключения пришли в состояние «зомби». Центр обеспечивает их питанием, жильем, консультациями, помогает найти работу и содействует в розыске членов семей.

85. Об истории пермских лагерей и колоний, о том, кто из заключенных в них побывал, см.: Информационный бюллетень Пермского областного отделения Всероссийского добровольного правозащитного историко-просветительского общества «Мемориал». Пермь, 1998. № 4.
86. *Nagorski A. Back to the GULAG // Newsweek. 1995. 25 Sept.*
87. В начале 1990-х небольшой музей открыли на Соловках. Один из залов Магаданского краеведческого музея тоже отведен ГУЛАГу. Его экспозиция включает фотографии начальников лагерей, копии приказов о казнях, примитивные орудия труда рабов-заключенных. В мае 2004 г. по инициативе А.В.Антонова-Овсеенко музей ГУЛАГа открыт и в центре Москвы. (См.: *Бонч-Бруевич В. Открытие музея // Литературная газета. 2004. 2–8 июня. С. 13).*

Вопрос о бывших политзаключенных, возвращающихся в общество, — один из ключевых для понимания сущности десталинизации и самой советской системы. В этой книге мы попытались проследить весь путь, пройденный теми, кто возвращался из лагерей, — от последних лет Сталина через годы правлений Хрущева и Брежнева до Горбачева. Мы также обратились к вопросам, которые возникли уже в постсоветскую эпоху. Это дало возможность увидеть достаточно последовательные тенденции в отношении жертв советского государственного террора.

Усилия бывших политзаключенных, направленные на то, чтобы приспособиться к обществу, в которое они возвращались, и стать его полноправными членами, в большинстве своем наталкивались на различные препятствия, чинимые официальными инстанциями, а также порождаемые отношением со стороны большинства частных лиц и даже родственников. Все это усугублялось собственными психологическими проблемами тех, кто прошел ГУЛАГ. Воссоединение с семьями происходило чрезвычайно трудно, поскольку долгий срок заключения одного из супругов необратимо изменял их обоих. Сложно было найти работу и не менее сложно ее сохранить. Трудоустройство бывшего политзаключенного неизменно зависело от перемен в общем политическом климате страны. Это же относилось и к жилью, и, наконец, к самой реабилитации.

Многим бывшим политзаключенным пришлось ожидать официальной реабилитации четыре десятилетия. На протяжении всех этих лет им приходилось неоднократно сталкиваться с бездушием и жестокостью консервативно-реакционного большинства советской бюрократии. Тщетные попытки обрести социальный и правовой статус, равный тому, каким обладали граждане, не подвергавшиеся репрессиям, приводили к ощущению неизбежной несправедливости. Известный поэт и общественный деятель Е.А.Евтушенко, отвечая на вопрос о положении бывших советских политзаключенных, сослался на их же собственные слова о «второсортности». «За исключением, пожалуй, Сергея Ковалева, — сказал он, — очень мало кто из них дос-

тиг высокого положения — и посмотрите, как пытались ославить Ковалева, когда он оказался наверху»¹.

В незаконченном споре, можно ли относить советскую систему к числу тоталитарных, опыт возвращения бывших сталинских политэзков прекрасно иллюстрирует, насколько эта система была тоталитарна — на любых своих уровнях, в любых проявлениях. Так как она основывалась на репрессиях, полностью адаптировалась к ним и утаивала их масштабы из соображений самосохранения, десталинизация на всех этапах неизменно оказывалась косметической. Это долгое время выражалось и в официальном, и в распространенном личностном отношении к жертвам репрессий.

Сам факт наличия политзаключенных, со всей очевидностью обнаженный их массовым возвращением из мест заключения, дискредитировал советскую систему. Но к подрыву, а затем и краху привели ее не эки сталинской эпохи и не диссиденты. Роль могильщика советского строя сыграла сама же партийно-государственная номенклатура — этот правящий класс советского общества. Оказавшись в тисках экономического кризиса и в международной изоляции, верхушка номенклатуры была вынуждена в интересах самосохранения начать изменения политической системы СССР, пытаясь укрепить свое положение в стране и за рубежом. Но это, как и предсказывали многие, не дало устойчивых положительных результатов. А.Н.Яковлев, например, еще в 1987 году заключил: «Здание изнутри прогнило в своих наиболее важных частях», необходим новый фундамент².

Когда в СССР начались публичные дискуссии о политических репрессиях, ни явные, ни скрытые попытки обструкции уже не могли остановить накатывающийся вал разоблачений. Масса свидетельств о систематических репрессиях достаточно определенно характеризовала основы советской власти и ставила под вопрос самую ее легитимность. Партийно-государственное руководство, если даже и стремилось к реформам, оказалось неподготовленным к этому, поскольку все еще намеревалось сохранить советский строй. КПСС до самой своей кончины так и не признала даже моральной ответственности за репрессии. Вопрос ответственности остался нерешенным и по сей день.

Если постсоветская Россия действительно пытается постепенно идти к демократии и уже заявленной «диктатуре закона», ее руководителям предстоит выбрать один из трех известных вариантов обращения с опасным прошлым — в данном случае с отталкивающей историей ГУЛАГа: либо ничего не предпринимать сверх того, что уже сделано; либо обеспечить полномасштабное судебное разбирательст-

во (с обвиняемыми всех рангов); либо, наконец, организовать нечто подобное южноафриканским «комиссиям правды и примирения».

Однако со времен Хрущева в России шли (и, вероятно, продолжают идти) неким четвертым путем — неизведанным и непредсказуемым³. Этот «истинно русский» путь заслуживает внимания уже хотя бы из-за своеобычности направления. Кому-нибудь и когда-нибудь приходилось, скажем, заботиться о «реабилитации» жертв нацистского террора? Нет! Сам режим признали преступным. На Западе будут преследовать по суду даже девяностолетнего нациста, поскольку не ограничен срок давности для наказания за преступления против человечности.

Не так обстоит дело в России. Например, хотя еще по крайней мере в конце 1990-х были живы и достаточно известны лица, чье непосредственное участие в массовых казнях удостоверялось документально, в возбуждении против них уголовных дел отказывали: «слишком давно» (в 1930–1950-е годы) совершены преступления⁴. Кроме того, подлинная реабилитация должна бы, устанавливая чью-то невиновность, указывать и тех, кто повинен в преследовании этих невиновных. Акт реабилитации во всех случаях оговора, фальсификации следственных материалов, необоснованности судебных (и любых внесудебных) приговоров должен предусматривать и принятие соответствующих санкций в отношении конкретных участников этих преступных деяний. Таким образом, при реабилитации невиновного необходимо одновременно покарать или хотя бы установить и разоблачить действительно виновных.

Но реабилитация по-русски (как она практикуется по сей день) проводится в духе принесения извинений жертвам советских репрессий. Не более. К тому же тех, кто восставал против советского строя, — например, участников Норильского восстания, — хотя и реабилитировали, но героями сопротивления преступному режиму не признали, как официально не признан преступным и советский режим.

Со времени первых реабилитаций 1954 года прошло полвека, а все еще не завершены выплаты жалких компенсаций. Не похоже, чтобы традиционный советский подход к «восстановлению справедливости» претерпевал существенные изменения. Видимо, этот способ ведения реабилитации «ни шатко, ни валко» вполне устраивает современное российское руководство именно постольку, поскольку не задевает никого из власть имущих.

В начале третьего тысячелетия Россия все еще далека от демократии. В 2000 году в преддверии парламентских выборов бывшие советские диссиденты в своем обращении к избирателям — гражд-

данам России предостерегали, что в обстановке насаждения модернизированного сталинизма выборы превращаются в фарс. Они отмечали уже вполне заменивший прежнюю цензуру контроль власти над средствами массовой информации и указывали на плоды этого — в частности, клеветнические кампании против любых серьезных оппонентов Кремля. По их мнению, растущий в России авторитаризм чреват не только фальсификацией результатов выборов, но и неизбежным увеличением военных расходов, поощрением ксенофобии и шовинизма. Уже налицо беспрецедентный рост влияния ФСБ, которая без стеснения демонстрирует кровное родство со своими одиозными предшественниками — ВЧК—НКВД—КГБ. То, что Президент России В.В.Путин лично возложил венок на могилу Андропова и инициировал восстановление его мемориальной доски на фасаде центрального здания ФСБ, — жесты недвусмысленные. Это не может не внушать самых серьезных опасений, ведь почитаемый таким образом на высшем государственном уровне персонаж даже не просто один из череды руководителей советской тайной полиции. Именно он, опираясь на аппарат КГБ, готовил советское вторжение в Афганистан в 1979 году. Именно под его непосредственным руководством КГБ изощрялся в преследовании инакомыслящих, в том числе и священников всех конфессий и верующих-мирян. Именно он инициировал широкое внедрение изуверских «психиатрических» методов в практику советских политических репрессий...⁵

Л.Э.Разгон — видный общественный деятель и глубокий мыслитель, перенесший на собственном опыте все бури российского XX столетия, в том числе и ГУЛАГ, где провел 17 лет, — в 1998 году предупреждал, что чаемые изменения в России неизбежно будут медленными и трудными: слишком уж долго формировались российский менталитет и политические традиции. Причем, по его мнению, одной из самых традиционных, глубоко въевшихся и прискорбных особенностей российской жизни является попрание достоинства личности. Это и подлежит первоочередному искоренению. Но прежде должно смениться поколение, а то и не одно. Гражданам России предстоит мучительно изживать последствия долгого рабства, подобно тому, как соплеменникам библейского Моисея пришлось сорок лет освобождаться в Синайской пустыне от последствий плена египетского, чтобы стать достойными Земли Обетованной⁶. И, тем не менее, девяностолетний Разгон с оптимизмом заключал: «Моя надежда на тех, кто идет сейчас в первый класс»⁷.

Действительно, те, кому сегодня по шесть-семь лет, родились и живут уже в стране, провозгласившей стремление строить демократи-

ческое общество. Этому поколению предстоит жить и руководить страной ровно через столетие после сталинских репрессий. Им будет принадлежать право распорядиться памятью об этом ужасном прошлом.

Но для начала эту память необходимо сохранить, не искажая. Бывшие политзаключенные сталинских времен — уходящее поколение. Большую часть жизни им пришлось провести в положении ошельмованных, скрывая свое прошлое, подлаживаясь — вольно или невольно — к требованиям государства, которое не желало ни знать, ни сохранять подлинную историческую память.

За Большим террором 1930-х — начала 1950-х годов последовало Трудное Возвращение тех, кому удалось уцелеть под его ударами. Возвращение это длилось слишком долго и во многом не завершилось по сей день. И вот теперь — в начале 2000-х — появились признаки того, что возвращение жертв репрессий может смениться возвращением системы, подобной той, что их репрессировала. Поэтому столь важно и даже необходимо, чтобы воспоминания о пережитом заключенными сталинской эпохи, рассказы их детей, опыт сопротивления диссидентов не канули в забвение, не рассеялись, но сохранились в коллективной памяти народа. Собrania документов и архивные фонды, содержащие эти обвинения советскому тоталитаризму, должны быть отнесены к числу тех, что действительно надлежит *хранить вечно*. Правда о судьбах жертв советского государственного террора должна стать гарантией невозможности возвращения в Россию репрессивной системы, под какой бы вывеской ее ни пытались возродить.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Запись беседы автора с Е.А.Евтушенко в клубе «Правда» в Нью-Йорке, октябрь 1999 г.
2. Цит. в переводе по: *Ellman M., Kontorovich V. Memoirs and the Soviet Collapse // Europe-Asia Studies. Vol. 46. 1994. № 8. P. 270–271.*
3. Приношу благодарность профессору G.O.W.Muller, побудившему меня специально рассмотреть это обстоятельство.
4. См. об этом, напр.: *Стецовский Ю.И. История советских репрессий. Т. 2. С. 361; Миндлин М. Анфас и профиль. М., 1999. С. 10–11.*
5. См. об этом, напр.: *Воронов В.В. Служба. М., 2004. С. 82–92.*
6. Ср. с тем, что доказывал Томас Кун (*Kuhn T. The Structure of Scientific Revolution. Chicago, 1962*). По его мнению, новые теории получают распространение не

столько из-за своей научной привлекательности, сколько потому, что вымирают приверженцы теории предыдущей.

7. *Гохман М.* Юбилей Льва Разгона: Писателю, общественному деятелю, автору и другу «МН» исполняется 90 лет // *Московские новости*. 1998. 29 марта. См. также: *Коловская Е.* Лев Разгон: Общество забывает, что был 37-й год // *Известия*. 1998. 1 апреля; *Полищук Р.Е.* С Разгоном о Разгоне: Беседы; Раздумья; Воспоминания. М., 2000; *Razgon L.* True Stories. Lnd., 1997; *Bukalov A.* Stories from the Other World: At the Trial of History Lev Razgon will be one of the best witnesses for the prosecution // *New Times*. 1998. May. P. 62.

Юное поколение россиян, сосредоточенное на будущем, все более и более отдаляется от советского прошлого. В 1995 г. я была приглашена прочитать лекцию студентам первого курса факультета истории, политологии и права РГГУ — о том, что пришлось пережить возвратившимся из сталинских лагерей, и с удивлением обнаружила: никто в аудитории практически ничего не знал об этом, не знал даже, пострадал ли кто-нибудь из членов его собственной семьи во время террора. Правда, один студент сказал, что его дедушка служил в НКВД.

Пролог	5
Благодарности	6
Предисловие к русскому изданию.	7
Глава I. Определение параметров	11
Глава II. Накануне свободы: 1947–1953	67
Глава III. Неискоренимые привычки советской власти: 1953–1957	95
Глава IV. Эхо репрессий	143
Глава V. Возвращение: декларации и реальность. До и после XX съезда КПСС	187
Глава VI. Влияние репрессий на узников и власть	237
Глава VII. Второе возвращение: 1980–1990	275
Заключение	312

Нэнси Адлер

ТРУДНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Судьбы советских политзаключенных в 1950–1990-е годы

Перевод с английского *С.Я. Крушельницкой*

Редакторы *Л.С. Еремина, А.Ю. Морозова*

Художник *А.А. Кулаков*

Оператор компьютерной верстки *Д.А. Глазков*

Корректор *Г.В. Заславская*

Подписано в печать 26.09.2005. Формат 60×90/16

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 20,0. Тираж 1020. Заказ №

Отпечатано в ООО «Информполиграф»

Общество «Мемориал» — Издательство «Звенья»

127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12

ISBN 578700083-8

9 785787 000832

4 октября 2016 года Минюст РФ внес
Международный Мемориал в реестр
«некоммерческих организаций, выполняющих
функцию иностранного агента».